

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Вид

~~32.0/25~~

Now published

ОЧЕРКЪ ^{32.0/25}

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

МАЛУРУССКАГО НАРЪЧІЯ

ВЪ ХVІІ И ХVІІІ ВВ.

авел (Игнатіевъ) Житецкаго
Л. ЖИТЕЦКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание „Кіевской Старины“.

Изд. в „Кіевск. Старинѣ“

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1889.

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

МАЛУРУССКАГО РЪЧІА

ВЪ XVII ВѢКѢ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СЛОВАРЯ КНИЖНОЙ МАЛУРУССКОЙ РЪЧИ

ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

Pavel (Dimitrievich) Zhitovskii.

КИЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4

1889.

328/25

Part of the Library
Gift of
Archibald ... Ph. D.
October 31, 1895.

Дозволено цензур. Київ, 9-го Декабря 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII в.

	СТРАН.
I.	
Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.— Недовѣріе къ „латинской наукѣ“ со стороны народа и православнаго духовенства.— Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.— Признаніе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни.	1—15.
II.	
Славянская грамматика Мелегія Смотрицкаго.— Задачи автора.— Идея „чистаго“ славянскаго языка.— Грамматическая регламентація.— Фиктивные формы славянскаго языка.— Начало словопроизводства.— Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору.	16—27.
III.	
Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.— Фиктивные архаизмы, не соответствующіе церковнославянскимъ.— Подлинныя архаизмы подражательнаго происхожденія.— Стилистическое значеніе церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности	27—36.

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.	
<i>Славенороссій лексиконъ</i> Памвы Берянды.— Составъ лексикона.— Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.— Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣ-	

II

СТРАН.

чіями малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отноше-
неніи.— Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорус-
скомъ, малорусскомъ и польскомъ.— Спрягаемое причастіе
на *лз* съ глагольнымъ корнемъ *ѣс*.— Дѣйствительные по-
лонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в. 37—51.

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной
малорусской рѣчи XVII в.— Черты малорусскаго нарѣ-
чія, сходныя съ церковно-славянскими.— Звуки гласные
и согласные.— Формы имени существительнаго. Глаголь-
ныя формы. 52—72.

III.

Общерусскіе звуки и формы.— Звуки гласные и со-
гласные.— Формы имени существительнаго.— Глагольныя
формы. 73—115.

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ
церковно-славянскому и великорусскому.— Звуки гласные
и согласные.— Формы имени существительнаго.— Глаголь-
ныя формы. 116—136.

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами
книжной малорусской рѣчи XVII в.— Стилистическія осо-
бенности ея: проза историческая и ораторская. 137—146.

Схоластическая наука на южнорусской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Національное самосознаніе въ эпоху „Руины“.—
Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—
Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутрен-
ней жизни.— Всесловный характеръ кіево-могилянскій
коллегии.— Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской
печати временъ „Руины“ 147—162.

Словарь книжной малорусской рѣчи по рукописи
XVII вѣка. 1—102.

Матеріали, на которе сдѣланы указанія и ссылки въ нашемъ изслѣдованіи, съ объясненіемъ принятыхъ нами сокращеній:

1) АЗР. = Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, т. I, II.

2) АЮЗР. = Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. I.

3) Алек. = „Александрія“—списокъ съ рукописи 1697 г. изъ Румянцевскаго музея.

4) Апок. = *Апокрисна ѿ а҃л҃ко ѿпосѣѣтъ на книжки ѡ сѣборѣхъ христіанскихъ*: старопечатная книга не позже 1597 г. Заглавіе приведено по Описанію славянорусскихъ книгъ Каратаева. Въ подлинникѣ, которымъ мы пользовались, недостаетъ заглавнаго листа.

5) Вир. Сак. = Вирши, сочиненныя Кассіаномъ Саковичемъ по случаю погребенія гетмана Петра Ковашевича-Сагайдачнаго въ 1622 г., издан. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ Исторіи кievской академіи 1887 г.

6) Г. К. = Іоанникія Галатовскаго *Ключъ разꙋмленія*, изд. кievо-печерской лавры 1660 г.

7) Г. Наука = его же *Наука ѿ а҃л҃ко спосѣ зложина казанія*, изд. кievо-печерской лавры 1659 г.

8) Г. М. = его же *Мисѣ праведный*, изд. кievо-печерской лавры 1664 г.

9) Г. Чуд. = его же *Чѣда прѣтонъ Бгѣрднцн*, изд. кievо-печерской лавры 1660 г.

10) *Грамматички славінскни правильнѣхъ Свнтѣа҃ма, потцианіемъ многогрѣшнаго Мнѣха Мелѣтіа Смотрицкаго...* въ Фекѣ, 1619 г.

11) Гол. гр. №... = Головацкаго Памятника дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго, 1867 г.

12) Гол. = Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Я. О. Головацкимъ, 4 т. 1878 г.

13) Густ. л. = Густынская лѣтопись, изд. Археограф. комиссией, т. II. 1843 г.

14) Діар. А. Ф. = Діаріушъ Берестейскаго игумена Аѳанасія Филипповича 1646 г., изд. Археограф. комиссией: Русская историческая бібліотека т. IV, 1878 г.

15) Дум. = Народныя малорусскія думы разныхъ изданій.

16) Εοχαριστήριον ἄλλο ἐδάχνησται... Ἐ' δρῶκάρηι μοναστηρια πηγή: κ: Ρόκῶ δ᾿ ἄλλῃ.

17) Ж. О. = Житіе Θεοδοσία: Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей 1880 г. изд. Попова.

18) Іоанна Вишенскаго посланія: Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи т. II.

19) Ипат. = Лѣтопись по ипатскому списку, изд. Археографическою комиссией 1871 г.

20) Казаны дѣсѣ Леонтія Карповича 1615 г., изд. въ Чтеніяхъ импер. общества исторіи и древностей, 1875 г.

21) Кіевская лѣтопись (1241—1621): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевскою комиссией для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

22) К. Х. = Кіевская хроника, принадлежит В. П. Науменку.

23) Кирилла Траневилліона Зеццало вѣсслскѣи кыдрѣковано к монастырѣ почлѣвскѣи рѣкѣ δ᾿ ἄλλῃ.

24) Лекс. Бер. = Λεξικόν τῶν σλαβονομάσκων... Πάμκω Βεργίνδω... Ζηρομάκων... Кутейнское изд. 1653 г.

25) Луц. ев. XIV в. = Луцкое евангеліе XIV в.: Очерки изъ исторіи русскаго языка Соболевскаго 1883 г.

26) Ляментъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли: Южнорусскія лѣтописи, изд. Вѣлозерскимъ въ 1856 г.

27) Λαμιντῶν ὡ πρὶ γὰρ δὲ νησίων' ὡ ζῆνικῶντι н мѣдиреткѣ мѣчанъ Сѣтрозкѣи... ρѣ Βῆνια δ᾿ ἄλλῃ: рукопись принадлежит автору.

28) Льв. л. = Львовская лѣтопись, изд. А. Петрушевичемъ.

29) Меж. л. = Межигорская лѣтопись (1608—1700 г.): Сборникъ лѣтописей, изданный кievскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

30) Мечъ Б. = Мечъ Дѣхны ѡже ѡчь глѣ Бѣжій Лазаря Барановича, изд. кievо-печерской лавры, 1666 г.

31) Пал. З. К. = Палинодія Захаріи Копыстенскаго 1621 года, изд. Археографическою комиссіей: Русская историческая библиотека т. IV.

32) Петра Могилы „Собственноручныя записки“: Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. комиссіей для разбора древнихъ актовъ, ч. I, т. VII. 1887 г.

33) Перес. = Описаніе Пересоницкой рукописи. Кіевъ. 1876 г.

34) Пис. Б. Х. = Письма Богдана Хмельницкаго къ разнымъ лицамъ по спискамъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

35) Рад. Ог. = Радивиловскаго Сѣгородскъ Мѣи Бѣи, изд. кievо-печерской лавры, 1676 г.

36) Сбор. 1073 г. = Изборникъ Святослава 1073 г., изд. Морозовымъ.

37) Сбор. ц. ар. м. = Сборникъ церковно-археологическаго музея при кievской духовной академіи № 441.

38) Син. = Синоѡсѣкъ, изд. кievо-печерской лавры 1678 г.

39) Стр. = Страсти Христовы, рук. XVII в.

40) Тр. п. = Трiодъ постная, изд. кievо-печерской лавры, 1627 г.

41) Уч. Ев. = Учительное Евангеліе, рукоп. кievо-михайловскаго монастыря, 1604 г.

42) Хм. л. = Хмельницкая лѣтопись, изд. кievс. археографической комиссіей, 1875 г.

43) Чуб. = Пѣсни, собранныя и изданныя Чубинскимъ въ Трyдахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. V.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не имѣли возможности воспользоваться нѣкоторыми рукописями и старопечатными книгами, на которыя дѣлаемъ ссылки въ своемъ изслѣдованіи, по-

этому мы были вынуждены въ подобныхъ случаяхъ приводить текстъ памятниковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изданы въ наше время, т. е.—въ большинствѣ случаевъ—безъ соблюденія стариннаго правописанія. Можно пожалѣть о томъ, что этотъ способъ изданія старинныхъ памятниковъ нашихъ считается, по видимому, правильнымъ съ научной точки зрѣнія.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка.

I.

Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.—Недовѣріе къ „латинской наукѣ“ со стороны народа и православнаго духовенства.—Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.—Признавіе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни.

Въ XIV вѣкѣ Южная Русь вошла въ составъ литовскаго государства, но только въ XV вѣкѣ сознано было въ ней объединяющее начало политической жизни, когда Витовтъ поставилъ крымское ханство въ ленную зависимость отъ себя, а внутри страны, въ замѣнъ удѣльнаго порядка, державшагося при Ольгердѣ, началъ проводить систему государственнаго единства. Послѣ паденія демократической — собственно литовской партіи въ лицѣ Сигизмунда Кейстутовича, а также удѣльно-внѣшней въ лицѣ Свидригайла, выступили на сцену *земляне*, подготавливавшіе шляхетскій строй въ литовско-русскихъ земляхъ. Эта смѣна одного порядка вещей другимъ ставила Южную Русь въ выжидательное положеніе и не давала возможности заложить въ ней основы прочной культуры. Древнерусскія книжныя преданія тянулись только въ богослужебномъ обрядѣ православной церкви, да въ старинной письменной рѣчи, которая принята была въ канцеляріяхъ литовскихъ князей. Встрѣчаются въ ней особенности то малорусскаго, то бѣлорусскаго нарѣчій, но случайно и болѣе или менѣе безсознательно.

Съ сороковыхъ годовъ XVI вѣка въ Литву начали проникать идеи реформаціи, а вслѣдъ затѣмъ идеи кальвинизма и социніанства. Онѣ коснулись и Южной Руси и вызвали здѣсь вниманіе книжныхъ людей къ народному языку, которое выразилось въ

цѣломъ рядѣ переводовъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ „изъ азъка елѣгарскаго на мѣкоу рускую“, или „с псалмаго азъка на русъ рускую“. Явилась такимъ образомъ потребность создать письменную русскую рѣчь, какъ отдѣльное цѣлое, отличное отъ рѣчи славянской и польской. Тѣмъ не менѣе переводчики не могли отрѣшиться въ трудахъ своихъ отъ языка своихъ подлинниковъ. Сравнивая два перевода, которые мы имѣли подъ руками, мы должны отдать предпочтеніе тому изъ нихъ, который сдѣланъ „изъ азъка елѣгарскаго“. Въ такой книгѣ, какъ Евангеліе, славянская рѣчь не можетъ быть совершенно лишнею, лишь бы она выражена была понятнымъ образомъ, въ духѣ народной фонетики и фразеологіи. Таковъ именно стиль Пересопницкаго Евангелія (1556—1561 г). Что касается до другаго Евангелія—Хорошевскаго (1681 г)¹⁾, то въ немъ польскій текстъ почти дословно переданъ русскими буквами: устранена только польская фонетика, фразеологія же вся почти оставлена польскою²⁾.

Какъ бы то ни было, начало было сдѣлано: народная рѣчь была допущена въ священные книги. Въ такъ называемыхъ „Учительныхъ Евангеліяхъ“, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, мы нерѣдко встрѣчали переложенія на народную рѣчь отрывковъ изъ книгъ новозавѣтныхъ и даже ветхозавѣтныхъ³⁾. Къ XVI в. относится также переводъ всей книги „Пѣснь пѣсней“, къ концу XVI или къ началу XVII в.—переводъ Псалтири на малорусское нарѣчіе⁴⁾.

¹⁾ Переведено Валентиномъ Невгалевскимъ въ мѣстечкѣ Хорошевѣ на Волини. Рукопись хранится въ библиотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 1636.

²⁾ Подробнѣе объ этихъ переводахъ—въ Описаніи Пересопницкой рукописи (Кіевъ 1876 г.), а такъ же въ статьѣ: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ“ (Кіевская Старина 1882 г. Ноябрь).

³⁾ Таково, напримѣръ, Учительное Евангеліе 1604 г.—въ библиотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, рукопись подъ № 1643, или же Учительное Евангеліе, напечатанное при Петрѣ Могилѣ въ 1637 г.

⁴⁾ См. Описаніе рукописей московской синодальной библиотекы Горскаго и Невоструева. Отд. II кн. 3. № 331. Переводъ сдѣланъ съ латинскаго. Текстъ священной книги оканчивается цѣлымъ рядомъ статей, представляющихъ духовное руководство къ возбужденію въ чловѣкѣ любви къ Богу. Вторая и третья статьи имѣютъ видъ молитвенныхъ воззваній.

⁵⁾ Рукопись хранится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1017. Нѣкоторымъ изъ псалмовъ, начиная съ 37, предпосланы краткія введенія, въ которыхъ излагается въ немногихъ словахъ содержаніе псалма

Но не таковы были условия общественной жизни, чтобы эта мысль без колебаний и сомнений могла войти в сознание южнорусских грамотных людей.

Прежде всего она казалась благочестивым людям орудием обоюдоострым. Хотѣли они говорить съ народомъ на понятномъ для него языкѣ, но боялись проговориться. Такъ, гетманъ Ходкевичъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568—1569 гг. „Учительному Евангелію“ говоритъ, что онъ хотѣлъ-было переложить эту книгу „вызучилѣнїа ради просвѣтѣнїа людїи“ на „прѣстѣю молву“, но посовѣтовали ему „люди мѣры, кто писмѣ сѣчѣны, иже прикладанїемъ здавнѣхъ послѣскицѣ на нѣкы, помылка чинїтца немалая. Акоже и нїкѣ сѣрѣтѣтца кнїигахъ нѣбаго перекѣдѣ“¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, не легко было писателю того времени найти въ народной рѣчи точныя выраженїя для всякаго рода богословскихъ положенїй, которыя были тогда предметомъ горячей полемики. Да и самая рѣчь эта звучала неодинаково въ разныхъ краяхъ литовскаго государства: это была то малорусская то бѣлорусская рѣчь, а та и другая въ свою очередь распадалась на множество отдѣльныхъ говоровъ. Поэтому можно вообразить себѣ, какія затрудненїя встрѣтилъ-бы писатель, если-бы онъ рѣшился говорить чистымъ народнымъ языкомъ, не занявшись предварительно изученїемъ народныхъ нарѣчїй, которое въ XVI в. не мыслимо было не только у насъ, но и въ Европѣ. Понятно такимъ образомъ, почему мысль о народной рѣчи скользнула, такъ сказать, въ умѣ книжныхъ людей, не получивъ тотчасъ надлежащаго примѣненїя. Они спѣшили организовать литературную рѣчь на готовой почвѣ книжныхъ преданїй, спѣшили найти въ нихъ объединяющїй фокусъ, что бы не растеряться въ массѣ діалектическихъ подробностей. Такимъ литературнымъ фокусомъ былъ для нихъ церковно-славянскїй языкъ. Это была своего рода униформа для всѣхъ народныхъ нарѣчїй, освобождавшая, какъ писателя, такъ и читателей, отъ непосредственнаго знакомства съ этими нарѣчїями,—мало того—расчитанная не на одну Русь, но и на другихъ славянъ греческаго исповѣданїя. „Русинъ либо

¹⁾ Описанїе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ еврїлловскими буквами 1491—1730 гг. Каратаева. Вып. I, стр. 144.

сербинъ, или болгаринъ“, говорится въ одномъ полемическомъ сочиненіи начала XVII в., „въ разумѣ языка славенскаго вѣдаетъ и разумѣеть, чѣмъ спастися можетъ“¹⁾),—а въ книгѣ „Триодіонъ“, изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1627 г., издатели просятъ другихъ славянъ, чтобы они не нарекали на нихъ за переводъ синаксарей „на російскую бесѣду общую“²⁾). Очевидно, славянскій языкъ считался неприкосновенною собственностію всего православнаго славянства, въ противоположность латинскому языку, который былъ органомъ католическаго славянства. Достоинство славянскаго языка, по мнѣнію защитниковъ его, заключалось въ томъ, что онъ по своей конструціи ближе стоялъ къ греческому языку, чѣмъ языкъ латинскій. Мысль эта, въ послѣдствіи развитая Ломоносовымъ, въ первый разъ высказана была извѣстнымъ Захаріей Копыстенскимъ. Въ „Предмовѣ“ къ толкованію Іоанна Златоустаго на 14 бесѣдъ Апостола Павла (1623 г.) онъ утверждаетъ, что, за вычетомъ греческихъ словъ, существующихъ въ языкѣ латинскомъ для выраженія „трудныхъ рѣчій“, латинскій языкъ окажется „недовольный и недостаточный“. „Зъ вѣку заисте, продолжаетъ ученый авторъ „Палинодіи“, той славенскій языкъ есть знаменитъ, котораго Іафетъ и его поколѣніе уживало: широко и далеко ся ростиагль, и славный былъ: для чего отъ славы славенскимъ названный есть, гды отъ Заходу Бѣлаго моря и Венецкихъ и Римскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня зъ Грецію въ сусѣдствѣ и братерствѣ живетъ; надъ сходъ зась солнца надъ Чернымъ моремъ до Персіи притагаетъ, а у Ледовитого моря ся опираетъ“³⁾). Еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи высказывались менѣе ученые современники Захаріи Копыстенскаго. „Языкъ славянскій“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „правдою Божією основанъ, збудованъ и огороженъ есть“, а въ латинскомъ языкѣ „только лжа, поганская хитрость и фарисейство сѣдитъ, почиваетъ и обладаетъ“⁴⁾). Страстная полемика велась въ то время изъ-за сла-

¹⁾ Петръ Могла, Голубова. Приложенія стр. 92.

²⁾ Ibid. 399.

³⁾ Исторія кіевской академіи, Голубова, вып. 1, стр. 182.

⁴⁾ Петръ Могла, Голубова 92.

вянскаго языка. Многие питали мистическую вѣру въ его чудодѣйственную силу. „Въ родѣ Латинскомъ“, говоритъ тотъ-же авторъ, „нѣтъ ни единого человѣка святаго, который бы добронравіе и запахъ красный и любимый отъ своего тѣла по смерти испустилъ и знакъ святости показалъ, но всѣ смердятъ, яко гнилые псы“:— между тѣмъ, посредствомъ славянскаго языка многие спасли душу свою, о чемъ свидѣлствуютъ житія „оныхъ святыхъ мужей, чудотворцевъ великихъ, которые и по смерти бѣсныхъ исцѣляли“¹⁾.

Нужно замѣтить, что это не былъ уже тотъ славянскій языкъ, который мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, напр. въ Остроміровомъ Евангеліи. Онъ далеко стоялъ отъ живой народной рѣчи, которая давно уже утратила многие звуки и формы, рѣднѣвшія ея нѣкогда съ стариннымъ славянскимъ языкомъ. Положительно можно сказать, что этого стариннаго языка никто надлежащимъ образомъ не зналъ ни въ Южной, ни въ Сѣверной Руси. Въ богослужебныхъ книгахъ господствовалъ уже новый славянскій языкъ, который въ теченіи многихъ вѣковъ измѣнялся подъ вліяніемъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, поэтому славянскія рукописи того времени отличаются синкретизмомъ, т. е. наслоеніями всякаго рода не только діалектическими, но и хронологическими. Такимъ образомъ и новый славянскій языкъ, благодаря *нерусской* примѣси, былъ мало понятенъ народу, представляя и для книжныхъ людей образцы, не совсѣмъ удобные для подражанія. Они всѣми силами стремились усвоить литературные способы выраженія, допускаемые въ славянскихъ книгахъ,—и все таки не могли отрѣшиться отъ стихійнаго вліянія народной рѣчи, которая постоянно вторгалась въ славянскую рѣчь, какъ ясный лучъ солнца въ темное, обветшалое зданіе. Это особенно замѣтно въ раннихъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ Уніи, напр., въ посланіи І. Вишенскаго, который, не смотря на свое религиозное уваженіе къ славянскому языку, не могъ справиться съ его тяжеловѣсною фразеологіей, то передѣлывая ее въ народномъ вкусѣ, то перемѣшивая ее съ народными словами и выраженіями, исполненными крѣпкаго малорусскаго юмора. Но въ то время какъ одни,

¹⁾ Петръ Могіла, Голубева. Приложенія 92—73.

желая писать послavianски, не могли овладѣть славянскою рѣчью, другіе—наоборотъ, желая держаться народной рѣчи, не могли обойтись безъ славянскихъ словъ и выраженій. Такъ, Кириллъ Транквиліонъ въ „Зерцалѣ Богословія“ (1618 г.) извиняется предъ читателемъ, что онъ не все писалъ „простѣ“, а вынужденъ былъ „кто́нъ кни́зѣ покладати прѣстѣ́ ѱзыкъ ѱ словѣ́нскій“: причина въ томъ, что многія слова славянскія не переводимы на простой языкъ,—а впрочемъ, съ огорченіемъ прибавляетъ онъ, „прѣстакѣ́и все́ кри́ко, хотѣ́и ѱ найпрѣстѣ́йши, ѱ мо́удрѣ́и ѱ кри́ко: спрѣ́кити мо́же“¹⁾).

Но „прѣстакѣ“ было больше, чѣмъ „мудрыхъ“. Нужно было такъ или иначе согласить умственные интересы тѣхъ и другихъ, а для этого нужно было создать нѣчто среднее между рѣчью славянскою и народною. Сознаніе этой нужды вырази-лось въ особенной терминологіи для названія народа русскаго, страны русской, рѣчи русской. Еще въ первой половинѣ XV в., подъ вліяніемъ высшей церковной іерархіи греческаго происхожденія, появились въ Юго-Западной Россіи отъ греческаго слова Ῥωσ̄ производныя слова: *Росея* и *Росія*, *роскій* и *россійскій* вмѣсто старинныхъ *Русь*, *руський*²⁾). Въ концѣ XVI в. эти слова съ прибавкой родоваго понятія *Славенороссійскій*, *славено-россійскій* получили особенное распространеніе³⁾). Казалось книж-нымъ людямъ того времени, что въ греческой передѣлкѣ эти слова болѣе соотвѣтствуютъ вѣроисповѣдному чувству русскихъ людей, говорившихъ разными нарѣчіями, которыя желательно было соединить въ одной общей литературной рѣчи для подобающаго выраженія этого чувства. Но оно уже было выражено въ церковныхъ книгахъ,—поэтому, какъ ни мудрили „мудрые“, а все-же отрѣшиться отъ славянскаго языка они не могли.

На сторонѣ славянскаго языка были и вѣковыя привычки народа, который вовсе не смущался загадочной темнотой церковныхъ словъ и выраженій, видя въ ней естественное свойство священнаго языка, стоящаго выше ежедневнаго употребленія.

¹⁾ Изъ Библ. кіевск. духовной академіи кн. подъ № 402.

²⁾ Галицкій Литерат. Сборникъ 1859 г. Вып. II, 256. Ст. А. Петрушевича

³⁾ Собраніе соч. Максимовича т. II, 307—311.

Выходила путаница въ понятіяхъ и стремленіяхъ: тѣ, которые болѣе или менѣе понимали церковно-славянскій языкъ, не чужды были стремленія къ народной рѣчи,—самъ-же народъ готовъ былъ поддерживать церковно-славянскій языкъ вовсе не потому, что онъ былъ для него понятенъ, а наоборотъ—потому, что онъ возвышался надъ уровнемъ его обыкновенныхъ понятій. Многие такъ сжились съ этимъ порядкомъ вещей, что не считали возможнымъ желать чего нибудь лучшаго, отставая вмѣствъ съ славянскимъ языкомъ и темноту народныхъ массъ. Извѣстный іезуитъ Скарга доказывалъ, что Русь сама не знаетъ славянскаго языка,—да и знать его не стоитъ, потому что онъ никогда не былъ языкомъ науки ¹⁾. Мнѣніе это вызвало отвѣтъ со стороны неизвѣстнаго намъ ревнителя православія, который „отъ своею простоты“, какъ онъ говоритъ, „и глупства славянскаго языка“ ²⁾ пишетъ: „мы глупая Русь... глупыми быти по разсужденію свѣта сего, изволяемо, яко да спасеніе душевное получимъ“ ³⁾. Онъ совѣтуетъ учить дѣтей „богомолбному и праведному часословцу во мѣсто діалектики, которая зъ бѣлаго черное, а зъ чернаго бѣлое претворяетъ“ ⁴⁾. Онъ предостерегаетъ православныхъ отъ увлеченія латинской наукой примѣромъ тѣхъ епископовъ, которые „лакомячися на латинскую хитрость, мудрость, славу свѣтскую и тѣлесное покоище, пострадаша“ ⁵⁾. И нужно сказать, что въ этихъ убѣжденіяхъ звучала нога, симпатическая для народа, который смутно понималъ, что „латинская наука“ посягаетъ на свободу его совѣсти. „И гдѣ еси“, обращается тотъ же авторъ къ Скаргѣ, „то въ евангеліи и апостольской наукѣ нашель и начиталъ, яко да учитель наказаніемъ и по-радою власть свѣтскую понуждаетъ, да плѣнить и неволить волныхъ и свободныхъ“ ⁶⁾? Въ самомъ дѣлѣ, это не была та

¹⁾ Это сочиненіе въ первый разъ издано было въ 1577 г. См. Петръ Могола, Голубева. Прилож. 145.

²⁾ Ibid. 7—4

³⁾ Ibid. 76—77.

⁴⁾ Ibid. 73.

⁵⁾ Ibid. 69.

⁶⁾ Ibid. 117.

наука, которая, развиваясь на почвѣ свободной мысли, содѣйствуетъ въ свою очередь ея развитію. Напротивъ того, она не довѣряла разуму и боялась его безстрастныхъ приговоровъ. Она сторонилась отъ всего, что могло нарушить покой вѣрующаго сердца, и заботилась только о томъ, что-бы одѣть готовое знаніе во всеоружіе логическихъ построеній. Она чуждалась самостоятельнаго творчества, предпочитая форму мысли дѣйствительному ея содержанію. Однимъ словомъ, это была извѣстная апсцѣа теологіи—схоластическая наука, выдвинутая іезуитами для защиты католичества. Противъ этой науки возставало инстинктивное чувство народа—не потому, что-бы онъ отчетливо представлялъ ея сущность, но потому, что онъ видѣлъ ея деморализующее вліяніе въ своей же собственной средѣ. Довольно вспомнить только многіе эпизоды изъ исторіи Уніи. Не повторяя того, что болѣе или менѣе всякому извѣстно объ этомъ, скажемъ только, что Унія, поддерживая авторитетъ іерархіи, подрывала соборное начало церковной жизни, которое вполнѣ соответствовало основнымъ воззрѣніямъ народа на общественную жизнь во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ. Устами одного изъ лучшихъ своихъ представителей, Іова Борецкаго, народъ высказался за право мирянъ предлагать совѣты пастырямъ церкви: „тогда, говоритъ Іовъ, „отцы въ сынахъ и сыны въ отцахъ пребывать будутъ“, и такимъ образомъ „послѣдуетъ согласіе и приверженность къ намъ народа“¹⁾. Между тѣмъ, опираясь на государственную поддержку, Унія, вопреки своему названію, вносила разнь въ народное общезитіе, отъ котораго отставали люди, любившіе плыть по теченію. Они, обыкновенно, извлекали изъ своего положенія всякія выгоды и свысока смотрѣли на младшую братію. „Вы брата своего уничижаете, обращается къ нимъ Іоаннь Вишенскій, „хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе называете. Добре, нехай будетъ хлопь, кожемяка, сѣдельникъ и швецъ, але вспомните, яко братъ вамъ родный во всемъ есть“²⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Обзоръ рус. духовной литературы, Филарета. 178.

²⁾ Акты Южной и Западной Россіи. II. 239.

зомъ, „латинская наука“ являлась передъ народомъ въ видѣ не-симпатической для него Уніи.

Но какова-бы ни была „латинская наука“, во всякомъ случаѣ она была организованная умственная сила, съ которою можно было бороться такою же силой. Эго было понято на югѣ Руси скоро послѣ появленія іезуитовъ въ Польшѣ¹⁾. Первая школа съ научнымъ характеромъ основана была въ 1580 г. княземъ К. К. Острожскимъ въ Острогѣ,—затѣмъ появились такія же школы и въ другихъ городахъ югозападной Руси. Въ противовѣсъ латинскому языку выдвинутъ былъ въ этихъ школахъ греческій языкъ. Въ уставѣ львовской школы (1586 г.) ничего не сказано о латинскомъ языкѣ,—называлась она школою *греческою* и *славянскаго письма*²⁾ По всему видно, что на первыхъ порахъ науку хотѣли почерпнуть изъ болѣе чистаго вѣроисповѣднаго источника. Но, по мѣрѣ открытія подобныхъ школъ, въ нихъ появляется и латинскій языкъ. Такъ, въ уставѣ виленскаго братства (1588 г.) упоминаются уже языки латинскій и польскій, хотя оба они поставлены послѣ русскаго и греческаго³⁾. Изъ грамоты патріарха Теофана кievскому братству видно, что оно завело школу наукъ еллинославянскаго и *латинскаго письма*⁴⁾,—однако же въ письмѣ къ Михаилу Теодоровичу само братство называетъ свою школу „училищемъ языка *славянорусскаго*, *еллиногреческаго* и прочихъ дидакаловъ“⁵⁾. Оно благоразумно умолчало о латинскомъ языкѣ, не жалая набрасывать на свою школу тѣнь подозрѣнія въ православной Москвѣ.

А между тѣмъ сила вещей брала свое. Само собою понятно, что въ польскомъ государствѣ нужно было учиться по-польски. Что касается до латинскаго языка, то онъ былъ въ старинной Польшѣ языкомъ церкви и школы, языкомъ гражданскихъ и политическихъ понятій, — поэтому онъ входилъ въ

¹⁾ Іезуиты водворились въ Польшѣ въ 1564 г., а въ Вильнѣ въ 1569 г.—въ годъ Люблинской Уніи.

²⁾ Исторія рус. церкви, Макарія, IX. 415.

³⁾ Ibid. 419.

⁴⁾ Петръ Могила, Голубева. 296.

⁵⁾ Ibid. 290.

самое существо польскаго общежитія, составляя необходимую приправу польской рѣчи въ кругу сколько-нибудь образованныхъ людей. Можно ли было послѣ этого южно-русской школѣ ограничиться изученіемъ языковъ греческаго и славянскаго? Очевидно, разѣ признана была на югѣ Руси необходимосгь въ школахъ, онѣ должны были рано или поздно сдѣлаться *латинскими школами*. „Самая главная надобность въ латинскихъ школахъ, говоритъ Сильвестръ Косовъ ¹⁾, та, что-бы бѣдной Руси нашей не называли глупою Русью. Поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, или на сеймикъ, въ уѣздный городской судъ или земскій,—bez łaciny рłасі wіny! Ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла. Смотрить только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ“ ²⁾. Это уже вовсе нето, что мы слышали раньше—отъ старшаго поколѣнія южно-русскихъ писателей, которые, съ своей точки зрѣнія, были совершенно равнодушны къ словамъ „глупая Русь“. Это голосъ окрѣпшаго національнаго самосознанія, которое не хочетъ мириться съ приниженымъ положеніемъ въ государствѣ. Весь вопросъ въ томъ, удастся-ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинской наукой“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу.

Что бы видѣть, какъ рѣшали въ то время поставленный нами вопросъ, прежде всего обратимся къ программѣ просвѣтительной дѣятельности, которая начертана была въ тридцатыхъ годахъ XVII в. знаменитымъ Петромъ Могилою. Опираясь на симпатіи народа къ „древнему благочестію“, онъ всѣми силами старался поставить его подъ защиту науки, что-бы установить его догматическія начала, объяснить смыслъ богослужебныхъ обрядовъ, очистить ихъ отъ всякой посторонней примѣси. Нельзя сказать, что бы эта программа соответствовала всѣмъ потребностямъ жизни малорусскаго народа, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что творецъ ея не могъ найти въ условіяхъ своего времени твердой точки опоры для составленія программы

¹⁾ Elegesis abo danie sprawy o szkolach Kiowskich i Winni kich, w Lawrze. 1635 г.

²⁾ Исторія кievской академіи, Магарія. 76.

болѣе обширной. На первыхъ порахъ нужно было отстоять право народа держаться „древняго благочестія“, которое подвергалось самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны враговъ. Всякое отклоненіе отъ этого пункта могло бы только ослабить силы, способныя къ просвѣтительной дѣятельности. Мы вовсе не желаемъ сказать этимъ, что Петръ Могила руководствовался такимъ именно расчетомъ: мы только указываемъ на историческую логику событій, которая была обязательна для него, если только онъ желалъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. И нужно сказать, что на отмежеванной имъ почвѣ онъ въ короткое время добился этихъ результатовъ. Подъ его вліяніемъ составленъ былъ сводъ основныхъ положеній православной догматики¹⁾, приведено было въ порядокъ богослуженіе православной церкви²⁾. Понимая историческое значеніе святынь кіевскихъ, онъ поднималъ изъ развалинъ нѣкоторые храмы кіевскіе, другіе-же обновилъ и украсилъ. Но главнымъ дѣломъ его жизни, излюбленнымъ дѣтищемъ его души, была основанная имъ школа въ кіевопечерской лаврѣ (1631 г.), которую онъ вскорѣ соединилъ съ школой Богоявленскаго братства на Подолѣ (1632 г.). Такъ появилась знаменитая кіево-могилянская коллегія, переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію (1701 г.). Она дала Кіеву умственный перевѣсъ надъ всѣми южнорусскими городами. Какъ во дни Владиміра Равноапостольнаго, Кіевъ снова сдѣлался центромъ просвѣщенія не только для Южной Руси, но и для Сѣверной. Правда, оно было взято не изъ перваго источника— не изъ гуманизма европейскаго, который на Западѣ стремился къ освобожденію мысли отъ подавляющаго авторитета средневѣковой теологіи, не изъ новыхъ воззрѣній Бекона на первоосновы человѣческаго знанія. Но, при оцѣнкѣ всякаго умственнаго движенія, не нужно забывать хронологіи. Беконъ умеръ въ то время, когда Петръ Могила выступилъ на общественное поприще. Ре-

¹⁾ Краткій катехизисъ подъ заглавіемъ: „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каатолической христіанской. Первое изд. въ Кіевѣ 1645 г.

²⁾ Тренинья Петра Могила (Евхологіопъ). Первое изд. тоже въ Кіевѣ 1616 г.

ализмъ Бекона не успѣлъ еще проникнуть тогда и въ европейскія школы. Что касается до гуманизма, то онъ въ школьной обстановкѣ потерялъ ту остроту и ѣдкость, которою проникнуты были литературныя произведенія гуманистовъ. Вліяніе его ограничилось здѣсь смѣной средневѣковой латыни на классическую, причемъ средневѣковые *trivium* и *quadrivium* остались въ полной неприкосновенности—съ тѣмъ-же преобладаніемъ наукъ *trivium*'а, т. е. грамматики, діалектики и риторики, надъ науками *quadrivium*'а, съ тою-же односторонностію метода, рассчитаннаго на развитіе формальныхъ сторонъ мысли, выраженной въ изящной формѣ классической латыни. Сообразно съ этою цѣлью, изученіе классическихъ писателей не шло дальше упражненій въ слогахъ, которыя развивали механизмъ рѣчи въ ущербъ ея содержанію. Господство классической латыни давало ей видъ *второго отечественнаго языка*, настоящей-же отечественный языкъ находился въ полномъ пренебреженіи. Такъ было всюду въ Европѣ—не только въ католическихъ школахъ, но и въ протестантскихъ, не только въ XVI в., но и въ первой половинѣ XVII в., пока идеи Амоса Коменскаго не утвердились въ школьной практикѣ. А это произошло уже послѣ Вестфальскаго мира, т. е. спустя почти двадцать лѣтъ послѣ основанія кіево-могилянскои коллегіи. Само собою разумѣется, что Петру Могилѣ не оставалось ничего другаго, какъ принять за образецъ своей школы обычный въ то время типъ латинской школы. Такъ онъ и сдѣлалъ, насадивъ, какъ сказано въ панегирикѣ ему, Гланкѡнъ, то *истъ, садъ ѡмѣтності, ѡсмь набккъ къ ккѣ мѡчій*“. Кромѣ извѣстныхъ наукъ *trivium*'а, въ панегирикѣ исчисляются и науки *quadrivium*'а—арифметика, музыка, геометрія и астрономія. Всѣ онѣ подчиняются *Теологii*, иоторая есть „*корнь и кѣрхъ ккѣхъ набккъ и ѡмѣтностій*“¹⁾. Нечего и говорить о томъ, что въ этомъ „Геликонѣ“ могъ процвѣтать не иной методъ воздѣлыванія наукъ, какъ только схоластическій. Насажденъ былъ „Геликонъ“ для того, что-бы облечь древнее благочестіе во всеоружіе науки. Весь вопросъ такимъ образомъ сводился къ

¹⁾ Изъ Библіотеки кіевс. дух. академіи, кн. подъ № 3051.

усвоенію научной техники. Отсюда всякаго рода риторическія упражненія и диспуты,—отсюда-же и господство латинскаго языка, который въ то время былъ обязателенъ въ наукѣ.

Такимъ образомъ заслуга Петра Могилы заключается въ томъ, что онъ отстоялъ въ Южной Руси право научнаго знанія, не опасаясь того, что оно происходило изъ иновѣрныхъ источниковъ. Конечно, это было одностороннее знаніе, но все-таки оно приучало мысль къ опредѣленному методу, который во всякомъ случаѣ могъ служить твердой точкой опоры для дальнѣйшаго движенія мысли. Важно уже было то, что схоластическая наука располагала людей уважать эту самую мысль и не бояться ея логической силы. Она была водворена въ Южной Руси не для подрыва мѣстныхъ началъ жизни, а для развитія народнаго самосознанія въ средѣ тѣхъ людей, которые, за недостаткомъ мѣстной образованности, увлекались чуженародною—польскою. На стражѣ этого самосознанія поставленъ былъ славянскій языкъ, какъ богослужебный органъ „древняго благочестія“. Самъ Петръ Могила заботился о томъ, что-бы въ богослужебныхъ книгахъ строго соблюдалась орфографія „грамматичнаа діалекту словенскаго пространнаго и всякая благости и сладости преисполненнаго“¹⁾. Для приведенія въ систему вѣроученія и обрядовъ православной церкви требовалось, сверхъ обширной богословской учености, грамматическое знаніе церковнославянскаго языка. Тутъ мало было простаго навыка къ славянской рѣчи,—нуженъ былъ научный методъ ея литературной обработки; нужны были талантливые представители этого метода. Однимъ изъ этихъ представителей былъ знаменитый Епифаній Славинецкій. Онъ учился въ кievской коллегіи въ то самое время, когда учителя его, подъ руководствомъ Петра Могилы, подвизались на церковно-литературномъ поприщѣ²⁾. Какъ извѣстно, Славинецкій вызванъ былъ въ Москву (1649 г.), гдѣ поручено было ему исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ исполнилъ это дѣло

¹⁾ Петръ Могила, Голубева. 376.

²⁾ Это были слѣдовавшіе одинъ за другимъ ректора коллегіи: Исая Трофимовичъ (1632—1638), Софроній Почаскій (1638—1640), Игнатій Оксеновичъ (1640—1642), Иосифъ Кононовичъ (1642—1646), Иннокентій Гизаель (1646—1650).

съ излишнимъ буквализмомъ, опасаясь, можетъ быть, придиричивой критики со стороны возникавшаго тогда раскола. Такъ можно думать, между прочимъ, потому что въ собственныхъ сочиненіяхъ Славинецкаго славянская рѣчь совсѣмъ иная: она не только правильна и вразумительна, но даже отличается нѣкоторымъ изяществомъ. Какъ бы то ни было, на этомъ скромномъ труженикѣ стояло тогда все дѣло патріарха Никона. Славинецкій установилъ текстъ богослужебныхъ книгъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ употребляются во всей Россіи и даже у другихъ православныхъ славянъ. Это могъ сдѣлать только человекъ съ серьезнымъ филологическимъ образованіемъ. Современники по всей справедливости называли его „изящнымъ дидаскаломъ, искуснѣйшимъ въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ“¹⁾.

Славинецкій былъ пионеромъ южнорусскаго просвѣщенія въ Москвѣ,—въ самомъ-же Кіевѣ оставалось не мало „дидаскаловъ“, которые не уступали ему въ знаніи церковнославянскаго языка. Таковъ былъ Лазарь Барановичъ, первый ректоръ кіевскаго коллегіума изъ его воспитанниковъ (1650—1657). Это былъ громозвучный витія своего времени, любившій вносить въ свои проповѣди пышныя декорации славянской рѣчи²⁾. Она считалась умѣстной не только въ богословскихъ сочиненіяхъ, но даже въ историческихъ. Извѣстный „Синописецъ“, приписываемый Иннокентію Гизелю, а также Густынская лѣтопись, написаны по церковнославянски³⁾. Очевидно, въ кіевомогилянскомъ коллегіумѣ многіе раздѣляли убѣжденіе, что церковнославянскій языкъ годится для всѣхъ родовъ сочиненій, что на немъ можно выражать не только всѣ тонкости богословской мысли, но и бытовыя подробности жизни. Въ виду разногласія въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, которое часто доходило въ то время до кровавыхъ столкновеній, представители кіевской учености болѣе или менѣе чувствовали нужду въ объединяющемъ началѣ умственной жизни,

¹⁾ Обзоръ русской духовной литературы, Филарета. 234.

²⁾ О стилѣ Л. Барановича можно уже судить изъ самыхъ заглавій его проповѣдей: *Мечъ духовный* (перв. изд. 1666 г.), *Трубы словесъ* (перв. изд. 1674 г.).

³⁾ Синописецъ имѣлъ много изданій въ XVIII в.; въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кіевѣ въ 1674 г. Последнее его изданіе относится къ 1823 г.

поэтому многие изъ нихъ держались за славянской языкъ, какъ за якорь спасенія, утвержденный на религиозномъ чувствѣ народныхъ массъ, стараясь убѣдить себя и другихъ въ томъ, что народная рѣчь немногимъ отличается отъ славянской: „аще въ вѣкихъ странахъ мало что въ словесахъ и примѣніа, говорить составитель Синописа, ꙗкоже единымъ славянскимъ языкомъ глаголютъ“¹⁾ — не только Русь, но и другіе славяне.

Каковы-же были черты этого „единого славянскаго языка“, восстановленнаго малорусскими писателями, получившими образование въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ? Откуда почерпали они увѣренность въ томъ, что они знаютъ этотъ языкъ въ подлинномъ его видѣ?

Обратимся сперва къ самимъ источникамъ ихъ знанія.

¹⁾ Изъ Библ. кіевской дух. академіи, изданіе 1678 г. стр. 12.

II.

Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Задачи автора.—Идея „чистаго“ славянскаго языка. Грамматическая регламентація.—Фигурныя формы славянскаго языка.—Начало словопроизводства.—Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору.

Еще въ 1586 году напечатана была въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, „Граматыка словенска языка з газоѡилакѡи славнаго града Острога власне отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича на Острогу“¹⁾. Въ 1591 году была издана въ Львовѣ „Грамматѡка докороглаголанкаго Флаинословинскаго языка“. Сложена она была „въ разлічнѡхъ грамматѡкѡхъ спѡдѡими ѡже къ Лѡвскѡй школѡѡ“²⁾. Составители ея имѣли въ виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но по временамъ увлекались аналогіями съ языкомъ славянскимъ. Грамматическую терминологию они заимствовали изъ славянскаго перевода греческой грамматики „О ѡсми частѡхъ слѡва“, сдѡланнаго въ IX вѣкѣ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ.—Черезъ пять лѣтъ появилась въ Вильнѣ „Грамматѡка Словѡнска съставлѡнна Лаврѡнтѡмъ Визанѡмъ“³⁾. „За науку можно ся имаймо“, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, чтобы книги словенскаго языка не только „добре читати, но и право писати“⁴⁾. Задача была

¹⁾ Эта небольшая книжка—около 14 листовъ, по всей вѣроятности, была плодомъ грамматическихъ наблюденій надъ славянскимъ языкомъ переводчиковъ Острожской Библии. Въ настоящее время она составляетъ библиографическую рѣдкость. Неполный экземпляръ ея находится въ библіотекѣ кн. П. Вяземскаго, болѣе полный—въ библіотекѣ Перемышльскаго собора І. Крестителя. См. Голубева, Исторія кѡевской академіи. Выпускъ І.

²⁾ Экземпляръ этой рѣдкой книги безъ выходнаго листа хранится въ библіотекѣ кѡевской духовной академіи подъ № 346. Г.

³⁾ Описаніе славянорусскихъ книгъ Каратаева, 257.

⁴⁾ Сказанія русскаго народа Сахарова т. II, XIX.

ясно сознана, но для рѣшенія ея автору не доставало дара комбинаціи и нѣкоторой смѣлости въ установленіи славянскихъ формъ примѣнительно къ свойствамъ русскихъ нарѣчій. Тѣмъ и другимъ качествомъ въ полной мѣрѣ обладалъ извѣстный Мелетій Смотрицкій, авторъ славянской грамматики, напечатанной въ 1619 году въ Эвю (близъ Вильны).

Мы должны остановиться на этой книгѣ въ виду громаднаго вліянія ея на богослужебный языкъ православной церкви, который въ свою очередь былъ регуляторомъ книжной рѣчи у всѣхъ славянъ восточнаго исповѣданія. Отсюда ведетъ свое начало, такъ называемая, грамотность русская вообще и малорусская въ частности. Она выражается преимущественно въ умѣннѣ писать *грамматически* правильно. Въ Малороссіи съ бѣльшею точностію грамотныхъ людей называютъ „*письменными*“, такъ какъ главная трудность книжной рѣчи заключается не въ чтеніи ея, а въ письмѣ, гдѣ считается обязательнымъ употребленіе той или другой славянской буквы для выраженія разныхъ звуковъ, или-же наоборотъ — нѣсколькихъ буквъ для выраженія одного звука. Развитіе грамотности или „*письменства*“ обезпечено было грамматикой Мелетія Смотрицкаго, которая проникала въ самыя низшія школы посредствомъ славянскихъ букварей, и донынѣ еще сохранившихъ кое-что изъ грамматической терминологіи М. Смотрицкаго, какъ-бы во исполненіе его мысли, выраженной имъ въ обращеніи къ учителямъ школьнымъ: „Дѣткамъ, говорить онъ, обучити ся починати кукляръ, зыкыи иколыи и алфавитаръ, з той-же грамматикы кичеринный, абы склонити граматичнымъ зъ лѣтъ дѣтинныхъ зъ мѣкою заразы прибыжати, до вычѣныа подаванъ нехай коудитъ“¹⁾. А букварей такихъ

¹⁾ Первое практическое руководство для юношества, составленное на основаніи грамматики Мелетія Смотрицкаго, напечатано было въ Вильнѣ въ 1621 году подъ заглавіемъ: „Грамматика або сложеніе письмени хотящимъ ся учти славянского языка, изадолѣтнимъ отрочакомъ“ (См. Голубева, Исторія кievской академіи, вып. I). Другое подобное руководство вышло въ Кременцѣ въ 1638 году (есть экземпляръ этой книги въ кременецкой духовной семинаріи). Авторъ этой книги Аеамсій Пузава, Луцкій епископъ (1633—1649), тотъ самый, который въ 1648 году послалъ Хмельницкому, поднявшему знамя возстанія противъ Польши, донги, по-

одна киево-печерская лавра въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, т. е. со времени появленія грамматики М. Смотрицкаго, выпустила въ народъ безчисленное множество ¹⁾).

Но главной задачей Мелетія Смотрицкаго было—поднять „Знаменитый, а цркви намии природный“ славянской языкъ до высоты литературнаго органа и такимъ образомъ доставить „славянскому въ народѣ нашимъ языкомъ поднесены, върозумны иго и пожитокъ“. Для этого требовалось научить не только „читати по словинскому и чѣмоу върозумѣвати“, но и „писати роздѣлане“, т. е. сочинять по славянски. Въ этомъ отношеніи Мелетій Смотрицкій возлагаетъ большія надежды на свою книгу: „она, говоритъ онъ, научитъ порядокъ и спорожинья словъ, которіи за которыми... бѣдѣтъ сочинѣніа покладани быти мають... сукажитъ за положеніа слово, сукажитъ зкѣтно, сукажитъ и чого бы не достакало“. Этотъ рѣшительный тонъ объясняется убѣжденіемъ Мелетія Смотрицкаго, которое въ его время было всеобщимъ не только у насъ, но и въ Европѣ, что грамматика есть „къ понѣтню языка чистости“, т. е. она есть сводъ постановленій и правилъ, которымъ долженъ подлежать языкъ для того, что-бы имѣть достоинство и силу языка *чистаго*. Ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ стремленіи создать *чистый* славянской языкъ, если два вѣка спустя знаменитый І. Добровскій въ своихъ *Institutiones linguae Slavicae* имѣлъ въ виду ту же цѣль. Вся разница въ томъ, что Добровскій хотѣлъ возстановить идеальный типъ славянскаго языка, которому *долженъ былъ* соответствовать славянской языкъ въ вѣкъ Кирилла и Меодія. Мелетій Смотрицкій не могъ идти такъ далеко: онъ пользовался славянскими ру-

рохъ, пушекъ и пули (Памятники киевской комиссіи, I. 60—63). Къ сожалѣнію, въ экземплярѣ, который былъ въ нашихъ рукахъ, нѣтъ первыхъ листовъ, на которыхъ обыкновенно помѣщалась въ тѣ времена „предмова“ къ читателю. Вообще же въ книгѣ—то-же распределение частей, та-же терминологія, тѣ-же примѣры, что и въ грамматикѣ М. Смотрицкаго.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія было-бы интересно прослѣдить исторію киевскихъ букварей въ сравненіи съ букварями вилонскими, почаевскими, львовскими и московскими. Къ сожалѣнію, въ самой киево-печерской лаврѣ мы не могли найти букварей XVII в. Сохранились только буквари конца прошлаго вѣка. Самый древній относится къ 1791 году: въ немъ уже замѣтно вліяніе московскихъ изданій.

кописями русской редакціи, и при томъ поздними—не древнѣе XV—XVI в., поэтому въ его грамматикѣ получился не столько *чистый* славянскій языкъ, сколько языкъ *очищенный* отъ старинныхъ особенностей его, которыя могли быть свойственны нѣкогда и нарѣчіямъ древнерусскаго языка, но постепенно утратились въ немъ. Такимъ образомъ, позднѣйшіе—смѣшанные и искаженные звуки и формы русскаго языка Мелетій Смотрицкій приписываетъ *чистому* славянскому языку. Не имѣя, напримѣръ, надлежащаго понятія объ истинной природѣ глухихъ гласныхъ, онъ называетъ ихъ *припряжногласными* буквами, которыя сами по себѣ не произносятся, но только „ъ дѣлае, ѣ-же чѣнокъ окончаніе чѣо-рѣчѣ“. Точно такъ же ему неизвѣстно было и носовое произношеніе юсовъ. Вотъ почему и формы съ глухими и носовыми гласными, видоизмѣненныя въ духѣ русской фонетики, Мелетій Смотрицкій считаетъ возможными въ славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, позднѣйшія формы творит. ед. именъ существ. мужес. р. *омъ*, *емъ* вмѣсто *змъ*, *ѣмъ* онъ допускаетъ въ славянскомъ языкѣ,—винит. ед. именъ существ. женс. р. *у*, *ю* тоже считаетъ чистыми славянскими формами. Повинуясь установившимся въ его время особенностямъ живой рѣчи, онъ различаетъ имена существ. мужес. р. одушевленные отъ неодушевленныхъ, т. е. думаетъ, что въ церковнославянскомъ языкѣ были формы винит. падежа: *дрѣвѣга*, *сына*, *скидѣтелѣ*,—думаетъ такъ же, что въ немъ имѣло мѣсто позднѣйшее смѣшеніе въ тѣхъ же именахъ темъ *а* съ темами *у*, а такъ-же темъ *а* съ темами *і* въ родит. множ., т. е. *дрѣвѣгѣ* и *дрѣвѣ*, *сынѣ* и *сынѣ*, *скидѣтелѣ* и *скидѣтелѣ*.

Очевидно, Мелетій Смотрицкій далеко былъ отъ современныхъ намъ научныхъ стремленій поставить изученіе церковнославянскаго языка на историческую почву. Методъ у него теоретическій. Онъ руководствуется грамматическими категориями, принятыми въ языкахъ классическихъ, преимущественно въ языкѣ греческомъ. Такъ, напримѣръ,—въ ученіи о славянскомъ глаголѣ онъ старается скопировать наклоненія и времена съ

греческаго глагола¹⁾. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ старинному грамматическому обычаю, ведущему свое начало отъ І. Евзарха Болгарскаго, ставить въ параллель славянскія формы съ греческими, а за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ славянскихъ формъ, Смотрицкій создаетъ фиктивныя. Таково, на примѣръ, выдуманное имъ *причастодѣтіе*²⁾. Таковы-же различныя формы временъ (настоящее, прошедшее и будущее) въ неопред. наклоненіи, на самомъ дѣлѣ не существующія. Всѣ эти формы Смотрицкій образуетъ отъ соотвѣтствующихъ формъ времени изъявит. наклоненія, какъ и вообще всѣ наклоненія выводитъ оттуда-же, слѣдовательно, онъ даже не предчувствуетъ значенія глагольныхъ темъ. Любопытно, что въ своихъ априорныхъ построеніяхъ онъ иногда наталкивался на такія явленія, которыя не укладывались въ правила,—и вотъ здѣсь является у него живая мысль о томъ, что, кромѣ грамматическихъ правилъ, „ѣсть *обыкъ*“ или „*навыкъ*“, присущій живой рѣчи. Это дало ему возможность подмѣтить нѣкоторыя особенности славянскаго языка,

¹⁾ Наклоненій у Смотрицкаго шесть:

- 1) Изъявительное (кѣю, чтѣ, стою).
- 2) Повелительное (кѣи, чти, стѣи).
- 3) Молятельное (оуслѣши, конми, призи).
- 4) Сослагательное (аще бы хотѣлъ, дѣлъ бы).
- 5) Подчинительное (да кѣю).
- 6) Неопредѣленное (кѣти).

Временъ тоже шесть:

- 1) Настоящее (кѣю, кѣиъ быкѣю).
- 2) Преходящее (кѣхъ, кѣиъ ѣль).
- 3) Прешедшее (кѣлхъ, кѣлиъ ѣль или быхъ).
- 4) Мимолетное (кѣлѣхъ, кѣлиъ быкѣхъ).
- 5) Непредѣльное (побѣхъ, побѣиъ быхъ).
- 6) Будущее (побѣю, побѣиъ бѣдѣ).

²⁾ „ѣсть Грекомъ, говорятъ Смотрицкій, нарѣчїе знаменованїа положительнаго на εν (λεχτῶν), Латинскомъ *verbum participiale in dum* (legendum), намы славѣномъ причастодѣтїе речїно: ѣсть же глаголъ причастїиъ нѣждѣ бѣдѣцаго дѣнствїа знаменѣщїи, яко чичѣтелно“.

преимущественно развиты въ русскихъ нарѣчіяхъ. Такова, на-
примѣръ, замѣна въ русскихъ нарѣчіяхъ прошедшихъ простыхъ
формъ глагола сложными¹⁾),—таково же русское *дѣепричастіе*,
которое справедливо считаетъ Смотрицкій особеннымъ типомъ
причастія, не сознавая того, что въ русской формѣ оно было
чуждо славянскому языку²⁾).

Особенно поучительны соображенія Смотрицкаго о такъ
называемыхъ *видахъ* глагола. Собственно говоря, смутное пред-
ставленіе о видахъ имѣлъ уже І. Екзархъ Болгарскій. Онъ же
первый предложилъ и самый этотъ терминъ, отличивъ въ гла-
голахъ видъ *первообразный* (хощѣ, принимаѣ) отъ производнаго
(вѣсхощѣ, вѣспримаѣ). Смотрицкій развилъ дальше ученіе о видахъ,
подраздѣливъ производный видъ на *начинательный* (каминѣю—
всегда съ примѣтою ѣ) и *учащательный* (читѣю). Обѣ эти раз-
новидности производнаго вида потому такъ и названы, что онѣ
происходятъ отъ вида совершеннаго. *Начинательный*, по мнѣнію
Смотрицкаго, обыкновенно на *ю* (типлѣю, вѣвлѣю—отъ типлѣю,
вѣвлѣю), а учащательный оканчивается обыкновенно на *аю* и *яю*
(вѣвлѣаю, читѣаю—отъ вѣвлѣаю, читѣаю). Не ускользнула отъ Смотриц-
каго и связь между видами глагола и различными формами времени,
но, выясняя эту связь, Смотрицкій не избѣжалъ всякаго рода
натяжекъ. Такъ, онъ говоритъ, что въ первомъ спряженіи пре-
ходящее время образуется отъ 1 л. ед. числа наст. врем. гла-
головъ вида совершеннаго (отъ даю, вѣю, вѣдоу—дѣаю, вѣаю,

¹⁾ „Времена: прѣходящія, прошѣдшя, мнѣшѣдшя и непрѣдѣ-
лнса наклонѣнїа ѣзъ:внѣтелнаго рѣска ѣногда ѣзѣка набыкомѣ
дѣйствѣнїа и стѣдѣнїа прѣзносїма бѣти сѣрѣтѣлѣмѣ: ѣнѣ
сѣствѣнїа глаголѣмѣ рѣствѣлѣма, ѣко: чѣлз ѣсмѣ, читѣлѣ
ѣсмѣ, прочитѣлѣ смѣ (вмѣсто читѣаю, прочитѣаю“ и проч.).

²⁾ „Дѣепричастїа соуть причастїа чрезѣ сѣствѣнїа ѣли ѣзѣ-
лѣтїа сокращѣнїа и знаменѣнїа ѣ причастїи (ѣ нѣхъ же ѣ со-
стѣвлѣютѣлѣ) постоликѣ разлѣчѣствѣюща, постоликѣ прилагѣтелнса
сѣствѣннса ѣ цѣлѣаго разлѣчѣствѣкати сѣбѣчѣ“. Въ дѣепричастїихъ нѣтъ
надежѣй, за исключѣнїемъ именнѣльнаго: „читѣа, читѣаѣ, прочѣсѣщѣ,
чѣсѣмѣ, чѣнѣ, читѣаѣмѣ“ и проч.

кѣдѣхъ),—во второмъ спряженіи отъ 2 л. ед. числа наст. времени, не поясняя при этомъ, отъ какихъ глаголовъ—совершенныхъ или несовершенныхъ, хотя примѣры взяты изъ глаголовъ несовершенныхъ (отъ чѣити, гласѣти, вѣдѣти—чѣихъ, гласѣхъ, вѣдѣхъ). Къ неправильнымъ образованіямъ онъ относитъ формы преходящаго на *ахъ* (въ глаголахъ втораго спряженія: держѣхъ, стѣлѣхъ, мслѣхъ),—формы на *ихъ* (тѣрпѣхъ, колѣхъ, гсрѣхъ) и даже на *охъ* (стѣгѣхъ—всего одинъ примѣръ). Затѣмъ уже отъ преходящаго производится *непредѣльное* время съ помощью *наращенія*, т. е. приставки (вѣдѣхъ, прѣтѣрпѣхъ и проч.). Куда-же относится *прошедшее* время, отъ котораго образуется и *мимошедшее*? Оно составляется, какъ говорить Смотрицкій, отъ 1 л. единст. чис. наст. вр. вида *учащательнаго*, причемъ *аю* измѣняется на *а* (чѣгѣхъ), *яю* на *я* (вѣлѣхъ отъ предполагаемаго вѣлю), *ую* на *ова* (тѣвѣскахъ). Очевидно, прошедшее время есть тотъ же аористъ, что и преходящее, слѣдовательно, одна и та же грамматическая категорія времени разбита на двѣ. Мысль у Смотрицкаго была подвести итоги временамъ и видамъ, т. е. приурочить извѣстныя времена къ извѣстнымъ видамъ, именно времена преходящее и непредѣльное къ *совершенному* виду, а прошедшее и мимошедшее къ *несовершенному*. Вышло, однако-же, такъ, что спутаны, какъ мы видѣли, времена, спутаны и виды, ибо, по Смотрицкому, вѣдѣти, держѣти, стѣлѣти—нужно считать глаголами совершеннаго вида. А такъ какъ эти глаголы у него считаются первообразными, то отсюда новая сбивчивость: не различены надлежащимъ образомъ первообразные глаголы отъ производныхъ. Все это произошло отъ излишней регламентаціи. Смотрицкій хотѣлъ поставить въ причинную зависимость разныя свойства глаголовъ; изъ образованія ихъ хотѣлъ вывести и ихъ видовыя свойства, а изъ этихъ послѣднихъ—формы времени, не умѣя различить при этомъ корневыхъ темъ глагола отъ глагольныхъ темъ вообще. Вышелъ такимъ образомъ сочиненный языкъ, а не дѣйствительный. По образцу формъ дѣйствительныхъ Смотрицкій часто образуетъ формы недѣйствительныя. Такъ, на примѣръ, самъ онъ утверждаетъ, что глаголы „кѣда учащательна първаго

сѹть спрѣжѣнїа“, однако же и во второмъ спряженїи онъ предлагаетъ такїя формы, какъ тѣорѣю, тѣорѣлъ, тѣорѣхъ, тѣорѣнщїй, тѣорѣвїй, и т. п.

Итакъ, въ языкѣ славянскомъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ грамматикѣ Мелетїа Смотрицкаго, нужно различать элементы дѣйствительно славянскїе отъ элементовъ мнимо славянскихъ, къ которымъ относятся, во первыхъ, формы фиктивныя, придуманныя Смотрицкимъ по аналогїи съ латинскими, греческими или же съ подлинными славянскими формами,—во вторыхъ, формы русскїя, усвоенныя славянскому языку безъ всякаго основанїя. Эти послѣднїя допущены въ славянскую грамматику, конечно, непредназначенно. Смотрицкїй вовсе не склоненъ былъ смѣшивать славянскїй языкъ съ русскимъ, хотя, правду сказать, и о русскомъ языкѣ онъ имѣлъ довольно смутныя понятїя, судя по тому, что въ главѣ о предлогахъ онъ обронилъ такого рода замѣчанїе: „дѣтельнаго падежа трѣсѹють двѣ предлога ко и по, казѹюмоє русски вѣдлугъ“. Во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ, что въ славянской грамматикѣ не можетъ имѣть мѣста иной языкъ, кромѣ славянскаго. Но такъ какъ подлинное произношенїе многихъ славянскихъ буквъ ему было неизвѣстно, то онъ или произносилъ ихъ порусски, воображая при этомъ, что произноситъ послavianски (напримѣръ, юсы), или довольствовался тѣмъ, что писалъ ихъ послavianски въ тѣхъ случаяхъ, когда они звучали въ разныхъ нарѣчїяхъ русскихъ различно (напримѣръ, ѣ). Вообще же главной заботой его было научить грамотному письму. Фонетика народныхъ говоровъ строго подчинена была *графической* грамматикѣ: „вѣстїи подсѣкають, говоритъ олѣ, ѣ падежїи вѣ склонїи ихъ, ѣ вѣмїи вѣ спрѣжѣнїи ихъ, скончїи, не писать: о вѣстїи ѡ, ѣ насѣрѣють,—а вѣстїи а, ѣ насѣрѣють,—ъ вѣстїи ѡ, ѣ насѣрѣють,—е вѣстїи ѣ, ѣ насѣрѣють,—ѣ вѣстїи и, ѣ насѣрѣють (послѣднее правило для малорусскаго нарѣчїя, а предыдущее для бѣлорусскаго),—ы вѣстїи и, ѣ насѣрѣють“. Отсюда произошло условное употребленїе разныхъ буквъ, напримѣръ, буквы і въ срединѣ словъ предъ гласными, или-же буквы ѡ, которую Смотрицкїй совѣтуетъ писать въ пред-

логахъ *о*, *объ* и въ словахъ, въ составъ которыхъ входятъ эти предлоги, а также въ падежахъ числа множест.—родит. (тѣхъ зѣлъ), дат. (члѣкъшмъ), въ родит. единств. числа мѣстоименія *тѣи* (тѣгѣ), наконецъ, въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ (догѣснш, прѣвѣднш). Такимъ образомъ, Смотрицкій задолго до Ломоносова установилъ въ правописаніи принципъ словопроизводства, основаннаго на письменномъ преданіи, поэтому и въ иностранныхъ словахъ онъ совѣтовалъ выдерживать на письмѣ коренные звуки тѣхъ языковъ, изъ которыхъ сами слова взяты: „блюдомо бѣди, говоритъ онъ, къ грѣчскимъ рѣчѣишхъ ѡрдографѣи грѣчской, къ латѣнскимъ латѣнской хранилѣи бѣти“.

Но есть отдѣлъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, можно сказать, фонетическій. Мы разумѣемъ ученіе его о *просодіи*. Она имѣеть, по мнѣнію Смотрицкаго, два значенія—стихотворное, основанное на „скраціишѣ или прѣтлжѣишѣ гласнаго, лѣкс слѣга“, и графическое, основанное на „возмо.ліишѣ или сѣтнѣишѣ гласа письменнаго въ писанѣи или въ глаголанѣи“. Первая просодія или „прѣтлжѣи“ есть совершенная фикція, снятая съ греческой метрики. Что касается до второй просодіи, то она тоже одѣта въ греческую терминологію, но моделью ей служило подвижное удареніе, свойственное русской рѣчи. Она обозначается тремя знаками. Первый изъ нихъ называется *оксія* или *острая* ('). Она ставится вообще на ударяемомъ слогѣ, не исключая и послѣдняго, если только это слогъ закрытый (члѣомъ, дѣръ),—надъ открытымъ же ударяемымъ слогомъ ставится *варія* или *тяжкая* (˘), и притомъ всегда на концѣ словъ (тѣсрѣи, зѣлѣи) Третій знакъ называется *периспомени* или *облеченная*, въ позднѣйшихъ букваряхъ *камора* (ˆ). Она можетъ стоять только на послѣднемъ и предпослѣднемъ ударяемомъ слогѣ, и именно—надъ гласными долгими по естеству—и, ѣ, ѣ. 1) На послѣднемъ слогѣ ставится *периспомени*, когда онъ есть слогъ закрытый, и притомъ *мягкій* (пѣтъ, рѣксѣтъ), но если это слогъ твердый, то ставится *оксія* и въ мягкихъ слогахъ, когда въ составъ ихъ входитъ болѣе одного согласнаго звука (смѣрътъ вѣтътъ). 2) На предпослѣднемъ слогѣ ставится *периспомени* надъ долгими гласными и, ѣ, ѣ,

если въ послѣдній слогъ входятъ краткія гласныя о, е, и притомъ съ однимъ согласнымъ (дѣтѣко, сынѣ, бѣло), но не въ такихъ случаяхъ, какъ чистѣ, ѿмжѣ. Вовсе не полагаются знаки ударенія надъ односложными словами, которыя слѣдуютъ послѣ словъ, на которыхъ стоитъ удареніе въ предпослѣднемъ и особенно въ послѣднемъ слогѣ (что ѿ, чѣкъѣ ко, прилѣхъ тѣ, сынѣ мой и проч.).

Какъ ни сложна эта система удареній, но все же она гораздо проще того хаоса, который господствуетъ въ славянскихъ рукописяхъ XV—XVI в. Онѣ представляютъ въ этомъ отношеніи не одну, а нѣсколько системъ, смѣшанныхъ и перепутанныхъ между собою въ слѣдствіе того, что русскіе писцы рукописей, отмѣчая мѣстное произношеніе славянскихъ словъ тѣмъ или другимъ знакомъ удареній, считали въ то же время для себя обязательнымъ сохраненіе тѣхъ знаковь, которые они встрѣчали въ подлинникахъ, напечатанныхъ въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи или въ Болгаріи. Отъ этого недостатка несвободны были даже лучшія по языку рукописи, напр. Пересопницкая¹⁾. Смотрицкій положилъ конецъ этой нестротѣ въ

¹⁾ Кромѣ трехъ знаковь, выражающихъ удареніе, Смотрицкій насчитываетъ еще шесть. Два изъ нихъ выражаютъ—доу́хъ, —т. е.—, ѿгѣщѣніѣ ѿнѣ ѿчѣнчѣніѣ гѣлѣса“. Это писли или тонкая (’), которая ставится надъ начальными гласными въ славянскихъ словахъ (ѿу́слѣши, ѣдѣно), и дасіа или вустая (’), которая ставится надъ начальными гласными въ греческихъ словахъ (ѿмѣнѣ). Гораздо болѣе соответствуютъ звуковымъ особенностямъ русской рѣчи остальные четыре знака. Они выражаютъ, какъ говоритъ Смотрицкій, „стѣрѣсть“, т. е. сокращеніе звуковь, или въ формѣ сложенія двухъ слоговъ въ одинъ, или въ формѣ смягченія согласныхъ звуковь. Это—ерикъ, наерикъ и мякая: въ начертаніи эти знаки очень сходны между собою (’). Первые два знака имѣютъ мѣсто въ концѣ односложныхъ словъ, означая твердое и мягкое произношеніе согласныхъ (с’ мѣнѣ, сѣнѣ). Мякая отличается отъ наерика тѣмъ, что ставится въ серединѣ словъ надъ мягкими (сѣд’ѣа, хѣл’ѣнѣи). Четвертый знакъ этой категоріи называется слитная—въ позднѣйшихъ букваряхъ кавыка (’). Она ставится надъ краткимъ и или же іотой. Это единственный знакъ, который сохранился и въ современномъ русскомъ правописаніи (мой, свой).

²⁾ Оксія въ Пересопницкой рукописи часто стоитъ на томъ слогѣ, на который не падаетъ удареніе (прѣнѣсѣль, брѣа). Часто вѣтъ и вообще никакого знака надъ многими словами (богатѣтѣбо, стѣокротѣ, козѣмѣтѣ). Варія и оксія часто встрѣчаются въ одной и томъ же словѣ (зѣѣрокънѣ, хѣѣсѣ, жѣѣтѣѣѣ). Писли

употребленіи надстрочныхъ знаковъ. Онъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи печатнымъ изданіямъ предшествующаго времени, особенно Библии Острожской, въ которой уже замѣтна постановка удареній по русскому выговору¹⁾. Такимъ образомъ, Смотрицкій вывелъ ударенія изъ области произвола, поддерживаемаго безсознательнымъ списываніемъ славянскихъ рукописей разныхъ редакцій. Существенный недостатокъ его системы заключается въ признаніи долготы за нѣкоторыми гласными, которые въ русскомъ произношеніи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ краткихъ гласныхъ. Но такъ или иначе, важно было само по себѣ уже то обстоятельство, что русское удареніе явилось руководящимъ началомъ въ произношеніи славянскихъ словъ. Подъ защитой ударенія, поддерживаемаго грамматическимъ правиломъ, не искажались на письмѣ и малорусскія слова, сохраняя всѣ особенности живой рѣчи. Вотъ нѣсколько примѣровъ вполнѣ народнаго малорусскаго ударенія въ произведеніяхъ Іоаннікія Галятовскаго, одного изъ популярнѣйшихъ малорусскихъ писателей XVII в: *кѣсна* (К. 149), *калѣн'а* (ib. 166), *калѣн'амъ* (Каз. 108), *мѣзѣка* (ib. 24), *кѣкнанный* (К. 149), *малин'кѣи*, *псдданнмыъ* (ib. 62), *нѣкѣго* (ib.), *нѣзѣцо* (М. 350), *даси* (Каз. 3), *мѣжемо*, *гладнмѣ* (К. 141),—формы повелит. накл: *зѣрѣмо*, *чинѣмо*, *вѣпрѣадѣмо*, *намалѣймо* (Каз. 24—25), *напишѣмо* (К. 212).

Такимъ образомъ, помимо сознанія самаго Смотрицкаго, церковнославянскій языкъ, представленный въ его грамматикѣ, сближенъ былъ съ общими свойствами русскихъ нарѣчій. Писатели малорусскіе, старавшіеся усвоить этотъ языкъ, охотно брали изъ богослужебныхъ книгъ церковнославянскія буквы, не соотвѣтствовавшія русскимъ звукамъ, не менѣе охотно брали церковнославянскія формы, чуждыя русскимъ нарѣчіямъ, но не

или *тонкая*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *звательно*—ставится, вопреки грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, *дважды* въ одномъ словѣ надъ гласными, слѣдующими одна за другою (*исудѣнкѣла*, *іѣр'данѣ*). *Периспомени* часто не совпадаетъ съ удареніемъ (*народѣ мнози*).

¹⁾ Есть въ Острожской Библии *оксія* и *варія*, и *исили*, но множество словъ оставлено безъ удареній, и притомъ словъ не односложныхъ, какъ у Смотрицкаго. *Исили* стоять, какъ въ Пересопницевой рукописи, не только надъ начальными гласными, но и надъ средними. Не видно также *периспомени*.

отказывались и отъ нѣкоторыхъ особенностей живой рѣчи, если только она совпадала съ книжной рѣчью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другаго русскаго нарѣчія. Само собою разумѣется, что больше всего они дорожили сходствомъ церковнославянскихъ звуковъ и формъ съ общерусскими. Собственно говоря, этотъ языкъ можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько *славянорусскимъ* въ самомъ общемъ значеніи этого слова. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ послѣдовательно выдержанъ: попадаются въ славянорусскихъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей звуки и формы общерусскія вмѣсто церковнославянскихъ, иногда даже мѣстныя—малорусскія. Но центръ тяжести славянской рѣчи—не здѣсь, а въ искусственномъ соединеніи стихій церковнославянской съ общерусскою, которая казалась сходной въ томъ или другомъ отношеніи съ церковнославянскою, при чемъ послѣдняя считалась не только регуляторомъ, но и украшеніемъ рѣчи.

Чтобы выяснитъ эти общія положенія, остановимся на синтаксическомъ построеніи славянской рѣчи въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ малорусскихъ писателей XVII в.

III.

Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.—Фиктивные архаизмы, не соответствующіе церковнославянскимъ.—Подлинные архаизмы подражательнаго происхожденія.—Стилистическое значеніе церковнославянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности.

Извѣстно, что въ древнеславянскихъ письменныхъ памятникахъ краткія причастія дѣйствит. залога, наст. и прошед. I, были употребляемы предикативно въ трехъ случаяхъ: 1) въ соединеніи съ различными формами глагола *быти*, на примѣръ: „и пастуши естахѹ къ той же странѣ ездаци“ (Остр. 250); 2) при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія: „не прѣста съ логизаѣци нозѣ мои“ (ib. 233), „како не сѣрѣтошася къ зѣраѣшии дати славу Божю“ (ib. 109); 3) послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій, занимая въ этихъ случаяхъ мѣсто личныхъ глаголовъ: „не вѣдати бо са что твораци“ (ib. 191) ¹⁾.

О первомъ изъ этихъ случаевъ Миклошичъ того мнѣнія, что это способъ выраженія не славянскій. Мы не отрицаемъ вліянія греческаго синтаксиса, и притомъ того греческаго синтаксиса, который явился въ твореніяхъ отцевъ церкви подъ вліяніемъ подражанія образцовымъ греческимъ писателямъ, которыхъ они хотѣли вытѣснить изъ византійскаго образованнаго міра собственными произведеніями, написанными по образу и подобию древнегреческихъ. Въ нашихъ Острогахъ и Триодахъ—въ тяжеловѣсной славянской одеждѣ—и донинѣ еще сохранились нѣкоторые слѣды вліянія греческихъ поэтовъ, на примѣръ, Пиндара и даже Гомера. Подлинные стихи этихъ по-

¹⁾ Miklos. Syntax. der Slav. Spr. 822.

этовъ, нужно сказать, были неясны уже и для позднѣйшихъ грековъ, поэтому неудивительно, что въ славянскомъ переводѣ смыслъ ихъ еще болѣе затмился. Тѣмъ не менѣе многіе, такъ называемые, грецизмы были свойственны и церковнославянской рѣчи. Доказательство, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ старочешскомъ и старопольскомъ языкахъ есть обороты рѣчи аналогическіе съ церковнославянскими, которые считались грецизмами, тогда какъ чешскій и польскій языки не стояли въ непосредственной зависимости отъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ поцерковнославянски. Вопросъ о степени вліянія греческаго синтаксиса на церковнославянскій нельзя считать вполне выясненнымъ въ наукѣ,—но и теперь уже, послѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Потебни¹⁾, можно сказать, что въ самой природѣ церковнославянскаго нарѣчія заключались естественныя условія для воспріятія вліянія со стороны греческаго синтаксиса, иными словами—сама по себѣ церковнославянская рѣчь не была чужда элементовъ, сходныхъ съ греческими способами слововыраженія. Если бы было иначе, то откуда славянскіе переводчики греческихъ книгъ могли бы заимствовать формы словъ, необходимыя для синтаксическихъ построеній, сходныхъ съ греческимъ строемъ рѣчи, напримѣръ, хотя бы формы краткихъ причастій, которыя составляютъ органическую принадлежность церковнославянскаго синтаксиса? Широкое употребленіе этихъ причастій, вообще говоря, свойственно было древнѣйшему состоянію всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Было время, когда и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ краткія формы причастій не были еще превращены въ такъ называемыя дѣепричастія, т. е. не были вовлечены въ сферу полной зависимости отъ личныхъ глаголовъ,—поэтому, какъ въ предикативномъ, такъ и въ аппозитивномъ употребленіи ихъ еще не нарушалось согласованіе съ именемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

¹⁾ Мы разумѣемъ вторую часть капитальнаго труда г. Потебни: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

Слѣды потери краткихъ формъ причастія относятся къ первымъ вѣкамъ древнерусской письменности¹⁾. Въ XIV в. рѣзко выступилъ эта потеря, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. постоянно встрѣчаются формы: *чтучи, рекучи, оживаючи*, при именахъ существ. въ множ.ч²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ то самое время, какъ приходили въ забвеніе формы этихъ причастій, функціи ихъ присущи были живому чувству языка. Распредѣленные между многими формами, функціи съ теченіемъ времени, обыкновенно, отходятъ къ немногимъ удѣльшимъ формамъ, которыя служатъ для выраженія разныхъ функцій. Такъ случилось, какъ извѣстно, съ прошедшими простыми, функціи которыхъ сосредоточились въ прошедшемъ времени на *лъ*, при чемъ самая форма эта съ теченіемъ времени поставлена была въ особенныя условія для выраженія тѣхъ оттѣнковъ времени, которые принадлежали прошедшимъ простымъ. То же самое мы видимъ и въ краткихъ причастіяхъ. Когда они перестали измѣняться по падежамъ, то на окончанія неизмѣнныя (для наст. врем. *чи*, для прошед. *ши*) перенесено было функціо-нальное значеніе вышедшихъ изъ употребленія разныхъ падежныхъ окончаній. Въ этомъ убѣждаетъ насъ синтаксическое построеніе рѣчи, сохранившееся въ южнорусскихъ грамотахъ XVI в. Оно отражается отчасти и въ современной намъ малорусской рѣчи, особенно въ языкѣ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣры:

Предикативное употребленіе краткихъ причастій.

I. Съ глаголомъ вспомогательнымъ: „*бачучи есмо* высокіи послуги князя“ (Грамм. 1552 г.)³⁾ „Тую уставу нашу *давши есмо* подданнымъ нашимъ“ (Грамм. 1561 г.)⁴⁾.

¹⁾ Лекція по исторіи русскаго языка, Соболевскаго (1888 г.) стр. 156, 157: здѣсь приведены примѣры изъ многихъ памятниковъ, начиная отъ XI в. до XIV включительно.

²⁾ АЗР. I. 25. АЮЗР. II. 102.

³⁾ АЗР. II. 143. Многие примѣры мы взяли у Миклошича (Vergleich. Syntax der Sl. Spr.), другіе сообщены намъ О. И. Левинскимъ, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

⁴⁾ АЗР. III. 114.

II. При глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія и т. п. (соотвѣтственно съ греческой конструкціей inf. cum accus.): „шла она с поля з работы и *обачила* трех человекъ *трясучи* грушу ее“ (Гр. 1562) ¹⁾, „*застам* есмо людей корсовскихъ *оручи* землю“ (Гр. 1562 г.) ²⁾.

„Ударили дробні дощі, ударили тучі, ймили Петра Бондаря у Харинюка спючи“ ³⁾.

III. Послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій: „вупцы и ремесники всякіе мають добровольно отонь у своихъ домѣхъ завжды держати, *коли хотяче*“ (Гр. 1506 г.) ⁴⁾ „Абы возы такъ продавали, *якъ зъ дому привезши*“ (Гр. 1541 г.) ⁵⁾.

„Туть я шапку з себе хутбо, в віконце, *як мога*“ ⁶⁾.

„Нема спинку вдовиному синку, що звів з ума чужую дитинку: *як извівши*, на коника *сівши*: „будь здорова, любая розмова!“ ⁷⁾.

Аппозитивное употребленіе краткихъ причастій.

Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемый, дательный самостоятельный. Слѣды этой конструкціи въ изобилии встрѣчаются въ южнорусскихъ грамотахъ: „Поведили: *женучи* дей намъ вепровъ кормныхъ, то пакъ пакъ Окуровскій споткаль насъ, прудко у санкахъ бегучи“ (Гр. 1564 г.) ⁸⁾; „*будучи* намъ *юс-подарю* на великомъ соймѣ, донесли прозбы свои“ (Гр. 1565 г.) ⁹⁾; „*намъ съдши* на отчизномъ нашомъ столцы, есмо напоминали“ (Гр. 1507) ¹⁰⁾. Миклошичъ называетъ эти обороты рѣчи отголоскомъ (nachklang) церковнославянскаго языка, даже въ томъ случаѣ, когда причастіе сохраняетъ форму дат. падежа, напримѣръ: „сталося... лѣта Божьего... мѣсяца... при томъ *будучимъ*“...

¹⁾ Луцк. кн. л. 179.

²⁾ Ibid. л. 127.

³⁾ Гол. I. 176.

⁴⁾ АЗР. II. 3.

⁵⁾ АЮЗР. I. 113.

⁶⁾ Чуб. V. 655.

⁷⁾ Ibid. 275. 8.

⁸⁾ Луцк. кн. л. 9.

⁹⁾ АЗР. II. 138.

¹⁰⁾ Ibid. II. 21.

(далѣ слѣдуютъ имена свидѣтелей: Гр. 1510)¹⁾. Мы тоже думаемъ, что это отголосокъ церковнославянской старины—только, во всякомъ случаѣ, не подражательный. Доказательство заключается въ томъ, что и въ народной малорусской рѣчи встрѣчаются довольно частые слѣды дательнаго самостоятельнаго: „*як тий зозулъ въ саду куючи, такъ вашій сестриці тамъ горюючи*“²⁾; „*горе мені на чужини, безъ батенька жиючи*“³⁾).

Но если и теперь еще въ малорусскомъ нарѣчій продолжается старинная традиція въ построеніи рѣчи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она составляетъ въ ней господствующее начало. Малорусское нарѣчіе въ своемъ историческомъ развитіи шло тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія, т. е. теряя старинную сжатость предложенія и безразличіе его составныхъ частей, постепенно переходило къ аналитическому строю рѣчи. По мѣрѣ того, какъ краткія причастія получали неподвижную форму неизмѣняемыхъ словъ, они уже не могли согласоваться съ именами существительными, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали тяготѣть къ глаголу, какъ къ центру предложенія, которое въ слѣдствіе того получило ббльшую грамматическую опредѣленность, ббльшую расчлененность своихъ составныхъ частей. Въ связи съ этими перемѣнами въ причастныхъ формахъ предиката и аппозиціи, падали и, такъ называемые, вторые падежи, замѣняясь развитыми придаточными предложеніями, неопредѣленнымъ наклоненіемъ и проч.

Вмѣстѣ съ разнообразіемъ, которое при этомъ не исключало единства, обусловленнаго болѣе отчетливыми требованіями мысли, предложеніе пріобрѣтало ббльшую выразительность, и рѣчь становилась подвижнѣе.

Таковъ общій ходъ синтаксическаго перестроя рѣчи не только литературной, подвергавшейся разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ, но и болѣе консервативной народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской.

¹⁾ Vergleich. Syntax, 828.

²⁾ Чуб. V. 751.

³⁾ Ibid. 1041.

Безъ сомнѣнія, въ XVI—XVII в. малорусское нарѣчіе слѣдовало новому теченію рѣчи, а не старому. Въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ сравненія письменныхъ памятниковъ одинаковаго содержанія болѣе позднихъ съ древнѣйшими.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Пересопницкаго евангелія сравнительно съ Остромировымъ.

Предикативное употребленіе краткихъ причастій.

I. „Бѣахъ сѣдши фариси“ (Остр. 90, обор.).

„И сѣдѣли тѣмъ фарисѣи“ (Перес. 34).

II. „Изиде нѣс и оузрѣ мьздоньца именемъ леунѣ сѣдши на мѣстѣниці“ (Остр. 92).

„И потѣмъ бышоль и оуздрѣль мѣстника имени Левію а онъ сѣдичь на мѣстѣниці“ (Перес. 35).

III. „Въземашн юго же не положь и жьнши юго же не сѣлакъ“ (Луки 19. 21).

„Берішь тѣа, гдѣ еси не положилъ и пожинаѣшь гдѣ еси не сѣлалъ“ (Перес. 66).

Дательный самостоятельный мелькаетъ то тамъ, то здѣсь въ Пересопницкомъ евангеліи въ видѣ подражанія церковнославянской рѣчи, и въ этомъ случаѣ самое причастіе настоящаго врем. является не въ русской формѣ (*чій*), а въ церковнославянской (*чійи*). Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ этотъ оборотъ рѣчи выражается или полнымъ придаточнымъ предложениемъ, или независимымъ предложениемъ съ личнымъ глаголомъ:

„Ище же юмоу не далече ещиъ отъ домоу посла къ немоу сътъникъ“ (Остр. 95).

„И коли не далѣко былъ ѿ домоу посла прочтѣнь нигò сътъникъ“ (Перес. 38).

„Отъмѣтаѣщимъ же еа въсѣмъ“ (Остр. 101).

„И не прізналъсь никто“ (Перес. 43).

Вообще придаточныя предложенія, выраженыя въ Остромировомъ евангеліи посредствомъ краткихъ причастій, передаются въ Пересопницкомъ евангеліи болѣею частію посредствомъ полныхъ:

„БѢ оуча нѣ на ѣдинолѣ отъ събориць въ съботы и се жена дѣхъ имѣщи недѣжнѣ нѣ лѣтъ“ (Остр. 105).

„Была пакѣ те на ѣдинолѣ ѿ събориць и насучала всоубоотѣ. была тыжь тамъ жѣна трага которага нѣ могла ѿ доуха нѣ лѣтъ“ (Перес. 55).

Встрѣчаются иногда въ Пересопницкомъ евангеліи слѣды стариннаго синтаксиса, напр., вторые падежи, но въ употребленіи ихъ замѣтно колебаніе, склоняющееся къ именит. съ творит. вмѣсто двухъ именит., въ винит. съ творит. вмѣсто двухъ винительныхъ:

„Имѣи мѣнѣ ѿрѣчиннымъ, а въ слѣдующей строкѣ: „Имѣи мѣнѣ ѿрѣчинна“ (Перес. 57).

„То не можѣ быти мѣимъ обѣчникомъ“ (ib. 58).

„Бѣда твоа тебе здѣровѣго сѣчинила“ (ib. 43).

Что же представляетъ книжная малорусская рѣчь XVII в., которую мы назвали *славянорусскою*?

Мы знаемъ общественно-религіозныя и политическія условія ея появленія, поэтому и неудивительно, что въ ней господствуетъ церковнославянская старина, и притомъ не всегда подлинная, но часто—подновленная, искусственная. Любопытная особенность этого подновленія заключается въ томъ, что малорусскіе писатели не отказывались отъ изобрѣтенія такихъ формъ, которыя нельзя назвать ни старыми, ни новыми, которыхъ нельзя отыскать въ древнеславянскомъ нарѣчьи и ни въ одномъ народномъ славянскомъ нарѣчьи.—Таковы, напримѣръ, формы причастій краткихъ и полныхъ въ мужес. р. имен. пад.: живѣщѣ, свѣщѣи, живѣщѣи, живѣщѣи, напр.: „ѡнѣ ѣтъ пѣстырѣ дѣбрыи полагѣющѣ дѣиѣ скѣи за ѡкца“ (Мечъ Б. 189). Вообще славянорусская рѣчь изобилуетъ широкимъ употребленіемъ причастій, съ которыми связано старинное построеніе предложений. Замѣчательно при этомъ, что краткія формы причастій (точно такъ же, какъ и краткія формы именъ прилагательныхъ) употребляются иногда атрибутивно, вопреки предписаніямъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, который отрицалъ въ этихъ причастіяхъ косвенные падежи:

„Совѣтковаше нарочитѣ и разсужмень мѡже къ великѡ Нѡвго-родѣ живѡщѣ Гостомыслѣ“ (Син. 20).

„Ще живѡ сщцѡ Ѡлигѡ“ (ibid. 25).

„Турцы отруиша своего царя Баязета, яко несчастлива суща“ (Густ. л. 363).

Гораздо чаще встрѣчаются эти причастія въ аппозитивномъ употребленіи, какъ съ именит. падежемъ, такъ и съ дательнымъ (въ видѣ дательнаго самостоятельнаго): „Той ѡже идѣтъ за щасъ чемъ спобѡужи на него“ (Мечъ Б. 134) „явился въ Полци новая немощъ, глаголемая франца, южъ нѣкая жена ходяще на отпусты, принесе зъ Риму до Кракова“ (Густ. л. 360).

„Тѣло и душа, ище въ раи очима ея прелетивше, согрѣшнѣста: тѣло оузрѣвши, яко заперѣнный око зѣло етъ краснѣ: душа колюкаши, яко ѡверзѡтъ ея очи ея“ (Мечъ Б. 129).

„Не малу времени приидѡшѡ, приидѡша трѣ братѣя“ (Син. 16).

„Бѣгѡ тако грѣхѡ ради члѣчскихѡхъ поспѣтѣхѡ“ (ibid).

Вторые падежи составляютъ постоянную принадлежность славянорусской рѣчи:

„Содѣлаша великѡ русскѡ Самодѣржицѣ“ (Син. 38).

„Плѣтъи идола кѡпало, его же Бѡга плодѡхѡ зѣлныхѡ быти мѡхѡ“ (ibid. 43).

Это одинъ изъ греческихъ оборотовъ рѣчи, которые, какъ извѣстно, съ особенною охотою вносились въ славянскій текстъ Библии острожскими переводчиками ея.

Причастіе прошедшее гораздо чаще употребляется съ вспомогательнымъ глаголомъ, чѣмъ безъ него. Но особенное пристрастіе замѣтно къ старинному аористу и прошедшему продолженному времени. Простыя и сложныя прошедшія смѣшиваются иногда до безразличія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ въ двухъ рядомъ стоящихъ строкахъ принимаетъ форму то простаго, то сложнаго прошедшаго, напримѣръ: „саранча великія шкѡды учини“ и „огонь въ Краковѣ много шкѡды учинилѡ“ (Густ. л. 359). „Перунъ... распятіе рѣзанное распорошилѡ“, а чрезъ нѣсколько строкъ: „распятіе пази распороши“ (ibid). Впрочемъ, большею частію простыя прошедшія употребляются въ

прямой рѣчи, а сложныя въ косвенной, напримѣръ: „Устави (Патріархъ) братства и ставропигія, дабы наши овцы не повиновались намъ“ (Густ. л. 371). „Нынѣ мы *умыслихомъ* просити короля и всего сенату, дабы насъ *заховаи* при волостяхъ“ (ibid).

Ко всему этому нужно прибавить, что въ славянорусской рѣчи для соединенія предложеній постоянно употреблялись церковнославянскіе союзы: *гдѣ, кигдѣ, пѣни, аще, оубо, понеже, занѣ, коуже, ꙗко* и т. п. Изъ русскихъ союзовъ приняты были только тѣ, которые имѣются и въ церковнославянскомъ нарѣчій. Это было своего рода архаическое украшеніе рѣчи, не мало вредившее простотѣ и естественности ея.

Такъ разрѣшали задачу свою тѣ малорусскіе писатели, которые въ церковнославянскомъ языкѣ видѣли готовый литературный органъ для выраженія мыслей. Они стремились возстановить этотъ языкъ во всей полнотѣ и чистотѣ его, но, помимо ихъ воли и сознанія, это уже не былъ церковнославянскій языкъ со всѣми его типическими особенностями. Въ приведенныхъ примѣрахъ рѣчи легко видѣть значительныя погрѣшности въ употребленіи церковнославянскихъ причастій, которыя часто не согласуются съ своими существительными въ родѣ: „чтой *ꙗпокаѹци, жена ходяще, тѣло оуручѣши*“. Подобныя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Очевидно, малорусскіе писатели употребляли церковнославянскія формы порусски,—иными словами, съ церковнославянскими формами они не соединяли тѣхъ функцій, которыя нѣкогда были имъ присущи. Слѣдовательно, сами по себѣ церковнославянскія формы составляли нѣчто внѣшнее по отношенію къ тому языку, на которомъ они думали и говорили въ обыденной жизни. Сохранялась такимъ образомъ одна видимость церковнославянской рѣчи, которая считалась нарядной одеждой мысли, всегда обращенной къ матеріямъ болѣе или менѣе важнымъ. Это была ветхая одежда старика-отца на молодомъ организмѣ юноши-сына. Она была надѣта отчасти по пуждѣ, отчасти по убѣжденію въ томъ, что она можетъ доставить почетъ и уваженіе отъ тѣхъ людей, которые привыкли цѣнить въ человѣкѣ не столько личныя достоинства, сколько наслѣдственные права его.

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣтѣ.

I.

Славеноросскій лексиконъ Памвы Беринды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣчіемъ малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на *лз* съ глагольнымъ корнемъ *тес*.—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ 1627 году напечатанъ былъ въ типографіи кіево-печерской лавры *Лексиконъ славеноросскій* Памвы Беринды. Черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого—въ 1653 году явилось второе (кутеинское) изданіе этой книги. Время между первымъ и вторымъ изданіемъ ея названо въ предисловіи къ этому послѣднему *не барзо долмиж часомж*, въ теченіи котораго лексиконъ Беринды „такъ ѡсквдѣля, же ѡмалъ гдѣ ігò вѣдѣтъ єаѣзо“¹⁾. Главнымъ побужденіемъ къ новому изданію его служило то обстоятельство, что „кѣлкослѣвнѣй ѡ к мѣсѣ шырокѣй іазыкѣ славѣнскѣй... чрѣднѣ слѣ ѡ ѡ назвѣнкѣ... не мѣло в' сѣбѣ мѣт', зачѣм' мнѡгіе... ко-

¹⁾ Изъ бібліотеки кіевского университета кн. за № 74. Считаемо нужнымъ предупредить тѣхъ, кто пожелаетъ пользоваться для изученія лексикона П. Беринды изданіемъ Сахарова (*Сказанія русскаго народа*, т. II), что оно на каждой страницѣ представляетъ множество опечатокъ и даже рѣзкихъ искаженій стариннаго текста. Для образца выпишемъ слово *тченіе*, которое у Сахарова объясняется подъ словомъ *тупоносый* (sic) слѣдующимъ образомъ: „тупоносый, плосконосый; тченіе, теанье полотна, или сукна; або текстъ, исправь послѣднюю строку, отъ самаго тченія, бо, тченія, але тамъ есть“ (стр. 106). И дѣйствительно, *але есть*,—только не въ подлинникѣ, а въ выписанныхъ нами строкахъ, ибо здѣсь послѣ слова *текстъ* пропущены слова: „Ѣѣ: Ѧ: Ѧ: ѢѢѢѢ“ (174), т. е. „*Бесѣды Іоанна Златоуста на посланія апостольскія*“. П. Беринда предлагаетъ исправить слово „ѢѢѢѢ“, т. е. вѣсто этого слова поставить слово „ѢѢѢѢ“.

тѣхъ не часто иго зажнѣи, да не върозѣмѣи ѿ шнѣи... малыи
з' читалъ шнѣи пожито...

И въ самомъ дѣлѣ, не велики были въ то время свѣдѣнiя о славянскомъ языкѣ въ средѣ обыкновенныхъ читателей. Судить объ этомъ можно по тому, что въ лексиконѣ Берынды нѣкоторыя слова приводятся въ разныхъ грамматическихъ формахъ, которыя, по видимому, затрудняли многихъ читателей такъ же, какъ и самое значенiе словъ. Такъ, напримѣръ, одни и тѣ же глаголы встрѣчаются въ 1 и 2 л. един. ч. наст. вр., хотя основною формою глагола считается первая изъ нихъ: вѣси (20), дамы (32): послѣдняя форма приведена для того, чтобы отличить ее отъ „да“, стоящаго рядомъ съ мѣстоименiемъ „мы“. Одинъ и тотъ же глаголъ объясняется въ формѣ аориста и преходящаго времени, въ формѣ повелит. накл. и причастiя, напримѣръ, глаголъ: накыкнѣти (54), а также формы: кысть (11), прытѣ (122), вѣждѣхѣса (11), вѣдѣщи (11), конми (16), конмѣмъ (16) и т. п. Точно такъ же имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименiя часто приводятся въ косвенныхъ формахъ, напримѣръ: левѣ (74), гадѣми (27), заматѣ; вѣшы (49), имѣжи (4), ми (78) и т. п.

Мы видѣли, что и въ средѣ писателей свѣдѣнiя о славянскомъ языкѣ не отличались надлежащей полнотой и отчетливостiю. Славянскимъ языкомъ они считали языкъ славянорусскiй; употребляя его иногда въ сочиненiяхъ такого рода, которыя требовали рѣчи болѣе простой и естественной. Такъ, Петръ Могила въ собственноручныхъ запискахъ своихъ говорить о предметахъ и явленiяхъ обыденной жизни тѣмъ самымъ языкомъ, на которомъ написаны имъ же составленныя церковныя пѣснопѣнiя и каноны. Чувствуется на каждой страницѣ его записокъ слишкомъ серьезный тонъ, который не соотвѣтствуетъ бытовымъ подробностямъ жизни. Приводимъ одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ: „Въ градѣ Бѣлоцерковскомъ Яну Пикгловскому родися дщи. По обычаю же баба, въспрiемши отроча, пупокъ урѣза, нѣ недобрѣ связа. Не внемшижъ се бабѣ, положи отроча въ корытцѣ, обѣ ночь же кровь изъ отрочате течаше пупкомъ, кровiю же исплѣвъ, умираше“ (стр. 99).

Можно полагать, что и въ то время этотъ разладъ между словомъ и его содержаніемъ не могъ производить благопріятнаго впечатлѣнія на тѣхъ читателей, которые сознавали, что съ славянскою рѣчью нельзя было обращаться за просто, не роняя ея важности и достоинства. „Евангелія и Апостола, говорилъ еще І. Вишенскій, простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же для выразумѣнія людского попросту толкуйте и выкладывайте“¹⁾. Мысль о неприкосновенности славянскаго языка въ церковныхъ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ составляла общее убѣжденіе всѣхъ малорусскихъ писателей въ XVII в. Вотъ что пишетъ Арсеній Желиборскій, епископъ львовскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 году Требнику: „што ѿ тѣхъ чытыть по-кыбынныкыхъ, што дѣнь ѿчлѣнныхъ, такъ тѣхъ тѣхъ ѿко ѿ сѣнсѣ, ѿншимъ чыпографіамъ звычайныхъ корректѣръ ѿ поправокъ, чымы дѣланы по-кѣн: мѣкчи за то, же вѣ рѣхломѣ (што дай Бже) чѣстѣ, за ѣцимъ Архїеріевъ пракославноѣ Цркви Россійскоѣ ѿвѣсто, ѿ не ѿпѣлымъ стараніемъ, станеть гднѣ ѿкѣл статичнаѣ ѿ не ѿчлѣннаѣ, такъ старшпрѣдѣмачѣныхъ книгъ корректѣра, ѿко, ѿ вѣ нѣшномъ словѣнскомъ ѿзвѣстѣ ѿше не бѣлыхъ прѣдѣмаченіѣ“²⁾.

Но какъ провести разграничительную линію между языкомъ *простымъ* и *непростымъ* „по литургіи“, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить и писать „для выразумѣнія людскаго?“. Какъ воздержаться отъ книжнаго слова тамъ, гдѣ въ простомъ языкѣ не было подходящаго? Какъ устроить простое слово, не всегда удобное для выраженія важной мысли, тамъ, гдѣ книжное, болѣе солидное, было уже неясно?

Выходъ изъ этого положенія для малорусскихъ писателей представлялся въ сближеніи славянорусской рѣчи съ обыкновенною разговорною рѣчью грамотныхъ, „*письменныхъ*“ людей. Собственно говоря, вполне сознательные первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы были еще во второй половинѣ XVI вѣка,

¹⁾ АЗЮР. т. II, 210.

²⁾ Изъ библіотеки кievской духовной академіи кн. подъ № с. 11,

но, пока не приведены были въ извѣстность грамматическія особенности славянорусской рѣчи, оно не могло развиваться систематически. Только въ эпоху Петра Могилы, послѣ появленія грамматики Мелетія Смотрицкаго, сдѣлалось возможнымъ прочное взаимодѣйствіе между рѣчью книжною—славянорусскою и народною. Плодомъ этого взаимодѣйствія была *книжная мало-русская рѣчь*, которая должна была удовлетворять, какъ людей болѣе книжныхъ своею грамматическою правильностію, такъ и людей менѣе книжныхъ своею общедоступностію. Писатели малорусскіе называли эту рѣчь *русскою мовою, російскимъ языкомъ*, иногда же просто—*языкомъ русскимъ*.

Сводъ матеріаловъ этой рѣчи мы имѣемъ въ *славенорусскомъ* лексиконѣ Памвы Беринды.

Началъ онъ свой трудъ въ домѣ благочестиваго пана Теодора Балабана, который понудилъ его, „аще и проста, реченія и имена славенская избирати“¹⁾). По смерти Балабана, Беринда занимался исправленіемъ и печатаніемъ книгъ во Львовѣ. Какъ знатокъ типографскаго дѣла, вызванъ онъ былъ Елисеємъ Плетенецкимъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ должности Архитипографа кіево-печерской лавры (1632). Служебное положеніе его давало ему достаточныя побужденія и средства къ продолженію давно начатаго труда, которымъ занимался онъ въ теченіи тридцати лѣтъ своей жизни. Такимъ образомъ лексиконъ Беринды есть ничто иное, какъ записная книга умнаго типографа, который не могъ относиться безсознательно къ славянскимъ книгамъ, напечатаннымъ подъ его наблюденіемъ. Составитель лексикона имѣлъ въ виду прежде всего уяснить для самаго себя значеніе непонятныхъ для него словъ, руководствуясь не столько учеными соображеніями, сколько практическою надобностію. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Буслаева, что Беринда былъ *ученымъ изслѣдователемъ*²⁾). Конечно, онъ былъ образованнымъ человѣкомъ своего времени: ему извѣстны были грамматическія формы словъ, правильное употребленіе и начертаніе

¹⁾ Сказанія русскаго народа, Сахарова, т. II, 7.

²⁾ Историческая хрестоматія Буслаева, 1111.

ихъ. Но мы не нашли въ лексиконѣ его того, что нашель г. Буслаевъ, т. е. „сравненія формъ различныхъ славянскихъ нарѣчій“¹⁾. Правда, Берында для объясненія значенія словъ прибѣгаетъ иногда къ другимъ славянскимъ и даже не славянскимъ нарѣчьямъ, но свѣдѣнія его въ этой области сбивчивы и скудны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) „пѣтилъ: чѣски и рѣски когѣтъ, колынки пѣвинъ, литѣски пѣтѣхъ“ (133);

2) „чпѣгъ: кишинъ, шабѣлтѣ, внаѣга, чѣшка, кѣпса, члѣмокъ, бѣцокъ, словѣцки, чѣрѣга, мошна, чѣ: чѣсѣла, мѣшо, оуѣрски, іршѣны“ (204).

Въ предисловіи къ первому изданію своего лексикона Берында жалуется, что трудъ его былъ презираемъ со стороны какихъ-то *хульниковъ*. Мы не знаемъ, въ чемъ заключались мнѣнія этихъ *хульниковъ*. Можетъ быть, они смущались наивной этимологіей лексикографа, который думалъ, что „цѣркѣ названа ѣтъ ѡ царѣ, ѣтъ цѣрквины дѣсмѣ ѣтъ“ (201),—этимологіей тѣмъ болѣе странной, что въ другомъ мѣстѣ самъ Берында предлагаетъ другое—болѣе вѣроятное объясненіе слова *церковь*: „ѣтъ цѣркѣ ѡкрѣжны ѡбвѣдена и ѡбвѣрѣвана цѣркѣмъ, ѡ которого сѣска, и ѣтѣмонъ сѣонъ, чѣ ѣтъ, кѣкогда мѣтъ“ (219). Можетъ быть, они недовольны были грамматическимъ беспорядкомъ, который допускалъ Берында, отступая во многихъ случаяхъ отъ грамматической формы объясняемаго слова,—переводя, напримѣръ, слово „нѣпорѣчнѣ“—словомъ: „сѣзнагѣны“ (94), слово „чѣтнѣ“—словами: „рѣмъ, пѣрѣнѣ“ (174) и т. д. Могли не соглашаться они съ самою сущностію объясненій Берынды. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что для оцѣнки труда Берынды нужно принимать во вниманіе глухой намекъ его на современныхъ ему *хульниковъ* такъ же точно, какъ и мнѣніе кутенскихъ издателей лексикона, которые называютъ его *потребнымъ и позитечнымъ для многихъ*. Дѣйстви- тельно, онъ былъ *потребнымъ и позитечнымъ*, какъ всякая

¹⁾ Ссылки на кутенское изданіе, приведенныя у Буслаева, при сличеніи оказались невѣрными.

справочная книга, съ которою можно было соглашаться и не соглашаться по мѣрѣ начитанности въ славянскихъ книгахъ и ученой подготовки самага читателя.

Въ наше время лексиконъ Беринды представляетъ интересъ этнографическій и историко-филологическій, какъ сборникъ старинныхъ понятій, вѣрованій и преданій, которыя отчасти сохранились въ народѣ и до настоящаго времени. Впрочемъ, для нашей цѣли гораздо важнѣе самый составъ *славянооросскаго* лексикона, и именно той части его, которую Беринда называетъ *росскою*. Здѣсь собраны слова *подобоименныя*, которыя Беринда считалъ болѣе понятными для читателя, чѣмъ слова славянскія.

Итакъ, что же Беринда называетъ словами *росскими*?

Во первыхъ, *славянорусскія* слова, свойственныя славянскому и всѣмъ русскимъ нарѣчьямъ, напр: „гѣре: гѣдѣ“ (30), „градѣ: ѿдѣ, прохѣжѣ“ (32), „крѣкъ: крѣкъ, що в' тѣлѣ тѣ“ (68). Одно изъ этихъ словъ Беринда сопровождаетъ любопытнымъ, орфографическимъ примѣчаніемъ: „благо, говоритъ опъ, гдѣ пишѣа безъ тѣтлы, къ гѣскѣй мѣтѣ значить: не гараздѣ, мѣдѣ, недѣри, оуломѣ, зѣмно, лѣнѣво, гнѣсно, елѣдо, ѿнѣ, що тѣрѣтъю фѣрѣѣ мѣтѣ“ (4). Сюда же относятся слова, выдуманныя изъ корней славянорусскихъ: „кѣтѣ: кѣтѣность“ (11), „кѣлѣтѣ: кѣлѣтѣ“, „кѣлѣтѣ: кѣлѣтѣ“ (13), „кѣлѣтѣ: кѣлѣтѣ“ (16), „кѣлѣтѣ: кѣлѣтѣ“ (28).

Во вторыхъ, *общерусскія* слова: „кѣлѣтѣтѣтѣ: погѣда, тѣнна погѣда“ (7), „кѣлѣтѣтѣтѣ: кѣлѣтѣтѣтѣ“ (63), „кѣлѣтѣтѣтѣ: кѣлѣтѣтѣтѣ“ (34). Большею частію слова этой группы передаются посредствомъ измѣненія фонетики церковнославянской на общерусскую: „кѣлѣтѣтѣтѣ: кѣлѣтѣтѣтѣ“ (67), „кѣлѣтѣтѣтѣ: кѣлѣтѣтѣтѣ“ (10), „кѣлѣтѣтѣтѣ: кѣлѣтѣтѣтѣ“ (14), „кѣлѣтѣтѣтѣ: кѣлѣтѣтѣтѣ“ (47). Нѣкоторыя древнерусскія слова сдѣлались уже непонятными: такъ, слово „кѣлѣтѣтѣтѣ“ Беринда считаетъ нужнымъ объяснить словомъ „кѣлѣтѣтѣтѣ“ (67).

Въ третьихъ, польскія слова. Они представляютъ въ лексиконѣ Беринды значительный процентъ всего состава *росскихъ* словъ, причѣмъ объясняемыми словами иногда являются у него тѣ же польскія слова, напримѣръ: „жѣ: а, лѣкъ, вѣлѣкъ, ѿлѣкъ, тѣкъ,

«кѣзѣ сѣлѣплѣмци» (42); «кѣлѣи: чѣша» (63). Полагать надобно, что въ этихъ двухъ примѣрахъ польскія слова попали не на свое мѣсто по недосмотру лексикографа. По видимому, онъ считалъ нѣкоторыя слова, имѣющія въ польскомъ нарѣчїи специальное значеніе, органическою принадлежностію *росской мовы* въ томъ же значенїи: такъ, по поводу слова: «дѣло» онъ говоритъ: «російски и польски струбѣла великаа зовѣтца» (39). Вообще же онъ не считалъ искаженіемъ *росской мовы* употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами. Нерѣдко въ лексиконѣ своемъ онъ приводитъ подобоименныя польскія слова для объясненія славянорусскихъ словъ, которыя не нуждаются въ объясненїи: такъ, при словѣ «кѣра» стоятъ у него: «накожѣтко, рѣлѣа» (26), при словѣ «сѣла» — слова: «мѣцѣ, чѣкѣ же цѣоча» (136) и т. п.

Можно отчасти объяснить эту широкую терпимость Беринды къ польскимъ словамъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ и большинство литературныхъ дѣятелей того времени, были уроженцы волынской и галицкой земли, гдѣ съ особенною силою чувствовалось вліяніе польской культуры съ литературнымъ и общественнымъ органомъ ея—польскимъ языкомъ. Но были и другія причины, дававшія этому языку вѣсъ и значеніе въ глазахъ малорусскихъ писателей XVII вѣва. Одна изъ нихъ указана въ книгѣ, которая вышла въ свѣтъ изъ типографїи кїево-печерской лавры въ 1645 году подъ заглавіемъ: «Свѣрѣніе корѣткен наѣкни ѡ артикѣлахъ вѣры православнокадолически Хрїстїанески»¹⁾. Въ предисловіи къ этой книгѣ, имѣвшей въ свое время для южной Руси глубоко православное значеніе, говорится, что она «чѣсѣ неѣвѣкнѣ прошлогѣ» напечатана была «дїалѣктѣмъ польскимъ для пѣкныхъ и показныхъ причинѣ, а не мнѣи для тѣни: ѣбы оуѣта неѣстыдѣнѣвыхъ помѣсѣцѣхъ затѣмовѣны были, котѣрыѣ, еѣдѣчи неѣпрїѣтѣлѣми голоѣнѣми цѣркѣн еѣсѣоднен, дїалѣктѣмъ польскимъ смѣлѣн и ѣажнѣнѣа рѣзными герѣзіѣлами цѣркѣвъ православнокадолическѣю мѣжѣучи, свѣтѣу ѡгниѣати. ѣбы такѣмъ же дїалѣктѣмъ (гдѣ правѣное,

¹⁾ Изъ император. публичной библіотеки кн. подъ № 13 (III—5).

визнаніє църкви чинятчи єбдѣть), зрѣжкы и поганьскы, вѣчне зоставали. Тепѣрь зась поєтѣре чѣла самѣла книжечка... дѣлалкѣомъ рѣскимъ прѣ дѣрѣкѣ скѣтѣѣ пѣлалкѣѣтѣла ..“ Выписанныя нами строки рисуютъ живую картину того отдаленнаго отъ насъ времени. Оказывается, что польскій языкъ проникалъ, такъ сказать, въ самое святилище церковно-литературной дѣятельности—именно потому, что она стремилась освободиться отъ польскихъ вліяній. Кто хотѣлъ распространить православныя идеи въ болѣе обширномъ кругу читателей, тотъ долженъ былъ обращаться къ польской рѣчи. Понятно такимъ образомъ, почему многіе малорусскіе писатели владѣли ею въ совершенствѣ. Самъ Петръ Могила написалъ лучшее свое сочиненіе попольски ¹⁾. Отсюда ведутъ свое начало многіе полонизмы въ книжной малорусской рѣчи, отъ которыхъ не свободны были малорусскіе писатели не только въ періодъ польскаго государственнаго режима, но даже и тогда, когда онъ отошелъ уже въ вѣчность.

Есть нѣкоторая доля польской примѣси и въ самой народной малорусской рѣчи. Мы не беремся судить о томъ, какъ велика эта примѣсь. Думаемъ даже, что задача эта въ настоящее время совсѣмъ не выполнима за недостаткомъ подготовительныхъ работъ. Она будетъ рѣшена только тогда, когда мы будемъ имѣть истинно научный *историческій* словарь малорусскаго нарѣчія. Появился недавно малорусскій словарь Е. Желеховскаго, но это—простой перечень малорусскихъ словъ, составленный безъ всякой критики источниковъ ²⁾. Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая вопроса о вліяніи польскаго языка на малорусскій, считаемъ не излишнимъ замѣтить, что и въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малопольское нарѣчіе, которое соста-

¹⁾ *Лідоє або каміиї з просу prawdy cerkwie świętey prawosławneuy Ruskiey. Kiow. 1644.* О сочяненіяхъ на польскомъ языкѣ Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича и другихъ малорусскихъ писателей XVII в. см. Обзоръ русской духовной литературы, архієпископа Филарета.

²⁾ „Малоруско-німецкій словарь“, Львів, 1886.

влететь юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣднаго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Не могло не отразиться это сосѣдство на лексическомъ составѣ литературнаго польскаго языка. Творцы его *Кохановскій* и *Рей* были малополяне: послѣдній родился и выросъ въ Червонной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы *Шимоновичъ* (1557—1629) и *Зиморовичъ* (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его. Въ польскую рѣчь такъ называемаго образованнаго общества входили малорусскія слова и другимъ путемъ,—путемъ усвоенія польской культуры, которое сопровождалось принятіемъ католичества и отреченіемъ высшаго южнорусскаго сословія отъ своей народности. Само собою разумѣется, что въ новой обстановкѣ не всегда была возможность подавить привычки къ родной рѣчи, которая незамѣтнымъ образомъ входила въ польскую рѣчь. На этой почвѣ взаимодѣйствія получились цѣлыя массы словъ, о происхожденіи которыхъ трудно сказать что нибудь рѣшительное. Сложность вопроса увеличивается еще оттого, что есть значительное количество словъ, по видимому, польскихъ или малорусскихъ, между тѣмъ слова эти встрѣчаются и въ великорусскомъ нарѣчій. Мы разумѣемъ не тѣ польскія слова, которыя появились въ литературномъ русскомъ языкѣ путемъ прямого или косвеннаго заимствованія изъ языка польскаго¹⁾. Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя областныя слова, которыя не легко поддаются теоріи заимствованія²⁾. Есть, наконецъ, слова, общія

¹⁾ Такихъ словъ Я. Гротъ насчитываетъ 94. См. Филологическія разсужденія т. I.

²⁾ Представляемъ для образца нѣсколько десятковъ такихъ словъ:

Або — ли, или, иначе: *Рязанс.* Польск. *abo*, малорус. *abo*.

Абы 1) дабы, чтобы: *Пенз., Рязанс.*, 2) какъ-нибудь: *Казанс., Рязанс.* Польск. *aby*, малор. *abi*.

Вабить — обманывать, оболгать: *Тамб.* Польск. *wabić*, малор. *wabiti*.

Вадить 1) проводить время, пережидать, 2) не исполнять, обманывать: *Новг.* Польск. *wadzić* безноконтъ, ссорить, малор. *вадити* — вредить.

Вежа — шалашъ, покрытый хворостомъ и дерномъ: *Арх.* Польск. *wieża* — башня, малор. *вежа* — въ томъ и другомъ значеніи.

Вечерять — ужинать: *Пенз., Смоленс.* Польск. *wieczerać*, малор. *вечеряти*.

нарѣчіямъ польскому и великорусскому, и чуждыя въ то же время нарѣчію малорусскому ¹⁾). Полагать надо, что эти слова составляютъ общеславянское наслѣдство, не сохранившееся въ малорусскомъ нарѣчій. Изъ того же общеславянскаго источника могли произойти многія малорусскія слова, существующія въ польскомъ и не сохранившіяся въ великорусскомъ нарѣчій.

Господыня—женщина, готовящая пищу: *Тверс.* Польс. *gospodyni*, малор. *юсподыня*—хозяйка.

Громада—собрание поселянъ, мирская сходка: *Курс.* Польс. *gromada* и малорус. *громада*—въ томъ же значеніи.

Добре—хорошо: *Тамб.* Польс. *dobrze*, малор. *добре*.

Дуже—очень, весьма: *Смоленс. Тверс.* Польс. *dużo*, малор. *дуже*.

Жадать—желать, хотѣть: *Вологод., Рязан., Тамб.* Польс. *żądać*, малор. *жадати*.

Жалковать—жалѣть: *Пенз.* Польс. *żałować*, малор. *жалкувати*.

Жито—рожь: *Донс. Курс.* То же въ польс. и малорус.

Жниво—запаханное поле: *Яросл.* Польс. *żniwo*, малор. *жниво*—жатва, *жнива*—время жатвы.

Жуванъ—худой кафтанъ, армякъ: *Вологод., Смоленс.* Польс. *żupan*—кафтанъ, то же и въ малорус.

Заробить—заработать: *Арх.* Польс. *zarobić*, малор. *заробити*.

Зась (междом.) замолчи: *Калуж.;* въ томъ же значеніи это слово въ малорус. и польс., но въ послѣднемъ имѣеть еще значеніе созовъ: *а, но, же.*

Заховать—спрятать: *Донс., Курс., Пенз.* Польс. *zachować*, малор. *заховати*.

Земчайно—обыкновенно: *Костром. Смолен.,* Польс. *ziemczajnie*, малор. *земчайно*.

Знакомитый—привѣтливый, ласковый: *Ярослав.* Польс. *znakomity*—значительный, знаменитый. То же и въ малорус.

Казать—говорить: *Воронеж., Калуж., Курс. Орловс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кій—посохъ, палка: *Псков., Смоленс., Тверс.* То же въ польс. и малорус.

Кокать—умирать, кончатся: *Курс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кунтошь—женская длинная шуба, покрытая китайкой: *Тверс.* Въ томъ же значеніи *кунтышъ*: *Рязан. и Тульс.* Польс. *kuntysz*, малор. *кунтуш*.

¹⁾ Вотъ для примѣра нѣсколько словъ:

Гѣди, овъ—празденство, пиръ: *Ворон., весельные гѣди*—свадебное празденство: *Ворон.* Польс. *gody, weselne gody*.

Онандись—недавно: *Пск.* Польс. *onędaj*.

Ощера—зубоскаль, наскѣшникъ: *Тамб.* Польс. *oszczerca*; въ малоруск. нѣтъ этого слова, хотя корень его сохранился въ глаголахъ: *щирити* зубы—смыкать зубы, *ощиритись*—ослабѣть.

Черезъ—черезъ: *Влад., Тверс.* Польс. *przez*.

Все это не больше, какъ только гаданія, которыя имѣютъ однако же всѣ признаки вѣроятности, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ болѣе или менѣе всякому извѣстнымъ лексическимъ даннымъ.

Гораздо тверже почва грамматическая.

Звуки и формы малорусскаго нарѣчія настолько своеобразны, что о польскомъ вліяніи на тѣ и другія не можетъ быть и рѣчи.

Куна — гуча, группа: *Тульс.* То же въ польс. и малорус.

Ладодить — ладить: *Курс.* Польс. *ładzić* — смягчать, умѣрять, облегчать, малор. *ладодити* — исправлять, приспособлять.

Ледва — едва: *Смоленс;* *ледю:* *Тульс.* Польс. *ledwie*, малор. *ledvi*.

Мара — призракъ: *Курс.* Польс. *mara*, малор. *мард*.

Мары — посланки для мертвыхъ: *Курс.* То же въ польс. и малорус.

Надѣя — надежда: *Арх.* Польс. *nadzieja*, малор. *надія*.

Нехай — пусть: *Донс., Курс., Нижегород., Смоленс.* Польс. *niech*, малор. *нехай*

Пильно — пристально, внимательно, прилежно: *Курс., Смоленс., Твер.* То же въ польс. и малорус.

Понурый — печальный: *Тверс.* То же въ польс. и малорус.

Посагъ 1) приданое: *Орлов.* 2) свадьба: *Твер.* Польс. *posag*, приданое; то же значеніе этого слова и въ малорус.

Рачить — хотѣть: *Олонец.* Польс. *raczyć* — благовольтъ, удостоить. То же въ малорус.

Смажить — жарить: *Псков., Тамб.* Польс. *smazić*, малор. *смажити*.

Сподѣваться — надѣяться: *Псков., Тамб.* Польс. — *spodziewać się*, малор. — *сподіватися*.

Трохи — немного: *Калуж., Тульс., Смоленс.* Польс. *trochę*, малор. *трохи*.

Хижий — аккуратный, опрятный: *Смоленс.* Польс. — *chyży* скворный, проворный, малорус. *хижий* — хищный, жадный.

Ховить 1) прятать: *Калуж., Курс., Смоленс.* 2) погребать: *Курс.:* въ обонхъ значеніяхъ польс. *chowić*, малор. *ховати*.

Честовать — угощать: *Арх., Смоленс.* Польс. *szętować*, малор. *частувати*.

Чи — ли, вѣ: *Донс.* 2) развѣ: *Калуж.* Польс. *czy*, малорус. *чи* — въ томъ и другомъ значеніи.

Яловка — телница, молодая корова: *Волод., Тамб., Тульс.* Польс. *jałówka*, малор. *яловка*.

(Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики I—III. Спб. 1854 г. Подобныхъ примѣровъ много найти можно также въ изданномъ недавно словарѣ областнаго Архангельскаго нарѣчія. Спб. 1885 г.).

Расквелить — раздражить, разсердить: *Нижегород., Тверс.;* *расквелить* — привести въ слезы: *Вологод., Орлов.* Польс. *rozkwilić* — растрогать.

Тливкій, тливой — чувствительный къ внѣшнимъ вліяніямъ (о больныхъ членахъ тѣла), раздражительный: *Арх.* Польс. *tkliwy* — вообще чувствительный.

Торъ — видное мѣсто, гдѣ бываетъ много народа: *Волод.* Польс. *tor* — путь, дорога, слѣдъ.

(Ibidem).

4*

Сомнительными остаются только пѣкоторые глагольные формы западныхъ малорусскихъ говоровъ, преимущественно галицкихъ. Это—такъ называемыя описательныя формы прошедшаго времени, которыя въ изъявит. наклоненіи образуются посредствомъ спрягаемаго причастія на *лз* съ глагольнымъ корнемъ *ис*¹⁾. Изъ тѣхъ же элементовъ и почти тѣмъ же способомъ образуются эти формы въ польскомъ языкѣ²⁾. Только гуцульское *сми* (*ходив-сми*) съ своими вариантами—*сме*, *смо* (1 л. ед.) значительно отличается отъ соотвѣтствующей формы, какъ въ польскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ³⁾. Мы думаемъ, что это *сми* образовалось изъ формы *исми* (1 л. ед.), которая утвердилась въ письменныхъ русскихъ памятникахъ сѣверныхъ и южныхъ не ранѣе XV в. Представляетъ ли это *исми* медиальную форму, или

¹⁾ 1-е л. едн. ч. муж. р.: *ходившем* и *ходивем*, *ходившійм*, *ходившійм*, *ходившим*.

У Гуцуловъ: *ходивсми* или *ходивсме* или *ходивсмо* (изъ *исми*).

Женс. р. *ходилам*.

Сред. р. *ходилом*.

2-е л. едн. ч. муж. р. *ходившесми*, *ходившесъ*, *ходившійс*, *ходившійс* и *ходившис*.

Женс. р. *ходилась*.

Сред. р. *ходилось*.

1-е л. множ. ч.: *ходилисьмо*, *ходилисьме*, *ходилим*.

2-е л. множ. ч.: *ходилишесте*, *ходилисьте*.

Въ 3-мъ л., какъ едн.ч., такъ и множ. ч., вспомогательнаго глагола вѣтъ.

Точно такъ же къ корню *би* изъ *бытъ* присоединяется корень *ис*. Отсюда получаются формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сьмо*, *би-сьте*. Для образования прошедшаго условнаго времени эти формы присоединяются къ спрягаемому причастію: *ходив-би-м*, *бись*, — *ходили бисьмо*, *бисьте*, — или же, сверхъ того, берутъ на помощь себѣ спрягаемое причастіе вспомогательнаго глагола: *був*, *була*, *було*, *були*: *був би-м*, *був бись*, *був би ходив*, — *були бисьмо*, *були бисьте*, *булиб ходили* (Em. Ogonow. Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. 144—145).

²⁾ 1 л. ед. *chodzilem*, *am*, *om* 1 л. мн. *myśmy chodzili*, *ły*.

2 — *chodzilesz*, *śaś*, *śoś*, 2 — *wyście chodzili*, *ły*

3 — *chodzil*, *śa*, *śo* 3 — *oni*, *e*, *e*, *chodzili*, *ły*.

³⁾ При единствѣ метода въ образованіи этихъ формъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ наиболѣе яркіе признаки самостоятельности состоятъ только въ своеобразной фонетической окраскѣ:

Чешс. *chválil jsem*, *jsi*, *chválili jsme*, *jsite*.

Словац. *hvalil set*, *si*, — *hvalili smo*, *ste*.

Лужицко-Серб. *khwalit sum*, *sy*, — *khwalili smy*, *śce*.

Сербс. хвалю *сам*, *си*, — хвалили *смо*, *сте*.

Болгарс. хвалил *съмъ*, *си*, — хвалили *сме*, *сте*.

же оно образуется по аналогіи съ 2 л. единс. *ѣси*, для насъ это въ данномъ случаѣ безразлично. Важно то, что гуцульское *сми* не одно и то же, что польское *м*. Гуцульская форма болѣе полная: изъ древнерусской *ѣсми* она утратила только начальное *ѣ*. Мы можемъ такимъ образомъ указать слѣды этой формы въ древнерусскихъ памятникахъ, не прибѣгая къ гипотезѣ о польскомъ происхожденіи ея. Точно такъ же въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ встрѣчается и *ѣсмо* (въ грамотахъ XIV в.), рядомъ съ *ѣсмы* (1 л. мн), но не *есме* и не *есмя*, какъ въ сѣвернорусскихъ памятникахъ. Окончаніе *мо* появилось прежде всего въ формахъ повел. накл. (Книга поученій Ефрема Сирина XIII в.), затѣмъ распространилось и на 1 л. наст. вр. изъяснит. накл.¹⁾. Это, во всякомъ случаѣ, не то же самое, что польское *ту* въ *śtu*, поѣтому окончаніе *мо* можно прямо вывести изъ древнихъ южнорусскихъ памятниковъ, а не изъ польскаго языка. То же нужно сказать и о 2 л. един. ч. *ѣсь* (*сь*), которое встрѣчается уже въ волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку²⁾. Наконецъ, есть одинъ примѣръ и формы *ѣмь* въ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку³⁾. Всѣ эти данныя располагаютъ насъ думать, что галицко-малорусскія формы прошедшаго времени возникли самостоятельно на древнерусской или, по меньшей мѣрѣ, на древней южнорусской почвѣ. Если и есть какая нибудь надобность допускать польское вліяніе, то, очевидно, оно не было безгранично, а имѣло значеніе только лишь охранительное, т. е. въ данномъ случаѣ оно укрѣпляло и поддерживало коренныя малорусскія формы, возникшія приблизи-

¹⁾ Мы предпочитаемъ объясненіе этой формы, предложенное г. Потебней (Зам. о малор. нарѣч. стр. 15), заявленію г. Соболевскаго, что эта форма должна быть считаема общеславянскою (Очерки изъ ист. рус. яз., 116). Думаемъ также, что книга поученій Ефрема Сирина относится къ XIII, а не къ XV в., какъ думаетъ г. Соболевскій. Историческія и палеографическія доказательства принадлежности ея XIII в., представленныя въ свое время Срезневскимъ (Свѣд. и зам. вып. I стр. 37—47), не потеряли для насъ своей убѣдительности и послѣ замѣчаній объ этомъ предметѣ г. Соболевскаго (Жур. М. Н. Пр. 1883 г. № 5).

²⁾ „Брате! ты мене ни на полу ю лѣ, ни вѣсьмь мя еси добылъ, ни изъ городовъ моихъ выбилъ(ъ) мя есь“ (Ипат. 593); „ты ми братъ есь“ (ibid).

³⁾ „Я творилъ емь“ (Лавр. 105 въ выносѣ). Это емь ни въ какомъ случаѣ. не могло появиться здѣсь подъ вліяніемъ великорусскаго нарѣчія.

тельно въ XIII—XIV в. Что касается до восточныхъ малорусскихъ говоровъ, то и въ нихъ до настоящаго времени сохранилась наклонность къ употребленію причастія на *ль* съ вспомогат. глаголомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчій. Изъ двухъ вліяній — великорусскаго и польскаго — мы гораздо болѣе склонны допускать первое въ предѣлахъ восточныхъ малорусскихъ говоровъ, чѣмъ послѣднее въ предѣлахъ западныхъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ, легче понять ослабленіе и утрату существующихъ формъ подъ вліяніемъ другаго языка, чѣмъ созданіе подъ такимъ же вліяніемъ новыхъ формъ, которыя никогда не были присущи чувству языка.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ произведеніяхъ тѣхъ малорусскихъ писателей, которые писали книжною малорусскою рѣчью. Здѣсь польскія вліянія очевидны, и притомъ не только въ лексическомъ подборѣ словъ, которыя служили для выраженія такъ называемыхъ культурныхъ понятій, но и въ сферѣ собственно грамматической. Замѣчая въ народной рѣчи формы, сходныя съ польскими, малорусскіе писатели сгущали иногда польскія краски безъ всякой надобности. Такъ, въ сложномъ прошедшемъ времени они предпочитали польскій типъ его малорусскому ¹⁾). Именныя флексіи менѣе подчинялись польскому вліянію ²⁾, но въ употребленіи тѣхъ или другихъ падежей замѣтны иногда слѣды польскаго синтаксиса ³⁾. Особенно рѣзко бросаются въ глаза эти слѣды въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя соединены польскими союзами въ замѣнъ церковнославянскихъ или народныхъ малорусскихъ ⁴⁾. Собственно говоря, это внѣшняя синтаксическая приправа, въ сущности не измѣняющая строенія

¹⁾ Далемъ, далесь, а не даемъ давесь, дадем, давесь и проч.

²⁾ Изрѣдка встрѣчается мѣстный падежъ един. ч. именъ существительныхъ сред. р. въ польской формѣ: „на ко́ждомъ мѣстѣцѣ, на се́рдцѣ“ (Г. К. 35. 43).

³⁾ Таковъ, напримѣръ, творительный предикативный падежъ въ польской конструкціи: „кто́ хочетъ пріѣлтелемъ вѣти свѣтковѣ, что вѣтъ не пріѣлтелемъ Бжѣимъ“. „всѣ люде грѣшннн сѣ хорыми“ (Г. Кл. 39).

⁴⁾ Къ такимъ союзамъ относятся: *албо, иды* (въ смыслѣ *когда* и *если*), *же, поневажъ* и т. п.

рѣчи—такъ же, какъ и употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и нарѣчій польскихъ ¹⁾). Гораздо важнѣе встрѣчающееся иногда *построеніе* предложеній по латино-польскому образцу ²⁾). Что касается до *расположенія* словъ въ предложеніи, то въ этомъ отношеніи малорусскіе писатели нерѣдко руководствовались, подобно польскимъ, латинскою конструкціей рѣчи. Отсюда же они заимствовали всѣ риторическія средства выраженія, которыя, какъ извѣстно, даютъ соблазнительную возможность мыслить безъ мыслей. Съ самодовольствомъ человѣка, вѣрующаго въ чудеса риторики, І. Галатовскій такъ повѣствуетъ объ ея секретахъ: „спытають кто, іакъ мѣжить з'малон часті (т. е. изъ темы) великоє казаніє оучинити? показю, треба чѣю часть казан'а а'п'а'ф'екобачи, розширѣти, треба придабачи до нѣи приклады, подобіенства, сентенціи, ф'е'г'ѣры, то маллаа часть великимъ казаніемъ зостанеть“ (Г. Наука, 131).

Такимъ образомъ путемъ школы, путемъ общественныхъ вліяній малорусская книжная рѣчь воспринимала чуждыя ей черты польской рѣчи, подчиняясь вмѣстѣ съ нею вліянію латинскаго синтаксиса.

Какіе же въ ней признаки собственно малорусскіе?

Въ четвертую группу *росскихъ* словъ Берында внесъ огромную массу народнаго малорусскаго матеріала, которымъ, по мѣрѣ надобности, мы будемъ пользоваться въ обзорѣ звуковъ и формъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.

¹⁾ Ведмуть, подмуть, презь, иныды, южь, завше и проч.

²⁾ Таково, напримѣръ, превращеніе неопредѣленнаго наклоненія, составляющаго дополненіе не глагола или же имени, а цѣлаго предложенія, въ личное глаголы такъ называемаго финальнаго придаточнаго предложенія: „Баквалнчикове вѣдскаан вѣжѣ, кысѣкѣю а' по' нѣо, жекѣ сокѣ славноє імѣ на свѣтѣ оучинили“ (Г. К. 23). „Идетъ до насъ Хѣ не для того жекѣ грѣшныи людѣи одсалаѣ до пѣка“ (Ibid. 60).

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковнославянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы.

„Людемъ погрібна їстѣ мѡка“, сказано въ панегирикѣ Петру Могилѣ, ибо „хтѡ не глѡпни, зѡже не тѣтѣ, цѡ не мѡкитѣ слѡка?“

Отсюда—важность грамматики, которая „ѡчитѣ слѡкѣ и мѡкѣ“ и даетъ возможность „тѡ познѡти, гдѣ позкѡлно пѡ нѣкомѣ мѣстѣ“ человѣку, какъ „розвѡмноѡ зѡкрѡти“.

Очевидно, составитель этихъ стиховъ не довольствовался своею природною *мовою*, безъ которой онъ не могъ бы приступить къ изученію самой грамматики. Онъ имѣлъ въ виду *мову* книжную, принятую въ кругу людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ: „по мѡки, говоритъ онъ, знѡть рѣтера, поѣтѡ“...

И однако же въ его собственной *мовѣ* замѣтны слѣды народнаго просторѣчія. Видно, не легко было ему подавить въ себѣ чувство родной рѣчи, которая сопровождаетъ, какъ извѣстно, всякое движеніе мысли, сообщая ей своеобразныя краски. Не легко было и другимъ малорусскимъ писателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣній народнаго быта, народныхъ понятій, которыя переплѣтаются съ народною рѣчью въ одно неразрывное цѣлое. Это, можно сказать, стихійное вліяніе народной рѣчи поддерживалось и укрѣплялось необходимостью обращаться съ живымъ словомъ къ людямъ разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ степеней образованія, начиная отъ представителей власти духовной и свѣтской до простой *челяди*. Издавая въ свѣтъ „Сверѡніє керѡткон навки ѡ артикѡлахъ вѣры“, сотрудники Петра Могилы довольно обстоятельно указали кругъ читателей, для которыхъ

предназначалась эта книга. „Публнкѣтса“ она, сказано въ *предмовѣ* къ ней, „дла сынѣвъ цѣрккн православнокадѣшнческоу всхѣднн, ѣ тѣтъ цель и конѣцъ, ѣбы не чылако самыя йерее ѣ парафѣлахъ свѣнхъ... набкѣ... подавали на кѣжнй днй“, но чтобы „н свѣцкѣ православыне оумѣкнчн чнтѣтн, не ѣмѣкнчнмъ н прѣстѣншнмъ с повинсѣтн спѣсѣсмъ набкѣ приподачн запровадан, а найбѣзѣн рѣднчѣ дѣтнй свѣнхъ, пансѣкѣ чѣладѣ, прѣасѣжѣныя свѣтѣ полѣгалыхъ, ѣсѣблѣвшнмъ ѣднѣкъ спѣсѣсмъ, ѣбы по шкѣлахъ кѣкѣ дндаскалчкѣ ѣакѣ найпнлнчѣн свѣнхъ сѣчнмъ запровадан“...

Такимъ образомъ народныя стихн рѣчи вторгались и въ богословскія сочиненія не только полемическаго, но и догматическаго содержанія. Даже въ богослужебныхъ книгахъ, напримѣръ, въ Трїодяхъ, особенно постныхъ, мы встрѣчаемъ малорусскую рѣчь—именно въ *синаксаряхъ*, въ которыхъ обыкновенно разсказывается исторія праздника или святаго въ поучительномъ тонѣ. На смѣну „Учительныхъ евангелій“, преобладавшихъ въ первой половинѣ XVII вѣка, появились въ печати громадныя сборники проповѣдей, написанныхъ тою же книжною малорусскою рѣчью, во второй половинѣ XVII в. Мы разумѣемъ проповѣди Іоанннкя Галятовскаго и Антонія Радивиловскаго. Само собою разумѣется, что въ произведеніяхъ поэтическаго колорита—всякаго рода *виршахъ* и апокрифическихъ сказанійхъ—народная рѣчь должна была выступить съ особенною настойчивостью. То же нужно сказать и о малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ первой, такъ и второй половины XVII вѣка.

Трудно разобратъся въ громадной массѣ изданныхъ и неизданныхъ произведеній, представляющихъ матеріалъ для изученія книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Въ основѣ ея лежала та же славянорусская рѣчь, черты которой указаны нами выше. Что касается до малорусскихъ особенностей ея, то у разныхъ писателей онѣ распределены неравномѣрно. Большею частію ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи. Многое зависѣло также отъ предмета рѣчи: чѣмъ дальше онъ стоялъ отъ жизни, тѣмъ меньше считалось возможнымъ говорить объ немъ обыкновенною рѣчью. На этихъ отно-

шеніяхъ предмета въ ученой эрудиціи писателя основаны разныя колебанія въ сторону книжнаго или народнаго строя рѣчи. Отсюда стилистическое разнообразіе книжной малорусской рѣчи, поддерживаемое также индивидуальностію писателя, тѣмъ или другимъ складомъ ума, тѣми или другими душевными на-
вычками и вкусами его. Иногда ученый писатель обладалъ природною живостію мысли, поэтому о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ онъ говорилъ живою рѣчью. Таковъ, на примѣръ, былъ Іоанникій Галатовскій, составитель схоластической риторики, извѣстной подъ заглавіемъ: „Наѣка ѣлко спсѣвъ ѿ зложѣна казанна“. Наука эта не помѣшала ему сообщить книжнымъ, условнымъ формамъ выраженія рѣзкій колоритъ народной рѣчи.

Представляя опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ малорусскихъ писателей, мы будемъ искать опорной точки въ тѣхъ условіяхъ обработки ея, которыя стояли независимо отъ личнаго авторства и даже подчиняли свосму влиянію его своеобразные приемы и средства выраженія. Эти условія заключались въ самыхъ свойствахъ малорусскаго нарѣчія. Мы разумѣемъ прежде всего *черты сходства его съ нарѣчіемъ церковнославянскимъ*, располагавшія малорусскихъ писателей къ употребленію тѣхъ или другихъ славянскихъ звуковъ и формъ, которыя болѣе или менѣе свойственны были и древнерусскимъ нарѣчіямъ. Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ и формъ и донинѣ еще спорадически живутъ въ разныхъ говорахъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, но въ этомъ послѣднемъ большинство изъ нихъ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ типическая принадлежность *всего* малорусскаго нарѣчія, въ которомъ, вообще говоря, церковнославянская старина менѣе забыта, чѣмъ въ нарѣчій великорусскомъ.—Нужно отмѣтить затѣмъ въ книжной малорусской рѣчи такъ называемые *общерусскіе* элементы ея, *чуждые церковнославянскому нарѣчію*. Одни изъ нихъ составляютъ общую принадлежность *всѣхъ* великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, другіе же можно назвать общерусскими въ томъ смыслѣ, что они встрѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ, какъ ве-

ликорусскаго, такъ и малорусскаго нарѣчій. Встрѣчаются нѣкоторые изъ нихъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, которыя самостоятельнымъ путемъ пришли къ тѣмъ же результатамъ, но мы въ данномъ случаѣ отъправляемся отъ мысли, что въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчійхъ есть такія особенности, которыя удобнѣе всего объясняются отношеніями *ближайшаго* родства между ними, располагающаго думать, что оба они возникли изъ *одного ближайшаго* источника. Поэтому мы не желаемъ безъ нужды расширять кругъ аналогій, не справляясь съ основными свойствами матеріала, къ которому онѣ прилагаются.—Наконецъ, послѣ выдѣленія общерусскихъ звуковъ и формъ, въ остаткѣ получатся *собственно малорусскіе звуки и формы*. Они тоже восходятъ къ преданіямъ древнерусской письменности, но въ то же время они чужды, какъ церковнославянскому, такъ и великорусскому нарѣчію.

Весь этотъ матеріалъ рѣчи представляетъ устойчивую, твердую почву, отъ которой не могли отрѣшиться малорусскіе писатели,—не можемъ отрѣшиться и мы въ изслѣдованіи созданной ими книжной малорусской рѣчи. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на звуковой сторонѣ ея, а также на формахъ имени существительнаго и глагола, оставляя въ сторонѣ мѣстоименныя и сложныя именныя формы, представляющія большую частію видоизмѣненіе простыхъ именныхъ формъ. Не войдутъ въ нашъ обзоръ также звуки и формы, которыя сохранились во *всѣхъ* русскихъ нарѣчійхъ, какъ общее наслѣдство отъ праславянской эпохи. Вообще же—для устранения всякихъ недоумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы имѣемъ въ виду не столько грамматику книжной малорусской рѣчи, сколько ея стилистическія особенности, состоявшія въ большей или меньшей зависимости отъ грамматическаго матеріала ея. Не всѣ звуки и формы, какъ общерусскія, такъ и малорусскія, вошли въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, поэтому не всѣ они встрѣчаются и въ нашемъ изслѣдованіи. Мы рѣшились сдѣлать исключеніе только для тѣхъ звуковъ и формъ, преимущественно малорусскихъ, отсутствіе которыхъ въ книжной малорусской рѣчи немаловажно для характеристики ея.

Гласный звук *e* безъ іотнаго призвука.

Одна изъ звуковыхъ особенностей современнаго намъ малорусскаго нарѣчія, сближающая его съ нарѣчіями южнославянскими—болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ, есть широкое *e* безъ іотнаго призвука и, слѣдовательно, безъ смягченія предшествующаго согласнаго. Оно звучитъ твердо: а) въ полногласныхъ формахъ, а равно при сочетаніи согласныхъ съ слогами *er*, *re*: *бѣрегъ*, *простѣртый*, *хрѣстъ*; б) въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется между согласными, какъ бѣглый звукъ, для облегченія выговора: *вѣтеръ*, *сестѣръ*; в) вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда звукъ *e* соответствуетъ церковнославянскому *ѣ*: *дѣнь*. Церковнославянское *ѣ* послѣ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи сохранилось только въ сред. р. именъ прилагательныхъ, въ имен. и вин. един. ч: *сѣньейе*, *третьейе*, а въ сѣверно-малорусскомъ и галицкомъ говорахъ—при удвоенныхъ согласныхъ: *весѣлье*, *насѣнье*. Въ украинскомъ говорѣ въ этихъ формахъ слышится *я* вмѣсто *ѣ*. Слѣды этого превращенія *ѣ* въ *я* можно видѣть уже въ XIII в: *умножьня*, *куръ машня* (Типогр. еван. № 6, XIII в.)¹⁾. Конечно, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мягкое *e* (= *ѣ*) было звукомъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ въ послѣдствіи:²⁾ по крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ не только сѣверныхъ, но и южныхъ, мы встрѣчаемъ *ѣ* тамъ, гдѣ по церковнославянской грамматикѣ можно бы было ожидать *e*: *к.невета*, *оумножитѣ*, (Сбор. 1073 г.), *о сѣмъ* (Ж. Ө. XII в.), и даже въ сравнительно позднихъ южнорусскихъ памятникахъ изрѣдка стоитъ *ѣ* вмѣсто *e*: *тебѣ*, *всѣю* (Луц. еван. XIV в.)³⁾. Въ замѣнъ этого *ѣ* постепенно развивалось въ малорусскомъ нарѣчіи широкое *e*, которое въ церковнославянскомъ нарѣчіи, безъ сомнѣнія, произносилось иначе, чѣмъ *ѣ*. Теперь въ малорусскомъ нарѣчіи это широкое *e* употребляется преимущественно въ открытыхъ слогахъ—въ тѣхъ сочетаніяхъ съ согласными

¹⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 84.

²⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 115.

³⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81, 82.

звуками, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчїи было простое, не іотированное *e*: *менѣ, тебѣ, себѣ* (род. ед.), *нѣ, нѣбо, вѣдѣтъ* и проч. Вотъ это старое *e*, тождественное съ церковнославянскимъ неіотированнымъ *e*, напоминало малорусскимъ писателямъ церковнославянское нарѣчїе, поэтому іотированное *e* (*ie*), какъ замѣчаетъ Мелетій Смотрицкій, „нынѣшними пиццѣ ѡстѣвисѣ“. Въ правописанїи малорусскомъ рядомъ съ обыкновеннымъ *e* установилось долготазычное *ѣ*¹⁾. Мелетій Смотрицкій предлагаетъ употреблять эту букву въ иностранныхъ словахъ, напр., въ словѣ „ѣммануилъ“, а также въ падежахъ множ. ч. для отличїя ихъ отъ падежей един. ч.: „тѡй клекѣѣтъ, тѣхъ клекѣтъ“. Въ позднѣйшей малорусской печати эта буква выражала іотированное *e* въ началѣ словъ: *ѣгѡ, ѣже, ѣтъ* и проч.

Губные и гортанные согласные.

Непереходная мягкость согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчїи менѣе развита, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ этомъ отношенїи малорусское нарѣчїе представляетъ большее сходство съ южнославянскими, чѣмъ съ сѣверными славянскими нарѣчїями, изъ которыхъ въ лужицкомъ, польскомъ и великорусскомъ *всякій* согласный звукъ можетъ быть произнесенъ твердо и мягко. Это та особенность согласныхъ звуковъ, которую Срезневскій называетъ „строгимъ отличенїемъ слоговъ твердыхъ и мягкихъ“, и которую онъ считаетъ нормальной чертой „чистаго славянскаго языка“. Образцами наиболѣе „чистаго славянскаго языка“ онъ признаетъ языкъ Остромирова евангелїя, Туровскаго евангелїя, Чудовской псалтири, Сборника 1073 г., Сборника XIII словъ Григорїя Назїанзина, Евгенїевской псалтири²⁾. Между тѣмъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ XI вѣка есть уже болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды смѣшенїя твердыхъ слоговъ съ мяг-

¹⁾ *ѣ* встрѣчается уже въ Служебникѣ XII в. (Москов. синод. библиот. Горс. и Новостр. кн. 5, стр. 4). Впрочемъ, стали употреблять *ѣ*, говоритъ Срезневскій, только въ концѣ XIV в. (Славянорус. палеографїя, см. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., Январь).

²⁾ Древнїе славянскїе памятники юсоваго писма, 169—184.

ними—съ преобладаніемъ первыхъ надъ послѣдними. Такъ, въ Остромировомъ евангеліи часто стоитъ *з* вмѣсто *ъ* послѣ шипящихъ,—буквы *а, о, ѡ* вмѣсто *я, ю, ѡ*, послѣ *з* и *р*: *кѣнѣза, пѣнѣзоу, алѣга* и проч. Срезневскій объясняетъ это смѣшеніе діалектическимъ наслоеніемъ разныхъ нарѣчій южнославянскихъ. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что въ древнѣйшей редакціи XI вѣка церковнославянскій языкъ представлялъ уже систему согласныхъ, значительно наклоненную къ твердому произношенію ихъ. Что касается до нарѣчій древнерусскихъ, то въ нихъ послѣ паденія *з* и *ъ* появилась, какъ секундарная твердость, такъ и секундарная мягкость согласныхъ въ слѣдствіе новой группировки ихъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, сѣверныхъ и южныхъ, встрѣчаются явленія того и другаго рода, но воспользоваться ими для характеристики тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говоровъ пока нѣтъ никакой возможности. То же нужно сказать и о превращеніи твердыхъ согласныхъ въ мягкіе, и наоборотъ, стоящемъ независимо отъ паденія глухихъ гласныхъ. Относительно южнорусскихъ говоровъ можно замѣтить только, что въ нихъ отвердѣніе согласныхъ развивалось по мѣрѣ развитія широкаго *e* и смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы*. Въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія наибольшую твердость сохранили губные и гортанные согласные¹⁾. Правда, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ, губные согласные начали произноситься мягко въ малорусскомъ нарѣчій предъ *i* изъ *ь, о, е, а* гортанные—предъ *i* изъ *о* и основнымъ *и*, въ нѣкоторыхъ же галицкихъ говорахъ и предъ другими іотированными гласными²⁾. Тѣмъ не менѣе твердость губныхъ и гортанныхъ согласныхъ составляетъ господствующую черту малорусскаго нарѣчія, не чуждую и разнымъ говорамъ великорусскимъ, особенно бѣлорусскому, въ которомъ она, однако же, проведена съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ малорусскомъ

¹⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 228—233, 246—253.

²⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 78, 79, 80.

нарѣчій¹⁾. Отмѣтили эту черту и малорусскіе писатели XVII вѣка. Такъ, мы постоянно встрѣчаемъ у нихъ: *цѣксѣ* (Рад. Ог. 156), *любѣсѣ* (Г. М. 202), *кровѣ* (Лям. Бѣлоз.) и т. п. Нерѣдко послѣ губныхъ стоитъ *л*: *лѣклѣтѣ* (Рад. Ог. 392), *лѣклѣтѣ* (Ib. 301), *пѣлѣтѣ* (Ib. 42), *лѣлѣ* (Ib. 29), но какъ произносились въ этомъ случаѣ губные, видно изъ начертаній: *здѣрѣѣ* (Рад. Ог. 29), *кѣзпѣрѣѣ* (Ib.), *кѣ* (Ib. 1016). *кѣтѣ* (Ib. 1123). Только предъ *ь = і* губные произносились, какъ и теперь произносятся, мягко. Конечно, это правописаніе во многомъ отстываетъ отъ древнѣйшихъ образцовъ церковнославянской рѣчи, но и въ ней, какъ извѣстно, губные согласные мало способны были въ мягкому произношенію. Точно такъ же и гортанные согласные не соединяются въ малорусскомъ нарѣчій съ іотированными и вообще съ мягкими гласными, поэтому они и доннынѣ сохраняютъ старинную свою *переходную* мягкость: во флексіяхъ именъ существительныхъ, именно передъ *е*, они переходятъ въ шипящіе: *небѣже*, *козѣче*, *птѣше*, а передъ *і*—въ свистящіе: *небѣзі*, *на рѣчѣі*, *у стрѣсі*. Такъ было и въ церковнославянскомъ языкѣ, о чемъ обстоятельно говоритъ въ грамматикѣ своей Мелетій Смотрицкій. Такимъ образомъ, подчиняясь своему природному выговору, малорусскіе писатели поддерживали въ книжномъ употребленіи эту старину церковнославянскую: *дѣрѣже* (Г. К. 24), *кѣ дѣрѣзѣтѣ* (Ib. 213), *кѣ кнѣзѣтѣ* (Г. М.), *кѣ рѣцѣтѣ* (Ib.), *кѣ наѣцѣтѣ* (Г. К. 219), *кѣ флѣшцѣтѣ* (Ib. 210), *монѣцѣтѣ* (Ib. 240).

Звучные согласные.

Есть еще одна черта малорусскаго консонантизма, созвучная съ церковнославянскимъ: это именно сохраненіе звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчій они стояли предъ гласными звуками вообще и глухими гласными въ частности. Особенно рѣзко бросается въ глаза сохраненіе звучныхъ въ концѣ словъ: *скарб*, *рѣв*, *торѣ*, *город*, *ниж*, *вѣз* и проч. Но и въ срединѣ словъ звучные согласные выдер-

¹⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 69—70.

живаются не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчїи они встрѣчались съ гласными звуками, но даже тамъ, гдѣ этихъ послѣднихъ никогда не было: *вребѣти, стерекѣти, везѣти*. Собственно говоря, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчїи эта количественная слабость согласныхъ не проведена съ такою послѣдовательностію, какъ въ малорусскомъ. Что касается великорусскаго нарѣчїя, то въ этомъ отношенїи оно представляетъ сплошную картину количественной силы согласныхъ, ибо въ немъ ассимилируются звучные въ отзвучные, какъ въ срединѣ словъ предъ отзвучными, такъ и въ концѣ словъ. Не повторяя того, что сказано нами было въ изслѣдованїи о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ ¹⁾, считаемъ не излишнимъ указать на звучное произношенїе ихъ въ малорусскомъ нарѣчїи, какъ на такую особенность, которая располагала малорусскихъ писателей къ сохраненїю на письмѣ звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они стояли и въ церковнославянскомъ нарѣчїи подъ защитой гласныхъ звуковъ, и особенно глухихъ гласныхъ *з* и *ъ*. Въ такихъ, на примѣръ, начертанїяхъ, какъ *трьдцѣти* (Рад. Ог. 385), *найдоубожшихъ* (Ib. 11), звуки *д* и *ж* не только писались, но и произносились. Слѣдуетъ ли отсюда, что эти гласные въ малорусскомъ нарѣчїи жили долѣе, чѣмъ въ великорусскомъ ²⁾, объ этомъ можно спорить, но остается безспорнымъ тотъ фактъ, что потеря ихъ не отразилась въ малорусскомъ нарѣчїи на перестроѣ звучныхъ согласныхъ въ пользу отзвучныхъ, поэтому и теперь для малороссїянина не представляетъ никакого затрудненїя выдержать въ правописанїи звучные согласные звуки, соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.

Чередованїе согласныхъ звуковъ съ гласными.

Въ связи съ звучной природой малорусскихъ согласныхъ стоятъ болѣе или менѣе равномѣрное чередованїе ихъ съ гласными звуками. Уже сами по себѣ звучные согласные заключаютъ въ себѣ нѣкоторый отбѣнокъ гласности. А такъ какъ въ окончанїяхъ малорусскихъ

¹⁾ Очеркъ звуковой исторїи малорусскаго нарѣчїя, 151—219.

²⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 48.

словъ главнымъ образомъ сосредоточены гласно-звучные элементы, то понятно, почему звучные согласные скопляются большею частію въ началѣ словъ. Поэтому въ началѣ и въ концѣ малорусскихъ словъ чрезвычайная рѣдкость встрѣтить трехчленные и особенно четырехчленные согласныя группы, верѣдко встрѣчаемыя въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе принадлежитъ къ типу южнославянскихъ, не уступая имъ въ легкости согласныхъ группъ, растворенныхъ обиліемъ гласнаго элемента. Мы имѣли случай указать техническія условія этого звуковаго строя малорусской рѣчи ¹⁾. Это именно: 1) приставка и вставка гласныхъ звуковъ для облегченія выговора согласныхъ сочетаній: *и-рждъ*, *И-лвогъ* ²⁾, *и-шовъ*, *и-шлѣ* (Перес. еван. 26), *о-се-лѣдецъ*, *ис о-вторка* (Хм. л.), *у-весь*, *ѡу къ ѡгснь* (Сбор. ц. ар. м.), *у въ олтари* (Кіев. л. 84), *у вошли* (Меж. л. 98), *у въ иншихъ мѣстахъ* (Пал. З. К. 1006), *лев-лева*, а не *лва*, *лобъ-лоба*, а не *лба*; 2) приставка согласныхъ къ началу слова для устраненія зіянія: *ѡ-оюнь*, *ѡ-овця* (Гал. ев. XIII в.) ³⁾, *ѡ-олтарь* (Полик. ев. XIV) ⁴⁾, *ѡ-окно* (Грамм. XV в.) ⁵⁾, *ѡ-оріхъ*, *ѡ-анюл*; 3) отбрасываніе начальныхъ гласныхъ и вокализация согласныхъ для той же цѣли: *юлка*, *му* вмѣсто *ему* ⁶⁾, *мамъ* (Полик. ев. XIV в.) ⁷⁾, *спѣвѣдъ* (Г. К. 31), *уся. уси* вмѣсто *вся, всі* (Грамм. XV в.) ⁸⁾, *оу* вмѣсто *въ*, *унукъ* вмѣсто *внукъ* (Гр. 1350) ⁹⁾. Тѣ же явленія повторяются и въ срединѣ словъ ¹⁰⁾. Конечно, въ церковнославянскомъ нарѣчій они не имѣли того вида, какой имѣютъ теперь въ малорусскомъ нарѣчій, но важно то, что, развиваясь постепенно на древнерусской почвѣ, они наклоняли малорусскій

¹⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.

²⁾ АЗР. I. 30.

³⁾ Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 105.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ АЗР. I. 43.

⁶⁾ АЮЗР. II. 102.

⁷⁾ Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 99.

⁸⁾ Древніе памятники рус. письма и яз. Срезневскаго, 687.

⁹⁾ Гол. гр. № 2.

¹⁰⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 57. 63. 90. 93

консонантизмъ къ равновѣсію его съ вокализмомъ, что, какъ извѣстно, составляетъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи особенно рѣзкую, выдающуюся его особенность.

Не мало сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи церковнославянскихъ архаизмовъ и въ склоненіи именъ существительныхъ.

Именительный падежъ множ. ч.

Смѣшеніе темы *a* съ темой *y* въ именит. множ. явилось уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи, встрѣчается нерѣдко въ древнерусскихъ памятникахъ, сохранилось и донынѣ преимущественно въ галицкихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: *птаховѣ* (Чуб. V, 223), *ляховѣ* (Пис. Б. X.), „а мои *сватовѣ*—у воді *раковѣ*“ (Гол. I. 74), „що то в полі за *димовѣ* (Ів. 37),—даже въ женск. р. *урадодовѣ* (Ів. II. 33), поэтому и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *пáнски, мона́рхски* (Г. К. 62), *жидовѣ, турковѣ и вси еретиковѣ* (Пал. З. К. 320). Есть въ ней и другія не менѣ древнія окончанія имен. множ. муж. р: *козаци* и *козацы* (Льв. П.), *мниси* (ib.). И теперь еще не вполнѣ исчезли эти формы изъ народной рѣчи: *вовци, птасі, слугі*¹⁾. Вовсе нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи позднѣйшихъ великорусскихъ окончаній *a, я* для именъ существительныхъ муж. р.²⁾

Родительный падежъ множ. ч.

Арханческія формы во множ. ч: *сім год, сім рік* послѣ именъ числительныхъ свойственны, какъ великорусскому нарѣчію, такъ и малорусскому. Впрочемъ, малорусскіе писатели, по видимому, избѣгали этихъ формъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ живетъ еще старинная форма: *людій* (Гол. I. 293), которая не встрѣчается не только въ великорусскомъ, но и въ остальныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Отсюда аналогическія формы въ именахъ темы *a* мягкаго склоненія: *плечій* (Гол. III. 100), *коній* (ib. 226).

¹⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 125.

²⁾ Эти окончанія появляются въ великорусскихъ грамотахъ только въ XV в. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 140).

Слѣды этой формы есть и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „людій поубили“ (Хм. л.), *рѣзїи* вмѣсто *разъ* или *разовъ* (Рад. От. 396).

Дательный падежъ единст. и множест. ч.

Въ церковнославянскомъ нарѣчїи окончаніе *ови* въ единс. ч. употребляется не только въ именахъ темы *а*, но и въ именахъ темы *і* мужес. р: *господѣи* (Остр. еван.). Въ древнерусскихъ нарѣчїяхъ это была форма очень распространенная, но настойчивѣе выдерживается она въ памятникахъ южнорусскихъ и западнорусскихъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка она составляетъ такое же обычное явленіе, какъ въ церковнославянскомъ и въ современномъ малорусскомъ нарѣчїи: *кумові*, *коневі* (въ галиц. *кумови*, *коневи*), при чемъ это окончаніе безразлично употребляется въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить также исконное согласіе малорусскаго нарѣчїя съ церковнославянскимъ въ мягкомъ склоненїи именъ женс. р. *землі*, *душі*, — утраченное въ великорусскомъ нарѣчїи. ¹⁾

Архаическія формы дат. множ. слышны еще въ галицкихъ говорахъ, какъ въ темѣ *а*, такъ и въ темѣ *і*: въ послѣднемъ случаѣ иногда безъ всякаго отличїя отъ церковнославянскихъ: *костем*, *людем*, но часто съ малорусскимъ видоизмѣненїемъ *е* въ *і*, а въ именахъ темы *а* — звука *о* въ *і*. Не исчезла эта старинная форма, нѣкогда жившая во всѣхъ русскихъ нарѣчїяхъ, и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ ²⁾. Въ книжной малорусской рѣчи часто возстановлялись церковнославянскїя окончанїя *омъ*, *емъ*, какъ такія формы, которыя не были еще утрачены въ чувствѣ языка, хотя въ народномъ употребленїи и были уже окрашены малорусской фонетикой: *паномъ*, *татаромъ* (Хм. л.), *ляхомъ* (Пис. В. Х.), *рѣдичомъ* (Г. К. 172), *непрїателемъ* (Льв. П.), *людѣмъ* (Г. М. 84) и т. п.

¹⁾ Объ этомъ см. ниже.

²⁾ Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 219.

Винительный падежъ множ. ч.

Во множ. ч. и теперь еще замѣтно въ народныхъ пѣсняхъ стремленіе сохранить старинный винит. падежъ, не замѣняя его въ именахъ предметовъ одушевленныхъ падежемъ родительнымъ: „ви, високі береги, не стискайте ми *сини*, а ти, тихий Дунай, моі *сини* не займай“ (Гол. III. 23); „присилайте *свати* въ хати“ (ib. 162). Точно такъ же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „побили и пана, и паню, и *дѣти*“ (Льв. II.); „*Мисѣл* правдѣный *лѣлѣл* *ѡкинѣти* *старозакѣнныи* *ѡфѣры* — *колы*, *козлы*, *караны*, *ѡкцы*, *голѣкы*, *гѣранцы*, *короѣк*“ (Г. М. 224); „*невѣсты* *псотили*“ (Хмѣл. л.); „на *козакы* пошли *ляхи*“, но въ той же фразѣ: „*побили козакѡвѣ*“ (ibid).

Звательный падежъ.

Въ старину формы звательнаго падежа свойственны были всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, хотя уже въ XI в. въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ встрѣчается замѣна звательнаго падежа именительнымъ. Такъ, въ новгородскихъ Минеяхъ XI в. рядомъ съ „*михаиле архистратиге*“ есть „*михаиль архистратигъ*“. ¹⁾ Теперь зват. падежъ сохранился во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія со всѣми церковнославянскими особенностями его: въ именахъ темы *а* съ окончаніями *о*, *е*: *жінко*, *земле*, *куме*, въ именахъ темы *у*—съ окончаніемъ *у*: *сину*,—при чемъ въ малорусскомъ нарѣчіи дальше проведено церковнославянское смѣшеніе темы *а* съ темой *у*: *царю*, *коню*, *батьку*, *дядьку* и проч. Сохранилось и церковнославянское смягченіе гортанныхъ въ этомъ падежѣ въ шипящіе предъ гласнымъ *е*: *друже*, *чоловіче*. Въ галицкихъ пѣсняхъ удержались даже такія формы этого падежа, какъ *отче*, *жено*: „*ой, отче мій*, *преч від мене*, *не розкравай сердце мое*“ (Гол. I. 141); „*ой рік же я до жени*: *ходимъ, жено*, *до куми*“ (Ibid. 216). Само собою разумѣется, что въ употребленіи этого падежа

¹⁾ Изв. Ак. т. II, вып. V, 436. О позначительныхъ остаткахъ этого падежа въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ см. Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго рус. азка, Колосова, 214.

старинные малорусские писатели не чувствовали никакого различія между своимъ роднымъ нарѣчіемъ и церковнославянскимъ, поэтому зват. падежъ всегда составлялъ коренную принадлежность книжной малорусской рѣчи: *мáткo* (Г. Чуд. 136), *мáмо* (Рад. Ог. 783), *прáтцелькo* (Г. К. 149), *надѣ́е мо́л* (Стр.), *дѣшѣ* (Г. Чуд. 134), *дѣ́же* (Г. К. 24), *стáрчи* (Г. Чуд. 134), *сы́нѣ* (Ib. 107), *тáтцѣ*, *мѣ́чцелю* (Ib. 185). Встрѣчается, хотя и рѣдко, зват. падежъ и въ темахъ *i*: „о лѣбoсти зeмлáа“ (Стр.).

Во множес. ч., какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчiи, зват. падежъ замѣняется именительнымъ, и притомъ иногда въ старинной формѣ темы *y*: *ворожѣйтoкѣ* (Г. К. 168), *пáновѣ*, *скáтoкѣ* (К. X.).

Творительный падежъ един. и множ. ч.

Въ творит. единс. женс. р. въ малорусскомъ нарѣчiи, согласно съ церковнославянскимъ, окончанія *ою*, *ею*, никогда не переходятъ, какъ въ великорусскомъ, въ *ой*, *ей*. То же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *рѣкóю*, *зeмлiю*, даже *копiю* (Г. К. 71).

Во множ. ч. въ нѣкоторыхъ разнорѣчiяхъ галицкаго малорусскаго говора сохранились архаическія окончанія этого падежа, какъ въ именахъ темы *a*: *березы*, *волы*, *пшчы*, *цвiты*, даже съ переносомъ окончанія мужес. р. на женс. р: *слѣзы*,—такъ и въ именахъ темы *i*: *кiстьми*¹⁾, при чемъ вліяніе этихъ послѣднихъ на первыя замѣтно не только въ галицкомъ, но и въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ: *кiньми*, *тpиши*. Тѣ же старинныя формы и то же смѣшеніе темы *a* съ темой *i* въ этихъ формахъ замѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, хотя нѣкоторыя разнорѣчiя этого говора вовсе не знаютъ творит. падежа множ. ч., замѣняя его дательнымъ²⁾. Малорусскіе писатели XVII в. не различали въ этомъ падежѣ темы *a* отъ темы *i*, приписывая смѣшеніе этихъ темъ церковнославянскому нарѣчiю, въ которомъ, по мнѣнію М. Смотрицкаго, возможны были двоякія окончанія въ творит. множ: *пáстыри*, *скѣ́дiцели*, *кpачи*, *знáмiни* и *пáстырми*, *скѣ́дi-*

¹⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 127.

²⁾ Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго русскаго языка. Колосова, 223.

тѣлми, брачѣми, знáмими. Съ другой стороны, эти послѣднія окончанія они охотно употребляли въ такихъ выраженіяхъ, которыя носятъ всѣ признаки народной конструкціи рѣчи: „передъ зелеными *святы*“ (Лѣв. П.); „вѣчными *часы* у згодѣ жити“ (Ibid.).

Предложный падежъ един. и множ. ч.

Мягкое склоненіе именъ темы *a* въ един. ч. удерживаетъ церковнославянское окончаніе *и*: *на коні, на полі, на землі*. Въ великорусскомъ нарѣчій старинное *и* замѣнено мягкимъ *e* (*ь*). Весьма можетъ быть, что *i* въ данномъ случаѣ сохранилось въ малорусскомъ нарѣчій, благодаря раннему превращенію въ соответствующихъ окончаніяхъ твердаго склоненія *ь* въ *i*, но отрицать непосредственную связь этого *i* съ тѣмъ *и*, которое мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчій, нѣтъ никакого основанія. Если это *i* образовалось изъ *ь* твердаго склоненія, какъ думаетъ г. Потѣбня¹⁾, то что за звукъ былъ въ этомъ падежѣ до появленія въ немъ *i=ь*, какъ не гласный, еще болѣе іотный (изъ *jai*), чѣмъ *ь* (изъ *ai*)? А если это былъ такой же іотный звукъ, то онъ не вновь явился здѣсь, а только получилъ поддержку въ однородномъ звукѣ изъ твердыхъ окончаній. То же *и* постоянно выдерживается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: при концѣ (Г. К. 155), *къ мѣри* (Ib. 52), *въ Полци* (Хм. л.) и т. п.

Во множ. ч. сохранились въ галицкихъ разнорѣчіяхъ старинныя окончанія *ex* и даже *ox*: *сынех, монастырех, црѣсех, столовех, торюех*²⁾, *уromoх*³⁾. Окончаніе *ex* появилось въ темѣ *a* изъ темы *i*, а *ox*, по нашему мнѣнію, есть остатокъ стариннаго смѣшенія темы *a* съ темой *y*. Уже въ Остромировомъ евангеліи есть слѣды этого смѣшенія, напр: *къ домѣхъ*. Въ Добриловомъ еванг. XII в. встрѣчаемъ то же самое слово съ замѣной *z* посредствомъ *o*: *домоохъ*⁴⁾. Такія же формы не рѣдки и въ другихъ древнерусскихъ, а также и южнорусскихъ памятникахъ: *оу торюохъ*, (Ib. 513), *о полякохъ* (Гр. 1543 г.)⁵⁾, *столицѣхъ* (Перес.

¹⁾ Отчетъ о 20 присужденія наградъ гр. Уварова, 782.

²⁾ Studien. . Ogonowski, 127, 128.

³⁾ Отчетъ о занятіяхъ славян. нар. (1876 г.) Кочубинскаго, 48.

⁴⁾ Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 115.

⁵⁾ АЗЮР. I. 99.

еван. 72). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ окончанія *охъ*, но окончаніе *ехъ* Смотрицкій приписываетъ церковнославянскому языку не только въ именахъ темы *i*, но и въ именахъ темы *a*, какъ въ мягкомъ склоненіи именъ мужес. и сред. р., напр: *плстырѣхъ*, *врачѣхъ*, *сѣрдцѣхъ*, такъ и въ твердомъ: *кѣнѣхъ*, *дрѣвѣхъ*. Вся разница, по его мнѣнію, твердаго склоненія отъ мягкаго заключается въ томъ, что въ первомъ возможно рядомъ съ *ехъ* окончаніе *ихъ*. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, М. Смотрицкій, очевидно, смѣшиваетъ старое съ новымъ: церковнославянское окончаніе *ехъ* темы *i*, перенесенное въ малорусскомъ нарѣчій на имена темы *a*, онъ распространяетъ и въ церковнославянскомъ нарѣчій на тѣ же имена. Въ другихъ малорусскихъ произведеніяхъ XVII в. есть, какъ *ехъ*, такъ и *охъ*: *въ послехъ* (Хм. л.), на *кѣнѣхъ* (Г. К. 36), *въ пѣсняхъ* (Сл. о безд.), *о зѣвѣдѣхъ* (Г. Наука). Смѣшиваясь съ *ехъ*, окончаніе *охъ* могло переходить въ малорусскомъ нарѣчій чрезъ *юхъ* въ *їхъ*.

Двойственное число.

Остатки разныхъ падежей двойств. ч. уцѣлѣли до настоящаго времени въ малорусскомъ нарѣчій: „вина *дві скляни*“ (Гол. I. 186), „назадъ *руци* звязали“ (ib. I. 139), „*дві яблунци* дала“ (ib. I. 69), даже *дві слові* (ib. III. 217), *очи*, *очима*, даже *крыльма* (Гол. I. 38), *дворома* (ib. I. 18). У М. Смотрицкаго исчислены всѣ церковнославянскія формы двойств. числа, но, конечно, въ XVII вѣкѣ онѣ не могли уже существовать во всей полнотѣ ни въ народномъ употребленіи, ни въ книжной малорусской рѣчи. Въ этой послѣдней часто встрѣчаемъ: *очи*, *очима* (Сл. о безд.), *дѣтѣ набицѣ* (Г. М. 86), а черезъ строку: *дѣтѣ набки* (ib.), *дѣтѣ причинѣ* (Рад. Ог. 45). Творит. двойств. большею частію попадаетъ въ именахъ числительныхъ: *шест'мѣ* (Г. К. 62), *ѣксамі* (ib. 72), *дванѣдцѣтма* (Г. М. 239).

Въ согласныхъ темахъ малорусское нарѣчіе представляетъ одну особенность, стоящую въ связи съ церковнославянскими формами. Мы разумѣемъ имена существительныя съ тематическимъ *т*, которыя въ малорус. означаютъ не только молодыхъ

животныхъ, но и предметы неодушевленные въ значеніи именъ уменьшительныхъ, напр: *юрщд*, *колѣсцд*. Суф. *т* въ этихъ именахъ удерживается въ малорусскомъ нарѣчїи, какъ и въ церковно-славянскомъ, и притомъ въ обоихъ числахъ, а не въ одномъ множ. числѣ, какъ въ нарѣчїи великорусскомъ, гдѣ суф. *т* въ единс. ч. сохранился только въ словѣ *дитя*. Слова: *теля*, *ямя*, *порося*, *утя*, *лошд* только въ творит. падежѣ единс. ч. теряютъ суф. *т*: *телям*, *яням* и проч. Есть подобныя формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „сѣдѣчи дитѣмъ малѣмъ“ (Г. М. 227), *звѣрѣтѣ* (Г. Каз. 24), *мижн звѣрѣтѣ* (Рад. Ог. 375), *въ звѣрѣтѣхъ* (Г. М. 94.), *ослѣ*, на *ослѣти* (Г. К. 61), *звѣрѣти* (Г. М. 227), *пташѣта*, *пташѣтѣ* (Г. Каз. 49), *близнѣтѣмъ*, *близнѣтѣхъ* (Рад. Ог. 515).

Глагольныя формы.

Въ глагольныхъ формахъ малорусское нарѣчїе значительно отступило отъ церковнославянскаго. Можно указать только немногіе остатки старины.

Неопр. наклоненіе сохраняетъ еще суф. *ти* не только подъ удареніемъ, какъ въ великорусскомъ нарѣчїи. Этотъ суффиксъ изрѣдка слышится и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, и наоборотъ, въ малорусскихъ говорахъ, сѣверномъ и украинскомъ, рядомъ съ *ти* есть и *ть*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. окончаніе *ть* чрезвычайно рѣдко,—всюду господствуетъ въ ней *ти*—окончаніе столько же народное, какъ и церковнославянское.

Такъ называемые архаическіе глаголы не потеряли еще въ малорусскомъ нарѣчїи своихъ древнихъ окончаній во 2 л. единс. и множ. чиселъ: *даси*, *йіси*, *дастѣ*, *йістѣ*. Въ сѣверномъ говорѣ великорусскаго нарѣчїя изрѣдка встрѣчаются архаическія формы во 2 л. единс., но не множ. числа¹⁾,—есть онѣ и въ бѣлорусскомъ нарѣчїи²⁾. Нерѣдки эти формы и въ книжной малорус-

¹⁾ Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народ. рус. яз. Колосова, 243.

²⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 141.

ской рѣчи XVII вѣка: оубѣѣти (Г. М. 304), кѣдаси (Рад. Ог. 386), даси, дастѣ (Г. Каз. 3).

Есть даже остатки аориста въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія (у Гуцуловъ): „ой пішла *бых* до сестриці, сестриця ми мила“ (Гол. I. 222); „ой дам же вам, ледіники, по пив-золотоу, ой *абисте* ми имили фусточку шовкову“ (ib. 223). Для обозначенія прошедшаго продолженнаго въ томъ же говорѣ употребляется причастіе на *лз* съ *јех*: *був јех*“, при чемъ въ помощь къ *јех* появляется иногда *есми*: „косив *јех сми*“, „дивив *јех си сми* з горы на нѣго“¹⁾. Это *јех* (*јес*) образовалось по аналогіи съ *бых* въ слѣдствіе смѣшенія формъ аориста съ формами наст. времени: такъ, въ Пересопницкомъ евангеліи встрѣчаемъ: *ѣхмо* вм. *есмо*: „вѣдѣли *ѣхмо*“. Въ той же формѣ аориста часто можно встрѣтить вспомогат. глаголь и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „мыкѣмо *ѡ* чѣ“ *и* *ѣмо* могли чѣло *ѣго* стѣ *съ* кѣга *снѣти*“ (Стр. 46); „мы суть присланы на тое, *абыхмо* унію приняли“ (Львов. П.); „то вабъ на васъ, же *бысте* не проиграли за выгране“ (ibid). Рядомъ съ *быхмо*, *абыхмо* встрѣчаются формы: *быхмы* (Пал. 3. К. 321), *абыхмы* (ib. 320), при чемъ *хмы*, *хмо* нерѣдко стоятъ вмѣсто *смы*, *смо* или же рядомъ съ этими послѣдними окончаніями: „*штохмы* увѣрили“ (Пал. 3. К. 320), *повинныхмы* (ib. 319), *естехмы* (ib.), *естехмо* (ib. 1146), *заховаисмы* (ib. 320), *смышалисмо* (ib. 1000). По всему видно, что въ XVII вѣкѣ эти архаическія формы находили еще слабую поддержку въ живой рѣчи, но, вообще говоря, малорусскіе писатели употребляли формы аориста въ ихъ подлинномъ видѣ, и притомъ не отъ одного вспомогат. глагола, только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по церковнославянски. Это была одна изъ тѣхъ глагольныхъ формъ, посредствомъ которой они отличали *росскую мову* отъ церковнославянской. І. Галатовскій употребляетъ аористъ, а также прошедшее продолженное время только въ текстахъ священнаго писанія. Иногда одинъ и тотъ же глаголь онъ ставитъ въ обычной формѣ прошедшаго времени на *лз* и въ формѣ аориста или про-

¹⁾ Studien... Ogonowski, 145.

шедшаго продолженнаго, напр: „дѣржалъ є̇ доро́га вѣрхо́ны̇ а́плъ Петра̇ и́ Павла, котóрыи̇ ходачи̇ по скѣтѣ̇ плакали, вѣда́вгъ ѡ-амнѣстѣ: и́ пла́каху̇са“ (Г. Каз. 35).

Гораздо ближе къ народной рѣчи стоитъ прошед. сложное время изъ причастія на *ль* и вспомогательнаго глагола *єсмь*, который не сливается съ причастіемъ въ одно слово, какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчїи. Въ народныхъ думахъ довольно обычно 2 л. един. ч. вспомогат. глагола: „Ой хмеле, Хмельниченьку! *учиниши еси* ясу и між козаками великую трусю“ (Дум.). Изрѣдка и 3 л. един. ч. того же глагола употребляется съ причастіемъ на *ль*: „не *єсть* се насъ куля яничарська *постреляла*, а *єсть* се отцева и паніматчина молитва покарала“ (Дум.). Въ чувствѣ языка глаголь *єсть*, очевидно, не имѣетъ морфологическаго значенія: онъ служитъ только риторическимъ средствомъ сдѣлать удареніе на сказуемомъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что форма *єсть* стоитъ иногда при личномъ глаголѣ въ настоящемъ времени: „*єсть* сія галера не *блудить*, ні *світом нудить*“ (Дум.),—стоитъ также вмѣсто 2 л.: „не *єсть* ви козаки, *єсть* ви гайдамаки“ (Чуб. V. 706). 1-е л. множес. ч. глагола *єсмь* слышно только въ Галиціи, большею частію слитно съ причастіемъ на *ль*, иногда отдѣльно отъ причастія: „ой добре *сьмо учинилим*, же *сьмо* Теклю *заубилим*“ (Гол. I. 54). Не менѣе часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ, 2 л. множес. ч.: „а насъ *єсте повинчаним*, що би ми ея били“ (Чуб. V. 576)¹⁾. Тѣ же самыя формы прошед. сложнаго времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в: „взѣмъ̇ и́и соѣтъ̇ жонѣ̇ лѣпшѣю̇“ (Алек.),—„се̇ зѣ̇къ̇ лють̇ и́зѣ̇мъ̇ и́тъ̇ і̇го̇—(Г. К. 5),—*іакъ̇ і̇смѣ̇ жили̇ на скѣтѣ̇*“ (Ів. 45),—„где̇ і̇тѣ̇ са̇ подѣ̇ли“ (Стр. 28). Выписанныя нами фразы не лишены народнаго колорита. Совсѣмъ иное дѣло *єсмь* и *суть* съ причастіемъ на *ль*: „отчлѣстїла̇ *їсмь*“

¹⁾ Едва ли возможны въ народной рѣчи формы *єсмь* и *суть*, изрѣдка попадающіяся въ сборникѣ галицкихъ пѣсень Головацкаго: „пане ти мій, пане Копитано! пусти мене до дому, хоть *єсмь* заволаный“ (Гол. III. 91); „*суть* бо в мене два вартивниченьки“ (Ів. 157); „ой *суть* у мене чари готові—білее личко, чорні брови“ (Ів. I. 202 III. 30).

(К. X), „грѣшныи люде сѣтъ затвердѣлыи“ (Г. К. 52). Въ XVII в. это были, какъ и теперь, формы книжныя, а не народныя.

Въ западныхъ говорахъ современнаго намъ малорусскаго нарѣчія распространена особенная форма будущаго времени, составленная изъ сочетанія *буду* съ причастіемъ на *лз*: „не *будеш* ти въ насъ *роби.ла*,—сріблом-злотом *будеш* *шила*“ (Гол. I. 28). Есть мнѣніе, что эта форма заимствована изъ польскаго языка¹⁾,—но замѣчательно, что она не составляетъ обычнаго явленія въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, которая, какъ мы вѣдѣли, не чуждалась заимствованій изъ языка польскаго. Мы нашли всего два примѣра въ памятникахъ, нами прочитанныхъ: „уступовати *будемо* *муст.и*“ (Пал. З. К. 1062), „*дїавола* не *сѣдѣтъ* *могла* *зрѣднѣти* и *окрѣсти*“ (Сбор. ц. ар. м.). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ о ней и помину, хотя она была свойственна нарѣчію церковнославянскому, судя по древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности.²⁾ Нерѣдко можно встрѣтить ее также на страницахъ древнерусскихъ и старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ, начиная отъ XIII до XVI вѣка включительно³⁾. Едва замѣтные остатки ея сохранились и въ современномъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ⁴⁾. Всѣ эти данныя едва ли могутъ служить къ подкрѣпленію мысли о польскомъ происхожденіи этой формы въ народной малорусской рѣчи. Она рѣдко встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи просто потому, что оказалась излишнею рядомъ съ обычною формою сложнаго будущаго изъ глагола *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. по той самой причинѣ, по которой отвергнута она и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія.

Глаголы съ энклитическимъ *ся* въ великорусскомъ нарѣчіи и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго являются въ непосредственномъ сочетаніи съ *ся*, которое всегда стоитъ послѣ гла-

¹⁾ Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, II. 211.

²⁾ Vergleichende Syntax der Slavischen Spr. Miklosich, 806.

³⁾ Лекція по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 167—168.

⁴⁾ Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз. Колосова, 249.

гола ¹⁾. Въ западныхъ малорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *ся* стоитъ впереди и послѣ глагола, отдѣляясь отъ него однимъ или же нѣсколькими словами, напр.: „не нагуляла *ся*, не находила *ся*, только молоденька щом нажурилася“ (Чуб. V. 218); „я таки *ся*, моя мати, втѣкаты надію“ (Гол. I. 151); „не смій же *ся*, дівчинонько, колы з ты *ся* не смію“ (Ів. I. 113). Это свободное употребленіе мѣстоименія *ся* при глаголахъ было свойственно церковнославянскому языку и всѣмъ вообще древнерусскимъ говорамъ ²⁾. Совпадая съ народною рѣчью, оно составляетъ постоянную принадлежность и книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, напр.: „не вѣдѣ *ся* чѣ вѣ вѣмти іако чѣтѣ вѣмнѣ *ся*“ (Г. Б. 185); „крѣвѣю *ся* вѣмнѣла (церковь), кдѣ *ся* крѣвѣ вѣмнѣ *ся* іа стѣмнѣла чѣмнѣла“ (Кир. Тране. 72. об.).

Таковы въ общихъ чертахъ церковнославянскіе архаизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Они сообщаютъ ей народный характеръ не сами по себѣ, а въ связи съ такими особенностями рѣчи, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ нарѣчіи церковнославянскомъ. Разумѣемъ прежде всего общерусскіе звуки и формы, къ обзору которыхъ мы и должны теперь обратиться.

¹⁾ Глаголы эти, по Миклошичу, соответствуютъ, какъ медиальнымъ, такъ и страдательнымъ формамъ глагола въ другихъ языкахъ (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. 263).

²⁾ Ibidem 271.

III.

Общерусскіе звуки и формы.—Формы имени существительнаго — Глагольныя формы.

Въ предыдущей главѣ указаны были нѣкоторые изъ общерусскихъ звуковъ и формъ, совпадающихъ съ церковнославянскими, — теперь же мы займемся тѣми изъ нихъ, которые чужды были нарѣчію церковнославянскому.

Одни изъ общерусскихъ звуковъ и формъ не уступаютъ въ древности церковнославянскимъ архаизмамъ: они напоминаютъ о томъ моментѣ въ жизни русскихъ нарѣчій, который выражается въ наукѣ идеей русскаго праязыка. Другіе возникли на памяти исторіи, въ тотъ или другой вѣкъ древнерусской письменности. Но есть между ними такіе, о которыхъ трудно высказаться въ рѣшительномъ направленіи: составляютъ ли они общерусское наслѣдство отъ предполагаемой эпохи праязыка русскаго, или же они возникли на почвѣ древнерусскихъ нарѣчій, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались нарѣчія великорусское и малорусское. Особенную трудность въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ звуки, которые не повсемѣстно распространены въ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и не составляютъ исключительной принадлежности одного изъ нихъ, потому что встрѣчаются, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчій. Мы считаемъ эти звуки общерусскими, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ нѣтъ теперь въ томъ или другомъ говорѣ великорусскаго или малорусскаго нарѣчія. По мѣрѣ развитія этихъ нарѣчій, объемъ распространенія этихъ звуковъ суживался, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы они по своему

происхожденію не были общерусскими, тѣмъ болѣе, что и въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, они представляютъ обычное явленіе.

Итакъ, начнемъ обзоръ свой съ звуковъ гласныхъ и согласныхъ.

Буквы ѡ и ѡ.

Извѣстно, что въ самую раннюю эпоху славянорусской письменности, русскіе, какъ говоритъ Востоковъ, „не имѣли звуковъ, выраженныхъ буквами ѡ, ѡ кирилловской азбуки и вмѣсто оныхъ выговаривали у и я“¹⁾. Уже въ Остромировомъ евангеліи есть случаи замѣны юсовъ чистыми гласными. Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. вовсе нѣтъ большого юса, а малый юсь постоянно стоитъ послѣ мягкихъ согласныхъ—тамъ, гдѣ по современному великорусскому и малорусскому произношенію требуется я или послѣ шипящихъ а: *копьющаго, нхужани* и проч.²⁾. Есть и въ Галицкомъ евангеліи ѡ, но оно употребляется только въ началѣ словъ или слоговъ, при чемъ ѡ стоитъ иногда тамъ, гдѣ, согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ, должно было бы стоять ѡ, напр. *ѡа*³⁾. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это правописаніе видоизмѣнилось такимъ образомъ, что ѡ заняло мѣсто въ началѣ словъ, а ѡ въ срединѣ и въ концѣ словъ, какъ послѣ согласныхъ, такъ и послѣ гласныхъ. М. Смотрицкій говоритъ: „ѡ и ѡ различествуютъ: ѡномъ спереди речіи, ѡкомъ во средѣ и во концѣ полагаемъ: ѡаѡшѡа“ и проч.

Глухіе гласные з и ѡ

Не менѣе древней чертой всѣхъ русскихъ нарѣчій мы считаемъ паденіе глухихъ гласныхъ з и ѡ. Говоримъ это въ виду того мнѣнія, по которому „древніе глухіе звуки во многихъ

¹⁾ Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, Востокова, 8.

²⁾ Матеріалы для исторіи письменъ, Буслая, 42.

³⁾ Ibidem.

случаяхъ были еще въ XIV—XV в., особенно въ сѣверныхъ говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, на концѣ, въ сѣверно-великорусскомъ (спорадически) доходятъ *вплоть до нашего времени*“¹⁾. Считаемъ вполне убѣдительнымъ замѣчаніе, высказанное по этому поводу Колосовымъ, который самъ записывалъ народныя пѣсни въ сѣверномъ краѣ. Онъ говоритъ, что глухіе гласные, слышныя въ концѣ словъ (*идуты, крыличко, колодецы* вмѣсто *идутъ, крыличко, колодцы*), вызваны условіями стихотворнаго размѣра, составляя принадлежность народной метрики, а не народной фонетики²⁾. Что касается до существованія глухихъ гласныхъ въ XIV—XV в., то оно утверждается на такомъ правописаніи словъ, которое, во всякомъ случаѣ, можно объяснить различно. Извѣстно, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянорусской письменности мы встрѣчаемъ случаи замѣны глухихъ гласныхъ чистыми, а также обратные случаи постановки глухихъ гласныхъ вмѣсто чистыхъ, наконецъ, случаи совершеннаго исчезновенія глухихъ гласныхъ. Изъ вѣка въ вѣкъ можно слѣдить за этими тремя особенностями правописанія *з* и *ь* въ древнерусскихъ памятникахъ, при чемъ каждая изъ нихъ увеличивается въ размѣрѣ по мѣрѣ накопленія письменныхъ памятниковъ³⁾. Легче всего понять послѣднюю особенность, т. е. совершенное опущеніе на письмѣ *з* и *ь*: полагать надобно, что оно соотвѣтствовало дѣйствительной потерѣ этихъ звуковъ въ произношеніи. Но какъ понимать *з* и *ь* вмѣсто *о* и *е*, и особенно—обратные случаи? Защитники поздняго паденія *з* и *ь* усматриваютъ въ этихъ двухъ способахъ начертанія глухихъ гласныхъ доказательство ихъ жизни. Но мы не видимъ логическаго основанія изъ двухъ противоположныхъ явленій извлекать одинъ и тотъ же выводъ. Намъ могутъ возразить, что одни и тѣ же случаи правописанія въ разные вѣка древнерусской письменности могутъ имѣть разныя значенія. Но въ опредѣленіи

¹⁾ Къ исторіи звуковъ рус. яз. Потебни, 72.

²⁾ Обзоръ... Колосова, 4.

³⁾ Матеріалъ собранъ въ книгѣ Колосова: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. съ XI по XVI в.

этихъ значеній, по нашему мнѣнію, и заключается вся трудность вопроса. Кто имѣетъ расположеніе слышать глухіе гласные и въ современномъ ритмѣ сѣверно-великорусскихъ пѣсень, тотъ истолкуетъ *з* и *ь* вмѣсто *о* и *е* и обратные случаи въ древнерусскихъ памятникахъ въ пользу своего мнѣнія. Но, пока не устраненъ произволь въ толкованіи древнерусскаго правописанія посредствомъ болѣе точныхъ наблюденій надъ его особенностями, мы не имѣемъ логическаго основанія считать глухіе гласные долговѣчными въ русскихъ нарѣчіяхъ¹⁾. Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „пока не будутъ указаны точныя орфографическія примѣты, по которымъ можно бы было узнавать присутствіе глухихъ звуковъ въ произношеніи древнерусскихъ писцевъ, до тѣхъ поръ невозможны попытки хронологически опредѣлить эпоху, когда глухіе звуки исчезли въ русскомъ языкѣ“²⁾. Совсѣмъ другое дѣло вопросъ о томъ, когда глухіе гласные *начали* падать въ русскихъ нарѣчіяхъ. Положительно можно сказать, что этотъ моментъ выступаетъ въ самомъ началѣ документальной исторіи ихъ въ древнерусскихъ памятникахъ, т. е. въ XI в. Употребленіе *з* и *ь* вмѣсто *о* и *е* и этихъ послѣднихъ буквъ вмѣсто *з* и *ь*, возникшее въ XI в., по нашему мнѣнію, указываетъ на звуковую близость этихъ звуковъ, которые въ произношеніи почти не различались между собою, поэтому переписчики и смѣшивали чистые гласные съ глухими. Ясно, что индивидуальная природа *з* и *ь*, сознанныя творцами славянской азбуки, затмилась уже въ то время, когда

¹⁾ По поводу словъ: *зонци, Боровскъ, царство* (XIV—XV в.) Холосовъ ставитъ вопросъ: „есть ли *е* этихъ формъ чистый гласный звукъ, или приближенное выраженіе глухаго, или обозначеніе мягкости предшествующаго согласнаго“, — и затѣмъ изъ трехъ предположеній считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ второе (Обзоръ, 12). Почему онъ предпочитаетъ второе предположеніе первому и третьему, не видно изъ его книги. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ произвольнаго отношенія къ данному вопросу. Можно, конечно, на основаніи замѣны *з* и *ь* чистыми гласными рассуждать о неопредѣленности гласныхъ, которые выражались посредствомъ *з* и *ь*, но весь вопросъ въ томъ, какая это неопредѣленность — та ли, которая искони была присуща глухимъ гласнымъ и составляетъ, такъ сказать, ихъ индивидуальную природу, или неопредѣленность позднѣйшая, возникшая въ эпоху паденія ихъ.

²⁾ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 66.

начали писать эти буквы вмѣсто *o* и *e*, и наоборотъ. Трудно сдѣлать отсюда иной выводъ, хотя и отрицать спорадическое существованіе *z* и *z̄* въ XI в. тоже трудно. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то мы положительно не считаемъ въ немъ возможнымъ существованіе глухихъ гласныхъ въ XVI—XVII в., какъ доказываетъ это г. Огоновскій¹⁾, который, вопреки мнѣнію г. Потебни, полагаетъ, что *z* и *z̄* удерживались долѣе въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ великорусскомъ. Онъ ссылается на ударенія надъ *z* и *z̄* въ рукописяхъ XVI—XVII в.: *мрѣдскати*, *длѣго* (Перес. еван.), *сѣкѣсть*, *плѣть* (Берында), но ударенія здѣсь показываютъ только, что *z* и *z̄* произносились, какъ гласные звуки. Для подтвержденія своей мысли онъ указываетъ также на преобладаніе въ малорусскомъ нарѣчіи звучныхъ согласныхъ надъ отзвучными. Но это явленіе во всякомъ случаѣ не тождественно съ дѣйствительною жизнію глухихъ гласныхъ въ народномъ употребленіи. На звучные согласные перенесенъ былъ отъбнокъ гласности, принадлежавшій вообще гласнымъ звукамъ, а не однимъ только глухимъ гласнымъ, поэтому мы можемъ сказать только, что въ звучныхъ согласныхъ сильнѣе выступаетъ гласный элементъ, чѣмъ въ отзвучныхъ, не болѣе того, но опредѣлить частныя свойства этого элемента, тотъ или другой спеціальный характеръ его, мы не имѣемъ никакой возможности. Кто утверждаетъ, что преобладаніе звучныхъ гласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи доказываетъ существованіе глухихъ гласныхъ въ такое позднее время, какъ въ XVI—XVII в., тотъ долженъ признавать существованіе глухихъ гласныхъ и въ наше время, потому что и теперь звучные согласные не перестали быть звучными въ малорусскомъ нарѣчіи. Съ другой стороны, еслибы М. Смотрицкій произносилъ *z* и *z̄*, какъ глухіе звуки, то онъ охотно приписалъ бы это произношеніе и церковнославянскому языку, которому онъ усвоилъ множество звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго произношенія. Между тѣмъ, о *z* и *z̄* онъ выражается самымъ рѣшительнымъ образомъ, что они „*самн собою гласа нздати не мѡгутъ*“.

¹⁾ Studien .. Ogonowski, 48.

Помогласіе.

Полногласіе, какъ исконная черта всѣхъ русскихъ нарѣчій, проходитъ чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. полногласныя формы встрѣчаются въ особенномъ изобиліи: *сорома* (Бер. 154), *нагорода* (Рад. Ог. 367), *оболок* (Ib. 371), *оборочаютъ* (Ib. 394), *болослица* (Ib. 400), *солодкѣи* (Ib. 475). Такъ называемое второе полногласіе (сѣвернорус: *молюня*, *беревно* = церковносл: *млюни*, *бръвно*) встрѣчается, какъ извѣстно, въ малорусскомъ нарѣчій довольно рѣдко.¹⁾ Такъ же рѣдко встрѣчается оно и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галиц. еван. 1144 г. Ягичъ нашелъ всего два примѣра: *дльжника*, *пръсть*²⁾. Въ старину, какъ и теперь, оно, видимо, было свойственно главнымъ образомъ сѣвернорусскому говору. Мы не нашли никакихъ слѣдовъ этого явленія и въ позднѣйшей малорусской письменности XVII в. Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, не есть ли употребленіе двухъ полугласныхъ при плавныхъ *л*, *р* признакъ затменія слогообразовательной природы этихъ звуковъ, повидимому, не утраченной въ нѣкоторыхъ горскихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Думаютъ, обыкновенно, что ъ въ словахъ: *връхъ*, *трьвати*, *теперь*, *рчи*, *рчете* (Головац. Розправа о яз. южнор. 50), *кърма*, *крьтыця*, *кърныця* (Кочуб. 1 Отчетъ, 1876 г. 41) слышится въ произношеніи, какъ глухой гласный звукъ³⁾. Слѣды слогообразовательнаго употребленія плавныхъ звуковъ замѣтны и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ: *дъри*, *дъремъ*, *кльнущая* (Галиц. еван. XIII в.), *крое*, *крои* (Поликарп. еванг. XIV в.), *кльметься* (Луц. еванг. XIV в.)⁴⁾. Въ южнорусской печати XVII в. есть начертанія: по *крки* (Г. Мес. 212), *крькѣкѣи* (Ib.), на *крькѣхъ* (Ib. 214), хотя при *р* въ подобныхъ случаяхъ большею частію стоитъ *и* или *ы*: *окжирчкко* (Г. К. 185), *окрькѣкѣнсе* (ib. 5), *држкѣтѣ* (ib. 50).

¹⁾ Studien... Ogonowski, 53.

²⁾ Четыре критико-палеогр. статьи, Ягича, 97.

³⁾ Studien... Ogonowski, 42.

⁴⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 72.

Буква ъ для выраженія і изъ ъ и основнаго и.

Къ общерусскимъ звукамъ мы причисляемъ и тѣ звуки, которые въ обонхъ русскихъ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ соотвѣтствуютъ церковнославянскому ѡ¹⁾). Объ этихъ звукахъ высказано было много мнѣній, но вопросъ о томъ, какіе именно звуки скрывались въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ подъ церковнославянскою буквою ѡ, до настоящаго времени остается спорнымъ. Принимаютъ обыкновенно за исходную точку этихъ нарѣчій въ произношеніи буквы ѡ долгое е. И мы въ своемъ изслѣдованіи о буквѣ ѡ не отрицали этого мнѣнія, допуская, что въ *п्राзыкъ русскомъ* возможно было долгое е, какъ выразитель того звука, для котораго въ церковнославянскомъ нарѣчій придумана была буква ѡ²⁾). Но можно ли въ звукахъ е или ѡе, посредствомъ которыхъ въ памятникахъ XI и особенно XII в. замѣняется буква ѡ, видѣть долгое е? ³⁾ Одни считаютъ это е приблизительнымъ выразителемъ долгаго е, но эта *приближенность*, очевидно, не рѣшаетъ вопроса о томъ, существовало ли долгое е = ѡ въ самомъ началѣ древнерусской письмен-

¹⁾ Мы продолжаемъ считать тождественными звуками малорусское и сѣверно-великорусское і=ъ, вопреки мнѣнію г. Петенби, который высказался противъ нашей мысли въ разборѣ сочиненія нашего „Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчій“ (Отчетъ о 20-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 791—794) Тождественны эти звуки 1) по своему происхожденію, если допускать, что это і образовалось изъ долгаго е=ъ; 2) по результатамъ, если будемъ разсматривать ихъ съ качественной стороны. Повидимому, і=ъ малорус. и сѣверно-великорус. не представляютъ сходства только по условіямъ образованія своего или, какъ говорить г. Петенби, по процессамъ измѣненія своего. Но эти процессы отличаются полною ясностію только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Если мы допускаемъ, что они были возможны и въ украинскомъ говорѣ, то почему не допустить того же и для сѣверно-великорусскаго говора? Если въ немъ мы не видимъ ихъ теперь, то также точно не видимъ и въ украинскомъ говорѣ. Но то, что утрачено теперь въ этомъ послѣднемъ, могло быть утрачено и въ первомъ. *Навѣрное* можно сказать только одно, что условія измѣненія ѡ въ і, какъ остатки старины, въ настоящее время сохранились только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ.

²⁾ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчій, 93—94.

³⁾ Случаи такой замѣны см. Колосова Очеркъ... 60 и Соболевс. Очерк... 81.

ности¹⁾. Другіе высказываются болѣе опредѣленно, утверждая, что въ то время, когда произошло исчезновеніе глухихъ гласныхъ, ъ былъ еще долгимъ звукомъ²⁾. Но и это мнѣніе нуждается въ доказательствахъ. Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „въ историческую эпоху долгое е въ русскихъ нарѣчіяхъ не было звукомъ, присущимъ живому чувству русскаго языка“³⁾. Мы признаемъ долгое е вмѣсто ъ за исходную точку для русскихъ нарѣчій, стоящую за предѣлами документальныхъ данныхъ, которыя представляютъ намъ древнѣйшіе памятники русской письменности. Здѣсь уже мы видимъ не только е и ѣ вмѣсто ъ, и обратно—ъ вмѣсто е, но также и вмѣсто ъ, а равно ъ вмѣсто и. Тотъ и другой обмѣнъ ъ то съ е, то съ и, встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ XI в., какъ сѣверныхъ (въ новгородскихъ Минеехъ 1096—97 г.), такъ и южныхъ (Сбор. 1073 г.). Можно объяснить эту двойственность произношенія буквы ъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сознаніи русскихъ писцевъ были два представленія объ этой буквѣ—одно книжное, а другое народное. Первое принесено было вмѣстѣ съ священными книгами южнославянскими учителями, произносившими ъ, какъ е. Само собою разумѣется, что оно могло совпадать съ народнымъ произношеніемъ ъ, какъ е, въ тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говорахъ. Но и помимо этого условія, такое произношеніе ъ могло установиться въ кругу грамотныхъ людей при чтеніи и перепискѣ богослужебныхъ книгъ. Этимъ объясняется преобладаніе е вмѣсто ъ надъ і вмѣсто ъ. Что касается до произношенія буквы ъ, какъ і, то оно не имѣло за собою въ XI в. книжнаго преданія, и потому появленіе и вмѣсто ъ въ письменности объясняется только вторженіемъ въ нее народнаго выговора. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію, что въ XI в. буква ъ въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ звучала не одинаково.—Гораздо сложнѣе вопросъ о происхожденіи е, и вмѣсто ъ. Примыкаютъ ли эти звуки прямо и непосредственно

¹⁾ Очеркъ... Колосова, 38.

²⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81.

³⁾ Очеркъ звуковой исторіи калор. нарѣчія, 94.

къ долгому *e*, или между ними и долгимъ *e* посредствующими звуками были дифтонги *ije*, *ije*, сохранившіеся въ сѣверныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Мы имѣли случай высказаться за это послѣднее предположеніе и не имѣемъ причинъ предпочитать ему первое. Мы думаемъ, что сѣверно-малорусскихъ дифтонговъ нельзя вывести изъ краткихъ *e*, *и*, смѣнившихъ *ь*: они могли появиться только изъ долгаго *e*. Если же они существуютъ теперь, какъ архаизмы, то еще болѣе могли существовать нѣкогда, какъ новообразовавшіеся звуки, давшіе жизнь великорусскому *e* и малорусскому *и* вмѣсто *ь*. Къ сожалѣнію, по письменнымъ памятникамъ нельзя опредѣлить времени ихъ появленія въ устахъ народа, и въ этомъ заключается слабая сторона нашего предположенія. Тѣмъ не менѣе оно имѣетъ за себя всѣ теоретическія основанія. По крайней мѣрѣ, въ чешскомъ нарѣчіи *ie* было посредствующимъ звукомъ между древнѣйшимъ *ь* и позднѣйшими *e*, *i*¹⁾. Правда, въ чешскихъ памятникахъ *ie* появляется сравнительно поздно — въ XIV в., но въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ дифтонги могли появиться въ разное время. Нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что латинская азбука болѣе располагала къ фонетическому письму, чѣмъ церковнославянская. Если бы чешскіе писатели употребляли эту послѣднюю, то можетъ быть, чешское *ie* пришлось бы возстановлять апіорнымъ путемъ такъ же, какъ и предполагаемые нами въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ дифтонги *ije*, *ije* вмѣсто *ь*. Древнерусскіе писцы получили букву *ь* вмѣстѣ съ юсами, вмѣстѣ съ ѡ, ѣ, ѓ, ѵ и другими условными знаками, подъ которые должны были подставлять звуки того языка, на которомъ сами говорили,—и вотъ мы видимъ, что они употребляютъ букву *ь* для выраженія разныхъ звуковъ, которыхъ, надо полагать, вовсе не имѣлъ въ виду изобрѣтатель ея. Они ставятъ букву *ь* не только тамъ, гдѣ она требуется церковнославянскимъ правописаніемъ, но и тамъ, гдѣ она была вовсе неумѣстна. Въ этомъ случаѣ они руководствовались то книжнымъ произношеніемъ этой буквы, то народнымъ. Можно, однакоже, въ южно-

¹⁾ Hattala, Zvukaslovi, 69.

русской письменности прослѣдить изъ вѣва въ вѣвъ постепенный ростъ народнаго произношенія этой буквы, какъ *i*. Все чаще и чаще она выступаетъ, какъ выразитель не только *i* изъ *ь*, но и *i* изъ *e*. Въ XVII в. буква *ь* равнозначительна буквѣ *и*: она постоянно употребляется для выраженія звука *i*. Встрѣчается буква *и* тамъ, гдѣ, по требованію славянскаго правописанія, должна стоять буква *ь*. Вотъ нѣсколько примѣровъ: не ѿдѣлѣтъ и не ѣдѣлѣтъ (Г. М. 238), ѿзѣмѣтъ (Г. К. 5), зѣмѣтъ (ib. 8), изѣмѣтъ (Хмел. л.), поѣли (Льв. П.), изѣмѣтъ (ib.), принѣмѣтъ (Лям. Острож.), вѣмѣтъ (ib.). Гораздо чаще встрѣчаются обратные случаи: нерѣдко даже основное *и* пишется черезъ *ь*: кѣмѣтъ (Г. К. 40), напѣмѣтъ (ib. 44), поѣмѣтъ (ib. 155), поѣмѣтъ (ib. 198), нѣмѣтъ, не ѿмѣтъ (ib. 62), кѣмѣтъ (ib. 57), кѣмѣтъ (козѣи), вѣмѣтъ, корѣмѣтъ, ѿмѣтъ (Бер. 140) и т. п. Особенно рѣзко бросается въ глаза эта особенность правописанія въ такихъ иностранныхъ словахъ, какъ *Унѣя*, *комѣтъ* (Хм. л.), *мѣтъ* и тамъ же: *мѣтъами* (Пал. З. К. 999), *мѣмѣтъа* (Г. К. 16), *инѣмѣтъа* (intelligibile) „чѣмѣтъ ѿ рѣмѣтъа“ (Г. М. 301).

Превращеніе неударяемаго *а* въ *о*.

Извѣстно, что въ окающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія неударяемый гласный звукъ *о*, за немногими исключеніями, не переходитъ въ *а*. То же консервативное отношеніе къ звуку *о* мы видимъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, которое не превращаетъ неударяемаго *о* въ *а*: *зѣра*, *козѣк*, *ѿтамѣн*, *Олекѣа*, *Опанѣас* и проч. Это предпочтеніе звука *о* звуку *а* есть старинная черта древнерусскаго вокализма, въ которомъ замѣчается склонность превращать неударяемое *а* въ *о*: *полѣтъ* (Чуд. псал. XII в.), *ѿѿѿѣа* (Ж. Б. и Гл. XII в.) и т. п.¹⁾ Она утрачена въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ говорахъ, гдѣ, наоборотъ, неударяемое *о* превращается въ *а*²⁾. Въ современномъ

¹⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 77, 91.

²⁾ Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей русскаго яз. Колосова, 54–56.

малорусскомъ нарѣчїи, какъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в., ударяемое и неударяемое *a* часто превращается въ *o*: *кождый* (Г. Каз. 145), *розный* (Г. М. 220), *розумъ* (ib. 206), *мисѣиць* (ib. 298), *розмоклали* (Г. Каз. 143), *Озовъ* (Меж. л.) и т. п.

Превращеніе e въ o (je въ jo).

Еще рѣшительнѣе въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ выступаетъ превращеніе начальнаго *je* въ *o*. Такъ, въ Остромировомъ евангеліи: *олеи* вмѣсто *ѡлеи*, въ Сбор. 1073 г.: *оже* вмѣсто *ѡже* и т. п. Мнимая ли это особенность древнерусскаго вокализма, или подлинная, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ современныхъ нарѣчїй русскихъ она сохранилась главнымъ образомъ въ малорусскомъ и отчасти въ сѣвернорусскомъ¹⁾. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. она встрѣчается рѣдко.

Превращеніе *e* въ *o* (*jo*) послѣ мягкихъ согласныхъ есть тоже давнее явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ²⁾. Въ XIII в. появляется превращеніе *e* въ *o* подъ вліяніемъ ударенія: *жомъ*, *шомъ*, *у чомъ*³⁾. Это, какъ извѣстно, черта современнаго южно-великорусскаго говора, въ которомъ для перехода *e* въ *jo*, *o* послѣ согласныхъ требуется удареніе надъ *e* вмѣстѣ съ твердостью слѣдующаго за *e* слога. Эти условія не всегда обязательны въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и совершенно не обязательны въ малорусскомъ нарѣчїи. Не были они обязательны и въ древнерусскихъ нарѣчїяхъ. Весьма вѣроятно предположеніе г. Соболевскаго, что ограниченіе перехода *e* въ *o* въ южно-великорусскомъ говорѣ стоитъ въ зависимости отъ развитія въ немъ такъ называемаго *аканья*⁴⁾. Въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ XII—XIII в. появляется *ю* вмѣсто *e*: *ужасаются*—3 л. един. ч. (Добр. ев. XII в.),

¹⁾ Ibid. 69—70; Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчїи, 139.

²⁾ Лекція по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 52—53.

³⁾ Очеркъ... Колосова, 93.

⁴⁾ Лекція по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 55.

иудѣомъ (Галиц. ев. XIII в.), *щюдръ* (Типогр. ев. XII—XIII в.)¹⁾. Полагать надобно, что это *ю* образовалось изъ посредствующаго *jo*, и что оно стоитъ внѣ всякой зависимости отъ ударенія. Во всякомъ случаѣ, *о* вмѣсто *e* послѣ согласныхъ, и именно шипящихъ, представляетъ обычное явленіе и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: *чогò* (Г. М. 301), *нѣчѣго* (Стр. 25), *щокòу* (Г. Каз. 141), *пршѣвшн* (Г. М. 307) и т. п.

Перегласованіе *о*, *а* въ *е*.

Широко развито въ великорусскомъ нарѣчій перегласованіе звука *о* и особенно *а* въ *е* и даже въ *и* подъ влияніемъ предшествующей іоты и даже шипящихъ согласныхъ, заключающихъ въ себѣ іоту, и вообще согласныхъ мягкихъ. Разница въ этомъ отношеніи между сѣверно-великорусскимъ и южно-великорусскимъ говоромъ состоитъ въ томъ, что послѣдній не допускаетъ перегласованія въ ударяемомъ *а*, тогда какъ въ первомъ перегласованіе составляетъ обычное явленіе, какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ *а*. За исключеніемъ украинскаго говора, въ остальныхъ малорусскихъ говорахъ—въ сѣверномъ, и особенно въ галицкомъ, перегласованіе составляетъ органическую принадлежность народной фонетики. Въ галицкихъ говорахъ оно представляетъ полное сходство съ сѣвернорусскимъ, т. е. послѣ всѣхъ согласныхъ, въ которыхъ явно или скрыто существуетъ іота, подлежатъ перегласованію ударяемое и неударяемое *а*: *память*, *тебий*, *жель*, *щестѣ*, *месо*. Не переходитъ *а* (*я*) въ *е*, когда съ гласнаго начинается слово или слогъ: *я*, *поясъ*, *стояти*,—изрѣдка и послѣ согласныхъ, особенно послѣ *л*: *для*, *лях*, *гуляти*. Въ свою очередь и *е* перегласуется дальше—въ *і* (*йі*): *щисѣтѣ*, *місінъ* и т. п. Перегласованіе отмѣчено уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: въ Сбор. 1073 г.: *въпрашетемигъ*, *доброствореніе дьяля*, *сею дьяе*, *камыкъ преточеніе*²⁾; въ новгородской Миней 1091 г.: *въждедая*, *сураже-*

¹⁾ Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93.

²⁾ Ibidem, 103.

нинъ¹⁾. Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. послѣ шипящихъ стоять, какъ мы видѣли, *а*, изрѣдка *а*²⁾, иногда *ѣ*: *множьѣша*³⁾. Послѣдній случай можно объяснить перегласованіемъ, какъ бы ни звучала буква *ѣ*, какъ *е* или какъ *і*. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV—XV вв. нерѣдко встрѣчаются такія формы, какъ *розвезати*, *погледати* и т. п.⁴⁾. Подобныхъ примѣровъ немало найти можно и въ книжной малорусской рѣчи, особенно въ произведеніяхъ, написанныхъ въ первыя десятилѣтія XVII в. Такъ, въ Учительномъ евангеліи 1604 г: *книжнго*, *подо́рѣжнго*; въ *Казаньяхъ* Карповича 1615 г: *се* вмѣсто *ся* (90), *хотечи* (89); въ Киевской лѣтописи 1621 г: *бачечи*, *светого* (81), *поднялсе* (80), *наставлшею* (82), *езыкъ* (87) и т. п. Впрочемъ, примѣры, выписанные нами, напоминаютъ бѣлорусское перегласованіе неударяемаго *а* въ *е*⁵⁾.

Замѣна ы звукомъ у въ формахъ отъ глагола быти.

Во всѣхъ формахъ глагола *быти* въ малорусскомъ нарѣчій является звукъ *у* вмѣсто *ы*: *бути*, *був*, *бувши*, отсюда—*бувати*, *бував*, *бувавши*. Это *у* вмѣсто *ы* свойственно и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, особенно бѣлорусскому⁶⁾. Одни объясняютъ *у* въ глаголѣ *быти* „памятью о низкомъ произношеніи *ы*“, ⁷⁾ другіе выводятъ его изъ доегласнаго *уі*, предполагая, что *у* вытѣснило *і*⁸⁾, но, принимая во вниманіе, что въ другихъ случаяхъ, за исключеніемъ немногихъ словъ, въ сѣверно-малорусскомъ говорѣ *ы* не измѣняется въ *у*, можно скорѣе всего согласиться съ мнѣніемъ гг. Брикнера и Огоновскаго, что *у* здѣсь появилось изъ формы *буду* = церковносл. бѣдѣ.⁹⁾ Мало-

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго яз Соболевскаго, 67.

²⁾ Четыре критико палеографическія статьи, Ягича, 91—93.

³⁾ Матеріалы для исторіи пис. Буслаева, 12.

⁴⁾ Dokumenta mold. Kalużniacki, 8. См. также Acta grodzkie i ziemskie... Lwów (1868), т. 1.

⁵⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 46.

⁶⁾ Ibidem, 55.

⁷⁾ Два изслѣдованія о звукахъ рус. яз Потемби, 122.

⁸⁾ Ягичъ, Archiv, II, 358.

⁹⁾ Ibidem,—Studien... Ogonowski, 39—49.

русскіе писатели XVII в. большею частію удерживали коренное *ы* въ формахъ отъ *быти*, но встрѣчаются и формы съ *у*: *буу*, *буи* (Хм. л.), *буши*, *збути* (Сл. о безд.).

Замѣна о звукомъ у въ глаголахъ съ тематическимъ ова.

Такъ же точно встрѣчается въ бѣлорусскомъ нарѣчій *у* вмѣсто *о* въ глаголахъ съ тематическимъ *ова*, какъ и въ малорус: *дарувати*, *панувати*, бѣлорус: *даруваџи*, *пануваџи* ¹⁾. Это послѣднее *у*, равно какъ и предыдущее, мы не можемъ считать въ бѣлорусскомъ нарѣчій заимствованіемъ изъ малорусскаго, потому что оно распространено въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ малорусскаго народонаселенія, напр. въ витебской губерніи. Малорусскіе писатели XVII в. избѣгали употребленія *у* въ глаголахъ на *ова*, хотя въ народной рѣчи, безъ сомнѣнія, въ то время слышалось въ этихъ случаяхъ и *у* рядомъ съ *о*. Въ нѣкоторыхъ формахъ этихъ глаголовъ появляется *у* и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Смѣшеніе у съ в.

Смѣшеніе *у* съ *в*, какъ въ начальныхъ, такъ и въ среднихъ слогахъ, есть явленіе рѣдкое въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, болѣе частое въ южно-великорусскомъ, обычное — въ бѣлорусскомъ и во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Начиная съ XI вѣка, оно встрѣчается въ памятникахъ только южныхъ, напр. въ Сбор. 1073 г: *уселеньи*, *взгодно*, *взчинены*; въ Ж. О. XII в: *влодникъ*, *влодникомъ* ²⁾. Съ XIII в. мы видимъ его, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ ³⁾. Очевидно, смѣшеніе *у* съ *в* не было одинаково распространено и въ древнерусскихъ нарѣчійхъ, хотя, съ другой стороны, оно не было свойственно исключительно южнорусскимъ говорамъ. Въ современномъ малорусскомъ нарѣчій оно проведено съ безусловною строгостію: въ немъ невозможно, напримѣръ, превращеніе *в* въ *ф* передъ отзвучными согласными (*лафка*, *фторникъ*), какъ въ большинствѣ говоровъ великорусскаго нарѣчія. Проходя

¹⁾ Обзоръ... Карскаго, 55.

²⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62—78.

³⁾ Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 87—88.

съ особенною настойчивостію чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности, смѣшеніе *в* съ *у* постоянно встрѣчается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.: оу́вѣсь, кѣкъ (Бер. 14), некрожа́й, на Вкраїнѣ́, кчѣтель (Г. М. 35), оу́тѣкѣа́тъ (Рад. Ог. 473).

Смѣшеніе л съ в и вокализація в въ у.

Нѣкоторое сходство съ предыдущимъ явленіемъ представляетъ смѣшеніе *л* съ *в* и затѣмъ вокализація этого послѣднаго звука въ *у*. Обыкновенно это бываетъ тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчїи стоитъ согласный + *лъ* + согласный: *влькъ* = *воук* = *воук*, *плъный* = *повный* = *поуный*. Въ причастїи прошедшемъ на *лъ* конечное *л* тоже превращается въ *в*, *у*: *далъ*, *ходилъ* = *дав*, *ходивъ* = *дау*, *ходиву*. Въ древнерусскихъ нарѣчїяхъ серединнымъ превращеніемъ соотвѣствовало сочетаніе *л* вмѣсто церковнослав. *лъ*. Во всякомъ случаѣ, вокализація *л* чрезъ *в* въ *у* находится въ связи съ потерей *з*, въ которомъ твердый согласный *л* нѣкогда имѣлъ свою поддержку, какъ имѣетъ и теперь въ гласныхъ звукахъ *а*, *о*, которые являются въ томъ же причастїи женс. и сред. р: *дала*, *дало*, *ходила*, *ходило*. Что касается до формъ: *сокіл*, *орез*, въ которыхъ удерживается *л*, то весьма вѣроятно, что здѣсь глухой *з* потерянь былъ позже¹⁾. Какъ бы то ни было, только превращеніе *л* въ *в* и *у* свойственно не только малорусскому нарѣчїю, но и бѣлорусскому, отчасти и нѣкоторымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ²⁾. Въ малорусской письменности въ первый разъ мы встрѣчаемся съ этимъ явленіемъ въ концѣ XVI в.: *кѣдѣскею* (Лексисъ Зизанія 1596 г.)³⁾, въ XVII в. оно встрѣчается очень часто: *кѣкна*, *лѣкѣ* (Бер. 157), *стѣкчѣный* (ib. 156). Въ спрягаемомъ причастїи рядомъ съ *л* не менѣе часто встрѣчается и *в*, и притомъ у одного и того

¹⁾ Studien... Ogonowski 68. Тамъ же приведены оригинальныя формы, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи: *сокіе*, *кужіе*, *горіека* вмѣсто *сокіл*, *кужіе*, *горіека*.

²⁾ Обзоръ звуковыхъ и форм. особен. народнаго рус. яз. Колосова, 165—166.

³⁾ Studien... Ogonowski, 68.

же писателя: „Хѣ нѣкого не змѣжѣлъ, нѣ сѣвъ, нѣ лѣл“ (Г. К. 62), *ишолъ* и *ишовъ* (Льв. П.), *збивъ*, *погнавъ*, *звоевавъ* (Меж. л. 97), *спавѣвъ* (ib. 98) и *спавѣлъ*, *взялъ* (ib. 99).

Различныя формы смягченія д и т.

Изъ общерусскихъ явленій въ сферѣ согласныхъ звуковъ самымъ давнимъ и наиболее распространеннымъ нужно считать смягченіе *д* и *т* въ *ж* и *ч*. Оно постоянно выдерживается и въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *потверждаетъ* (Пал. З. К. 1025), *кѣжъ*, *кѣжѣ* (Г. М. 152), *оупежѣючи* (ib. 212), *нако-рѣчаютъ* (ib. 215).

Какъ малорусскому, такъ и великорусскому нарѣчіямъ свойственно и *жд* изъ *дж*, но въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчій есть еще *дж* изъ того же *дж* = церковнославянскому *жд*, а также *ждж* изъ *здж*, напр: *приижджати*, бѣлорус. *приижджачь*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи *дж* къ *жд*, замѣтимъ, что *жд*, *ждж*, есть одна изъ старинныхъ примѣтъ малорусскаго консонантизма. Она встрѣчается уже въ древнѣйшемъ южнорусскомъ памятникѣ—въ Галицкомъ евангеліи 1144 года: *дѣжжитъ*, *рожжѣ*, *ижженеть* и проч.¹⁾ Можно полагать, что здѣсь *жч* образовалось изъ *ждж* посредствомъ диссимиляціи *дж* съ предыдущимъ *ж*, или *ж* съ предыдущимъ *жд* (у Беринды: *кнѣждчѣю* 155), а затѣмъ въ современныхъ малорусскихъ формахъ: *дошч*, *рѣшчѣ* (*рѣжджичѣ*) произошла ассимиляція *ж* съ звукомъ *ч*—можетъ быть, подъ влияніемъ отвердѣнія *ч*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. есть та и другая форма: *дѣжчѣ*, *дѣжчѣи* (Г. К. 53) и *дошчѣ* (Льв. П.), *кѣржчѣчѣи* (Бер. 50), *рѣжчка* (Г. Каз. 193), наконецъ, *рѣжчкѣю* (Бер. 77), *рѣжчкѣю* (Рад. Ог. 1130), *рѣжчѣ* (ib. 893)²⁾. Всѣ формы смягченія *д* встрѣчаются у малорусскихъ писателей XVII в: *горджѣ*, *кѣрджѣлѣ* (Бер. 180), *прикѣджѣю* (ib. 123), *дѣрджѣчѣ* (Бер. 170),

¹⁾ Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 86.

²⁾ Въ исправленіи погрѣшнѣй при *Огородкѣ* Радвиловскаго правильнымъ считается *з рѣжчкѣю*, а не *з рѣжчѣю*.

наѣжджѣютъ (Рад. Ог. 2), *отъжджамъ* (Льв. П.). Впрочемъ, они охотно замѣняютъ *жд*, *ждж* простымъ *ж*, а при сочетаніи *ж* и другихъ шипящихъ съ свистящими во многихъ случаяхъ они слѣдуютъ народному выговору: въ *оуѣзѣтѣ* (Г. Каз. 105) и *оуѣзѣтка* (Рад. Ог. 293), *проѣцѣтѣ* (Г. Каз. 72), *сѣдѣцѣтѣ* (Г. М. 151), *тѣбарѣтѣ* (ib. 109) и проч. Здѣсь *жѣс*, *чѣс*, *щѣс* путемъ ассимиляціи превратились въ *зс*, *цс*, *сс*, при чемъ второе *с* неслышно въ произношеніи. Форма *лѣдзѣн* (Г. М. 392) явилась по аналогіи съ формой *кѣзѣн* (ib. 303), иногда встрѣчается и *лѣдѣн* (Рад. Ог. 390); въ бѣлорус. *боскѣй* изъ *бозкѣй*, *люцкѣй* изъ *лютскѣй*, *людскѣй*¹⁾. Мы не встрѣтили, между прочимъ, народной формы *рѣздо*, (въ бѣлорус. *роство*)²⁾, которая образовалась изъ *рождѣство* чрезъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ: *рожѣство*, *рожѣтво*, *розѣство*, *роство*, *розѣво* (*д* въ *т* посредствомъ прогрессивной ассимиляціи), наконецъ, *рѣздо*. Въмѣсто этой формы постоянно употребляется подновленная въ русскомъ вкусѣ церковнославянская форма: *рождѣство*.

Отвердѣніе шипящихъ.

Шипящіе согласные, образовавшіеся посредствомъ переходнаго смягченія зубныхъ *д* и *т*, а также гортанныхъ согласныхъ, въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ произносились мягко. Только съ XIV в. появляются слѣды отвердѣнія шипящихъ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ древнерусскихъ памятникахъ³⁾. Теперь мягкость шипящихъ соединяется въ галицкихъ говорахъ большею частію съ перегласованіемъ гласныхъ: *жѣль*, *чѣс*, *щѣстѣ*, *щѣпка* и т. п. Независимо отъ случаевъ перегласованія, въ горныхъ діалектахъ, преимущественно въ гуцульскомъ, шипящіе произносятся мягко: *начѣти*, *чѣсати*, *чѣю*, *чѣужий* и т. п.⁴⁾ Эта древнерусская мягкость шипящихъ сохранилась и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, но въ южно-великорусскомъ и бѣлорус-

¹⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 74.

²⁾ Ibidem, 79.

³⁾ Лекція по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93—94.

⁴⁾ Studien... Ogonowski, 74.

скомъ шипящіе большею частію отвердѣли ¹⁾. То же нужно сказать и объ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, въ которомъ мягкіе шипящіе слышатся только въ существительныхъ на *иє* и *лт*: *збіжся*, *лошя*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в шипящіе тоже постоянно тверды, вѣроятно, подѣ влияніемъ украинскаго говора: *лѣчь* (Г. Каз. 71), *пѣлнчъ* (Рад. Ог. 151), *дожчу* (Сл. о безд.), *ндѣчы* (Лям. острожс.), *моллчы*, *лѣжы* (ib.), *чого* (Г. М. 301) и т. п.

Мягкость свистящихъ.

Зато вполне сохранилась въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія древнерусская мягкость свистящихъ согласныхъ. Согласный *с* въ малорусскомъ нарѣчіи произносится мягко въ суф. *иск*: *жидивський*, *паньський* ²⁾, отсюда же по аналогіи и мягкое произношеніе *з* въ словахъ: *низкий*, *близкий*. Слѣды мягкаго *с* есть и въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ: *галмльськую*, *сидоньськую* (Луц. ев. XIV в. ³⁾). Въ именахъ существительныхъ съ тематическимъ *и* этотъ звукъ только предѣ *е* произносится твердо, предѣ остальными гласными—мягко: *отець*, *отця*, *отцю*, *лиця*, *лицю*, *молодиця*, *молодиць* и проч. Въ галицкомъ говорѣ это *и* отвердѣваетъ, особенно въ имен. пад. ед. ч. ⁴⁾. Сѣверно-великорусскій говоръ въ этомъ отношеніи сходенъ съ малорусскимъ,—въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ *и* отвердѣло ⁵⁾. Мелетій Смотрицкій призналъ за церковнославянскимъ нарѣчіемъ твердое *и*: *ѡтцѣ*, *ѡтцѣ*, *ѡтцѣ*, *пѣлница*,—поэтому и въ малорусской *печати* подобныя формы представляютъ твердое *и*, но въ *письменныхъ* малорусскихъ памятникахъ XVII в. нерѣдко можно встрѣтить мягкое *и*, напр. въ Львовской лѣтописи: *сонця*, *сонцю* и т. п.

¹⁾ Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. Колосова, 156—157.

²⁾ Г. Огоновскій объясняетъ мягкое *с* въ этихъ словахъ мягкостію слѣдующаго за *с* гортаннаго (Studien... 72).

³⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 75.

⁴⁾ Studien... Ogonowski, 74.

⁵⁾ Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. рус., Колосова, 155.

Обмѣнъ свистящихъ съ шипящими.

Извѣстно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ новгородскаго письма, начиная съ XI вѣка, встрѣчается взаимный обмѣнъ *ц* и *ч*: *циновъ*, *мыцба*, *младенча*, *вѣнчель* (Минея 1096 г.)¹⁾ Эта черта вполнѣ сохранилась въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ²⁾, Она чужда малорусскому нарѣчію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ діалектовъ галицкаго говора: *чельный* и *чельный*, *чичѣ* и *чичѣ*, *чюю* и *чюю*³⁾. Не есть ли это остатокъ древнерусской старины? Мы ставимъ этотъ вопросъ, имѣя въ виду обмѣнъ согласныхъ *ц* и *ч* въ южнорусскихъ памятникахъ, начиная съ XIII вѣка⁴⁾. Даже въ XVII в. изрѣдка встрѣчается этотъ обмѣнъ въ малорусской письменности: *чи* вмѣсто *чи* (Уч. ев. 1604 г.), *чи* *и* вм. *чи.и* (Стр.), *чудне* вм. *чудне* (ib.).

Смягченно-удвоенные согласные.

Гораздо болѣе своеобразно для малорусскаго нарѣчія смягченіе согласныхъ, соединенное съ удвоеніемъ ихъ, хотя и это явленіе, чуждое говорамъ сѣверно-великорусскому и южно-великорусскому въ именахъ существительныхъ сред. р. темъ *ја*, свойственно, какъ извѣстно, бѣлорусскому говору. Оно имѣетъ мѣсто въ именахъ существительныхъ съ суффиксомъ *иѣ*, причемъ *и* сокращается въ *ь*, а *ј* ассимилируется съ предыдущимъ согласнымъ, смягченнымъ посредствомъ *ь*. Такъ получается изъ *весельиѣ* чрезъ *весельиѣ* сѣверно-малорус. *весільиѣ*, украинс. *веси́лля*. Въ галицкихъ говорахъ стягивается обыкновенно *иѣ* въ *је*, при чемъ смягчается предшествующій согласный звукъ часто безъ удвоенія. Конечно, исходной точкой въ этомъ удвоеніи нужно признать сокращеніе *и* въ *ь*. Оно встрѣчается уже въ Сборн. 1073 г. (*прикатиѣ*, *очьѣ*) и въ другихъ памятникахъ XI вѣка. Хотя это *ь* вмѣсто *и* не составляетъ исключительной принадлежности древнерусской письменности, но въ ней оно явилось

¹⁾ Изв. Ак. т. X, вып. II, стр. 431—435.

²⁾ Обзоръ... Колосова, 181—184.

³⁾ Studien... Ogonowski, 75.

⁴⁾ Очерки... Соболевскаго, 111.

совершенно самостоятельно, подъ влияніемъ древнерусскихъ говоровъ. Оно было свойственно преимущественно тѣмъ изъ нихъ, изъ которыхъ образовалось малорусское нарѣчіе. Такъ можно думать въ виду рѣшительнаго предпочтенія сокращенныхъ сочетаній *ме, ѡа. ѡю, ѡи* предъ полными *иѣ, иѡ, иѡ, ии* въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галицкомъ еван. 1144 года, говоритъ г. Ягичъ, „такъ много примѣровъ этого рода сочетаній, что собственно слѣдовало бы подобрать тѣ, гдѣ противъ правила имѣется полная форма 1). Въ XIV в. появляются въ южнорусскихъ грамотахъ подобныя формы, но уже безъ ѡ: *и-даня* 2), *по божіемъ нарожень, обличє* 3); въ XV в: *псчатию, милостию, широкостию* 4); въ XVI в: *ѡдѣна, кѣрчина, змилокана, зѣбжа, написана* (Перес. ев.). Отсутствие ѡ ясно указываетъ на то, что въ этихъ формахъ произошелъ уже процессъ удвоенія согласныхъ 5). Въ малорусскомъ правописаніи XVII в. удвоенныя согласныя пишутся рѣдко: намъ встрѣтился одинъ только случай такого рода: *киини* вм. *киини* (Уч. ев. 1604 г.),—если не считать, вѣроятно, подновленныхъ издателемъ формъ: *въ навимженню, для збыранья, коренья* (Сл. о безд.); обыкновенно отмѣчается только мягкость согласныхъ посредствомъ надстрочнаго знака, а не удвоенія самихъ согласныхъ: *камѣни* (Г. К. 57), *камѣнѣмъ* (ib. 33), *камѣна* (ib. 166). Иногда же согласныя непосредственно присоединяются къ іотированнымъ гласнымъ безъ всякаго знака смягченія: *на свитаню* (Льв. II.), *за помочу* и *за помочу* (ib.) и т. п.

Согласный *и*.

Въ малорусскомъ нарѣчій и въ большей части южно-великорусскихъ говоровъ нѣтъ звука *и = g*; только въ иностранныхъ словахъ употребляется *и = g*: *данокъ, дудзи*. Сохранились однако же въ малорус. рефлексъ этого звука: въ словахъ *дзвин, джерело*,

1) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 90.

2) АЗР. I. 23.

3) АЮЗР. I. 1.

4) Гол. гр. №№ 3, 9.

5) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчій, 213—217.

какъ *dz*, такъ *дж*, изъ $г = g^1$). Въ виду этого обстоятельства, а также соображеній объ отношеніи церковносл. $з$ къ $ζ$, мы не считаемъ возможнымъ настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи, что $ι$ въ церковнославянскомъ нарѣчійи всегда произносилось, какъ h , и что $г = h$ древнѣе $ι$ въ малорусскомъ нарѣчійи, чѣмъ $г = g$. Есть слѣды образованія $h = ι$ изъ $ι = g$ въ XII—XIII в.: *блословите*, *блословленъ* изъ *блиословите*, *блиословленъ*²⁾, — хотя, конечно, не всякое малорусское $ι = h$ образовалось изъ $ι = g$. Мы совершенно согласны съ Колосовымъ, что древнерусскій языкъ зналъ, какъ придыхательное h , такъ и нѣмое g . Но сознательное различеніе того и другаго звука въ малорусскихъ памятникахъ началось только въ XIV вѣкѣ, когда для выраженія нѣмага $ι$ начали употреблять начертаніе *к*: *Скиркай.ю* (Гр. 1387 г.), *буркгимистру* (Гр. 1393 г.)³⁾. Вмѣсто сложнаго начертанія *к* въ XVII придумана была для обозначенія $ι = g$ особенная буква $г$: *гѣмнѣ*, *тѣпѣгѣфіл* (Бер.).

Согласный ф.

Нѣтъ также въ малорусскомъ нарѣчійи, какъ и въ бѣлорусскомъ, звука *ф*. Никогда не переходитъ въ малорусскомъ произношеніи звучный $с$ въ отзвучный $ф$ ни въ концѣ, ни въ срединѣ словъ предъ отзвучными, какъ въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ. Звукъ *ф* замѣняется въ малорусскомъ нарѣчійи согласнымъ $х$, особенно въ сочетаніяхъ съ $р$: *хрест*, *хранцуз*, или *хв*: *Хведор*, *хвортуна*, *хвіялочка*. Только въ галицкомъ говорѣ, и то большею частію въ словахъ заимствованныхъ, слышится *ф*: *фляшка*, *файный*, *фрасуватися*. Тѣмъ же путемъ заимствованія переходилъ звукъ *ф* и въ древнерусскія нарѣчія, изъ коихъ одни были расположены къ нему больше, другія—меньше⁴⁾. Въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ $х$ не только вмѣсто *ф*, но и вмѣсто *к*: *нехта.м.м.ля* (Галиц. ев. XIII в.), *хр.л.з* (Луц. ев. XIV в.)⁵⁾, — *хрѣститель*, *хрѣщ.лю*, *хрѣщениѣ* (Галиц.

¹⁾ Studien... Ogonowski, 72—75.

²⁾ Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 106.

³⁾ Замѣтки о малорусскомъ нарѣчійи, Потебни, 71.

⁴⁾ Лещин по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 99.

⁵⁾ Ibidem.

ев. 1444 г.)¹⁾, *што* (Грамм. XIV в.)²⁾ Изрѣдка встрѣчается это народное правописание и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *што* (Хм. л.), *ньшто* (Льв. II.). Но, вообще говоря, малорусскіе писатели охотно слѣдовали совѣту Мелетія Смотрицкаго—строго различать *ш* отъ *хв*, т. е. писать: *форма*, а не *хворма*, *хвала*, а *шла*, поэтому въ иностранныхъ словахъ они постоянно удерживаютъ *ш*: *фѣрма* (Г. Каз. 43), *фѣра* (ib. 39), *фрасѣнскъ* (ib. 46).

Извѣстно, что въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ существовали многія формы имени и глагола, сходныя съ церковнославянскими. Но само собою понятно, что перемѣны въ области звуковъ должны были непосредственно отражаться на искаженіи и потерѣ самыхъ формъ. Особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи должно было производить паденіе глухихъ гласныхъ, которое вызвало цѣлыя ряды словъ съ согласными окончаніями. Старыя звуковыя комбинаціи, смѣшиваясь съ новыми, давали богатый матеріалъ для нивелирующаго дѣйствія такъ называемой аналогіи, которая не только сама шла по слѣдамъ звуковыхъ превращеній, но и вызывала эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ замѣнѣ однихъ морфологическихъ пропорцій, являлись другія, то сходныя въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, то различныя.

Согласно съ нашимъ планомъ, мы остановимся сперва на сходныхъ, т. е. на общерусскихъ формахъ имени существительнаго.

Буква ѣ въ мягкомъ склоненіи именъ существ. женс. р. родит. един. и винит. множ., и мужес. р. въ именит. и винит. множ. ч.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ падежи родит. единс. ч., а также именит. и винит. множественнаго, въ темѣ *ја* именъ женс. рода оканчиваются на *и*, при чемъ единс. число отъ множ. отличается только удареніемъ: *земли*, *души* (родит. ед.), *зѣмли*, *души* (именит. и винит. множ.)³⁾. То же и въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ мужс. р., какъ въ сѣверныхъ,

¹⁾ Четыре критико-палеографич. статьи, Ягпга, 97.

²⁾ ДЗР. I. 20.

³⁾ Въ некоторыхъ малорусскихъ говорахъ встрѣчается вмѣсто *и* окончаніе *е* (см. Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 309).

такъ и въ южныхъ нарѣчіяхъ, винит. множ. въ слѣдствіе смѣшенія съ именит. множ. принялъ форму этого послѣдняго падежа: *мужи, кони, лучи*, при чемъ въ именахъ одушевленныхъ уже въ XIII в. этотъ падежъ началъ смѣшиваться съ родит. множ. Этому и въ церковнославянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ *л*, а въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, *ь*: такъ, уже въ Остромировомъ еван: *недь.ь* (родит. ед.), въ Сбор. 1073 г: *пзтиць* (именит. множ.), въ Сбор. 1076 г: *въдовиць* (винит. множ.)¹⁾. Въ XII—XIII вв. вмѣсто *ь* встрѣчаются въ этихъ падежахъ звуки *ѣа* (послѣ шипящихъ—*а*) *е* и *и*: *сѣтъѣ* *Бѣа* (родит. ед. въ Ж. Ъ. и Г. XII в.), *про свое муже* (винит. множ. въ гр. 1230 г.), *бортнои земли* (родит. ед. въ Р. Прав. XIII в), *овци* (винит. множ. *ibid.*) и т. п.²⁾. Существуетъ мнѣніе, что *ь* во всѣхъ этихъ формахъ есть окончаніе праславянское, искони отличавшее русскій языкъ отъ церковнославянскаго, что оно соотвѣтствуетъ *л*, такъ же, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ы* соотвѣтствуетъ *ж*³⁾. Но мы не видимъ *ь* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ стоитъ *гг* въ соотвѣтствіи съ *ж*: *нѣтъ*, *напримѣръ*, *ь* въ формахъ: *бия*, *время*. Если бы *ь* = *л* такъ же, какъ *ы* = *ж*, то получились бы формы: *биль*, *время*. Поэтому необходимо перенести замѣну *ж* посредствомъ *ь* съ праславянской почвы на древнерусскую.—Какъ же произносилось въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ это *ь*? Г. Соболевскій утверждаетъ, что *ь* произносилось иначе, чѣмъ *е*, потому что въ противномъ случаѣ это *ь* = *е* превратилось бы въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ—звуковой процессъ, который начался въ XIII в., и котораго не замѣчаемъ мы въ *ь*⁴⁾. Съ своей стороны считаемъ нужнымъ замѣтить, что если съ *е* изъ *ь* не сдѣлалось того же, что съ основнымъ *е*, то потому именно, что *е* изъ *ь* еще до XIII в. въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ получалось изъ дифтонговъ—такъ же, какъ въ другихъ говорахъ оттуда же образовалось и

¹⁾ Много примѣровъ изъ памятниковъ XI, XII, XIII вв. см. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. Колосова, 69, 82—83.

²⁾ Подробнѣе—*ibidem*, 83, 94—96.

³⁾ Русскій филологич. Вѣст., 1881 г. № 3.

⁴⁾ *Ibidem*, 1881 г. № 3, 5.

и, слѣдовательно, въ чувствѣ языка не исчезло еще въ то время различіе *е* изъ *ь* отъ основнаго *е*, потому-то *е* изъ *ь* и не пошло тѣмъ путемъ превращенія послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о* (*jo*), какъ основное *е*. По нашему мнѣнію, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ буква *ь* проносилась въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, какъ звукъ мягкій, который можно было противопоставить твердому *ы*, слѣдовательно, буква *ь* выражала звукъ, вызванный аналогіей отъ этого самаго *ы*, звукъ *не тождественный съ ы, но подобный ему*. Весьма можетъ быть, что это былъ звукъ *и* въ тѣхъ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ь* произносилась, какъ *и*, но ничего нѣтъ невѣроятнаго и въ томъ, что въ другихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ь* произносилась, какъ *е*, этотъ звукъ *е*, выраженный посредствомъ *ь*, сохраняя слѣды своего происхожденія изъ *ь*, противопоставлялся твердому *ы*. Когда въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ смѣнилось *е* на *и*, то, полагать надобно, это было уже дѣйствіе фонетическаго закона — такъ называемаго перегласованія, хотя и нельзя объяснять однимъ этимъ закономъ появленія *и* въ мягкихъ окончаніяхъ, гдѣ нѣкогда въ церковнославянскихъ нарѣчіяхъ стоялъ *л* въ противоположность юсовому *ы* твердыхъ окончаній. Поэтому мы думаемъ, что въ однихъ нарѣчіяхъ звукъ *и* въ разсматриваемыхъ формахъ утвердился вмѣсто церковнославянскаго *л* только подъ вліяніемъ аналогіи отъ *ы*, въ другихъ—при помощи перегласованія, но въ томъ и другомъ случаѣ *разные* писцы пользовались буквою *ь* для выраженія неодинаковыхъ звуковъ—то *е*, то *и*. Южнорусскіе писцы выражали буквою *ь* преимущественно этотъ послѣдній звукъ, сохраняя и въ XVII в. преданіе древней южнорусской письменности. Вопреки славянской грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, который въ родит. един. и винит. множ. именъ существительныхъ мягкихъ окончаній пишетъ *л* (*сѣнл, мрѣжл*), они употребляли во всѣхъ этихъ случаяхъ букву *ь*, которую произносили, конечно, какъ *и*. Такъ, родит. единс: *з̣ з̣имлѣ* (Г. К. 39), есть и *з̣имлѣ* (ib. 187), *зо всеи дунѣ* (Пал. З. К. 978), *сл̣ужбницѣ* (Стр. 26), *до роль* (Льв. П.);—именит. множ: *кулѣ* (Льв. П.); винит. множ: *с̣кнѣ* (Г. К. 81), *з̣панчѣ* (К. X.), *к̣р̣с-*

пѣкъ (Рад. Ог. 642), шѣклѣ (ib. 1081). То же ѣ и въ винит. падежѣ мужес. р., гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчїи былъ ѣ: конѣ (Хм. л.), есть и кони (ib.), олтарь (ib.). Но такъ какъ ѣ произносили, какъ и, то и въ имен. множ. ч. мужс. рода, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчїи было и, въ малорусской книжной рѣчи часто видимъ ѣ: гость, приходнѣ (Каз. Л. Карп.), учитель (Пал. З. К. 977), князь, король, царь (Г. К. 61), нѣмнѣ, огнѣ (Льв. П.).

Гораздо рѣшительнѣе выступаетъ дѣйствіе аналогїи въ тѣхъ формахъ имени существительнаго, которыя появились въ слѣдствіе смѣшенія темъ, а также смѣшенія родовыхъ окончаній и падежей.

Смѣшеніе темъ въ именахъ существительныхъ.

Къ давнимъ явленіямъ во всѣхъ русскихъ нарѣчїяхъ относится смѣшеніе именъ темъ а съ именами темъ у въ род. един. (мнѣ Сбор. 1073 г.) и въ предлож. един. (въ пиру Рус. Правда по спис. ок. 1282 г.)¹⁾. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это смѣшеніе представляетъ тоже одно изъ заурядныхъ явленій, особенно послѣднее: ѣ чѣкѣ (Г. Каз. 104), по отцю, у великомъ страху (Льв. П.), къ князю (Г. Каз. 116).

То же нужно сказать и о смѣшеніи именъ темъ а съ именами темъ і въ родит. и дат. един. ч: гостя, огня вмѣсто гости, огни. Въ малорусскихъ памятникахъ XVII в. послѣднія, болѣе древнія формы вовсе не встрѣчаются. Въ родит. множ. уже въ XIV в. появляется форма: людей²⁾. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, образовалась ли она изъ ии, замѣтимъ только, что во всѣхъ русскихъ нарѣчїяхъ она глубоко проникла въ темъ а: даже въ славянской грамматикѣ М. Смотрицкаго встрѣчаемъ: пѣстырѣи, млчѣжѣи и проч.

Въ томъ же родит. множ. уже въ XI в. обнаружилось смѣшеніе именъ темъ а съ именами темъ у: урховѣ (Остр. ев.

¹⁾ Лезнїи во исторїи русскаго языка Соболевскаго, 121, 122.

²⁾ Очеркъ исторїи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 109.

255 в.), *врачевъ* (ib 243 в.), *вождевъ* (Сбор. 1076 г.)¹⁾. Съ развитіемъ древнерусской письменности постепенно усиливается преобладаніе окончаній *овъ*, *евъ* надъ *ъ*, *ь*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. замѣтно колебаніе въ этомъ падежѣ между темами *у* и *і*; *нпріѣтѣліоуъ* (Г. К. 17) и *нпріѣтѣліи* (ib.), *зѣлѣніоуъ* (ib. 56) и *зѣлѣніи* (ib.).

Смѣшеніе родовыхъ окончаній въ именахъ существительныхъ.

Въ дат., творит. и предлож. падежѣ множ. ч. имена существительныя мужес. и сред. р. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ принимаютъ окончанія именъ существительныхъ женс. р: *амъ-ямъ*, *ами-ями*, *ахъ-яхъ*. До XVI в., повидимому, держались еще старинныя окончанія этихъ падежей. Въ одномъ памятникѣ XII в. мы встрѣтили окончанія *ами*, *ями*: *прекраснами лучами* (Монаст. уст.)²⁾, но этотъ единственный случай не можетъ служить доказательствомъ ранней аналогіи въ этихъ формахъ отъ именъ существительныхъ женс. р. Зато въ XIV вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, рѣшительно выступаетъ дѣйствіе этой аналогіи³⁾. Вѣроятно, раньше всего подчинились ей имена существительныя средняго р., въ которыхъ именит. множ. оканчивается на *а*. Въ предложномъ падежѣ посредствующей формой отъ *нахъ* къ *ахъ* могли быть окончанія *ахъ*, *оахъ*, перешедшія изъ темы *а* въ тему *у* и весьма нередкія въ южнорусскихъ памятникахъ, даже сравнительно позднихъ⁴⁾. Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. разсматриваемыя нами формы, безъ сомнѣнія, были уже во всеобщемъ употребленіи, какъ и теперь въ народной рѣчи. Въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго стоятъ рядомъ формы: *прорѣсками*, *дрѣвгами* и *прорѣски*, *дрѣги*, но падежи дат. и предлож. выдержаны по церковнославянски.

¹⁾ Изв. Ак. т. X, 5.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Прииѣры у Колосова, см. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 109—110.

⁴⁾ См. выше стр. 66—67.

Смѣшеніе родовыхъ окончаній выразилось также въ имен. пад. един. ч. собственныхъ именъ, которыя послѣ паденія глухихъ гласныхъ охотно начали принимать окончаніе *о*, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ: *Данило*, *Федорко* (Смол. гр. 1284 г.), *Михайло* (Нов. гр. 1317 г.)¹⁾.—То же въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в: *Стецко*, *Васько*, *Осташко*, *Гльво*, *Михайло*²⁾. Для объясненія этого явленія едвали можно обращаться къ теоріи о долговременномъ существованіи глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ сѣверномъ, гдѣ обыкновенно встрѣчаются такія формы, какъ *Ролфо*, *Туманс* (Смол. гр. 1229 г.), *Павле*, *Инаме* (Новгор. купч. XIII—XIV в.), *Окмыфо*, *Марке*, *Федоро*, *Ивановиче* (Новгр. гр. XIV в.). Смѣшеніе глухихъ гласныхъ съ чистыми въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, по нашему мнѣнію, есть ничто иное, какъ графическая замѣна однихъ буквъ другими, легко объясняемая привычкой малограмотныхъ писцевъ произносить *з* и *ь*, какъ *о* и *е*, поэтому въ сѣверныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ эти послѣднія буквы вмѣсто первыхъ, и наоборотъ. Такъ, иногда въ одной и той же грамотѣ одни и тѣ же слова пишутся двоякимъ образомъ: *миро* и *мирз*, *будьте* и *будьтъ*, *битоса* и *битъса*, *око* и *окз* (Смол. гр. 1229 г.). Къ такимъ же ошибкамъ въ правописаніи мы отосимъ аналогическія формы въ южнорусскихъ памятникахъ: *ѣсте* вмѣсто *ѣсть*, *придѣте* вмѣсто *придѣтъ* (Добр. ев. XII в.), *дамо* вмѣсто *дамъ* (Типогр. ев. № 7, XIII в.), *къ иудеємо* вмѣсто *къ иудеємъ* (Луц. ев. XIV в.)³⁾. Что касается до именъ существительныхъ, относящихся къ названію лицъ и званій, то въ великорусскомъ нарѣчій смѣшеніе родовыхъ окончаній въ этихъ именахъ пошло дальше, чѣмъ въ малорусскомъ. Уже въ XIII—XIV вв. въ сѣверно-великорусскихъ грамотахъ встрѣчаемъ окончаніе *а* рядомъ съ *о* съ соответствующими косвенными падежами женс. р: *Самуйль* (дат. ед.), *Гагрилу*, *Данилу* (винит. ед.) и т. п.⁴⁾ Въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

¹⁾ Изв. А. т. X, 5, 6

²⁾ Гол. гр. №№ 3, 7.

³⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 71.

⁴⁾ Лекція по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 132.

господствуетъ окончаніе *о*: *Марко* (Г. М. 336), *Михайло*, *Григорко* (Гус. л. 372) и т. п. Нерѣдки также формы: *митрополѣица* (Г. Чуд. 143), *патріарха*, *екзарха*, *езуита* (Густ. л. 369—370). Впрочемъ, а въ этихъ формахъ, очевидно, явилось, какъ и въ польскомъ языкѣ, подѣ влияніемъ латинскихъ формъ.

Смѣшеніе падежей въ именахъ существительныхъ.

Зват. падежъ въ малорусскомъ нарѣчїи, какъ мы видѣли, сохранился до настоящаго времени, не замѣняясь падежемъ именительнымъ. Обратная замѣна именит. падежа звательнымъ въ именахъ существит. мужес. р. встрѣчается иногда въ народныхъ пѣсняхъ: „приѣзжае *синку* къ своему двору“ (Чуб. V. 706), „ой занедужавъ молодой *чумаче*“ (ib. 1048). Это явленіе общерусское, и притомъ давнее, возникшее въ XII—XIII в. ¹⁾. Встрѣчается оно и у малорусскихъ писателей XVII в.: *Николаѣ* вмѣсто *Николай* (Г. Каз. 20), *Аріи* вмѣсто *Арій* (Рад. Ог. 709).

Не менѣе древнею общерусскою особенностью въ формахъ имени существит. нужно считать смѣшеніе винит. падежа въ именахъ одушевленныхъ мужес. рода съ родительнымъ, а также во множ. ч. смѣшеніе винит. падежа съ именительнымъ. Первое смѣшеніе встрѣчается уже въ памятникахъ XI—XII в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: „*имать жикота кѣччанаго*“ (Остр. ев. 8, в.), „*къ злѣбіи бѣ кнго мира*“, „*лѣдїи хлѣба*“ (Галиц. еван. 1144 г.) ²⁾. Употребленіе винит. вмѣсто именит., и обратно, во множест. ч. началось не позже XIII в. ³⁾. Всѣ эти общерусскія явленія составляютъ обычную черту и книжной малорусской рѣчи XVII в. Въ винит. множ. Мелетїй Смотрицкїй старается приблизиться къ церковнославянскимъ формамъ: *краты*, *пастыря*, *кратя*, но *бѣина*, *дѣбга*, *бѣина*, *кратя* и тому подобныя замѣны винительнаго падежа формами родительнаго онъ приписываетъ, какъ мы видѣли, и языку славянскому.

¹⁾ Лекція по исторїи русскаго языка, Соболевскаго, 137.

²⁾ Описаніе славянскихъ рукописей, Горскаго и Невост. отд. I. 214.

³⁾ Лекція по исторїи русскаго языка, Соболевскаго, 139.

Не менѣе значительны общерусскія отклоненія отъ церковнославянскихъ глагольныхъ формъ.

Суффиксы неопред. наклоненія ти, ть, чь.

Въ неопр. накл. съ XII в. началось уже колебаніе между формами *ти* и *ть*. Такъ, въ договорной грамотѣ Ярослава Владиміровича съ нѣмцами (1195 г.) читаемъ: „а кого Богъ поставитъ князя, а съ тѣмъ миръ *потвердитъ*“¹⁾. Нужно, впрочемъ, сказать, что форма *ть* встрѣчается довольно рѣдко не только въ XIII, но и въ XIV в.: „оу желѣза *оусадитъ*“ (Смол. гр. 1229 г.),²⁾ „жидове мають утятити и *выстерегаться*“³⁾ Гораздо чаще встрѣчается *ть* въ XV в.⁴⁾, не устраняя и въ послѣдующихъ вѣкахъ стариннаго *ти*. Эта живучесть окончанія *ти* не можетъ служить въ пользу предположенія, что достигательное наклоненіе начало выходить изъ употребленія въ XV в. подъ вліяніемъ превращенія *ти* въ *ть* и послѣдовавшаго затѣмъ смѣшенія этого послѣдняго окончанія съ суффиксомъ достигат. накл. *ть*. Можно указать въ древнерусскихъ памятникахъ примѣры появленія *ть* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ старину употреблялось *тъ*; даже *ти* въ древнѣйшихъ памятникахъ стоитъ иногда вмѣсто *ть*, напр: „идѣ суготскаги мѣсто камѣ“ (Остр. ев. 45, в). Поэтому мы полагаемъ, что удобнѣе говорить о замѣнѣ достигат. наклоненія посредствомъ неопредѣленнаго, чѣмъ о фонетическомъ воздѣйствіи одной формы на другую. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ вмѣсто достигат. накл. является неопредѣлен. съ общерусскимъ окончаніемъ *чи*⁵⁾, которое въ настоя-

¹⁾ Грамоты, касающіяся сношенія сѣверозап. Россіи съ Ригою, Напѣрскаго, над. Археогр. комиссіей.

²⁾ Славянская христоматія Воскресенскаго, 65. Колосовъ считаетъ въ этомъ случаѣ ъ графической замѣной звука *e*, который въ свою очередь стоитъ вмѣсто *и* (Очеркъ... 98). Это, очевидно, фонетическая натяжка. Нельзя также считать *оусадитъ* формой повелит. накл., потому что она не соответствовала бы контексту рѣчи, въ которой постановленія договаривающихся сторонъ вслѣдъ выражены въ формѣ неопред. наклоненія.

³⁾ АЗР. I, 25.

⁴⁾ Ibid. I, 71, 83.

⁵⁾ Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, 299.

щее время сохранилось, какъ въ сѣверномъ великорусскомъ, такъ и въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ.

Вызвано это *чи* вліяніемъ согласныхъ темъ наст. времени. Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ окончаніе *чи* послѣдовательно идетъ, начиная съ XIV в: *рѣчи* (Гр. 1385 г.)¹⁾, *отверечися* (Гр. 1386 г.)²⁾, *мочи* (Гр. 1486 г.)³⁾, *пожчи*, *стѣрчи*, *сѣрчи* (Пересоп. ев. XVI в.), *забѣчи* (Пал. з. К. 1083), *выстѣчи* (Льв. П), *кѣмочи* (Рад. Ог. 385), *пчи* (Г. К. 185.).

Личныя окончанія наст. времени изъявит. наклоненія.

Въ изъявит. наклоненіи не всѣ личныя окончанія наст. времени сохранились въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ. Съ XIII в. начали колебаться формы двойст. ч. ⁴⁾, въ XIV в. онѣ постепенно вымирали. Какъ ни усиливался Мелетій Смотрицкій поддержать эти формы въ своей грамматикѣ, онѣ не привились къ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ единс. и множес. числахъ настоящаго времени личныя окончанія получили не тотъ видъ, какой они имѣли въ церковно-славянскомъ нарѣчіи. Такъ, юсы уже въ XI в. иногда замѣняются чистыми гласными въ 1 л. единс. и въ 3 л. множес. ч: *примоу* (Туровс. ев. XI в.)⁵⁾, *розоумью*, *малолють* (Сбор. 1076 года)⁶⁾. Архаическое окончаніе 1 л. единс. ч. *мь* тоже въ XI в. начало превращаться въ *ма*: уже въ Остром. евангелии съ особенною настойчивостію употребляется форма *имамь*. Подобныя формы встрѣчаются также въ XII и XIII в. ⁷⁾ Глаголь *ѣсмь*. вѣроятно, подъ вліяніемъ аналогіи отъ 2 л. единс. ч. *ѣси*, съ давнихъ временъ получилъ форму *ѣсми* ⁸⁾. Въ слѣдствіе пре-

¹⁾ АЗР. I. 27.

²⁾ АЗЮР. П, 102.

³⁾ АЗР. I, 80.

⁴⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.

⁵⁾ Свѣдѣнія и замѣтки о малолзв. и неизв. памятникахъ, Срезневскаго, №45, 106.

⁶⁾ Историческая хрестоматія, Буслаева, 300.

⁷⁾ Свѣдѣнія и замѣтки... Срезневскаго, № 31, стр. 4. Дрепніе памятники русскаго письма и яз. Срезневскаго, 192, 214, 227, 232.

⁸⁾ Колосовъ указываетъ одинъ примѣръ изъ XII в. (Очеркъ.. 85). Въ XIII и XIV в. форма сложнаго прошедшаго съ *ѣсми* рѣдко встрѣчается, а въ XV в. она

вращенія *мъ* въ *мъ* 1 л. множес. ч. совпало съ 1 л. единс. ч. Можетъ быть, это обстоятельство было поводомъ къ превращенію во множ. ч. *мъ* въ *мы*: уже въ Сбор. 1073 г.—*исмы* 1): Вообще же въ глаголахъ сохранилось во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ окончаніе 1 л. множ. ч. *мъ*—конечно, безъ всякой примѣси глухаго гласнаго звука.

Во 2 л. един. ч. рано появилось окончаніе *шь* вмѣсто *ши*: въ памятникахъ XII—XIII в. находимъ: *тружаешъ* (еван. XII в. кievс. церковно-арх. муз.), *прѣткнешъ* (еван. XII—XIII в. Рум. муз. № 104) 2), *вѣдаешъ*, *дѣлаешъ*, *посушишь* (гр. 1229 г.) 3). Допуская въ русскихъ нарѣчіяхъ раннюю потерю глухихъ гласныхъ, думаемъ, что окончаніе *шь* уже во время появленія своего означало не болѣе, какъ мягкій шипящій звукъ, поэтому не лишено основанія предположеніе г. Соболевскаго, что окончаніе *ши* въ древнерусскихъ памятникахъ есть особенность церковнославянская, а не русская 4). Послѣ отвердѣнія шипящихъ, ъ въ окончаніи *шь* не было уже знакомъ мягкости согласнаго *ш*, а въ книжной малорусской рѣчи XVII в., согласно съ народнымъ произношеніемъ, принято было за правило писать *шь*, а не *шъ*: *набѣашъ*, *машъ*, *хнѣдъшъ* (Г. М. 122, 123).

Въ 3 л. един. и множ. ч. украинскій говоръ малорусскаго нарѣчія вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ ближе стоитъ къ церковнославянскому нарѣчію, удерживая мягкое *т*, т. е. *тъ*. Въ галицкомъ малорусскомъ и сѣверномъ великорусскомъ, а также въ литературномъ русскомъ, *т* отвердѣло. Хотя предъ *ся* это отвердѣніе *т* встрѣчается уже въ Мстиславовомъ еван. XII в. (*сѣрамлѣютѣа*, *сѣтаклѣютѣа*) 5), но явленіе это съ особенною силою выступаетъ въ болѣе позднихъ памятникахъ XV в. 6). Мелетій Смотрицкій, примѣняясь къ западнымъ мало-

составляетъ обыкновенное явленіе, какъ въ южнорусскихъ, такъ и въ сѣвернорусскихъ памятникахъ.

1) Описаніе слав. рукописей, Горскаго и Невостр. Отд. II, кн. 2, 392.

2) Лекція по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 112.

3) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 97.

4) Лекція... Соболевскаго, 112.

5) Историческая христоматія, Буслаева, 37, 38.

6) Очеркъ... Колосова, 145.

русскимъ говорамъ, установилъ для 3 л. един. и множ. ч. окончаніе *тъ*: оно принято было и въ книжную малорусскую рѣчь XVII в.—Что касается до опущенія *тъ*, *тъ* въ 3 лицѣ един. и множ. ч., то оно отвергнуто было малорусскими писателями XVII вѣка, какъ особенность простонародной рѣчи. Между тѣмъ, это одна изъ характерныхъ ея особенностей. Является она уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности—въ припискѣ къ Остромирову евангелію, въ Сборникѣ 1073 г. Въ настоящее время формы безъ *тъ*, *тъ* въ 3 л. един. ч. распространены преимущественно въ малорусскомъ и сосѣднихъ съ малорусскими бѣлорусскихъ говорахъ; гораздо рѣже встрѣчаются онѣ въ остальныхъ великорусскихъ говорахъ.

Замѣна прошед. простыхъ прошедшими сложными.

Относительно прошедшихъ простыхъ установилось мнѣніе, что въ первые вѣка славянорусской письменности они не чужды были древнерусскимъ нарѣчіямъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ аористъ, такъ и прошедшее продолженное время, составляютъ обычное явленіе. Такъ, въ болѣе поздней редакціи ихъ XII и XIII в. мы видимъ прежде всего рѣзкое преобладаніе такъ называемаго аориста, который въ глаголахъ 1 класса на гласную тему иногда употребляется въ 3 л. един. ч. безъ *тъ*, *тъ*: *нача* (Пролог. новгор. соф. билбл. 1150 г.), *поча* (Кормч. 1284 г.)¹⁾ и т. п. Наоборотъ, въ прошед. продолженномъ времени 3 л. един. и множ. ч. часто является съ окончаніемъ *тъ*, которое встрѣчается иногда и въ южнославянскихъ памятникахъ, но преимущественно—въ памятникахъ древнерусскихъ. Видно, что это окончаніе не было навѣяно вліяніемъ южнославянской письменности. Особенно интересно въ древнерусской книжной рѣчи своеобразное построеніе прошед. продолжен. времени: большею частію оно образуется подъ вліяніемъ аналогіи отъ темъ глагольныхъ на *а*: *идѣаше* (Остр. ев. 4 в.), *идѣаше* (ib. 34, б), *живѣаше* (ib. 9, в.), — есть и *идѣаше* (ib. 95, г.), *живѣаше* (ib. 41, в.). Гораздо чаще встрѣчаются сокращенныя формы: *идяше*, *живяше* (Арх. ев. 1092 г.), *тьръпяше*, *идяше*

¹⁾ Древніе памятники русскаго пис. и яз. Срезневскаго, 234, 237.

(Мин. 1095 г.)¹⁾ Въ XII—XIII вв. эта однообразная форма прошед. продолжен. времени встрѣчается еще чаще, указывая на затменіе этой категоріи времени въ живой рѣчи. Вообще же нужно сказать, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской редакціи замѣтно уже предпочтеніе сложныхъ формъ времени простымъ. Можетъ быть, ближайшимъ поводомъ къ этому предпочтенію служило стремленіе отличить 2 л. един. ч. въ прошедшихъ простыхъ отъ 3-го, поэтому для втораго лица сперва употреблялась сложная форма, а затѣмъ она начала проникать и въ другія лица. Такое предположеніе мы допускаемъ на томъ основаніи, что въ древнерусскихъ памятникахъ съ особенною настойчивостію употребляется сложная форма прошед. времени во 2 л. един. ч. Въ XIII в. встрѣчаются уже ошибки въ употребленіи прошедшихъ простыхъ: такъ, въ галицкомъ спискѣ еванг. чтеній конца XIII в. встрѣчается: „другая не *имѣше* глубины земля“²⁾. Формы прошедшихъ простыхъ казались тѣмъ менѣе обязательными, что съ опущеніемъ вспомогат. глагола въ сложныхъ прошедшихъ, которое нерѣдко встрѣчается уже въ XII в. („язъ *да.тъ*“ Грам. Мстисл. 1130 г., „се *ודה* Варламе“ Грам. хут. 1192 г.),³⁾ формы сложныхъ прошедшихъ являлись въ упрощенномъ видѣ. Какъ бы то ни было, въ XIII—XIV вв. формы прошед. простыхъ были уже пережитымъ моментомъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и были понятны народу, поэтому онѣ и не выходили изъ книжнаго употребленія не только тогда, но и гораздо позже. Конечно, вымираніе этихъ формъ происходило не сразу: нѣкоторыя изъ нихъ могли продолжать свое существованіе, какъ остатокъ старины. Судить объ этомъ мы можемъ по тому, что и теперь еще жалкіе остатки ихъ, какъ мы видѣли, не исчезли окончательно. Вообще говоря, въ обыденной рѣчи онѣ казались излишними: здѣсь причастіе спрягаемое на *лъ* сдѣлалось замѣстителемъ прошедшихъ простыхъ. Впрочемъ, и въ книжной малорусской рѣчи XVII в. онѣ тоже отсутствуютъ.

¹⁾ Лекція... Соболевскаго, 114.

²⁾ Свѣдѣнія и зам. о малорусск. и неизвѣс. памятникахъ, Срезневскаго, № 15, 413. Примѣры ошибокъ въ употребленіи прошедшихъ простыхъ изъ разныхъ вѣковъ см. Лекція... Соболевскаго, 165.

³⁾ Древніе памятники русскаго письма в аз. Срезневскаго, 498, 510.

Виды глаголовъ въ южнорусской письменности XI, XII, XIII вв.

Въ связи съ этимъ явленіемъ, по нашему мнѣнію, находится развитіе въ русскихъ глаголахъ тѣхъ особенностей, которыя въ грамматикахъ принято называть *видами глаголовъ* или *степенями дѣйствія*, выражаемаго посредствомъ глаголовъ¹⁾.

Извѣстно, что въ образованіи кратной степени во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ самое рѣшительное вліяніе имѣетъ гласный звукъ *a*, поэтому глаголы V класса съ тематическимъ гласнымъ *a* представляютъ наиболѣе удобную почву для передвиженія глаголовъ изъ продолженной степени въ кратную. Тема этихъ глаголовъ расширяется посредствомъ суффикса *a*, который видоизмѣняется въ нарѣчій великорусскомъ въ звукъ *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ, и въ звукъ *и* послѣ гортанныхъ, а также послѣ мягкихъ согласныхъ, при чемъ для устраненія зіянія между суффиксомъ кратной степени и тематическимъ гласнымъ вставляется *ь*, удареніе же большею частію передвигается съ тематическаго гласнаго на корень, въ которомъ гласный звукъ иногда усиливается: *дѣлатъ - дѣлыватъ*, *толкѣтъ - тѣлживатъ* и т. п. Форму кратной степени могутъ принимать и глаголы другихъ классовъ, но всегда подъ условіемъ перехода этихъ глаголовъ

¹⁾ Миклошичъ раздѣляетъ славянскіе глаголы на *совершенные* и *несовершенные*, и затѣмъ — въ послѣднихъ различаетъ дѣйствіе длительное (*verba durativa*) отъ дѣйствія повторяющагося (*verba iterativa*). Эти послѣдніе глаголы, обыкновенно обозначаемые суффиксомъ *a*, усиливаютъ итерацию посредствомъ удвоеннаго суффикса *a*, являясь такимъ образомъ итеративными второй степени: чешск. *sedám* — глаголъ итеративный отъ *sedu*, *sedávám* — итеративный отъ *sedám* (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. Miklosich, 276—277). — Некрасовъ раздѣляетъ русскіе глаголы по степенямъ дѣйствія на *краткіе*, *продолженные* и *кратные*. „Краткость и кратность, говоритъ онъ, суть виды общаго, родоваго понятія продолжительности. Въ нихъ противоположность представляется конкретнѣе, съ проявленіемъ дѣйствія на самомъ дѣлѣ (О значеніи формъ русскаго глагола, 1865 г., 155). Недостатокъ этой послѣдней классификаціи заключается въ томъ, что въ ней не дано надлежащаго мѣста глаголамъ совершеннымъ, которые не имѣютъ суффикса краткой степени *ну*, — зато она представляетъ менѣе сбивчивости въ разграниченіи первой и второй степени. По Некрасову, *кидѣтъ*, *бросѣтъ* — глаголы просто продолженные (у Миклошича *verba iterativa* первой степени), *кидыватъ*, *брасыватъ* — глаголы кратные (у Миклошича *verba iterativa* второй степени). Поэтому, принимая общепринятое въ славянскихъ грамматикахъ дѣленіе глаголовъ на совершенные и несовершенные, мы будемъ держаться терминологіи Некрасова въ отношеніи къ глаголамъ несовершеннымъ.

въ V классъ, хотя переходная форма эта въ глаголахъ великорусскихъ не всегда употребляется. Такъ, отъ глагола *дать* (1 кл.) чрезъ *дава* (*давати*)—*даваты*,—отъ *быть* (1 кл.) чрезъ *быва* (*бывати*)—*бываты*,—отъ *сидѣть* (III кл.) чрезъ *сидѣ+а*, *сидя+а*—*сидживати*,—отъ *ходить* (IV кл.) чрезъ *ходи+а*, *хожа*—*хаживати* и т. д. Иногда глаголы 1 класса, принимая тематическій гласный звукъ глаголовъ V класса, сразу получаютъ значеніе кратной степени: *ьсть*—*ьдѣть*, *пить*—*пивѣть* и т. п.¹⁾

Таковы въ общихъ чертахъ отношенія между степенью продолженной и кратной въ великорусскомъ нарѣчїи. Само собою разумѣется, что они установились не сразу. Собственно говоря, кратная степень возникла уже на памяти исторїи. Она неизвѣстна была церковнославянскому нарѣчїю въ тѣхъ комбинаціяхъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчїи великорусскомъ, хотя, по мнѣнію Миклошича, въ сферѣ славянскихъ нарѣчїй система глаголовъ совершенныхъ и несовершенныхъ послѣдовательно была выдержана уже до начала славянской письменности, т. е. до IX вѣка²⁾. Во всякомъ случаѣ, только съ того времени, по мѣрѣ появленія памятниковъ славянской письменности, является возможность слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ степеней дѣйствія въ разныхъ славянскихъ нарѣчїяхъ. Вопросъ этотъ, сколько намъ извѣстно, не былъ еще разработанъ съ историко-сравнительной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе можно считать несомнѣннымъ, что въ разныхъ славянскихъ нарѣчїяхъ движеніе глаголовъ по степенямъ дѣйствія не остановилось на той стадїи, которую мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчїи. Особенно это нужно сказать о нарѣчїяхъ великорусскомъ и чешскомъ, въ которыхъ кратная степень дѣйствія проведена съ большею силою и выразительностію, чѣмъ въ остальныхъ нарѣчїяхъ.

Что же представляютъ въ этомъ отношенїи древнерусскія нарѣчїя?

Мы видѣли въ древнерусскихъ памятникахъ прошедшее продолжен. время въ особенной, или лучше сказать, стяженной

¹⁾ Замѣну звука *а* звуками *ы*, *и* въ великорусскомъ нарѣчїи Миклошичъ объясняетъ отсутствіемъ надъ *а* ударенія (Vergleich. Syntax der. Slav. Spr. 309).

²⁾ Vergleich. Syntax der. Slav. Spr. Miklosich, 294.

конструкціи на *ахъ*, *яхъ*. Это была, конечно, вымирающая форма, но такая однако же, въ которой весьма замѣтно обнаружилось стремленіе языка восполнить старое новымъ. Самая форма прошедшаго продолженнаго времени выходила изъ употребленія, но функція его была присуща живому чувству рѣчи, которая нуждалась въ выраженіи дѣйствія незаконченнаго, продолженнаго. И вотъ мы видимъ въ древнерусской книжной рѣчи то же явленіе, которое наблюдали во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ при образованіи кратной степени дѣйствія, т. е. переходъ глаголовъ разныхъ классовъ въ V классъ. Поэтому намъ кажется, что аористъ раньше вышелъ изъ употребленія, чѣмъ прошедшее продолженное время, въ которомъ чувствовалась болѣе настоятельная нужда. Окончательное паденіе прошед. продолженнаго времени, по нашему мнѣнію, наступило тогда, когда вполне окрѣпла аналогія отъ глаголовъ V класса. Такимъ образомъ прошед. продолженное время мало по малу получило въ кратныхъ формахъ глагола свое выраженіе, т. е. онѣ сдѣлались какъ бы описательными формами прошед. продолженнаго времени. Можно было бы назвать этотъ способъ выраженія прошед. продолженнаго времени *степеннымъ* описаніемъ его.

Слѣды кратной степени можно замѣтить уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ древнерусской письменности. Такъ, въ Остромировомъ евангеліи мы встрѣчаемъ формы: *отъвѣщавати* (есть и *отъвѣщати* 83. а), *отъвѣщаваша* (185 в.) и, что особенно важно, *отъвѣщавши* (162)—въ наст. времени, какъ въ народномъ великорусскомъ нарѣчіи. Въ XII—XIII в. является и характеристическое *ы* вмѣсто *а*: *утърпывати* (Ж Б. и Г. XII в.)¹⁾, *повыдываемъ* (Триодъ XIII в.)²⁾, *посуживати* (Гр. полоц. кн. Изясл. около 1265 г.), *поискивати* (Гр. литовск. кн. Гердена 1264 г.)³⁾. Въ XIV в. являются эти формы и въ малорусскихъ памятникахъ: *слюбовати* (Гр. 1393 г.)⁴⁾, *потверживати* (Гр.

¹⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Грамоты... Непіерскаго, пад. А: хеогр. Комиссіи.

⁴⁾ АЗР. II. 204.

1375 г. 1). Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ онѣ встрѣчаются въ малорусскихъ памятникахъ въ самой разнообразной конструкціи. Приведемъ возможно большее число примѣровъ въ неопр. накл. для того, чтобы сдѣлать приблизительный расчетъ относительно движенія этихъ формъ въ малорусскомъ нарѣчій.

XV вѣкъ: *бирати* 2), *даивати* 3), *тягивати* 4), *хоживати* 5), *розпахивати* 6), *поискивати* 7), *осаживати* 8), *заступовати* 9), *отправовати* 10), *приймавати* 11), *приюжати* 12).

XVI вѣкъ: *дѣливати* 13), *ловивати* 14), *опытивати* 15), *отказивати* 16), *переховивати* 17), *подпрохиватися* 18), *проробивати* 19), *спрошивати* 20), *узрушивати* 21), *даивати* 22), *пивати* 23), *засуповати* 24), *найдовати* 25), *поступовати* 26), *справовати* 27), *виймовати*, *запорожновати*, *захововати*, *звѣдовати*, *налядовати*, *оболокиватися*, *отхожовати*, *перекажовати*, *помаговати*, *послу-*

1) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчій, 355.

2) АЗР. I 110.

3) Ibidem.

4) АЗЮР. I. 19.

5) АЗР. I. 110.

6) АЗЮР. I. 10.

7) Ibidem. II. 109.

8) Ibid. I. 10.

9) АЗЮР. II. 109.

10) АЗР. I. 50.

11) Ibid. I. 49.

12) Ibid. I. 39.

13) АЗЮР. I. 49.

14) Ibid. I. 54.

15) Ibid. I. 51.

16) АЗЮР. I. 51.

17) Ibid. I. 108.

18) Ibid. I. 39.

19) Ibid. I. 52.

20) Ibid. I. 130.

21) Ibidem

22) Ibid. I. 56.

23) АЗЮР. I. 28. Пересони. еван. 32.

24) АЗЮР. I. 88.

25) Ibid. I. 144.

26) Ibid. I. 98.

27) Ibid. I. 41.

говати, прихожовати, пророковати, прошовати, розпороватися, розривовати, хожовати, чиновати, оучовати, ядати¹⁾, зотовати²⁾, нагоровжати³⁾, напъдчати⁴⁾, стискати⁵⁾, стягтися⁶⁾.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ три типа кратныхъ степеней: 1) *ива* 2) *ова* 3) согласный + *а*. Два послѣдніе типа сохранились и въ современномъ намъ малорусскомъ нарѣчій съ тѣмъ различіемъ, что *ова* въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ звучитъ, какъ *ува*⁷⁾, и притомъ чаще употребляется въ обыденной рѣчи, чѣмъ третій типъ, сохранившійся преимущественно въ народной поэзіи⁸⁾. Что касается до глаголовъ на *ива*, то въ настоящее время ихъ почти нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчій, за исключеніемъ двухъ-трехъ глаголовъ I класса съ односложнымъ корнемъ, оканчивающимся на *и*⁹⁾. Образование глаголовъ на *ива* до такой степени чуждо малорусскому нарѣчій,

¹⁾ Пересоп. еван. 35, 70, 3—5, 22, 22, 38, 18, 62, 111, 16, 70, 3—4, 88, 113, 38, 3 - 8, 3—24, 72, 78.

²⁾ АЗЮР. I, 57.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibid. I, 33.

⁵⁾ Ibid. I, 148.

⁶⁾ Ibid. I, 89.

⁷⁾ По мнѣнію г. Потебни, это у явилось не въ силу одного отсутствія ударенія, но и отъ ассимилирующаго вліянія звука *е* (Замѣтки о малорус. нарѣчій, 50). Ягичъ думаетъ, что *у* въ *ува* появилось подъ вліяніемъ аналогіи отъ I л. едн. ч. (Arch. für Slav. Philol. II, 358). Во всякомъ случаѣ, это явленіе сравнительно позднее. Въ грамотѣ Александра, господара молдавскаго (1407 г.), есть форма *торчувати* (АЗР. I, 31). Но единственному случаю нельзя придавать особеннаго значенія — тѣмъ болѣе, что самая грамота напечатана не съ подлинника, а со смысла, доставленнаго Д. Зубрицкимъ.

⁸⁾ „Будуть дівки приходжати, тоє зиле рвати“ (Гол. I, 93); „но світломъци походжає, у скляночці мед ношає“ (Чуб. I, 1088); „в чистимъ полю, край дороги, на коньку все йзджає“ (Гол. I, 265); „з вербівъ грушокъ но зйдала, дівокъ в злоті но видала“ (Чуб. V, 336); „ой и сказавъ панъ Канівський рублі поминати, аби ёго бондаріві три дні видзвонати“ (Гол. I, 65); „ой де твої, Абацнне, писанні скривні? Ой побрали вражі ляхи, що насали свині“ (ibid. 13).

⁹⁾ „Хто тую горілку живає, від неї бідн зазнає“ (Чуб. V, 1088); „прошай мене, мати, якъ я живає в світі“ (Гол. I, 135); „мене мати годувала, в головоньку не бивали“ (Чуб. V, 610).

что въ заимствованныхъ великорусскихъ пѣсняхъ окончаніе *ивати* обыкновенно передѣлывается въ *увати*¹⁾.

Всегда ли такъ было?

Судя по даннымъ, приведеннымъ нами выше, въ XIV и XV в. рѣдки были глаголы на *ива*. Въ XVI в. они замѣтнымъ образомъ начали выходить изъ употребленія, уступая свое мѣсто глаголамъ на *ова*, т. е. начали идти по аналогіи съ глаголами VI класса, пока эти послѣдніе не смѣшались съ первыми въ общемъ образованіи на *ува*²⁾. Рядомъ съ этимъ образованіемъ шло стяженіе *ива* въ *а* съ перенесеніемъ ударенія на этотъ послѣдній звукъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. любимой формой являются образованія на *ова*, въ которыхъ, какъ и въ глаголахъ VI класса, тема наст. времени ованчивается на *у*: *знайдѣсѣаиша* (Г. Каз. 110), *пріймосѣали* (Рад. Ог. 1111), *присѣпокаи* (ib. 1112), *закѣлѣтъ* (Тр. п. 22), *пріймѣтъ* (ib. 915), *подѣтъпѣтъ* (ib. 945). Эти образованія предпочитаютъ стяженнымъ формамъ: *адѣвнѣ* (Лекс. Бер. 99), а не *сажаемо*, *похѣжѣю* (ib. 186), а не *похожѣю*. Впрочемъ, есть *пришкожѣю* и *пришкожѣю* (ib. 100); даже Мелетій Смотрицкій, перечисляя въ своей славянской грамматикѣ глаголы, сложенные съ предлогами, обронилъ народную форму: *похожѣю*. Изрѣдка встрѣчаются образованія на *ива*, при чемъ *и* относится къ корню глагола: *бирала* (Шал. З. К. 992), *пѣвала* (Рад. Ог. 880), *лѣвала* (ib. 767). Не менѣе рѣдки и народныя образованія на *ува*: *поксѣпѣсѣвала* (Рад. Ог. 915), *подкопували* (Хм. л.) и т. п. Вообще говоря, этихъ послѣднихъ избѣгали малорусскіе писатели, регулируя народное произношеніе книжнымъ употребленіемъ, которое въ данномъ случаѣ казалось имъ болѣе правильнымъ.

¹⁾ „Журавушка по берегу *похожѣвает*, шовковую та травушку *социнувает*, холодною водницею *закусывает*“ (Чуб. V. 805).

²⁾ Въ сербскомъ нарѣчій, по наблюденіямъ Даничича, до самаго конца XVII в. существовали еще образованія на *ова* и *ева*, смѣшавшіяся теперь образованіемъ на *ива* (Исторія облика, 254). Склонность къ образованію на *ива*, *ива* замѣтна и въ польскомъ нарѣчій, тогда какъ въ чешскомъ господствуетъ *ова*.

Прошедшее условное время.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ условное прошедшее образуется при помощи частицы *бы* изъ аориста *быхъ*, который до XIV в., повидному, составлялъ принадлежность живой рѣчи. Въ XIII—XIV в. является рядомъ съ *быхъ* и *бы* въ соединеніи съ разными союзами: *а*, *ажъ*, *алижъ*: „што есте просили насъ, *а быхомъ* васъ пустили торговать, *а бы* вамъ не заказали, мы хотимъ ради то учинити“¹⁾; „*ажъ бы* то было не измешано“²⁾; „судья жидовскій къ суду не маеть предъ себе приводити, *оли жъ бы* чрезъ скаргу былъ наведенъ“³⁾. Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. рядомъ съ *бы* часто употребляется, какъ мы видѣли, и *быхъ*, *быхмо*, *бысмо*, *бысте* подъ вліяніемъ западныхъ малорусскихъ говоровъ, въ которыхъ эти формы и теперь еще живутъ въ устахъ народа.

Повелительное наклоненіе.

Въ повелит. накл. 2 л. един. ч. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ теперь звучитъ одинаково: подъ удареніемъ выдерживается суф. повелит. накл. *и* (*иди*), безъ ударенія онъ замѣняется посредствомъ *ь*, т. е. посредствомъ смягченія согласнаго звука (*стань*)⁴⁾, послѣ гласныхъ *и* превращается въ іоту (*ламай*). Потеря суффикса *и* изъ един. ч. перешла и во 2 л. множ. ч. (*станьте*). Это—давнее явленіе въ русскихъ нарѣчіяхъ: уже въ XIII вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, встрѣчаются формы: *украдь*, *оставте*, *обидте* (Галиц. еван. XIII в.), *сядте* (Вѣнск. окт. XIII в.)⁵⁾, *не двинте*, *не*

¹⁾ Изв. Ак. т. X., вып. 6: снимокъ съ грамоты послѣ 1341 г.

²⁾ Ibidem., 688.

³⁾ АЗР. I. 25.

⁴⁾ Въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ даже ударяемое *и* переходитъ въ несударяемое, т. е. удареніе переносится на корень со смягченіемъ послѣдняго звука въ корни и безъ смягченія: *свалъ*, *подъ*, *прид*, *под* (у лемковъ). Изрѣдка въ этихъ случаяхъ нѣтъ смягченія и въ украинскомъ говорѣ: *подерж* (Studien... Ogo-powski, 141—142).

⁵⁾ Очерки изъ исторіи русскаго яз., Соболевскаго, 79.

обидѣте (Новг. купч. XIV в.)¹⁾. Тѣ же формы повторяются и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Не менѣе древнею общерусскою особенностію нужно считать смѣну *ь* на *и* подъ удареніемъ въ 1 и 2 л. множес. ч. повелит. наклоненія, которая, полагать надобно, произошла подъ влияніемъ аналогіи отъ 2 л. един. ч. Мы видимъ эту смѣну въ памятникахъ XI—XII в: *привидити* (Остр. еван. 73, б.), *сстаничица* (ib. 230, а). Въ XIII—XIV вѣкахъ *и* вмѣсто *ь* не составляетъ уже рѣдкости, особенно въ сѣверныхъ памятникахъ²⁾. Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ гораздо настойчивѣе удерживается въ этихъ случаяхъ *ь*, но объ этомъ *ь* въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы скажемъ ниже.

Къ общерусскимъ явленіямъ нужно отнести также 1) влияніе наст. врем. изъявит. накл. на тематическіе согласные повелительнаго наклоненія, хотя самимъ качествомъ согласныхъ великорусское нарѣчіе отличается отъ малорусскаго: *пекѣи, пекѣте, помойи, помойте* (великорус.), *печѣи, печѣть, поможѣи, поможѣть* (малорус.); 2) замѣну 1 л. множеств. повелит. накл. 1 лицомъ множеств. ч. изъявит. наст. времени съ значеніемъ будущаго: *пойдемъ* (великорус.), *пидемо* (малорус.). Первое явленіе вовсе не встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, второе—очень рѣдко.

Причастія наст. и прошед. врем. дѣйст. залога.

Считаемъ нужнымъ остановиться еще на причастіяхъ наст. и прошед. времени дѣйст. залога, какъ на отглагольныхъ формахъ общерусскаго происхожденія, имѣвшихъ немаловажное значеніе въ конструкціи книжной малорусской рѣчи XVII в.

Извѣстно, что въ согласныхъ темахъ причастія наст. врем. дѣйст. зал. въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, оканчивается на *а* въ именит. един. мужес. рода, а не на *и*, какъ въ языкѣ славянскомъ; *река* (Сбор. 1073 г.), *мога* (Мин. 1096 г.), *чѣтаи* (Добр., еван. 1164

¹⁾ Историческая хрестоматія, Буслаева, 560.

²⁾ Свѣдѣнія и замѣтки..., Срезневскаго, № 29, стр. 79.

г.)¹⁾. Другая форма того же причастія, соотвѣтствующая церковносл. *я*, есть *я*. Съ теченіемъ времени эта послѣдняя форма вытѣснила первую. Самые древніе слѣды замѣны *а* посредствомъ *я* относятся въ XIV в.²⁾ Рядомъ съ формами *идя*, *ведя* появляются въ XIII и особенно въ XIV в. окончания: *яче*, *ячи*, *учи*, *ючи*: *исправляче* (въ записи Паптел. еван. XIII в.)³⁾, *исправляюче* (Галиц. еван. XIII в.)⁴⁾, *чинячи*, *мовячи*, *хотячи* (Гр. 1388 г.),⁵⁾ *рекучи* (1361 г.)⁶⁾ *оживяючи* (Гр. 1340 г.)⁷⁾. Въ малорусскомъ нарѣчій эти послѣднія окончания, соотвѣтствующія именительному множ. (въ церковносл. *ште*) сдѣлались господствующими. Формы на *а*, *я* въ народномъ языкѣ встрѣчаются рѣдко, большею частію въ пословицахъ: „у Бога все *мога*“; „хлѣб та одежда, йив бы козак *лежа*“; „худоба *переходя* живе“⁸⁾. Можно полагать, что уже при самомъ появленіи своемъ формы *ячи*, *учи* имѣли значеніе такъ называемыхъ дѣепричастій: въ древнерусскихъ памятникахъ мы не встрѣтили этихъ формъ въ склоняемомъ видѣ. Любопытно, однако же, что въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. онѣ являются уже въ видѣ членныхъ причастій: „князь Федоръ, воевода Луцкій, *будучій* того часу“; „мы, Александръ, або Витовтъ, знаменито чинимъ тымъ папимъ листомъ нинѣшнимъ и потомъ *будучимъ*“; „*заказуючи* (жидамы) вину намъ мають заплатити“⁹⁾. Формы эти не находятъ подтвержденія въ народномъ языкѣ, но въ памятникахъ южнорусской письменности, отличающихся народнымъ складомъ рѣчи, онѣ составляютъ обычное явленіе. То же мы видимъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *мáючій* (Г. М. 161), *мáючого* (Г' Каз. 111), *маючому* (Сл. о безд.) и т. п.

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 116. Другіе примѣры тамъ же.

²⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 14. Лекціи... Соболевскаго, 185.

³⁾ Лекціи... Соболевскаго, 183.

⁴⁾ Очеркъ изъ исторіи русскаго яз. его же, 20.

⁵⁾ АЗР. I, 23.

⁶⁾ АЮЗР. I. 1.

⁷⁾ Ibid. II. 102.

⁸⁾ Українські приказки и прислів'я, Помиса, 36.

⁹⁾ АЗР. I. 26, 23, 26.

Въ народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской, сохранилась краткая форма прошед. прич. дѣйст. залога, употребляемая въ смыслѣ дѣепричастія, съ окончаніемъ *ши*, которому въ гласныхъ темахъ предшествуетъ согласный *в*. Это окончаніе соотвѣтствуетъ именит. множ. (церковносл. *ше*). Оно утвердилось въ народной рѣчи въ замѣнъ литературнаго русскаго *въ*, а также старинныхъ формъ съ тематическими согласными: *идъ, съдъ, несъ, възъмъ, начьмъ* (въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ *ьм, ъм*, изъ *л*) Что касается до членныхъ прошед. причастій дѣйст. залога, то ихъ нѣтъ въ народныхъ нарѣчіяхъ ни великорусскомъ, ни малорусскомъ. Они существуютъ только въ литературномъ русскомъ языкѣ, какъ существовали и въ книжной малорусской рѣчи, въ которую перенли изъ книжной славянорусской рѣчи.

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ церковнославянскому и великорусскому.—Звуки гласные и согласные.—Глагольныя формы.

Намъ остается еще сдѣлать обзоръ звуковъ и формъ собственно малорусскихъ, входящихъ въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Гласный і изъ о и е.

Самая рѣзкая особенность малорусскаго вокализма—это превращеніе въ извѣстныхъ случаяхъ основныхъ *о* и *е* въ *і*.

Объ этомъ явленіи мы въ свое время достаточно высказались ¹⁾. Указавъ на связь его съ потерей глухихъ гласныхъ, мы обратили вниманіе на сѣверно-малорусскія замѣны основныхъ *о* и *е*, допуская три стадіи въ развитіи *і* изъ *о* и *е*: древнѣйшую—*oo*, *ee*, среднюю, на которой подъ вліяніемъ ударенія явились дифтонги *yo*, *yo* и стяженія ихъ *y*, *y*, позднѣйшую—*yi*, *yi* и стяженіе ихъ *i*. Затѣмъ, сблизивъ сѣверно-малорусскіе дифтонги двухъ типовъ *yo*, *yo* съ дифтонгами *ie*, *ie* (изъ *o*), мы сдѣлали вѣроятныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи изъ этихъ дифтонговъ ихъ великорусскихъ и малорусскихъ замѣстителей,—о времени появленія малорусскаго *і* изъ *о*, *е*,—наконецъ, по южно-русскимъ памятникамъ, начиная съ XIV вѣка, мы указали превращенія звуковъ *о* и *е*.

¹⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 107—123.

Противъ этихъ положеній высказано было нѣсколько замѣчаній, сущность которыхъ сводится въ вопросу о времени появленія въ малорусскомъ нарѣчїи той или другой количественной замѣны срединныхъ гласныхъ.

Такъ, г. Потебня полагаетъ, что въ малорусскомъ нарѣчїи возможно было одновременное существованіе срединныхъ глухихъ (*сзи*) и удлинненіе чистыхъ (*коонь*). По его мнѣнію, „какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлинненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ“. Означая степень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею, посредствомъ значка', „я, говоритъ Потебня, представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) *ко-нъ, сз-нъ*; 2) *кон', сзон'* (т. е. *о* еще далеко отъ двухъ явственныхъ *oo*, близкихъ къ дифференцированію въ *uo*, а *з* еще отличимо отъ *o*; *коон', сон'* ¹⁾). Мы получили такимъ образомъ не цѣлые звуки, а только дробн звуковъ, съ которыми, во всякомъ случаѣ, не легко справиться: въ словѣ, напримѣръ, *сзон'* три гласныхъ звука, изъ которыхъ первый—полный, другой—отличимый отъ перваго (вѣроятно, половинный), а третій—неизвѣстно какой, такъ какъ онъ означаетъ „степень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею“... Все дѣло въ томъ, что почтенный изслѣдователь въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ отступилъ отъ прежняго мнѣнія своего о времени потери глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчїяхъ. Прежде онъ думалъ, что они потеряны были въ XII в. и даже раньше ²⁾,—теперь онъ думаетъ, что „до полного уничтоженія глухихъ *дѣло не дошло и теперь*, если взять во вниманіе, что сохраненіе разницы въ малорус. между конечными звучными и отзвучными (*бїб, нїп*) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухаго звука“ ³⁾. Интересно, между прочимъ, сближеніе въ этомъ отношеніи малорусскаго нарѣчїя съ польскимъ. „Фактъ въ томъ, говоритъ г. Потебня, что въ польскомъ литературномъ языкѣ въ

¹⁾ Къ исторїи звуковъ русскаго языка, 51.

²⁾ Замѣтки о малорусскомъ нарѣчїи, 14.

³⁾ Къ исторїи звуковъ русскаго языка, 51.

среднихъ слогахъ предъ звучными стоитъ *ó* (изъ *oo*, *yo*), а предъ отзвучными *õ*: *bób* и *rop*, *chód* и *kot*, *bóg* и *bok*. Объяснение состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживается здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ), требовавшихъ большаго напряженія дыханія, чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними появилось удлинненіе основнаго *o* въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ¹⁾. Для насъ кажется непонятнымъ, что въ польскомъ нарѣчій конечный глухой звукъ долѣе удерживается послѣ отзвучныхъ, между тѣмъ въ малорусскомъ нарѣчій предполагается слѣдъ глухаго звука даже и теперь—именно послѣ звучныхъ, которые отличаются (конечно, какъ и въ польскомъ нарѣчій) меньшимъ напряженіемъ дыханія, слѣдовательно, меньше обезпечиваютъ цѣлость глухихъ гласныхъ. Какъ бы мы, во всякомъ случаѣ, ни отодвигали потерю глухихъ гласныхъ отъ первыхъ вѣковъ древнерусской письменности, все таки едва ли можно утверждать положительно, что „два-три столѣтія назадъ такія слова, какъ *сон* (въ малорусскомъ нарѣчій) были близки къ двухсложности, а между тѣмъ *o* изъ *z* въ нихъ уже существовало“²⁾. Если среднее *o* въ словѣ *сон* уже тогда существовало, то не было необходимости въ *z*, потому что самое *o* могло быть вызвано не ослабленіемъ, а самой потерей *z*, слѣдовательно, слово *сон* не было тогда двухсложнымъ. Если же оно было двухсложнымъ, то средняго *o* не существовало, а былъ на его мѣстѣ глухой гласный звукъ. Если слѣдствіе допускается, то и причина должна быть принята, потому что слѣдствіе безъ причины, какъ извѣстно, не бываетъ. Что касается до тѣхъ соображеній, которыя основываются на положеніи, что во всѣхъ русскихъ нарѣчій *z* въ словѣ *сон* (*сънь*) звучитъ, какъ *o*, а не какъ *yo*, *y* или *i*, а это неизбѣжно должно было бы случиться въ малорусскомъ нарѣчій, еслибы въ то время, когда начали говорить *куонь*, *кунь*, *кѣнь*, глухой *z* въ словѣ *сънь* превратился въ *o*,—то на это можно замѣтить, что *o* въ такихъ словахъ, какъ *сон* не могло превратиться въ *yo*, *y* или *i* въ слѣдствіе краткости *o*, образовавшагося изъ *z*.

¹⁾ Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51—52.

²⁾ Ibidem.

Недавно явилось въ наукѣ документальное подтвержденіе того положенія, что первоначальнымъ моментомъ въ образованіи *i* изъ основнаго *o* было *oo*, — именно въ южнорусскихъ памятникахъ XIII—XIV в. есть формы: *въ ооовица*, *ооовичихъ* (Галиц. еван. XIII в.), *вооца*, *вооци* (Поликар. еван. XIV в.)¹⁾. Такимъ образомъ долгое *o*, записанное въ одномъ изъ гродненскихъ говоровъ, существуетъ не менѣе шести вѣковъ. Но такъ какъ всякое звуковое явленіе возникаетъ и развивается раньше, чѣмъ появляется въ письменныхъ памятникахъ, то образованіе *oo* можно передвинуть съ XIII къ XII и даже XI в., т. е. къ начальной эпохѣ древнерусской письменности. Отсюда изъ *yo—y*, изъ *yi—i*. Кромѣ этого пути въ образованіи *y*, *i*, г. Соболевскій предполагаетъ и другой путь. Онъ думаетъ, что послѣ паденія глухихъ гласныхъ „долгое *o* сначала звучало открыто, потомъ стало звучать закрыто и приближаться къ *y*, въ которое оно и стало переходить еще въ XII вѣкѣ, и которое мы находимъ въ *ужасаются* 3. л. ед. ч. (Добр. еван. XII в.), *щюдръ*, *субутный* (Типогр. еван. № 6, XII—XIII в.). Въ современномъ малорус. это *y* изъ *o* долгаго сохраняется во многихъ говорахъ: *буи*, *куи*, *муи*²⁾ и проч.²⁾ Но *y* въ приведенныхъ словахъ есть ничто иное, какъ звукъ, стяженный изъ *yo*, какъ доказываютъ тѣ же говоры, въ которыхъ говорятъ *буи* и *буои*, *куи* и *куои*, *муи* и *муои*. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности осложнять вопросъ новой гипотезой, предполагая между *oo* и дифтонгами долгое *y*, когда это *y* въ народномъ произношеніи есть звукъ краткій, и когда предъ нами на лицѣ всѣ градаціи этого звука, какъ вверхъ, такъ и внизъ, изъ коихъ большая часть скрѣпляется свидѣтельствомъ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятниковъ. Не видимъ сдѣлка въ развитіи *i* изъ основнаго *o* и въ чешскомъ нарѣчій: и здѣсь изъ основнаго *o* явилось долгое *o*, изъ этого послѣдняго *io*, а изъ *io*—позднѣйшее *i*. Другое дѣло—образованіе краткаго *y* изъ краткаго (неударяемаго) *o*. Здѣсь нѣтъ условій для образованія дифтонга,

¹⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 97.

²⁾ Ibidem, 96—97.

поэтому въ словахъ: *яблуня, унѣать, пужар* и т. п. *у* явилось прямо изъ *о*. Это явленіе, собственно говоря, общерусское, но оно не отмѣчено нами въ обзорѣ общерусскихъ звуковъ, между прочимъ, потому что намъ не встрѣтилось оно въ позднѣйшей малорусской книжной рѣчи. Первые слѣды этого явленія относятся къ XI в.: такъ, уже въ Сбор. 1073 г. творит. пад. женск. р: *каторивуць* вмѣсто *каторивоць*¹⁾.

По аналогіи съ долгимъ *о* нужно допустить и долгое *е*, но этотъ предполагаемый архаизмъ не отысканъ въ народныхъ говорахъ, можетъ быть, потому что долгое *е* очень рано начало превращаться въ *юо*, и отсюда обычнымъ путемъ чрезъ *јуо* въ *ју* (*ю*): *юдуцюмъ, мытарюмъ* (Холмс. еван. XII—XIV в.), *юодъюмъ* (Галиц. еван. XIII в.), *отрочищюмъ* (Холм. еван.)²⁾. Безъ всякаго сомнѣнія, *е*, подъ вліяніемъ потери конечныхъ глухихъ гласныхъ, уже измѣнилось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы видимъ *ь* вмѣсто *е*. Это явленіе рѣзко обозначилось въ XIII в.: такъ, въ Добриловомъ евангеліи 1164 г. очень часто пишется *ь* тамъ, гдѣ прежде (напр. въ Галицкомъ евангеліи 1144 г.) стояло *е*: *знамьне, учьныє, камьне, корьня, ремьнь, учитьмь, зьмьне, пьщь, стьдмь, шьсть, вь ньмь, о стьмь, вь ньй, стьй, будьть* и проч.³⁾.

Какъ звучалъ этотъ *ь*?

Г. Соболевскій называетъ его *новымъ* въ отличіе отъ древняго *ь*, который, по его мнѣнію, одинъ только изъ всѣхъ звуковъ „при распаденіи общеславянскаго языка перешелъ въ отдѣльныя славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ и въ русскій языкъ, въ качествѣ долгаго звука“⁴⁾. Въ древнѣйшее время онъ произносился, какъ мягкое *е*, и вмѣстѣ съ *е* имѣлъ способность

¹⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62.

²⁾ Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93. По наблюденію г. Поттебни, предъ твердыми согласными и предъ *ј* основное *е* превращается въ *і* чрезъ *ю*: *евъ = ејовъ = ејуовъ*, — *ејеј = јој = јуој* и т. д., а предъ мягкими согласными *је* прямо превращается въ *ји* (*і*): *лебидь* изъ *лебедь*, *вєсілє* изъ *вєсілєє*. (За мѣтян о малорусскомъ нарѣчіи, 32, 33).

³⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 2, 3, 4.

⁴⁾ Ibidem, 80. Въ послѣднемъ сочиненіи своемъ г. Соболевскій выражается объ этомъ съ большою осторожностью: „*ь*, говорить онъ, какъ кажется, былъ единъ-

сильно смягчать предшествующій согласный звукъ, по всегда имѣя склонность къ переходу въ *i*, съ теченіемъ времени онъ началъ отклоняться къ ютвому *i*. Относительно новаго *ь* г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долгое *e*, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ „не смотря на исчезновеніе глухаго или *и* въ послѣдующемъ слогѣ, не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ“¹⁾. Эта двойственность въ возрѣніи на новый *ь* выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: „новый *ь* первоначально отличался отъ *e* только количествомъ. Имѣя всѣ качества *e*, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ *o*, которой не имѣлъ древній *ь*, онъ никогда не былъ тождественнымъ съ этимъ послѣднимъ“²⁾. Впрочемъ, въ этомъ новомъ *ь* сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ *ь*. Можно думать, говорить г. Соболевскій, что *ь* переходитъ въ *o* чаще, чѣмъ *e*, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость“³⁾. Такимъ образомъ, новый *ь* есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ; кое-что онъ сохранилъ изъ древняго *ь*, но не все, кое-что изъ основнаго *e*, но не все; въ немъ есть всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ угодно. По нашему мнѣнію, удобнѣе говорить о видоизмѣненіяхъ основнаго *e*, которыя происходили подъ разными условіями, а также—объ этихъ самыхъ условіяхъ, которыя породили разные рефлексы звука *e*, выраженные, между прочимъ, и буквою *ь*,—а не о новомъ фиктивномъ *ь*, составленномъ изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ. Но этого мало: въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ новаго *ь* изъ *e*, указаны по галицко-волинскимъ памятникамъ еще два новые *ь*⁴⁾. Самъ по себѣ и старый *ь* представляетъ не малую загадку въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ разныхъ эпохи письменности въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій.

ственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода“ (Лекціи по исторіи русскаго языка, 40).

¹⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, 89.

²⁾ Ibidem, 92—93.

³⁾ Ibidem, 93.

⁴⁾ Ibidem, 93—64.

Теперь же выступают предъ нами нѣсколько *новыхъ њ* въ южнорусской письменности, и всѣ они представляютъ варіаціи стараго, въ наукѣ недостаточно выясненнаго, т. е. къ одной малоизвѣстной величинѣ присоединяется нѣсколько новыхъ, еще менѣе извѣстныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлались ли яснѣе самыя звуки послѣ того, какъ обозначающая ихъ буква названа №№ 1, 2, 3? Такую нумерацію можно бы было примѣнить почти ко всякому звуку для обозначенія всѣхъ переходовъ его въ другіе звуки. Такъ, напримѣръ, *ы* въ малорусскомъ нарѣчій переходитъ въ *у, о, е, і*¹⁾,—и вотъ изъ одного *ы*, со включеніемъ основнаго, можно было бы составить пять номеровъ, знаніе которыхъ имѣло бы интересъ болѣе орфографическій, чѣмъ лингвистическій. Намъ кажется, что этотъ методъ изслѣдованія, отвлекая вниманіе отъ звука къ буквѣ, невольно располагаетъ къ *буквенному* представленію звука, т. е. ко внесенію въ это предстарленіе того, что намъ извѣстно не столько о звукѣ, сколько о буквѣ. А такъ какъ орфографія буквы *ь* въ древнѣйшей русской письменности даетъ намъ сравнительно немного данныхъ безспорныхъ и точныхъ, то отсюда неизбѣжно должна получиться неопредѣленность и сбивчивость и въ представленіи того звука, который послѣ паденія глухихъ гласныхъ образовался изъ основнаго *е*, и который со второй половины XII вѣка началъ обозначаться въ южнорусскихъ памятникахъ посредствомъ буквы *ь*²⁾. Можно сказать только, что въ данномъ случаѣ основное *е* могло перейти въ растяженное, долгое *е*, и эта *позднѣйшая, секундарная* долгота могла быть выражена посредствомъ буквы *ь*. А такъ какъ *е* предъ мягкими согласными переходитъ въ *і (ї)*, то позволительно думать, что буква *ь* уже въ XII вѣкѣ, послѣ паденія конечныхъ глухихъ гласныхъ, могла выражать и звукъ *і (ї)*, сходный съ тѣмъ *и*, который въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ является въ XII и даже XI вѣкѣ на мѣстѣ основнаго *ь*.

¹⁾ Studien... Ogonowski, 39—40.

²⁾ О другихъ недостаткахъ теоріи г. Соболевскаго, приуроченной къ этнографическому распредѣленію древнерусскихъ племенъ, мы надѣемся поговорить въ другое время.

Считаемъ своею обязанностию отнестись критически и къ собственному мнѣнію о значеніи малорусскихъ дифтонговъ изъ основныхъ *o, e*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этихъ звукахъ мы считали ихъ первозвуками, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались стяженные гласные, какъ великорусскіе *o, e*, такъ и малорусскіе *y, ю, і*. Мы отодвигали ихъ къ общему моменту въ жизни русскихъ нарѣчій, который соотвѣтствуетъ идеѣ русскаго праязыка. Противъ этого мнѣнія съ особенною убѣдительностію высказано было нѣсколько замѣчаній г. Ягичемъ. „Что удобнѣе, говоритъ онъ, выводить ли великорус. *бог, стол* изъ *буог, стуол*, или же сказать, что и по паденіи конечнаго *з* великорусское *o* удерживаетъ тотъ же вѣсъ безъ всякой количественной пережбы? Охотно можно согласиться съ тѣмъ, что въ великорусскомъ *бог* звукъ *o* нѣкогда произносился протяженнѣе, какъ и теперь въ сербскомъ *бѣг*... Слѣдовало бы и ограничиться этимъ положеніемъ,—слѣдовало бы сказать, что въ великорусскомъ нарѣчій *o* качественно осталось неизмѣннымъ, а количественно съ теченіемъ времени сократилось, а въ малорус. изъ *бѣг = боог* явилось не только *буог—буг*, но и *буи—би*“¹⁾. Не споримъ, что въ привлеченіи великорусскаго нарѣчій къ малорусскимъ дифтонгамъ изъ *o, e* была добрая доля преувеличенія, объясняемаго желаніемъ вывести великорусскій и малорусскій вокализмъ изъ одного первоисточника, но мы всегда считали мнѣніе свое не болѣе, какъ гипотезой, на смѣну которой должно придти другое болѣе вѣроятное объясненіе, поэтому мы охотно допускаемъ возможность движенія двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій не отъ дифтонговъ, сохранившихся въ подляскомъ малорусскомъ говорѣ изъ *o, e*, а отъ удлиненныхъ, или же, какъ говоритъ г. Ягичъ, растяженныхъ гласныхъ (*oo, ee*), образовавшихся въ эпоху паденія *з* и *ь*.

Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы вовсе не встречаемъ дифтонговъ, какъ нѣтъ ихъ и въ древнѣйшихъ южнорусскихъ намятникахъ. Что касается до стяженныхъ звуковъ, то они составляютъ въ ней обычное явленіе: *сѣль* вмѣсто *боль*

¹⁾ Archiv für Slaw. Philologie, II, 254—255.

(Кир. Транк. 56), *хорѣмъ* вмѣсто *хоромъ* (ib. 61), *плѣтъ* вмѣсто *плотъ* (Лекс. Бер. 198), *рѣкъ* вм. *ровъ* (ib. 216), *рѣгъ* вм. *рогъ* (ib. 140), *грѣмъ* вм. *промъ* (ib. 174), *намятъ* вм. *наметъ* (ib. 115), *б'нуй* вм. *въ ней* (ib. 116), *скюй* вм. *своей* (Г. К. 218), *облюгъ* вм. *облегъ* (Хм. л.), *звыч'аюмъ*, *шпыг'аюмъ* вм. *звычайъ*, *шпыталемъ* (Рад. Ор.). Стяженіе *у, ю* было популярно въ средѣ писателей въ теченіи всего XVII вѣка и, повидимому, распространено было далеко за предѣлами сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ: такъ, мы постоянно встрѣчаемъ эту старинную особенность малорусскаго вокализма въ перепискѣ Богдана Хмельницкаго: *свуй*, *поклунъ*, *мугъ*, *нугъ*, *попувъ*, *посланицувъ* и т. п. Что касается до *і* изъ *у, ю*, то оно—тоже не рѣдкость на всемъ пространствѣ XVII вѣка, при чемъ *і*, какъ изъ *ю* (*е*), такъ и изъ *у* (*о*), обозначается иногда буквою *ь*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—гласный *і* изъ *у, о* обозначается и буквою *ы*: *пйде* вм. *пойде* (Кир. Транк. 52 об.), *зукіръ* вм. *уборъ*, *зг'ѣкъ* вм. *згѣкъ* = *сѣнмъ* *бѣнй* (ib. 153), *горцикъ* вм. *горцокъ* (Кіев. л. 85), *о укрьп'ляюцимъ* вм. *щемъ* (Діар. А. Ф. 144), *въ козакимъ* вм. *комъ* (Льв. П.), *килька*, *кльько* вм. *колько* (ib.), *въ еднѣмъ* вм. *въ едномъ* (ib.), *къ грѣцкимъ* вм. *комъ* (Г. Каз. 104). *с' чимъ* вм. *о чимъ* (ib. 122), *на вис'лымъ* вм. *лсмъ* (Рад. Ор. 893), *пч'ымъ* вмѣсто *по чомъ* (ib. 1083), *пч'ѣ* и на той же страницѣ: *б' пч'ѣ* (ib. 695), *б'к'ѣлъ* вмѣсто *б'к'іаъ* (ib. 945), *на друій недѣли* (Меж. л. 97).

Смѣшеніе основнаго и съ основнымъ ы.

Не мало затрудненій въ исторіи русскихъ нарѣчій представляетъ также звукъ *ы*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этомъ звукѣ мы указали по народнымъ говорамъ и по памятникамъ древнерусской письменности звуковыя замѣны основнаго *ы* въ связи съ образованіемъ этого звука, что привело насъ къ заключенію о вѣроятномъ произношеніи *ы* въ древнерусскую эпоху, какъ *и*. Этимъ объяснили мы развитіе въ XIV в. секундарнаго *ы* вмѣсто основнаго *и*, а также вообще стремленіе малорусскаго вокализма къ губному порядку гласныхъ. Что касается до средняго украин-

скаго *и*, то оно, какъ результатъ смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы* и перехода того и другаго въ широкое *ы*, есть звукъ поздній, не получившій въ южнорусской письменности надлежащаго выраженія ¹⁾.

Противъ этого мнѣнія высказано было не мало возраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются крайнею неумѣренностію тона. Съ особенною рѣзкостію выразился по этому поводу г. Колосовъ ²⁾. По его мнѣнію, мы не обратили вниманія на губной характеръ звука *ы*. Это положеніе, установленное дедуктивно, Колосовъ защищаетъ прославленіемъ дедукціи, хотя бы она и не согласовалась съ очевидными фактами. „Если бы и не разъ, а много разъ встрѣтилось въ памятникахъ на мѣстѣ *ы* сочетаніе буквъ, которое не соотвѣтствуетъ природѣ этого звука, и бы, говоритъ онъ, попытался объяснить себѣ такое сочетаніе такъ или иначе, но не усумнился бы въ вѣрности сдѣланныхъ выше заключеній“. Но самъ Колосовъ, противъ воли своей, выводитъ наружу вредъ чистой дедукціи, указывая на то, что Шлейхеръ, желая подыскать соотвѣтствіе *ы = ѡ*, допустилъ *и = ѡ* (*бынѡ*), тогда какъ здѣсь *и* совратилось въ *ь*, слѣдовательно, нѣтъ здѣсь ничего похожаго на разложеніе *ы* въ *ѡ*. Слѣдуя, однако же, дедуктивному методу, Колосовъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ ряды звуковъ *а, і, у* будто бы никогда не смѣшиваются между собою,—будто бы, сверхъ того, находятся въ *полномъ* соотвѣтствіи между собою. Но въ данномъ случаѣ мы считаемъ болѣе убѣдительнымъ мнѣніе Шлейхера, который ставитъ примѣтой сѣверо-восточнаго семейства языковъ смѣшеніе, на примѣръ, ряда *і* съ рядомъ *а* ³⁾. Что касается до соотвѣтствія звуковъ, то оно, какъ видно изъ статьи самого Колосова, совсѣмъ *не полное*. Такъ, по его мнѣнію, *ы (ѡ)* соотвѣтствуетъ *и*, но *и* не разлагается: гдѣ же тутъ *полное* соотвѣтствіе? Затѣмъ, съ тѣми же приѣмами дедуктивнаго упрямства Колосовъ вступаетъ въ полемику не съ нами только, но и съ

¹⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 124—143.

²⁾ Загадочные звуки въ исторіи русскаго яз. Колосова, 1876 г.

³⁾ Compendium, Schleicher, 126.

Миклошичемъ, Шлейхеромъ, Гатталой и Гейтлеромъ, которые не отрицаютъ, какъ извѣстно, небнаго элемента въ звукѣ *ы*. По его мнѣнію, изъ элементовъ *ж* образовалось *ы*—„звукъ порядка губнаго, произношенія котораго мы навѣрно не знаемъ“,—но при этомъ предполагають, что въ древнеславянскомъ языкѣ *ы* звучало такъ, какъ звучитъ теперь въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ ¹⁾. „Было ли когда *ы* двогласнымъ звукомъ, и это, говоритъ онъ, неизвѣстно“ ²⁾. Итакъ, этотъ неизвѣстный *иксъ извѣстенъ* только тѣмъ, что онъ былъ *чисто губной* звукъ. Колосовъ упрекаетъ насъ за то, что мы, какъ и другіе, дали большое значеніе фрейзингенской замѣнѣ *ы* посредствомъ *иі*. Допустимъ, что это такъ, что *иі* въ данномъ случаѣ не выражаетъ дифтонга. Откуда же все-таки *і* въ томъ же фрейзингенскомъ памятникѣ вмѣсто *ы*, т. е. откуда небный элементъ въ *ы*? Случаи замѣны *ы* посредствомъ *і* въ памятникахъ русской редакціи, указанные нами, Колосовъ объясняетъ діалектическими наслоеніями. Допустимъ, что это черта не русская,—но откуда же небность въ *ы*, хотя бы и не русскомъ? И какимъ образомъ славянскія нарѣчія, утратившія *ы*, взяли для замѣны его звукъ изъ другой категоріи, т. е. именно звукъ *і*, если вѣрить Колосову, что въ нихъ категоріи гласныхъ звуковъ не смѣшиваются между собою? Колосовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сбивчиво. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „*і* нарѣчій, утерявшихъ *ы*, или непосредственно явилось изъ *ы*, равнаго великорусско-польскому *ы*, или чрезъ ту ступень, которую представляетъ среднее *и* на мѣстѣ *ы* въ малорусскомъ“ ³⁾,—а въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что между основнымъ *ы*—(произношеніе котораго намъ невѣдомо) и современной его замѣной *і* посредствующимъ звукомъ было то *ы*, которое удержалось въ русскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ по настоящее время“ ⁴⁾. Но если *і* изъ *ы* явилось непосредственно, то въ *ы* заключался небный элементъ, выступившій въ *і*. Если же между *ы* и *і* былъ посредствующій звукъ, то ка-

¹⁾ Загадочные звуки русскаго яз., 2.

²⁾ Ibidem, 19.

³⁾ Ibidem, 19.

⁴⁾ Ibidem, 15.

кой именно—великорусско-польское *ы* или малорусское среднее *и*? Одинъ разъ древнѣйшее произношеніе *ы* Колосову вѣдомо, въ другой разъ—невѣдомо. И если невѣдомо, то можно ли говорить о посредствующей ступени между величинами, изъ которыхъ одна совершенно неизвѣстна? Можно ли съ увѣренностію утверждать послѣ этого, что „въ эпоху появленія первыхъ письменныхъ славянскихъ памятниковъ *ы* произносилось такъ, какъ произносится теперь въ русскомъ и польскомъ?“¹⁾ Нужно согласиться, что и это есть не болѣе, какъ гипотеза, можетъ быть, болѣе вѣроятная, чѣмъ наша гипотеза о древнерусскомъ произношеніи *ы*, какъ *и*. Нужно и то еще сказать, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ есть слѣды дифтонга въ произношеніи *ы*²⁾, и поэтому догадка г. Потебни объ образованіи нѣкоторыхъ современныхъ звуковъ изъ дифтонга *ы* не лишена серіознаго значенія³⁾. Въ виду всего сказаннаго можно вполне согласиться съ г. Колосовымъ только въ томъ, что *ы* дѣйствительно одинъ изъ загадочныхъ звуковъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Что касается нашихъ соображеній о звукѣ *ы*, то для насъ они имѣютъ нѣкоторое значеніе лишь на столько, на сколько согласуются съ письменными памятниками. Остается несомнѣннымъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской редакціи нерѣдко встрѣчается замѣна основнаго *ы* буквой *и*, а въ южнорусскихъ памятникахъ XV—XVI в.—обратная замѣна основнаго *и* и даже *і* изъ *ь* буквой *ы*. Это именно тотъ моментъ смѣшенія *и* съ *ы*, который выразился въ преобладаніи этого послѣдняго звука надъ первымъ, и на которомъ стоятъ современные галицкіе, подольскіе и волынскіе говоры малорусскаго нарѣчія. Онъ отразился довольно рѣзко и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *ско́и́лы*, *на́дъ ны́лы*, *о вѣ́ры* (Уч. ев.), *Володимеровы* (дат. ед. Пал. З. К. 1107), *припосокла́лы* (Тр. п. 10), *запра́кнылы* (ib. 131), *прычы́ны*, *ды́ы*, *зчы́кы*, *выража́лы* (Лям. Острожск.), въ *листы*

¹⁾ Загадочные звуки русскаго яз., 19.

²⁾ Отчетъ о занятіяхъ славянс. нарѣчіями, Кочубинскаго, I, 45; II, 47. Grammatyka języka małoruskiego, Wagilewicz, 1845 г., предисловіе, стр. XVIII.

³⁾ Отчетъ о 20 присужденіи награды гр. Уварова, 805—807.

вмѣсто въ *листъ* (Діар. А. Ф. 63), *коло ныхъ* (Льв. П.), *пожи-
выты* (Хм. л.), *чтырѣнь* (Г. К. 5), *ничістоты* (род. ед. Рад. Ог.
929), *крѣбы* (ib. 1079), *въ кѣры* вмѣсто *въ вѣрь* (ib. 115). Мо-
жно думать, что въ это время уже существовало и позднѣй-
шее украинское среднее *и*. Мы видимъ его тамъ, гдѣ встрѣча-
емъ постановку *и* вмѣсто *ы*, которая къ концу XVII вѣка по-
степенно усиливается: *тисла* (Уч. ев.), *владиками* (Пал. З. К.
1045), *пастирству* (ib. 1046), *подстаростимъ* (Хм. л.), *сокрѣкии*
(К. Х.), *рѣбы* (Рад. Ог. 433), и т. п.

Коренные согласные въ старинномъ малорусскомъ правописаніи.

Основная черта малорусскихъ согласныхъ—преобладаніе
звучныхъ надъ отзвучными и твердыхъ надъ мягкими указана на-
ми выше. Съ этой стороны малорусскіе согласные сравнитель-
но съ церковнославянскими и великорусскими представляютъ
различіе въ отношеніи количественномъ, а не качественномъ,
поэтому мы и не могли причислить ихъ къ звуковымъ особен-
ностямъ собственно малорусскимъ, т. е. безусловно чуждымъ тому
или другому говору великорусскаго нарѣчія. Такъ, напримѣръ,
въ бѣлорусскомъ нарѣчіи губные и гортанные произносятся
твёрдо въ такихъ же случаяхъ, какъ и въ малорусскомъ¹⁾;
звучные согласные устойчивѣе въ бѣлорусскомъ, чѣмъ въ сѣ-
верно-великорусскомъ и южно-великорусскомъ²⁾. Что касается до
малорусской книжной рѣчи XVII в., то въ ней замѣтно стрем-
леніе держаться словопроизводства, поэтому мы видимъ корен-
ные согласные тамъ, гдѣ въ народномъ произношеніи имѣли
мѣсто иные звуки, образовавшіеся путемъ ассимиляціи: *гидка*, а
не *гидка*, *молюдший* а не *молотый*, *отче*, а не *оче*, *коротый*,
а не *корочий*, *лучий*, а не *лучий*, *доцѣ*, а не *доцѣ*, *книжить*,
а не *книжить*, *хвалясь*, а не *хвалясь*, *хвалясь*, а не *хвалясь*,
и т. п. Расположеніе къ сохраненію на письмѣ коренныхъ
согласныхъ поддерживалось отчасти навыкомъ къ грамматиче-
скому сравненію словъ малорусскихъ съ церковнославянскими,

¹⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 70.

²⁾ Ibidem, 65, 66, 68, 73, 84.

отчасти твердой позиціей въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ, не подчиняющихся ассимиляціи съ отзучными, на что было указано выше. Впрочемъ, народный выговоръ часто оказывался сильнѣе всякихъ этимологическихъ соображеній. Особенно охотно слѣдовали ему малорусскіе писатели, когда онъ совпадалъ съ коренными звуками въ словѣ, поэтому нерѣдко можно встрѣтить у нихъ такія формы, какъ *єѣгчи*, а не *бѣгчи* (Рад. Ог. 1112), *єєлгчи*, а не *облєхти* (Г. К. 73)—формы, какъ извѣстно, позднѣйшія, возникшія путемъ народной этимологіи изъ стремленія къ этимологической ясности слова. Еще сильнѣе сказалось вліяніе народной фонетики въ тѣхъ случаяхъ, когда отзучные согласные встрѣчались съ звучными: здѣсь ассимиляція отъ согласныхъ звучныхъ часто брала верхъ надъ коренными согласными: такихъ примѣровъ, какъ *дожчъ* (Г. М. 147), *збырання*, *збути* (Сл. о безд.), можно было бы привести чрезвычайное множество.

Звуковыя особенности въ склоненіи именъ существительныхъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ малорусское нарѣчіе сохранило, какъ мы видѣли, много старинныхъ окончаній, сходныхъ съ церковнославянскими. Есть въ галицкомъ говорѣ немногія оригинальныя формы, возникшія на древнерусской почвѣ: такова, на примѣръ, форма творит. падежа темы *a*, *ja* въ именахъ существит. женс. р: *рибоу(ѳ)*, *землеу(ѳ)*, отсюда и въ именахъ существительныхъ темы *i*: *костеу(ѳ)*. Объясняютъ эти формы потерей *j* между *o* и *y*¹⁾, но мы болѣе склонны думать, что онѣ образовались по аналогіи отъ именъ существительныхъ мужес. р: *домовъ*, *доловъ* (*домови*, *долови*), при чемъ произошло смѣшеніе падежей дательнаго съ творительнымъ. Форма *домовъ* встрѣчается уже въ XII в. въ одной смоленской грамотѣ²⁾, *доловъ*—въ южно-русскихъ грамотахъ XIV в.³⁾ Не менѣе оригинальна форма того же падежа въ нѣкоторыхъ галицкихъ разно-

¹⁾ Замѣтки о малорус. нарѣчій, Потебин, 55. Studien Ogonowski, 124.

²⁾ Изв. Ак. т. X, вып. 6, 602.

³⁾ Приложенія къ Очерку звуковой исторіи малорус. нарѣчій.

рѣчіяхъ: *рибом*, *землем*. По нашему мнѣнію, здѣсь простой обмѣнъ однородныхъ согласныхъ *в* и *м* ¹⁾. Тѣхъ и другихъ формъ мы не встрѣчаемъ въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, конечно, оттого, что онѣ и въ то время не были въ общемъ употребленіи.

Зато писатели малорусскіе не чуждались тѣхъ народныхъ особенностей во флексіяхъ именъ существительныхъ, которыя обусловлены малорусской фонетикой.

Такъ, мы уже приводили не мало примѣровъ переходнаго смягченія гортанныхъ въ шипящіе предъ *е* (зват. падеж.), въ свистящіе предъ *і* (дат. падеж. женс. р. и предложный всѣхъ трехъ родовъ).

Есть флексіи, сложившіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ смягченно-удвоенныхъ согласныхъ, и притомъ съ превращеніемъ *е* въ *я*, свойственнымъ украинскому говору: *дуга́* (имен. ед. Лекс. Бер. 200), *пѣра́* = слав. *пѣре* (ib. 102), *пѣра́мъ* (твор. ед. ib.), *камѣна́мъ* (твор. ед.), есть и *камѣ́намъ* (Г. К. 63), *начина́мъ* (Рад. Ог. 641). И въ наращаемомъ *дитя* звукъ *я* по аналогіи съ предыдущими именами въ творит. един. сохраняется: „вѣдѣ́чи дитя́мъ ма́ліамъ“ (Г. М. 362).

Такъ же точно оставили свой слѣдъ на формахъ имени существит. и своеобразныя особенности малорусскаго вокализма. Стяженные гласные встрѣчаются иногда въ родит. пад. множ. ч. въ именахъ существит. мужес. р., но замѣчательно, что это все то же старинное *у*, болѣе близкое къ дифтонгамъ, чѣмъ *і*, которое, какъ мы видѣли, тоже употреблялось, только не въ родит. множ. Впрочемъ, окончаніе *овъ* считалось болѣе умѣстнымъ въ книжной рѣчи. Рядомъ съ этимъ окончаніемъ встрѣчаемъ иногда послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ *юв*, послѣ шипящихъ *ов*: *напо́юкъ* (Г. Каз. 105), *когачо́къ* (Рад. Ог. 90), *дожчовъ* (Меж. л. 99),—а звукъ *ю* представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ переходныхъ стадій въ развитіи малорусскаго *і* изъ *е*. Въ мягкомъ склоненіи именъ существит. сред. р. есть еще формы родит. п. множ. ч. особаго образованія:

¹⁾ Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова, 781—782.

рѣшѣнь (Рад. Ог. 768), *прилѣдовань* (ib. 1073), *испанъ* (ib. 853). По видимому, формы эти образовались по аналогіи съ церковнославянскими *поль*, *морь*, но такъ какъ онѣ не встрѣчаются въ народной рѣчи, то самое образованіе ихъ нужно отнести къ разряду грамматическихъ насилій надъ языкомъ, возникшихъ въ средѣ литературной, а не народной. Въ современной галицкой литературѣ формы эти пользуются широкимъ употребленіемъ.

Особенно характерно въ малорусскомъ нарѣчьи смѣшеніе мягкаго склоненія съ твердымъ въ именахъ темы *a*, *ja*—въ дат. падежѣ именъ существ. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ. Признаемъ совершенно справедливымъ замѣчаніе г. Поттебни, что это явленіе нужно объяснять не притяженіемъ аналогіи, которая шла отъ мягкихъ окончаній, какъ объясняли мы, а простой фонетической замѣной *ь* посредствомъ *i*¹⁾. Той же фонетической замѣной *ь* посредствомъ *e* нужно объяснять смѣшеніе твердаго склоненія съ мягкимъ и въ великорусскомъ нарѣчьи. Съ этой точки зрѣнія—въ обоихъ русскихъ нарѣчьяхъ твердыя окончанія вытѣснены мягкими съ тою разницею, что въ малорусскомъ выразителемъ мягкости явилось іотное *i*, въ великорусскомъ—іотное *e*, при чемъ для обозначенія *i* въ малорусской письменности употреблялась та самая буква *ь*, которая на сѣверѣ означала звукъ *e*: *мѣцѣѣ* (Г. К. 162), *прилѣзѣѣ* (Г. М. 350), на *мѣцѣѣ* (ib.), *въ мѣцѣѣ* (ib.) и т. д. Иногда вмѣсто *ь* является *и*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—эта послѣдняя буква: *въ повѣсти* (Діар. А. Ф. 52), *въ Києви* (ib. 15), *на дорози* (ib. 91) и тамъ же: *въ дорозѣ* (58), *по чѣли* (Г. Каз. 118), *въ мѣсти* (Х. л.), *въ вѣры* (Пал. З. К. 1006), *въ листы* (Діар. А. Ф. 63). Это *и* въ соответствующихъ формахъ есть явленіе ана-

¹⁾ Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 781—782. Встрѣчается эта замѣна и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, но „она не часта, говоритъ Колосовъ, даже и въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ смѣняется на *и* почти каждое *ь*, принадлежащее корню слова“ (см. Обзоръ... 26), — поэтому *i* вмѣсто *ь* въ разсматриваемыхъ формахъ, какъ спорадическое явленіе въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отчисленія самихъ формъ къ разряду общерусскихъ.

логическое съ е вмѣсто ъ въ старинной великорусской книжной рѣчи, напр: *жене* (дат. ед.), *на леднике* (Домост. Сильвест.) и проч. ¹⁾ Въ мягкомъ склоненіи, какъ мы видѣли, удерживалось старинное *и*, но иногда и сюда вторгалось широко распространенное *ь*, проникая даже въ имена темы *i*: *кѣряніѣ* (Сбор. ц. ар. м.), *кѣмклѣ* (Рад. Ог. 428), есть и *кѣмили* (ib.), *кѣчѣ* (ib.).

Звуковыя и морфологическія особенности въ спряженіи глаголовъ.

Въ спряженіи глаголовъ малорусское нарѣчіе представляетъ своеобразныя особенности не только звуковыя, но и морфологическія. Какъ тѣ, такъ и другія отразились въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

1-е л. множ. ч. во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія удерживаетъ старинное окончаніе *мо*. Появилось оно еще въ XIII в. (*изонимо* Галиц. еван. XIII в.) ²⁾ и затѣмъ не исчезало изъ малорусской письменности во всѣ вѣка ея существованія. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. оно составляетъ самое обычное явленіе, рѣшительно преобладающее надъ окончаніемъ *мъ* ³⁾.

Въ прошед. времени изъявит. наклоненія, которое выражается, какъ извѣстно, причастіемъ на *мъ*, коренные гласные звуки *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ обыкновенно удерживаются въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *могъ* и *могъ* (Льв. П.), *знесъ* (ib.), но нерѣдко также, согласно съ народнымъ произношеніемъ, вмѣсто *е* является *ь* (*i*): *привѣлъ* (Г. Каз. 106), *стеръ* (Льв. П.).

Сложныя формы прошед. времени по своему составу напоминаютъ соотвѣтствующія церковнославянскія формы, поэтому

¹⁾ Историческая христоматія Буслаева, 836.

²⁾ Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ, Шниановскаго, 77.

³⁾ Окончаніе *мо* встрѣчается и въ бѣлорусскомъ нарѣчій (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 143, 147, 150, 153), — но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній считать эту форму коренною бѣлорусскою, потому что примѣры взяты изъ западныхъ бѣлорусскихъ говоровъ, соседнихъ съ сѣверными малорусскими. Въ примѣрахъ, приведенныхъ у Карскаго изъ сборниковъ Безсонова и Носовича (147, 153), вовсе не обозначены мѣстности. Самъ Карскій относится съ недоумѣніемъ къ этимъ сборникамъ (стр. 8).

онѣ указаны нами выше въ обзорѣ малорусскихъ формъ, сходныхъ съ церковнославянскими. Что касается до ихъ фонетической окраски, то онѣ представляютъ такія особенности, которыхъ нѣтъ въ церковнославянскихъ формахъ: начальный звукъ корня *ѣс* послѣ согласныхъ удерживается, послѣ гласныхъ выпадаетъ; согласный *с* во всѣхъ лицахъ (1 и 2 един. и множ.) постоянно звучитъ мягко, при чемъ самый глаголь вспомогательный большею частію ставится послѣ причастія на *лъ*, непосредственно съ нимъ сливаясь¹⁾). Какъ въ этомъ послѣднемъ видѣ, такъ и въ отдѣльности отъ причастія, сложныя формы прошед. времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в.²⁾

Одна изъ сложныхъ формъ будущаго времени, распространенная во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, своеобразно развита въ немъ и не повторяется ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Образуется она слѣдующимъ образомъ: къ неопред. наклоненію присоединяется глагольный корень *им* (отъ *ѣйти*) съ личными окончаніями наст. времени, при чемъ два гласные звука *и* (конечный гласный суффикса *ти* и начальный корня *им*) стягиваются въ одинъ звукъ: *ходити(и)му*, *ходити(и)меш*, *ходити(и)ме*, *ходити(и)мемо*, *ходити(и)мете*, *ходити(и)мутъ*³⁾. Въ горныхъ разнорѣчіяхъ галицкаго говора и въ нѣкоторыхъ

¹⁾ См. выше, стр. 48—49.

²⁾ Въ галицкихъ грамматикахъ проводятъ обыкновенно сложныя формы прошед. времени по всѣмъ наклоненіямъ, при чемъ накаплиются вспомогат. глаголы въ такомъ количествѣ, что самыя формы становятся положительно неудобными въ живой рѣчи. Таковы, напримѣръ, формы страдат. залога: *буе бим похвалений буе*, *зістае бим буе похвалений* и т. д. (Грамматика русскаго языка, Осадцы, 181). Мы считаемъ эти формы логической фикціей, потому что онѣ не подтверждены примѣрами народной рѣчи.

³⁾ Г. Карскій приписываетъ эту форму и бѣлорусскому нарѣчію (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 155), но не указываетъ мѣстностей, въ которыхъ она существуетъ. Такъ, онъ отнесъ говоръ ничуковъ, въ которомъ встрѣчается эта форма, къ бѣлорусскому нарѣчію, между тѣмъ это одинъ изъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ. Поэтому мы считаемъ сложное будущее съ корнемъ *им* въ слитной формѣ особенностью малорусскаго нарѣчія. Если же она и живетъ гдѣ нибудь въ подлинномъ бѣлорусскомъ говорѣ, то, полагать надобно, она проникла туда изъ сѣверо-западныхъ малорусскихъ говоровъ.

разнорѣчіяхъ сѣверно-малорусскаго говора глагольный корень *им* часто ставится впереди неопред. наклоненія, не сливаясь съ нимъ окончательно¹⁾. Этотъ болѣе архаическій видъ сложнаго будущаго составляетъ обычное явленіе въ памятникахъ XIV—XV в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ. Что касается до слитной формы, то, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ она появилась въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ только въ XVI в.²⁾ Затѣмъ она встрѣчается уже довольно часто въ книжной малорусской рѣчи XVII в.: *дїспѣчобѣтнмї* (Лекс. Бер. 159), *спирѣтнмїтл* (ib.), *можитнмїтл* (Г. К. 140), *вїдѣтнмїтл* (ib. 139), *вѣжитнмїтл* (ib. 140), *лїжатнмїтл*, *лїжатнмїтл* (Рад. Ст. 281), *лїкїтнмїтл*, *лїкїтнмїтл* (ib. 329).

Въ образованіи сложнаго прошед. времени условнаго наклоненія галицкій говоръ отличается отъ украинскаго присоединеніемъ къ корню *би* (*бы*) корня *тес*, отсюда получаютъ формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сь-мо*, *би-сь-те*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. галицкія формы не менѣе часты, какъ и украинскія.

Потера суффикса *и* въ повелит. наклоненіи, при отсутствіи ударенія, перешла въ малорусскомъ нарѣчїи не только во 2 л. множ., о чемъ была рѣчь выше, но и въ 1 л. множ.: *ляньмо*, *станьмо*. Эта форма болѣе употребительна, чѣмъ описательная: *лянем*, *лянемо*, *станем*, *станемо*, въ которой 1 лице множ. повелит. накл., какъ и въ великорусскомъ нарѣчїи, замѣняется 1 ли-

¹⁾ „Прийди, прийди, красній хлопче, щось ти йму казати“ (Гол. III, 160); „ступай, ступай, Бондарочко, ти меш мати муку“ (ib. I, 66); „котрий иде у старостя, ме горівку пити, лише най ся добре варуе, ледви не мут бити“ (ib., III, 215); „идїть собі, люде, съ хати, бо ми мемо стати“ (ib. I, 50); „ой чи мете, выбранчики, від насъ утікати?“ (ib. I, 142). Въ этомъ видѣ, т. е. въ отдѣльности отъ неопред. наклоненія, и притомъ съ сохраненіемъ въ корнѣ *им* начальнаго *и*, форма эта существуетъ въ немногихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (Обзоръ, Колосова, 243).

²⁾ „Не толко тыхъ, але другихъ людей иматиму, битиму и вѣшати ихъ буду“ (1561 г. Луцк. кн. л. 159, об.); „то держу и вживаю, и держатиму“ (1566 г. Луцк. кн. л. 98, об.); „нехай мене у короля позивають, я ему уметиму отказать“ (1567 г. Луцк. кн. л. 19). Примѣры выписаны изъ рукописей кїевского центральнаго архива и сообщены намъ О. И. Левинцемъ.

цемъ множ. изъявит. наклоненія. Подъ улареніемъ суф. *и* въ малорусскомъ нарѣчїи сохраняется въ 1 и 2 л. множ., какъ въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣютъ *и* въ церковнославянскомъ нарѣчїи: *хвалим, хвалите*, малорус. *хвалім, хваліте*,—такъ и въ тѣхъ глаголахъ, въ вторыхъ стоитъ *ь*, а не *и* въ церковнославянскомъ нарѣчїи: *несѣмъ, несѣте*, малорус. *несім, несіте* ¹⁾). Полагать надобно, что это *и* съ давняго времени въ малорусскомъ нарѣчїи смѣшалось съ *і* изъ *ь*. Уже въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ во множ. ч. повелит. наклоненія вмѣсто ожидаемаго *и* мы встрѣчаемъ иногда *ь*: *осяжѣте, ищѣте, сѣвѣжѣте* ²⁾. Тѣ же формы и въ галицкомъ евангелїи XIII в. ³⁾, а въ памятникахъ XIV в. *ь*, а не *и* даже въ глаголахъ IV класса: *отвѣайте* (Полик. еван.), *хранѣтеся, творѣте* (Луцк. еван.) ⁴⁾. Окончаніе 1 л. множ. ч. *мо* безусловно сохраняется, когда суф. повелит. накл. *і* превращается въ іоту или замѣняется смягченіемъ согласнаго: *даймо, стѣньмо*; но когда суф. *і* удерживается, то окончаніе *мо* иногда сокращается въ *м*: *ходім, несім*. Окончаніе 2 л. множ. ч. *те* охотнѣе сокращается въ *ть*, въ особенности послѣ *і*: *беріть, несіть* (въ галицкомъ говорѣ: *беріт, несіт*), но всегда сохраняется при тѣхъ же условїяхъ, какъ въ окончанїи *мо*: *дайте, стѣньте*. Слѣды сокращенія *те* въ *ть* можно уже видѣть въ XII в: *взпросить, пыньтѣся* (Добр. еван.) ⁵⁾. Всѣ эти формы повелит. наклоненія въ большомъ изобилїи встрѣчаются въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, при чемъ суф. *і*, по преданїю отъ древнѣйшихъ временъ, почти всегда

¹⁾ Уже въ церковнославянскомъ нарѣчїи суф. *и* во 2 л. едн. ч. повелит. наклоненія представляетъ, по мнѣнію Миклошича, сокращенную форму, замѣняя *ь* (соединительная гласная *e+n=ь*), которое подъ защитой личныхъ окончанїй сохранилось въ 1 и 2 л. множ. ч. Миклошичъ объясняетъ это явленіе необходимостью болѣе быстрого произношенія, соответствующаго самому характеру повелїя: *ид-и* ви. *идь=ид-е-и* (Vergleich. Formenlehre, 98),—Шлейхеръ — конечнымъ мѣстомъ дифтонга въ словѣ (Die Formenlehre der Kirch. Slav. Spr. 89). Одно объясненіе не исключаетъ другаго, хотя ни то, ни другое неубѣдительно.

²⁾ Очерки изъ исторїи русскаго яз. Соболевскаго, 7.

³⁾ Ibidem, 20.

⁴⁾ Лекціи по исторїи русскаго яз. Соболевскаго, 177.

⁵⁾ Очерки... его же, 74.

обозначается посредствомъ буквы ѣ: пла́чмо (Г. К. 191), ѡбѣ́жмо (Рад. Ог. 12), кы́гѣмо (ib. 822), за́ховѣ́ймо (Г. К. 84), не лѣ́нѣймса (Г. Каз. 121), ша́нѣймо (Рад. Ог. 399), на́пнѣймѣ (Г. Каз. 212), нѣ́дѣймѣ (ib. 6), по́ндѣймѣ (Рад. Ог. 177), прѣ́ймѣмо (Г. Каз. 40), мо́лѣймса (ib. 44), гла́дѣмо (ib. 269), прѣ́шлѣ́те (К. Х.), чѣ́нѣте (Льв. П.), згѣ́чѣ́те (Рад. Ог. 861), лѣ́чѣ́тъ (Лекс. Бер. 74), носѣ́тъ (ib. 98), прѣ́ймѣ́тъ (Льв. П.), прѣ́смочрѣ́чѣ́са (Рад. Ог. 642).

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами книжной малорусской рѣчи XVII в. Стилистическія особенности ея: проза историческая и ораторская.

Намъ не оставили малорусскіе писатели XVII в. ни одной замѣтки, изъ которой мы могли бы познакомиться съ техническими способами слововыраженія, которые они употребляли въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по малорусски. Каждый изъ нихъ участвовалъ въ созданіи литературной малорусской рѣчи по мѣрѣ своего умѣнья и таланта, независимо отъ той или другой готовой теоріи. Конечно, болѣе или менѣе они знакомы были съ грамматической теоріей Мелетія Смотрицкаго, но она служила для нихъ только исходной точкой, отъ которой далеко отступали они подъ вліяніемъ живыхъ потребностей мысли, давая предпочтеніе въ большинствѣ случаевъ звукамъ и формамъ общерусскимъ и малорусскимъ предъ церковнославянскими. Группируя разнообразныя элементы рѣчи, они вырабатывали такимъ образомъ отчасти грамматическія, отчасти стилистическія требованія, которыя считались обязательными въ литературной практикѣ, хотя и не были возведены въ научную теорію.

Сведемъ всѣ данныя, которыя указываютъ на эти требованія. Для этого остановимся прежде всего на правописаніи, въ которомъ является предъ нами книжная малорусская рѣчь XVII вѣка.

По всему видно, что малорусскіе писатели стремились найти такую норму рѣчи, въ которой книжное начало сохранило бы свою централизующую силу, безъ всякаго однако же

ущерба для народныхъ элементовъ ея, поэтому и въ самомъ правописаніи они старались примирить этимологическое начало съ фонетическимъ.

Въ сферѣ согласныхъ звуковъ малорусскіе писатели избѣгали звуковыхъ комбинацій, появившихся въ народной рѣчи подъ вліяніемъ качественной ассимиляціи согласныхъ (по органамъ произношенія). То же начало они старались выдержать и въ сферѣ количественной ассимиляціи (по способу произношенія). Они сохраняли звучные согласные, какъ въ срединѣ, такъ и въ концѣ словъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчій послѣ нихъ слѣдовали глухіе гласные, и такимъ образомъ незамѣтно для самихъ себя переходили на почву народной фонетики, которая отклоняла ихъ отъ этимологическаго пути въ тѣхъ случаяхъ, когда отвучные согласные предъ звучными сами переходили въ звучные. Та же двойственность въ принципѣ и то же господство народнаго, фонетическаго начала въ результатѣ замѣчается и въ отношеніи къ смягченію согласныхъ. Такъ, мы видимъ въ малорусскомъ правописаніи XVII в. твердые свистящіе вопреки народному произношенію, но рядомъ съ этимъ и твердые шипящіе, которые составляли принадлежность большинства малорусскихъ говоровъ,—видимъ также народное смягченіе гортанныхъ, совпадавшее съ церковнославянскимъ преданіемъ, и не совпадавшее съ нимъ народное смягченіе зубныхъ, наконецъ, смягченно—удвоенные согласные. Звукъ *л* предъ согласными и въ концѣ словъ большею частію выдерживается, не превращаясь въ *е*, зато этотъ послѣдній согласный нерѣдко смѣшивается съ *у* даже у такихъ писателей, которые обладали достаточными грамматическими познаніями.

Въ сферѣ гласныхъ звуковъ мы видѣли тѣ же два параллельныя теченія—этимологическое и фонетическое, съ преобладаніемъ послѣдняго. Такъ, въ закрытыхъ слогахъ принято было за правило возстановлять коренные гласные *о* и *е*, народное *і* вмѣсто *о* и *е* попадаетъ очень рѣдко, но *у* и *ю*, какъ звуки, въ которыхъ основные *о* и *е* становятся болѣе различимыми, чѣмъ въ *і*, встрѣчаются нерѣдко. Можно полагать, что *і* вмѣсто *о* и *е* въ XVII в. не было еще такъ распространено, какъ въ

настоящее время, ибо малорусские писатели съ нѣкоторымъ выборомъ относились къ особенностямъ родной рѣчи, избѣгая такихъ звуковъ, которые не были во всеобщемъ употребленіи. Такъ, напримѣръ, они не вводили въ правописаніе перегласованія *a* въ *e*, особенно со второй половины XVII вѣка, избѣгали *y* въ глаголахъ на *ова*, потому что это были спорадическія явленія въ самомъ малорусскомъ нарѣчій. Зато широкое мѣсто они дали въ правописаніи тѣмъ гласнымъ звукамъ, которые составляютъ органическую принадлежность всѣхъ малорусскихъ говоровъ. Сюда относятся: 1) давнія черты общерусскаго вокализма, напримѣръ, обычное выраженіе юсовъ посредствомъ *y*, *ю*, *я*, замѣна глухихъ гласныхъ чистыми и полногласіе; 2) спеціальныя черты малорусскаго вокализма, которыя проходятъ чрезъ всѣ говоры малорусскаго нарѣчія. Таково, напримѣръ, смѣшеніе *ы* съ *и*, при чемъ замѣтить можно, что къ концу XVII в. все чаще и чаще пишется *и* вмѣсто *ы*—знакъ, что среднее малорусское *и* достаточно созрѣло уже въ устахъ народа. Таково же употребленіе буквы *ь* для выраженія звука *i* не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчій было *ь*, что составляетъ, какъ мы видѣли, особенность и нѣкоторыхъ великорусскихъ говоровъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда *i* образовалось не изъ *ь*.

Эта послѣдняя черта, своеобразная въ старинномъ малорусскомъ правописаніи, наложила рѣзкую печать народной фонетики на формы имени и глагола, отмѣченныя въ XVII вѣѣ. Мы видѣли, что буква *ь* писалась иногда 1) даже въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ, въ дат. пад. един. ч. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ (вопреки церковнославянскому преданію); 2) въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ женс. р., въ родит. един., именит. и винит. множес. ч., и мужеск. р. въ именит. и винит. множес. (тоже вопреки церковнославянскому преданію, но согласно съ древнерусскимъ преданіемъ); 3) въ 1 и 2 л. повелит. накл. (отчасти согласно, отчасти не согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ). Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ буква *ь* произносилась, какъ *i*, смягчая предшествующій согласный звукъ. Независимо отъ всѣхъ этихъ формъ, связанныхъ съ произношеніемъ буквы *ь* и

употребленіемъ ея въ книжной малорусской рѣчи XVII в., мы видѣли въ ней самыя типическія формы малорусскаго глагола,— напр. 1 л. множ. ч. съ окончаніемъ *мо* и будущее время изъ неопред. наклоненія, сливагося съ глагольнымъ корнемъ *им*. Но съ особенною охотою пользовались малорусскіе писатели тѣми народными формами имени и глагола, которыя представляли большее или меньшее сходство съ церковнославянскими: въ нихъ они видѣли прочную опору для сліянія народной рѣчи съ книжными преданіями. Мы разумѣемъ слѣдующія формы: 1) звательный падежъ въ именахъ муж. и женс. р.; 2) дательн. един. ч. въ именахъ муж. р. на *ови* и *еви*; 3) именит. множ. ч. въ тѣхъ же именахъ на *ове* и *еве*; 4) неопр. накл. съ окончаніемъ *ти*; 5) передвижное *ся* при глаголахъ; 6) сложное прошед. изъ спрягаемаго причастія на *лъ* и глагольнаго корня *ѣс*; 7) условное прошед. изъ того же причастія и аориста *бих*. Впрочемъ, послѣднія двѣ формы напоминаютъ церковнославянскія только составомъ своимъ, а не способомъ сложенія.

Таковъ былъ грамматическій матеріалъ, изъ котораго выстроена была книжная малорусская рѣчь XVII в. Въ разныхъ пропорціяхъ и соотношеніяхъ онъ выступаетъ предъ нами въ разныхъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей, но въ общемъ преобладаютъ народныя стихіи рѣчи надъ книжными, церковнославянскими. Эти послѣднія являются уже въ славяпорусской редакціи, въ которую вплетаются черты мѣстныхъ нарѣчій. Въ первой половинѣ XVII в. замѣтны еще вліянія бѣлорусскія, которыя легко узнать можно по двумъ фонетическимъ признакамъ, если только встрѣчаются они въ одномъ и томъ же памятникѣ: это именно—*е* вмѣсто *ь* и перегласованіе *а* въ *е*, которое болѣе свойственно бѣлорусскому, чѣмъ малорусскому нарѣчію. Самымъ типическимъ памятникомъ этого рода можно считать знаменитый „Апокризисъ“ Христофора Филалста, напечатанный въ 1597 г. въ Вильнѣ. Здѣсь мы находимъ: на *тѣмъ з'їздѣ*, на *снѣдѣ* и на *снѣдѣ*, *оу роздѣлѣ* и *в' роздѣлѣ*, *о наўце* и *вѣрѣ*, *свѣщѣни*, *хѣтчи* и т. п. Тѣ же особенности бѣлорусской рѣчи встрѣчаются въ Учительномъ евангеліи 1604 г., въ Казаньяхъ Леонтія Карповича 1615 г., въ Кіевской лѣтописи

1621 г., въ Панегирикѣ Петру Могила 1632 г., въ Ляментѣ острожскомъ 1636 г. и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Но по мѣрѣ того, какъ центромъ просвѣщенія становился Кіевъ, особенности народнаго малорусскаго нарѣчія, и прежде сообщавшія главную окраску книжной малорусской рѣчи, выступаютъ съ большею рѣшительностію и опредѣленностію: какъ съ фонетической, такъ и съ морфологической стороны, въ теченіе всего XVII вѣка преобладаютъ особенности сѣверныхъ и западныхъ малорусскихъ говоровъ. Со второй половины XVII в. народныя вліянія становятся замѣтными даже въ произведеніяхъ, напечатанныхъ славянорусскою рѣчью, напр: *храни́мъ* (Мечъ Б. 194), *пришлѣтъ* (Син. 27), *при́зры* (ib. 65), *кѣри* (ib.), *гвсзды* (Мечъ Б. 393), *лжы* (ib. 423) и т. п.

Что касается до церковнославянскихъ звуковъ и формъ, то они далеко не имѣли въ книжной малорусской рѣчи того значенія, какое имѣли въ славянорусской рѣчи. Къ нимъ обращались преимущественно въ текстахъ св. писанія. Такъ, І. Галатовскій, лучшій стилистъ своего времени, пишетъ: на *ѡблѡцахъ* и въ текстѣ: на *ѡблѡцѣхъ* (Г. М. 105), *кѣрѣчнмъ* и на той же страницѣ въ текстѣ: *кѣрѣчнмъ* (ib. 162), *сѡвѣ* и въ текстѣ: *сѡвѣ* (ib. 368), *сѡвѣ* и въ текстѣ: *сѡвѣ* (ib. 253). Мы уже упоминали о томъ, что прошедшія простыя встрѣчаются у этого писателя тоже исключительно въ текстахъ св. писанія. Большая также рѣдкость встрѣтитъ у Галатовскаго и у другихъ современниковъ его, писавшихъ книжною малорусскою рѣчью, причастія наст. вр. дѣйст. зал. съ окончаніемъ *щій* внѣ текстовъ св. писанія: всюду господствуетъ народная форма краткихъ причастій съ окончаніемъ *чи* и образованная отъ нея полная форма съ окончаніемъ *чий*. Впрочемъ, нужно сказать, что употребленіемъ причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залога, книжная малорусская рѣчь больше всего сближалась съ рѣчью славянорусскою, подчиняясь въ то же время вліянію латинскаго синтаксиса, которое выразилось, на примѣръ, въ постановкѣ глагольнаго сказуемаго на концѣ предложенья и вообще въ симметрическомъ расположеніи предложенья, которое свойственно періодическому теченію рѣчи. Нужно

вспомнить при этомъ, что и въ народныхъ малорусскихъ думахъ глагольное сказуемое постоянно ставится на концѣ предложена, а періодическое построение рѣчи составляетъ обычную принадлежность думъ. Полагать надобно, что оно не противорѣчило интеллектуальному настроению народа, ибо не противно было народному вкусу, тѣмъ болѣе, что въ книжной малорусской рѣчи оно растворялось разговорнымъ течениемъ ея и оживлялось сравненіями, поговорками, ироническими замѣчаніями, прямо выхваченными изъ жизни. Такими свойствами обладала не только историческая проза, но и ораторская ¹⁾).

¹⁾ Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ львовской лѣтописи и изъ „Огородка“ Антонія Радивиловскаго:

„(Потоцкій) досить анѣмушно строфоваль до Хмелинцаго: „хлопе, мовить, чымъ же такъ зацному рыцерству орда татарскихъ заплатишь?“ Которому отповѣль Хмелинцкій не глуно: „тобою и иними съ тобою“.

„(Дорошенко) завель былъ ляховъ хорошенько, а не (sic) бити, мусѣли бо ся просяти“.

„Небожата ляхи, повергши пыху, мусѣли пѣхотою ходити“.

„Ото жь Унія.. лежить Русь съ поляками“ (на полъ битомъ).

„Нѣмцѣ, якъ мухи погнуули“.

„Жидовъ рѣзали, якъ куръ“.

„Не хочу я зъ Гринями воевати, пехай идуть до роля, або свинѣ пасти“ (слова гетмана Жолкевскаго о козакахъ).

„Умеръ панъ Лукашъ Жолкевскій, староста перяславскій, що съ козаками орѣхи грызъ“.

„Скоро я встану съ той хоробы (слова канцлера Замойскаго), а тое погавство знесу, а ежели умру, на вѣки имъ нѣхто нѣчого не вчинить“. И такъ розгнѣвавшися, жебы пророчество его сполнилось, умеръ“.

„Не крычѣи и не гдѣчѣ, їакъ кѣрка, знісши їанце крычѣтѣ и и кѣдкѣдѣчѣтѣ“ (Рад. Ог. 39).

„Бѣтѣ давнѣи збѣичай ѡ посплѣтѣ людѣи, же гды на сѣи прѣзѣни зъ Црѣкы прѣидѣ до дѣмѣ зъ вѣрѣсю, збѣили вѣчѣи нѣю дѣмѣбѣи своѣи шкого ѡживѣати прилѣбѣ: не їа чѣбѣ їю, вѣрѣа чѣбѣ кѣ“ (1019).

„Прѣада кѣмѣ колѣтѣ шчи“ (390).

„На чѣбѣ Бѣ, чѣтѣ мнѣ нѣгѣже“ (637).

„Заживѣи свѣта, пскѣи слѣжа лѣта“ (849).

Приведенныя ниже поговорки и пословицы или прямо взяты проповѣдникомъ изъ устъ народныхъ, или слегка переделаны имъ на книжный ладъ. Приемъ этотъ съ точки зрѣнія современной проповѣди считается несомвѣстнымъ съ поучительно-религіознымъ содержаніемъ ея, поэтому южнорусская проповѣдь XVII вѣка вызвала въ наше время довольно рѣзкіе упреки въ безцѣльномъ пустословіи, въ излишествѣ риторическихъ украшеній, рассчитанныхъ на то, чтобы доставить слушателю пріятное развлеченіе, а не душевную пользу. „Это было искусство для искусства“, говоритъ одинъ изъ современныхъ критиковъ старинной южнорусской проповѣди, „помимо всякаго практическаго приложенія. Слушатели могли безъ скуки присутствовать при замысловатыхъ, иногда веселыхъ, иногда печальныхъ разглагольствованіяхъ проповѣдника, могли посмѣяться, пожалуй поплакать, но практическаго вывода изъ церкви не выносили“¹⁾.

„Искра лихала и поле выжигаетъ, и сама потомъ гинетъ“ (394).

„Тонучій хватается и мечъ“ (404).

„Накладаетъ (тяжущійся), пока въ калитѣ стабаетъ“ (563).

„Мселтъхъ исполните люди: іаксе іудѣлане, таксе и пошанскае; іакъ тл вѣдѣл, такъ тл тѣжъ и пішѣтъ“ (382).

„ — : Празни въ мѣсѣцѣ не быкаѣ“ (382)

„ — : Трафилла коса на калитѣ“ (408).

„ — : Ужъ вѣтомѣ тѣко покажи кѣн, ажъ зѣразъ оутѣкаетъ“ (473).

„ — : Слѣбшала далѣко бака за стѣною, ніжели рѣцѣрь къ полю“ (537).

„ — : Палцемъ на него (обдѣвшаго человека) тѣкати вѣдѣтъ“ (393).

„ — : И ни на колосокъ заисѣти неможетъ“ (780).

„ — : Гды кто оутѣкъ, іакъ десѣти посеѣлъ“ (788).

„ — : — Сѣрѣжіе приноситъ мѣръ“ (790).

„ — : — : З' іанымъ боротиса, смерть на ѣмѣ“ (901).

„ — : Нѣвѣнъ ца, новое и прако“ (1023).

¹⁾ Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв., Ф. Терновскаго, 75.

Дѣйствительно, по сознанию самихъ проповѣдниковъ, „миого было в' цркви такихъ учителей, что не такъ са старають о жикѣ прикладной, тако о слова пѣнкныи и вымѣсѣ риторичными фигурами о здѣланию“ (Рад. Ог. 596). То было время, когда риторика казалась могущественною силою, ничуть не меньшею, какъ могущество власти: „що на свѣтѣ, сказано въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, могѣство аго риторика, что въ цркви стон чини покора“ (Сб. ц. ар. М.). Могущество это сказалося прежде всего на самихъ проповѣдникахъ, которые, сознавая иногда непригодность риторическаго оружія, тѣмъ не менѣе охотно употребляли его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ помощію этого оружія они добывали матеріалъ для своихъ поученій, извлекая его изъ источниковъ самыхъ разнообразныхъ: изъ апокрифическихъ сказаній, изъ средневѣковыхъ книгъ нетрезваго содержанія „ѡ звѣрохъ, птахахъ, гадахъ, рыбахъ, дѣревѣхъ, зѣлахъ, камѣнахъ, и розмантыхъ вшдѣхъ, котѣрыи к мѣрю, к рѣкѣхъ, к стѣднѣхъ, и на иныи мѣстѣхъ знайдѣнѣа“ (Г. Наука, 146),—наконецъ, изъ исторіи рода человѣческаго: „блѣкѣючися по свѣтѣхъ пѣмѣтѣю мѣю, говоритъ одинъ изъ нихъ, „по всѣломъ полю истѣрїи свѣтѣхъ, тако межн цѣтѣми, межн ѡбѣжными црїи и гитманѣхъ справами“, припомнилъ я... далѣе слѣдуетъ извѣстная исторія о пребываніи Θεμισтокла у Ксеркса, царя персидскаго. Собирая медъ краснорѣчія съ разныхъ цѣтовъ, они предлагали его слушателямъ своимъ въ видѣ замысловатыхъ діалоговъ, аллегорій, параболъ и всякаго рода сравненій.

Все это такъ.

Но мы должны вспомнить при этомъ, какое назначеніе имѣла южнорусская проповѣдь по понятіямъ самихъ проповѣдниковъ. Апотеоза христіанскихъ добродѣтелей—вотъ въ чемъ заключалась главная цѣль ея, поэтому въ большинствѣ случаевъ южнорусскіе проповѣдники имѣли въ виду нарисовать своимъ слушателямъ свѣтлыя картины христіанской жизни, прославляя подвиги святыхъ, угодившихъ Богу. Они стремились увлечь слушателей въ этотъ идеальный міръ, не похожій на современную имъ дѣйствительность, чтобы найти тамъ, въ этомъ мірѣ,

нравственное успокоеніе отъ тревогъ и невзгодъ жизни и выйти изъ него обновленными и освѣженными, съ вѣрой въ правду и добро. Они старались ободрить своихъ слушателей на пути спасенія, не допуская ихъ до унынія и отчаянія: „старайся“, поучаетъ І. Галятовскій проповѣдника, чтобы ты словомъ своимъ „не привѣлъ людей до ѿчаїнія, до рѣспачи, бо зъ рѣспачи... мнѣ гини задаю саміи смерть свѣтѣ, зачѣмъ же бы ты не былъ того грѣха оучастиникомъ, не прикоти нѣкого до ѿчаїнія“ (Г. Наука, 131). Этимъ объясняется многое въ южнорусской проповѣди: и риторическія краски ея, слишкомъ яркія, и *блуканіе* „по кѣслому послѣ и҃счѣрїи свѣтскы́хъ“, посредствомъ которыхъ хотѣли „покавити людей до слѣхана“ (Г. Наука, 243), и популярный, отчасти простонародный тонъ ея, объясняемый тѣмъ же побужденіемъ, и наконецъ, самый языкъ ея, близкій къ народному и переполненный, какъ мы видѣли, поговорками и пословицами народными. Они желали сдѣлать рѣчь свою удобопонятною для слушателей: „если едѣшь, говорить І. Галятовскій, обращаясь къ проповѣднику, слово Бжее проповѣдати, а нѣкто зго не зрозумѣить, кѣ самого едѣ проповѣдати и выслалати, а не слово Бжее“ (Г. Наука, 244). Вотъ почему онъ предпочиталъ малорусскую рѣчь всякой иной въ собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Онъ не сомнѣвался въ литературной правоспособности малорусскаго нарѣчія и ставилъ его рядомъ съ польскимъ и латинскимъ, заявляя, что книгу свою „Місія праведный“ написалъ „малорусскійм, полскимъ и латинскійм діалектомъ, бо в малѣи рѣсїи и в кролівцѣть полскѣм и в панствѣ латинскы́хъ жиды... и з хѣ правдіаго Місії и зо ксїгѣ народѣ хрїтїанскѣмъ нарѣгалися“ (Г. М. Предисловіе). Не нужно упускать изъ виду, что это говоритъ ректоръ кіево-могилянскои коллегіи, первый составитель науки „о зложїю казана“, талантливый представитель малорусскаго литературнаго слова въ школѣ и въ жизни. Безъ сомнѣнія, понятія Галятовскаго раздѣляли въ его время многочисленныя читатели и ученики его.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Галятовскій посвятилъ свое сочиненіе „Мессія Праведный“ Алексѣю Михай-

ловичу, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что „малороссійскій діалектъ“ будетъ принятъ въ Москвѣ доброжелательно. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII в. еще не былъ поставленъ въ Москвѣ вопросъ о „малороссійскомъ діалектѣ“. Московское духовенство относилось съ недовѣріемъ къ югозападнымъ ученымъ по вопросамъ вѣры, а не языка. Такъ, въ 1696 году московскій патриархъ Адрианъ далъ свое дозволеніе митрополиту кievскому переложить новоизданный полный переводъ православнаго исповѣданія на *малороссійское нарѣчіе* ¹⁾.

Посвящаль свои сочиненія тому же Алексѣю Михайловичу и другой малорусскій писатель, предпочитавшій славянорусскую рѣчь малорусской, покровитель І. Галятовскаго, Лазарь Барановичъ. И его труды встрѣчали въ Москвѣ полное радушіе.

Такимъ образомъ двѣ школы малорусскихъ писателей, которыя отличались одна отъ другой болѣе языкомъ, чѣмъ міровоззрѣніемъ, существовали въ теченіи всего XVII в. рядомъ, не сознавая, куда прибьетъ ихъ волна политической жизни.

Но прежде чѣмъ говорить о судьбѣ той и другой школы, считаемъ нужнымъ бросить обратный взглядъ на весь пройденный нами путь.

¹⁾ Описаніе славянс. рукописей москв. синод. библ. Горскаго и Невостурева, отд. II, 597.

Схоластическая наука на южно-русской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Национальное самосознаніе въ эпоху „Руины“.—Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутренней жизни.—Всесловный характеръ кіево-могилянскій коллегіи.—Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской печати времени „Руины“.

Въ началѣ изслѣдованія нашего мы поставили вопросъ: „удастся ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинскою наукою“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу?“

На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ* безъ оговорокъ.

Собственно говоря, идея народности въ современномъ значеніи этого слова была чужда старшему поколѣнію представителей южнорусскаго просвѣщенія, къ которому принадлежали Іоаннъ Вишенскій, Захарія Копыстенскій, Іовъ Борецкій. Только религиозная ревность побуждала нѣкоторыхъ представителей этого поколѣнія нисходить къ понятіямъ „простыхъ людей“, „для вырозумѣня“ которыхъ они рѣшались писать „простою мовою“. Только политическія соображенія наталкивали ихъ на мысль о народной массѣ, о „россійскомъ родѣ“, какъ говорили тогда. Въ религіи и политики эта самая масса была для нихъ темная книга, въ которой они не умѣли читать. Болѣе или менѣе проникнутые народнымъ настроеніемъ, они не чуждались

народныхъ понятій и даже самого метода народной мысли, который съ особенною выразительностію выступаетъ въ народномъ языкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ методъ не былъ для нихъ исходной точкой въ развитіи идей просвѣщенія. Черпали они эти идеи изъ того же схоластическаго источника, какъ и позднѣйшее поколѣніе малорусскихъ писателей, получившихъ образованіе въ кіево-могилянскои коллегіи. Правда, эти послѣдніе учились по латинскимъ книгамъ, тогда какъ писатели первой четверти XVII в. предпочитали греческія книги. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ книгахъ царилъ одна и та же наука, съ однимъ и тѣмъ же методомъ оправданія готовыхъ истинъ, а не открытія новыхъ. Въ виду этихъ соображеній мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ недавно въ почтенныхъ трудахъ г. Сумцева, будто бы „въ южнорусскую науку вторглась чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинскои письменности на греко-славянскихъ началахъ“¹⁾. Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII в. украинская письменность выступила съ неменьшею сознательностію, какъ и въ греко-славянскую эпоху южнорусскаго просвѣщенія,—увидимъ въ послѣдствіи, что эта сознательность не исчезала во все продолженіе XVIII в.,—если же ослабѣвала иногда, то вовсе не подъ вліяніемъ римско-католической схоластики, которая въ XVIII в.—по крайней мѣрѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра—не представляла серьезной опасности для національнаго самосознанія. Безъ сомнѣнія, въ первой четверти XVII вѣка южнорусскіе люди не были еще такъ утомлены борьбой за свое существованіе, какъ въ печальную эпоху такъ называемой „Руины“. Современники Сагайдачнаго больше были воодушевлены вѣрой въ народное дѣло, чѣмъ современники П. Дорошенка. Самыя задачи политической жизни послѣ Андрусовскаго мира (1667 г.), послѣ раздѣленія Малороссіи между двумя государствами—московскимъ и польскимъ, сдѣлались сложнѣе. Будущее становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ. Послѣ изнурительныхъ войнъ Богдана Хмельницкаго страна нужда-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1885 г., апрѣль, 655.

лась въ продолжительномъ и прочномъ покоѣ, чтобы сосчитать, какъ потери, такъ и выгоды свои отъ перенесенныхъ ею потрясеній, чтобы подвести итоги своему прошлому и собраться съ силами для новой жизни, для новыхъ испытаній. А между тѣмъ ей посылала судьба одни испытанія, но не покой. Ежеминутно висѣла надъ ней гроза непріятельскихъ нашествій со всѣми ужасами грабежа и кровопролитія. Съ надеждой она обращала взоры свои на сѣверъ. Но оттуда вмѣстѣ съ войсками, которыя болѣе или менѣе охраняли лѣвобережную Украину отъ внѣшнихъ враговъ, приходили воеводы, приносившіе съ собою новыя политическія понятія и необычныя порядки жизни. Возникали недоразумѣнія и смуты, которымъ, казалось, и конца не было. Являлись искатели приключеній, которые торговали совѣстью своею и счастьемъ родины своею. „Тогда умножишася въ Украинѣ, говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ, дѣтство котораго прошло подъ впечатлѣніями „Руины“, найпервѣй въ значнихъ, потомъ и въ посполитихъ козакахъ, гнѣвы, несогласія, властолюбія, раздвоенія, измѣненія, рвенія, зависти, вражды, междоусобія съ кровопролитіемъ, и иная тимъ подобная зоключенія и непотребства“²⁾. Въ такую эпоху трудно сохранить бодрость духа и вѣру въ собственныя силы. И однако же, мы все таки не скажемъ вмѣстѣ съ г. Сумцевымъ, что „по силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII вѣка стояли выше южнорусскихъ людей конца XVII вѣка“²⁾. Самъ Сумцевъ прекрасно обрисовалъ *ria desiderata* общественной жизни, которыя вовсе не двусмысленно высказывали малорусскіе писатели, принадлежавшіе къ кружку Лазаря Барановича³⁾. Глубоко огорчало ихъ отдѣленіе правобережной Украины отъ лѣвобережной:

Подолле плаче, рыдая,
 Волянъ стогне, vzdыая...
 О гордости, твое то дѣло,
 Иже отечество не пѣло!⁴⁾

¹⁾ Лѣтопись Величка, II, 7.

²⁾ І. Вишевскій, Сумцева. „Кіевская Старина“, апрѣль, 655.

³⁾ Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка, Сумцева. „Кіевская Старина“, 1885 г., январь, 11.

⁴⁾ Южнорусскія лѣтописи, издан. Бѣлозерскимъ, 1856 г., 160.

Такъ горюеть на развалинахъ отечества своего неизвѣстный намъ составитель плохихъ стиховъ подъ названіемъ „Ляментъ людей побожныхъ“. Писатели малорусскіе временъ „Руины“ сожгли корабли позади себя. Они на вѣки разстались съ Польшей, но, отдаваясь подъ крѣпкую руку московскихъ царей, они хотѣли бы сохранить единство и цѣлость своего отечества, съ независимою церковью, съ его старинными порядками и учрежденіями, основанными на выборномъ началѣ, которое одухотворяло всѣ формы жизни церковной, войсковой, городской и сельской. Соблюдая вѣжливость и угодливую предупредительность по отношенію къ Москвѣ, они мечтали о мирной жизни подъ покровительствомъ ея на основаніи *statu quo*, въ которомъ засталъ Малороссію моментъ присоединенія ея къ московскому государству. „Мы, вибивши изъ Украины Ляховъ,* пишетъ Лазарь Барановичъ Алексѣю Михайловичу, доброхотне, православно суще, православному монархѣ поддалися, хотячи на волностяхъ нашихъ козацкихъ древнихъ подъ православною монархою жити“¹⁾. Въ другихъ письмахъ своихъ онъ увѣряетъ царя, что козаки „обѣщались вѣрне царскому пресвѣтлому величеству служити, точію милости его просятъ, чтобы не было воеводы, и на волностяхъ, старому Хмельницкому наданихъ, чтобы жили“²⁾. „Свободою убо, ею же Христось насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоять на свободѣ“³⁾. Въ письмахъ къ Симеону Полоцкому Лазарь Барановичъ впадаетъ въ лирическое изліяніе своихъ чувствъ по поводу храбрости козаковъ. Онъ не отрицаетъ угловатости въ натурѣ ихъ, сравниваетъ духовный чинъ среди козаковъ съ розами между терновникомъ, но, говоритъ онъ, „безъ этой колючести не было бы ничего добраго... Воеводѣ отнюдь не хотятъ: для козака воевода—великая невзгода... А если это родное нашего украинскаго края, то чѣмъ его перекрестить? Покропить только освященною водою, и хотя онъ (козакъ) черенъ, записати въ бѣлую книгу,

¹⁾ Письма Л. Барановича, изд. 2-е, Черниговъ, 1865 г., 121.

²⁾ *Ibidem*, 59.

³⁾ Акты З. и Ю. Россіи, VII, 67.

не гнушаться на Украинѣ украинскими свитками“¹⁾). Вообще говоря, малорусскіе писатели второй половины XVII вѣка были мирные, благожелательные люди, которые не желали чужаго и не отказывались отъ своего. А чужое они знали не съ одной польской стороны, но и съ московской, поэтому они были богаче опытомъ жизни, чѣмъ представители греко-славянской эпохи южнорусскаго просвѣщенія. Можетъ быть, они уступали этимъ послѣднимъ въ цѣльности національнаго самосознанія, но никакъ не въ отчетливости и разносторонности его. Они чувствовали потребность сознать въ себѣ не только общія, родовыя особенности русской жизни, которыя не могли согласоваться съ условіями католическаго и шляхетскаго режима, но и видовыя черты мѣстной малорусской жизни, которыя не укладывались въ общественно-политическую норму, созданную московскимъ государствомъ. Питая къ главѣ государства безусловное уваженіе, они вовсе не желали превращенія Украины въ одно изъ воеводствъ великорусскаго типа.

Есть, однако же, одно темное пятно въ міровоззрѣніи писателей, о которыхъ мы говоримъ. По своему общественному положенію они принадлежали къ высшимъ рядамъ духовенства, которое владѣло „подданными“, не задумываясь надъ социальнымъ значеніемъ этого владѣнія, надъ противорѣчіемъ его съ заветными стремленіями народа, равнаго на себѣ пути крѣпостной неволи. Правда, суровая участь посполитыхъ, повидимому, смягчалась проповѣдію духовенства о милосердіи къ нимъ. Но хорошія слова имѣютъ силу только тогда, когда они сопровождаются высокимъ подвигомъ самоотверженія. А къ этому подвигу вовсе не располагали крѣпостные порядки, которые застала въ московскомъ государствѣ лѣвобережная Украина, только что вырвавшаяся изъ „яра лядскаго“. Напротивъ того, въ московскомъ государствѣ положеніе крестьянъ было еще хуже, чѣмъ подъ „регентомъ“ козацкой старшины. При Алексѣѣ Михайловичѣ великорусскіе крестьяне постоянно перебѣгали „за рубежъ“ въ гетманщину: въ 1672 году великорусскіе помѣщики

¹⁾ Письма Л. Баряновича, 53—54.

жаловались царю на малорусское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ, въ особенности на Лазаря Барановича, у котораго поселилось всякихъ „прихожихъ людей“ больше пяти тысячъ,—„а выдачи писали жалобщики, никому нѣтъ“¹⁾. Такимъ образомъ, въ новой политической обстановкѣ возобновлялись старыя порядки, манившіе къ себѣ сословными удобствами привилегированнаго положенія, котораго начали добиваться люди, только что вырвавшіеся изъ „лядской неволи“.

Но далеко еще было то время, когда вполне созрѣли плоды этихъ домогательствъ. На стражѣ народныхъ интересовъ стояла запорожская Сѣчь. Она глубоко чувствовала страданія родины: „непрестанно насъ тое мулило и долѣгало, писали Запорожцы къ гетману И. Самойловичу, что за невзгодою и неприязнью обосторонныхъ Днѣпра гетмановъ, приходило намъ пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу, полными слезъ оглядати очима, и красніе жилища отцевъ и праотцевъ нашихъ зрѣти дивіемъ звѣромъ водвореніемъ“²⁾. Она стояла на сторонѣ московскаго царя, но въ то же время рѣзко порицала своекорыстную политику Самойловича, который враждой къ П. Дорошенку вызвалъ паденіе Чигириня: „если бысь, говорили Запорожцы, не добывалъ его и не взялъ подъ свою власть зъ Дорошенкомъ, то и Турчинъ добывати его не приходилъ бы, а за часомъ, чрезъ разумніи медіаціи, могла бы и вся сегобочвая Украина отъ власти турецкои и безъ такого кровопролитія подѣ великую руку монархи православнаго зъ Дорошенкомъ приклонитися“³⁾. Такъ смотрѣли Запорожцы въ эпоху „Руины“ на политическое положеніе своей родины. Она была для нихъ дорогою матерью, страдавшею отъ междоусобія неразумныхъ дѣтей своихъ. Нельзя сказать, чтобы сами они были вполне свободны отъ упрека въ этомъ неразуміи, но въ основныхъ стремленіяхъ своихъ они всегда ставили интересы *всей* Украины выше лич-

¹⁾ Акти Зап. и Юж. Р. IX. 857.

²⁾ Вельчко III, 468.

³⁾ Ibid. 470.

ныхъ счетовъ, которые обострились въ слѣдствіе насильственнаго раздвоенія Украины на двѣ половины. Особенно чутко они относились къ бѣдствіямъ *посполитаго* люда, безусловно отрицая всякую тѣнь крѣпостнаго права, какъ въ старой шляхетско-польской формѣ, осложненной религіозными гоненіями, такъ и въ подновленной формѣ—безъ всякой примѣси религіознаго угнетенія. Если бы страна поставлена была въ лучшія условія политической жизни, то не одни „козацкія вольности“ нашли бы въ ней своихъ защитниковъ, но и завѣтное стремленіе народа къ уравниенію правъ посполитыхъ съ козаками, къ уничтоженію всякихъ поползновеній козацкой старшины къ крѣпостному насилію. Конечно, все это не могло бы произойти само собою, безъ борьбы и внутреннихъ потрясеній, но во второй половинѣ XVII в. козацкая старшина не успѣла еще сформироваться въ родовую знать, которая могла бы безъ всякой посторонней поддержки выдержать напоръ народныхъ стремленій. Она не успѣла еще забыть о своемъ происхожденіи: еще такъ недавно она стояла въ рядахъ посполитаго люда, дѣлила съ нимъ радости и горе жизни. Волны народнаго движенія вынесли ее на верхъ, поэтому она не могла не сохранить нѣкотораго уваженія къ самому этому движенію, къ самодѣятельному участію народа въ его собственной жизни.

Есть, наконецъ, еще одна выразительная особенность въ умственномъ строѣ той эпохи, о которой мы говоримъ,— особенность, которая могла вносить примиряющее начало въ спорные вопросы внутренней жизни. Мы разумѣемъ возбужденность мысли, затронутой просвѣщеніемъ, которое рано или поздно должно было привести къ выводамъ, болѣе благопріятнымъ для народныхъ массъ, чѣмъ крѣпостныя формы жизни, нѣсколько видоизмѣненныя въ лѣвобережной Украинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, школа давно уже сдѣлалась потребностію малорусскаго населенія. Особенно дорожило оно кіево-могилянскою коллегіей, для которой наступили трудные дни по смерти Петра Могилы. Въ вихрѣ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, коллегія не могла оставаться спокойнымъ приютомъ для учащейся молодежи, которую манила жизнь съ ея

бурями и военными тревогами. Поэтому высшіе и средніе классы въ коллегіи опустѣли, — да и эти послѣдніе, послѣ воецкихъ неудачъ въ борьбѣ съ поляками, отразившихся на матеріальныхъ средствахъ коллегіи, тоже исчезли¹⁾, — и вотъ въ 1666 г. кіевскіе жители начали хлопотать о возобновленіи кіевскихъ школъ. Московское правительство не считало возможнымъ отвѣчать имъ на заявленіе объ этомъ рѣшительнымъ отказомъ. „Буде имъ, писали въ томъ же году изъ Москвы, противъ ихъ волностей не въ оскорбленіе будетъ, и тѣхъ бы школъ нынѣ не заводитъ“²⁾. Но такъ какъ „перевестъ тую старую школу, по мнѣнію кіевского воеводы Петра Шереметьева, некоторыми мѣры нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ въ великое оскорбленіе“, то „великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводитъ и людей въ нихъ учить кіевскихъ жителей“³⁾. Вопросъ о школахъ считался въ то время чрезвычайно важнымъ, поэтому онъ былъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, какъ съ Москвой, такъ и съ Польшей. Въ инструкціи Петра Дорошенка, данной посламъ войска запорожскаго, которые отправлены были на сеймъ польскій въ 1670 г., говорится: „Академію въ Кіевѣ фундовати волно, въ которой грецкимъ, латинскимъ и рускимъ языкомъ учить Русь маеть... Другую также Академію въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ, албо тутъ на Украинѣ... фундовати. Кгимназія, тежъ школы, въ которыхъ бы по латынѣ учено, и друкарнѣ, колко ихъ потреба будетъ, абы безъ трудности становити было волно, и волно науки отпраовати, и книги всякіе друковати“⁴⁾.

Но существуетъ мнѣніе, высказанное болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, что „заведеніе въ Кіевѣ коллегіи не было потребностію народа, что объ этомъ заботилась только шляхта и высшее духовенство въ видахъ собственныхъ пользъ“, — поэтому коллегія не имѣла ничего общаго съ народомъ⁵⁾.

1) Кіевъ съ древѣйшимъ его училищемъ Академіей, Аскоченскаго, I. 209.

2) Акты Зап. и Юж. Россіи VI. 93.

3) Ibidem.

4) Акты Зап. и Юж. Руси IX. 302—303.

5) Представители кіевской учености, Пекарскаго, Отчет. Зап. 1862 г. 391—392.

Намъ кажется это мнѣніе чрезвычайно рѣзкимъ. Нужно вспомнить только, что коллегія была всесословнымъ учрежденіемъ, въ которомъ учились дѣти духовенства вмѣстѣ съ дѣтьми козаковъ, мѣщанъ и даже посполитыхъ. Причина этой всесословности заключалась въ томъ, что всѣмъ одинаково дорого было „древнее благочестіе“, которое считалось тогда наиболѣе выразительнымъ признакомъ народности. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ верхніе слои южнорусскаго населенія переходили въ католичество, самыя сословія Южной Руси опредѣлялись не столько происхожденіемъ, сколько занятіями. Самымъ обыкновеннымъ явленіемъ было въ то время движеніе посполитыхъ въ мѣщане, а тѣхъ и другихъ въ козаки. Нерѣдко было и обратное передвиженіе по нисходящей линіи, часто невольное, иногда добровольное, особенно изъ козаковъ въ мѣщане,—лица же духовнаго званія выбирались изъ посполитыхъ, мѣщанъ и козаковъ, поэтому духовнаго сословія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь, вовсе не было не только въ XVII, но и въ XVIII в.¹⁾ Слѣдовательно, говорить о своекорыстныхъ сословныхъ цѣляхъ, которыя будто бы преслѣдовали люди, подобные Петру Могила, именно—сподвижники и ближайшіе преемники его, во всякомъ случаѣ, неосновательно. Не таковы были эти труженики мысли, для которыхъ не было вопроса о томъ, кто долженъ учиться въ школахъ—званные или избранные. Они не могли себя представить даже, чтобы ученіе было удѣломъ только имущихъ и знатныхъ людей,—тѣмъ болѣе, что и плоды ученія въ то время не всегда были сладки. „Не дивѣйся, читательникъ, говоритъ І. Галятовскій, заканчивая свой „Ключъ разумѣнія“, чѣмъ помыслили, которыми самъ вѣтъ книзѣ знайдѣю, во чѣмъ книга чакѣго чакѣ рокилася, вѣ котѣрой кѣшѣ имѣо сѣтѣкѣ кѣли и на смѣтѣ нежели на книгѣ чѣю поглядѣли. Ни ѣдинсгво имѣѣ покѣла плѣ наша, но во кѣмъ искрѣпѣше: кнѣѣ оѣдѣ брани,

¹⁾ При Богданѣ Хмельницкомъ во главѣ козацкихъ движеній становились иногда священники („Кіевс. Старина“, 1888 г., июль. 25). Бывали случаи, что одно и то же лице нѣсколько разъ смѣняло рясю на боевые доспѣхи (Лѣтопись Грabanки, 183).

книжку „судьбу“¹⁾. Очевидно, представители южнорусскаго просвѣщенія трудились не въ „видахъ собственныхъ пользъ“, не для своихъ „власныхъ приватъ“, какъ говорили тогда, а для добра общаго. Они почерпали свое вдохновеніе не въ правительственной поддержкѣ, а въ сознаніи той нравственной пользы, которую они приносили народу.

Можно ли сказать, что это была мнимая польза?

Почти положительно отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ г. Сумцевъ. „Наука во второй половинѣ XVII в., говоритъ онъ, была въ Южной Руси явленіемъ почти вполне мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни“²⁾. „Преподаваніе богословія пріучало учениковъ къ ханжеству и внѣшней обрядности“³⁾. „Схоластическому богослову (южнорусскому) не было никакого дѣла до того, какъ народъ относится къ христіанскому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей національной жизни“⁴⁾. Говоря объ І. Галятовскомъ, г. Сумцевъ утверждаетъ, что „грозныя и многознаменательныя событія проплыли мимо него, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой“⁵⁾.

Мы думаемъ, что это мнѣніе въ значительной степени навѣяно общей репутацией схоластической науки, которая по всей справедливости не пользуется сочувствіемъ въ средѣ образованныхъ людей,—думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ трудахъ самого г. Сумцева есть положенія не совсѣмъ согласныя съ тѣми, которыя мы привели выше. „Нѣтъ надобности, говоритъ онъ, доказывать, что идеалы І. Барановича, Ин. Гизеля и І. Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на определенную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства“⁶⁾. Очевидно, вопросъ о

¹⁾ Ключъ разумія, 253 обор.

²⁾ „Кіевская Старина“, 1884 г., апрѣль, 588.

³⁾ Ibid., январь, 6.

⁴⁾ Ibid., 16.

⁵⁾ Ibid., февраль, 199.

⁶⁾ „Кіев. Старина“ 1885 г. январь, 14.

южнорусской наукѣ въ XVII в. вовсе не исчерпывается тѣмъ положеніемъ, что это была схоластическая наука, слѣдовательно, ей были свойственны *все* особенности схоластическаго метода мысли. Это положеніе есть ничто иное, какъ готовая формула, снятая съ аналогическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ умственной жизни средневѣковой Европы. Какъ только мы сопоставляемъ эту формулу съ историческими данными, она во многихъ отношеніяхъ оказывается несостоятельной. Особенно сильно чувствуется несостоятельность ея въ трудахъ г. Сумцева, который не поспешилъ на историческія краски для того, чтобы представить южнорусское просвѣщеніе XVII в. въ его истинномъ видѣ. Къ сожалѣнію, уважаемый нами авторъ сходитъ иногда съ исторической почвы, ослабляя собственные свои выводы и положенія, добытыя путемъ непосредственнаго изученія малорусскихъ писателей въ связи съ исторической обстановкой жизни и дѣятельности ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ смотритъ на Ин. Гизеля, какъ на человѣка, „проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему“, какъ на писателя, который былъ защитникомъ христіанской жизни по духу, а не по формѣ¹⁾. Что же тутъ общаго съ „ханжествомъ и внѣшней обрядностью“, которая, какъ извѣстно, никогда не пользовалась въ южнорусской церкви значеніемъ господствующаго, всепоглощающаго начала ея жизни? Конечно, южнорусскіе іерархи заботились объ исправленіи церковныхъ обрядовъ, объ устраниеніи изъ богослужебныхъ книгъ народныхъ суевѣрій²⁾, — но они никогда не забывали, что сущность православія заключается не въ однихъ церковныхъ обрядахъ, но и въ живомъ общеніи вѣрующихъ, безъ различія званій, сословій и состояній. Въ томъ собственно и заключается коренная особенность южнорусской церкви, что въ ней іерархія не была заражена идеей своей непогрѣшимости,

¹⁾ „Кіевс. Старина“ 1884 г. октябрь, 212.

²⁾ Въ богослужебныхъ книгахъ до Петра Могилы были молитвословія апокрифическаго и даже мифологическаго характера (молитвы о 12 пятницахъ, колядки). Голубева, П. Могила, 374. См. также „О поврежденіи церковной обрядности и религиозныхъ обычаевъ въ южнорусской митрополіи“ Е. Крыжановскаго. Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г.

что она сама привлекала мірянъ къ широкому участию въ дѣлахъ церкви, которое выражалось въ соборахъ и особенно въ братствахъ. Не могла она не прислушиваться къ голосу народа, хотя бы уже потому, что этотъ голосъ, по установившемуся обычаю, имѣлъ громадное вліяніе на замѣщеніе церковныхъ должностей. Вліяніе это постепенно ослабѣвало въ теченіе XVIII в., когда сельскія и городскія общества потеряли право выбора священниковъ. Этотъ народный строй южнорусской церкви выражался, между прочимъ, и въ самой обстановкѣ богослуженія: и теперь еще въ глухихъ мѣстностяхъ Малороссіи можно слышать церковные напѣвы, напоминающіе народную мелодію,—можно видѣть старинныя иконы съ изображеніемъ святыхъ рядомъ съ лицами мірянъ въ обыкновенныхъ костюмахъ¹⁾. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ можно ли утверждать, что представители южнорусскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, „что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроченіе изъ своей національной жизни?“ Можно ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многознаменательныхъ событій ея?

Предъ нами произведенія южнорусской печати временъ „Руины“. Остановимся на двухъ извѣстныхъ писателяхъ того времени—І. Галатовскомъ и А. Радивиловскомъ.

„Мілаа њ вѣдѣлаа мнѣ ѣсть тѣа праца“, говорятъ І. Галатовскій въ предисловіи къ сочиненію своему „Месіа прѣкѣднѣй“. А совершилъ онъ ее „по тѣрднѣ њ некѣзпечнѣй дорѣгахъ (тѣздѣчи), сѣщѣнѣкѣ здорѣва њ шкѣды великѣи пенѣса њи, њ смѣрти са ѡкрѣтѣси не поѣднокрѣгъ сподѣбаючи“. Такъ не говорятъ люди, изсушившіе свой умъ и сердце въ безжизненной школѣ.

¹⁾ Но далѣе какъ въ началѣ настоящаго вѣка (1814 г.) былъ составленъ планъ расписанія Спасскаго собора въ Черниговѣ: предполагалось изобразить всѣхъ черниговскихъ князей, начиная отъ Мстислава Ярославича, заложившаго храмъ въ 1031 г., а также черниговскихъ архіереевъ, начиная отъ Л. Барановича, всѣхъ русскихъ царей, начиная отъ Алексія Михайловича до Александра Павловича включительно, тмочисленное Наполеоново воинство, пораженное русскими оружіемъ. Но предложенные рисунки замѣнены другими (Черн. Епарх. Вѣдом. 1863 г., 283—290).

Глубокою скорбію звучала рѣчь ихъ, когда они касались бѣдствій родины. „Пришѣлъ до насъ, говорить въ одномъ изъ казаній своихъ А. Радивиловскій, мѣчь гнѣвъ Бжѣгоу, а пришѣлъ не трѣзвѣй, алы кързо пѣны... а оупнѣла крѣски хрѣтїанскѣи“ („Огородокъ“, 1078). „Всѣнка поганскѣи, говорить онъ въ другомъ казанїи своемъ, не їдїннѣ к нїшїи Россїйскѣи землїи цѣковѣ, не їдїннѣ мнѣстїарѣ, не їдїнїи моцнїи и до досытѣлѣ трѣбнїи грѣдї з грѣвнѣтѣ кыкѣрнѣли... не однѣго с смѣртѣ, то ѿ мѣчѣ, то ѿ глѣдѣ, то ѿ зїмнѣ припрѣвїли“ (411). „О Бжѣ мой! восхлїцаеть онъ въ третьемъ казанїи своемъ, ѿакъ мнѣмѣго ї мѣчѣ, кѣтѣорїи бїдѣмнїи снїи свѣсїи и дцїры к нїкѣмѣу трѣрїцкѣю и татѣарскѣю позавїраннїи, плѣчѣтѣ“ (934). „Оукѣсїли, обращаетъ онъ къ Θεодосїю Печерскому въ четвертомъ казанїи своемъ, замѣчнїи грѣдѣ нашїи... знїсїи перѣшїнѣ погѣскїи, абысѣ погалѣокѣли к запѣчїкѣснїи свѣсїи... зосгланѣкнїи тѣчїнїи крѣски хрѣтїанскѣи, абысѣ сѣужѣ бѣлшїи не алѣла ѿ мѣчѣ погѣскѣго... кыдшїи слѣзы з ѣчїи нашїи текѣчїи“ (313)¹⁾. Выписанныя нами строки достаточно доказываютъ, что *ирозныя и многозначительныя* событія до глубины души потрясали писателей, получившихъ образованіе свое въ кїево-могилянскѣи коллегїи. Нужно удивляться еще, какимъ образомъ совсѣмъ не прекратилась литературная производительность ихъ „к тѣмїи жалѣобнїи а прѣке нїщѣалнїкѣи чѣсїи“ (381). Утѣшали они себя мыслию о лучшихъ временахъ, когда подѣ властїю единовѣрнаго Монарха „нїкѣмѣго не вѣдѣтѣ кыгонїтнїи зѣ отчїзнїи, зѣ мѣчїнѣснїи, и зѣ домѣкѣ, за кѣрѣв хрїстїанскѣю“ (Ключъ, 35), — когда славянскїе народы соединятся въ одну дружнѣую семью для борьбы съ магометанствомъ, стариннымъ врагомъ хрїстїанства (Лебедь съ перїемъ своимъ)²⁾, когда внутри страны еврей не будутъ „на подѣткнїи, на чїншѣ панѣмѣ, грѣснїи хрїстїанскїи дакѣтнїи, и тѣмнїи грѣшнїи рѣзннїи товѣары на ѣрмаркѣлѣ сѣбѣ кѣпскѣтнїи, мѣкѣстѣ, сїлѣ, мѣчѣта и ѣрїндѣы закѣпскѣтнїи, и шѣтѣты сѣбѣ дѣрогнїи спрѣкѣкѣтнїи“ (Мессїя Праведнїи, 398). Въ такой политической обстановкѣ представляетъ І. Галятовскїи бу-

¹⁾ См также „Огородокъ“ стр. 294, 389, 425, 456, 514, 534, 535, 550, 554, 717, 726, 784, 816, 909, 922, 927, 965, 966, 975, 1074.

²⁾ Костомарова, Рус. исторїя въ жїзнеописанїяхъ. Отд. II. 367—368.

душее родины своей. Обращаясь къ настоящему, рисуетъ намъ онъ идеальныя черты человѣка своего времени. Онъ подсказываетъ проповѣднику, который хочетъ сказать надгробное слово,— „добрый оучинки оумірного члвчка“, если этотъ человѣкъ „вліи- кѣи прѣцы и труды для цѣрки Бжой и для ѡтчизны подыи- мокаль“, если онъ „быль милосірдный на люди оубогихъ, накла- дѣль на цѣрки, на монастыри, на шпитѣаль“, если онъ „пріймо- каль къ доми скѣи гостѣи, приходникъ, пегрымосекъ, кыкѣпсекаль неболниксехъ зъ неболѣ поганскѣи“ (Наука 24). Нельзя сказать, чтобы въ этихъ „благихъ пожеланіяхъ“ звучала нота рѣши- тельная, которая давала бы намъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ творческой силы и таланта, съ вдохновеннымъ писателемъ, способнымъ увлечь за собою народныя массы. Га- лятовскій былъ человѣкъ средней силы, не созданный для обнов- ленія жизни посредствомъ великихъ идей. Онъ раздѣлялъ мно- гіе предразсудки своихъ современниковъ и, между прочимъ, ихъ нетерпимость по отношенію къ иновѣрцамъ, ихъ недомы- сліе по разнымъ вопросамъ внутренней жизни. Наконецъ, въ его воззрѣніяхъ, дѣйствительно, не мало есть схоластической примѣси, которая нерѣдко ставила его въ противорѣчіе съ са- мимъ собою. Такъ, надримѣръ, въ одномъ казаньи своемъ, раз- суждая о „трехъ станахъ“—посполитомъ, панскомъ и духовномъ, онъ утверждаетъ, что первый станъ предназначенъ служить панамъ и духовенству (Каз. 213),—а въ другихъ казаньяхъ онъ напоми- наетъ своимъ слушателямъ, что „къ христїани—богатыи и оубо- гѣи, паны и слбги, потентатоки и неболники сѣтъ нашими клѣжниками и крачѣю нашу“ (Каз. 207),—что „люди пѣшніи, котѣрыи тепѣрь не хо- тѣтъ товаришиться зъ людьми оубогими“, а также люди, „кѣтѣ- рѣ чужѣи грѣшны, пѣлцы и двори отѣимѣютъ и себѣ прострѣнносѣ. А людямъ чѣснои мѣсте чинатъ... вѣдѣтъ мѣсти товариштво зъ дѣлко- лами, вѣдѣтъ къ пѣклѣ, такъ къ скринѣ желѣзнои чѣснои замкнѣни на кѣки“ (Каз. 58—59). Не могъ не знать Галятовскій, что въ его время многіе становились „панамъ и потентатами“ пу- темъ захвата чужой собственности, поэтому разсужденіе его объ отношеніяхъ посполитыхъ къ панамъ и духовенству есть ничто иное, какъ схоластическое пустословіе, поддерживаемое

страстью ко всякаго рода риторическимъ „прикладамъ и подобиствамъ“. Безъ сомнѣнiя, эта риторика состояла въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ старымъ грѣхомъ *панскихъ* и *потемтанскихъ* преданiй, унаслѣдованныхъ отъ Польши и не смытыхъ потоками крови въ бурную эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго. Но мы были бы неправы, если бы ничего другаго не видѣли въ ней, кромѣ этого грѣха. Не онъ породилъ на свѣтъ южно-русское просвѣщенiе XVII в., не въ немъ оно находило свою силу и поддержку. Появилось оно исторически, какъ потребность угнетенной народной массы сознать себя народомъ съ историческимъ правомъ существованiя среди другихъ народовъ, — развивалось оно на почвѣ русскаго самосознанiя, отмѣченнаго индивидуальными признаками мѣстной жизни съ ея старорусскими преданiями, не возбранявшими народу принимать участие въ его собственной судьбѣ. Символомъ этого самосознанiя была „благочестивая вѣра“, для защиты которой призвана была схоластическая наука. Въ Южную Русь эта наука перешла не въ чистомъ ея видѣ, но съ доброю примѣсью положенiй, выработанныхъ въ Европѣ въ эпоху возрожденiя. На новой этнографической почвѣ, среди новыхъ историческихъ условiй, она должна была получить своеобразныя черты. Конечно, представители ея не были людьми непосредственнаго народнаго чувства, но прогрессъ народной жизни невозможенъ, какъ извѣстно, безъ культурной мысли, оплодотворяющей народное чувство въ великiй, сознательный подвигъ, который является не случайностию минуты, а плодомъ строго обдуманнаго плана. Въ хаосѣ понятiй, паступившемъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, предложено было нѣсколько плановъ политической и общественной жизни, но ни одинъ изъ нихъ не выражалъ народной воли въ подлинномъ ея видѣ. Не было въ странѣ силы, которая могла бы поддержать тотъ или другой планъ на болѣе продолжительное время, хотя бы въ видѣ опыта — для того, чтобы путемъ мирнаго прогресса придти къ разрѣшенiю трудныхъ вопросовъ жизни, къ примиренiю разнообразныхъ теченiй ея. Винить въ этомъ мы не можемъ схоластическую науку, — не можемъ говорить о ней, какъ о какой то демонической силѣ, которая явилась на Украину для ея разрушенiя. Мы не отри-

цаемъ схоластическаго происхожденія и метода южно-русской науки. Въстѣ съ другими мы могли бы, конечно, пожелать, чтобы представители ея шире и свободнѣе смотрѣли на мѣръ Божій, чтобы они рѣшительнѣе и тверже высказывали свои убѣжденія, чтобы они не путались въ собственныхъ мысляхъ, не впадали въ излишнее многорѣчіе и въ праздное стихоплетство. Но мы знаемъ, что всѣ эти желанія могутъ быть заявлены, какъ говорится, заднимъ числомъ, поэтому и сужденія, изъ нихъ вытекающія, не могутъ удовлетворить требованіямъ исторической критики, которая должна считаться съ руководящими идеями изучаемаго нами вѣка. Съ точки зрѣнія этихъ идей мы видимъ въ южнорусской наукѣ XVII в., какъ первой, такъ и второй половины его, живую душу, которая постоянно отзывалась на всѣ текущія явленія жизни живымъ голосомъ. Это былъ тотъ самый голосъ, который слышимъ мы въ народныхъ южнорусскихъ думкахъ, изображающихъ боевыя схватки съ врагами христіанства—турками и татарами, съ врагами „благочестивой вѣры“—панамилляхами, съ врагами народнаго благосостоянія—жидами-орандарями.—Тѣ же темы мы встрѣчаемъ и въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей временъ „Руины“. Такъ, І. Галатовскій въ обширныхъ трактатахъ своихъ противъ мусульманъ, поляковъ и евреевъ не проронилъ ни одного слова, несогласнаго съ народнымъ чувствомъ. Не говоритъ онъ, конечно, языкомъ этого чувства, какъ говорили творцы народныхъ думъ, но отъ ученыхъ трактатовъ нельзя требовать языка поэзіи. Довольно и того, что современники Галатовскаго, усвоивъ латино-польскую науку, не отрѣшились отъ народныхъ стремленій, возникшихъ въ первую эпоху просвѣщенія, и готовы были дать этимъ стремленіямъ широкое примѣненіе. Они продолжали развивать книжную малорусскую рѣчь въ томъ направленіи, съ которымъ она выступила еще во второй половинѣ XVI вѣка, какъ литературный органъ народнаго самосознанія. Мы видѣли, что народное начало проведено было въ этой рѣчи сознательно, хотя и не вездѣ послѣдовательно....

СЛОВАРЬ КНИЖНОЙ МАЛУРУССКОЙ РЪЧИ

— ꙗ по ѡ —

РУКОПИСИ XVII ВЪКА.

(Приложеніе къ первой части сочиненія: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.“).

Въ библиотекѣ кіево-печерской лавры, подъ № XII, 17, хранится рукопись подъ заглавіемъ: „Синонима славеноросская“. Она переплетена въ одну книгу съ грамматикой Мелетія Смотрицкаго. Экземпляръ грамматики полный, съ фортой, на которой обозначенъ 1619 годъ. Грамматика отдѣляется отъ рукописи двумя листками. Первый листокъ чистый, на второмъ написанъ „уставъ, како чернило дѣлати“. Пагинаціи въ рукописи нѣтъ. Всѣхъ листковъ 185, на которыхъ однимъ и тѣмъ же почеркомъ написаны „Синонима славеноросская“. Это—ничто иное, какъ словарь книжной малорусской рѣчи съ объясненіемъ каждого слова посредствомъ синонимическихъ славянскихъ словъ.

Словарь расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Алфавитъ строго не выдержанъ, особенно въ третьихъ буквахъ. Алфавитъ второй буквы (напр. *ба, бе, би* и проч.) отмѣчается въ новой строцѣ, составляющей заглавіе, подъ которымъ помѣщаются соответствующія слова. Между отдѣльными группами словъ оставлены пустыя мѣста неодинаковыхъ размѣровъ, иногда на цѣлую страницу, для вписыванія новыхъ словъ. Гдѣ нѣтъ пустыхъ мѣстъ, тамъ встрѣчаются приписки на поляхъ рукописи. Иногда слова одного корня разнесены по недосмотру въ разныя группы: такъ, слово *иньъ* стоитъ послѣднимъ въ ряду словъ, начинающихся слогомъ *ю*, а *иньаюся* стоитъ первымъ въ группѣ словъ, начинающихся буквами *и*. Иногда два объясняемая слова пишутся въ одну строку, напр: „*Анлія—Британія; Антмушъ—щапство*“. Нерѣдко также черезъ нѣсколько словъ повторяется выше стоящее съ тѣми самими или же иными синонимическими объясненіями. Нѣкоторыя слова оставлены безъ всякихъ объясненій, другія объясняются посредствомъ простыхъ повтореній объяс-

няемаго, напр. „дуа — дуа; духъ — духъ; женихъ — женихъ“ и т. п.

По всему видно, что мы имѣемъ дѣло съ черновой работой, предназначенной не для печати, а для личнаго употребленія. Видно это, между прочимъ, изъ правописанія рукописи. Знаки препинанія поставлены случайно. Двоеточіе встрѣчается иногда между объясняемымъ словомъ и объясняющимъ, но большею частію между этими словами нѣтъ никакого знака. То же и съ запятой: иногда она стоитъ, гдѣ слѣдуетъ, иногда же нѣтъ ея тамъ, гдѣ слѣдовало бы поставить. Надстрочныхъ знаковъ мало: они стоятъ только надъ *о* (²*o*) и надъ *и* (²*i*), титла—надъ немногими словами, такими, напр., какъ *каго*, *гдѣ* и проч. Изъ гласныхъ буквъ *и* предпочитается буквъ *ж*: послѣдняя изрѣдка встрѣчается только въ словахъ славянскихъ; напр: „*брица.ю*—*бръцало*; *выръкаюся*—*отмѣтаюся*“. Во всей рукописи замѣтно рѣзкое смѣшеніе *ы* съ *и* съ рѣшительнымъ преобладаніемъ перваго надъ послѣднимъ. Это обстоятельство произвело значительную путаницу въ алфавитномъ распредѣленіи словъ, которыя начинаются предлогомъ *ы*. Для звука *у* есть три буквы: *Ѹ*, *оу* и *у*: первая встрѣчается чаще другихъ, послѣдняя рѣже другихъ. Согласный *h* отличенъ отъ согласнаго *g*: первый отмѣчается посредствомъ обыкновенной буквы *и*, а послѣдній посредствомъ прописной буквы *I*, которая пишется не только въ началѣ, но и въ срединѣ слова. Въ печати она получила бы форму *г*, поэтому мы и передаемъ ее посредствомъ этой буквы.

Лексическіе приемы составителя словаря нельзя назвать удачными. Часто синонимы не соответствуютъ другъ другу грамматической формой словъ, напр: „*забавно*—*косню*; *забытися*—*изумленіе*“. Начальной формой глагола, какъ и П. Берында, составитель принимаетъ 1 л. наст. времени изъявит. накл., но иногда объясняетъ глаголъ не въ этой начальной формѣ, а въ косвенной, напр: „*засмѣя.юся*—*возсмѣ.юся*; *за.волай*—*вопій*“,—объясняетъ также цѣлыя фразы, не возстановляя основнаго слова въ его начальной формѣ: „*за волю Божию*—*волю Божию*; *за мя*—*мене ради*“. Ко многимъ словамъ синонимы подобраны крайне неточно и даже противорѣчиво, напр: „*иуденіе*—*воскликновеніе*; *дерево*—*на пнь стебель*; *дрождь*—*тина*; *дѣвчина*—*юнота*; *затвердь*—

лость—умиленіе“. Встрѣчается масса сочиненныхъ словъ, никогда не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, напр: „высокость—преимущество; ганю—соменьшаю, пявю; гамю—сопрятовак; иину—погиблю; збитнее богатство — вящество, мишество“ и т. п. Не смотря на эти недостатки, словарь представляетъ значительный научный интересъ уже по тому самому, что наглядно показывается намъ, съ какимъ напряженіемъ работала мысль въ старину надъ матеріаломъ славянскимъ, чтобы извлечь изъ него все, что было возможно, для своего выраженія. Многія изъ этихъ словъ не вошли въ литературный оборотъ рѣчи ни славянорусской, ни книжной малорусской, другія—пережили ту и другую, и нынѣ существуютъ въ литературной русской рѣчи, поэтому словарь нашъ можетъ способствовать до нѣкоторой степени уясненію состава и происхожденія этой послѣдней.

Что касается до словъ объясняемыхъ, то это отчасти слова польскаго, отчасти народнаго малорусскаго происхожденія. Мы не видимъ въ словарѣ и сотой доли этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, потому, что составитель словаря мало интересовался конкретными словами, обращая главное вниманіе на слова съ отвлеченнымъ значеніемъ, которыя переходили въ книжную малорусскую рѣчь большею частію изъ языка польскаго. Можно предполагать, что и задуманъ былъ словарь именно съ цѣлію вытѣснить изъ нея польскія слова синонимическими славянскими словами. Впрочемъ, не мало разсѣяно въ словарѣ любопытныхъ малорусскихъ словъ, проливающихъ свѣтъ на старинныя представленія и понятія, и донынѣ сохранившіяся въ народѣ.

Кто былъ составителемъ словаря, объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній въ рукописи. Видно только, что въ рукахъ составителя былъ „Лѣксиконъ Славенорусскій“ П. Беринды, трудомъ котораго онъ постоянно пользовался. По поводу глагольныхъ формъ *быль, бь, бь*, есть даже ссылка на „Лексиконъ“ Беринды: „зри о сихъ словыхъ въ лексиконъ словенскомъ“, гдѣ подъ формами „*бѣ: быль, была, было*“ читается слѣдующее: „*тѣс рѣчѣнѣ ѡ напѣмъ оубо глаголю итѣчѣтѣ, прѣшедши крѣмъ знаменѣтѣ на, и сіе оубо чѣно: ѡгда жѣ ѡ Бзѣ прѣчѣноѣ и прѣносѣщѣ намѣ іаклѣтѣ*“. Такимъ образомъ „Синонима славеноросская“ составлены не раньше

1627 года. Судя по употребленію буквы *у*, а также *и* вмѣсто *л* и по рѣшительному преобладанію *и* надъ *ы*, можно полагать даже, что рукопись словаря относится не къ первой, а ко второй половинѣ XVII вѣка.

Печатаемъ словарь съ подлинника, отъ котораго мы рѣшились сдѣлать слѣдующія отступленія:

1) Всѣ слова приведены нами въ надлежащій алфавитный порядокъ.

2) Устранены слова, стоящія безъ объясненій, а также тѣ слова, въ которыхъ объясняющее слово есть ничто иное, какъ повтореніе объясняемаго.

3) Соединены вмѣстѣ слова, объясненные нѣсколько разъ въ разныхъ группахъ.

4) Сведены къ одному слову выраженія, посредствомъ которыхъ объясняется это слово.

5) Слова не разобранныя обозначены точками.

6) Слова, начинающіяся предлогомъ *ы* (въ подлинникѣ то *ы*, то *и*), сведены въ одну группу словъ съ начальнымъ *ы*; въ остальныхъ случаяхъ слова, въ которыхъ смѣшивается *ы* съ *и*, переданы согласно съ подлинникомъ.

7) Такъ какъ надстрочныхъ знаковъ и титлъ мало въ подлинникѣ, то словарь напечатанъ обыкновеннымъ шрифтомъ, при чемъ раскрыты сокращенія и титла, въ которыхъ предполагаемыя буквы не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній.

А.

Або—зане, яко.
Абовъмъ—или, ибо, понс.
Аболизъ—прочееже.
Авидже—обачеже.
Авиакъ—убо, сице, обаче.
Адамъ—прочее, прочееже.
Аеднакъ—ибо, аще, негли.
Ажъ—дондеже, довѣлеже, даже.
Азажъ—еда.
Азали—еда.
Азбука—алфавитъ, буква.
Азлаца—найпаче, паче, обаче.
Аиншее—потомъ, прочее.
Албо—или.
Алюбарта—дреколь.
Анлія—Британія.
Анъмуизъ—щанство.
Анъмушовато—щанственнѣ.

Апелія—нареченіе.
Апрето—тѣмъ же, убо, понс.
Аптека—врачебница, хранителница.
Арфа—гусль.
Арфиста—гудецъ.
Астрономія, астрологія—звѣздословіе, звѣздозаконіе, звѣздозорство.
Атакъ—убо.
Атоли—убо, аще.
Афектъ—страсть, причастіе, движеніе сердечное.
А хотяй же—и убо, аще и.
Ахъ, ахже—горе, увы, оле.
Ачъ, ачъ кольвекъ—убо, аще убо, ащежъ убо.

В.

Баба—старица, баба.
Бабка—зѣла троскотъ.
Бавлю—продолжаю.
Бавлюся—восню, медлю, закоснѣваю, замедлѣваю.
Баволна—бумага.
Баданная—испитанная, истязанная.

Бадачъ—испитатель, истязатель.
Бадаюся—истязую, испитую.
Байка—баснь, блядобаяне.
Байки повѣдаю—баснословлю, блядословлю.
Байстеръ—прелюбодѣйчищъ.
Баламутъ—ложь, блядивый.
Баламутня—ложь, блядъ

- Балангъ*—идолъ, кумиръ.
Балангъ вылитый—истуканъ.
Балаховство—идолослуженіе.
Банка—для оливы чванецъ.
Банкетъ—пиръ, пированіе, пиршество, вечера, учрежденіе, чрежденіе гощенія, гоститва, ликованіе.
Банкетовици—пиряне.
Банкетуюся—сонаслаждаюся, совоспитываюся.
Баня иде соль робятъ—слатина.
Баранъ—овенъ, агнецъ.
Бардишъ—сѣчиво.
Барзо—зѣло.
Барзо мало—премало.
Барзо много—премного, колже паче, множае, найпаче же.
Барзо радъ—нетяжестенъ.
Бачность—благоухищеніе, мудрость, остроуміе, остроуміе.
Бачный—благоухищенный.
Бачмаи—виступцѣ.
Бачу—вижду, созерцаю.
Бачъ—мнѣніе, васнь, мудрованіе.
Башта—вежа, столпъ, пиргъ.
Баяра або зтыкъ водъ—сонмъ водъ.
Бедра—лядвія, чресла.
Безбожность—беззаконіе.
Безбожный—беззаконникъ.
Безвстыдный—мѣдноличенъ, безстуденъ.
Безвонтпеня—право, явѣ, истиннѣ, извѣстнѣ исповѣдуемъ.
Безвстиду—дерзостнѣ, дерзко.
Бездолукъ—безкровный.
Безецный—нечестивъ.
- Безецность*—нечестіе.
Безжарту—тщиво.
Безженецъ—холостый.
Безодня—бездна.
Безпечно—извѣстно, дерзостнѣ дерзновенно, дерзко.
Безпечность—извѣство (sic), отрада, необиновеніе, опаство, утвержденіе, дерзновеніе.
Безъ—кромѣ, развѣ, свѣне.
Безъ замъреня кресу—неустаннѣ, непередѣлнѣ.
Безъ начачы—непорочный.
Безъ омешканія—безъбѣдно, безъвещественнѣ, непретъновенно, невозбранно, непресѣкомо.
Безъ перешкоды—безъ споня возбраненія.
Безъ розсудку—безъ разсужденія, всуе, туне.
Безъ ума—безумнѣ.
Бенкартъ—прелюбодѣйчищъ, рабичищъ.
Бервено—бервно.
Берегъ—брегъ.
Берегъ морскій—поморіе, приморіе.
Берегъ прикрий—стремнина.
Берло—скипетръ.
Беру—емлю, поемлю, приймаю, возимаю.
Бесѣда—бесѣда.
Бесѣда знаменитая—гощеніе.
Бирки или лоси—жребія.
Бисага—чпачъ, тапка, капса.
Битва—брань, подвигъ, рать, страданіе, страдалчество.

Битвоюся—разсвѣрѣпѣваю.
Бичую—уязвляю.
Бичъ—жезлъ, бичъ.
Блажаю—умилостивляю, умило-
 сержаю
Блаженство—уродство.
Блаженъ—кощунникъ..., уродъ,
 юродъ, уродословъ.
Блазнованіе—буесловіе.
Блазную—кощунствую, юрод-
 ствую.
Близкій—искренній, ближній.
Близко—близъ, искръ (sic).
Близна—рана.
Близнякъ—близнецъ.
Блискавица—молніе, блистаніе.
Блукаю—скитаю.
Блукаюся—скитаюся.
Блѣхарня або *прачка*—бѣлil-
 ница.
Блѣхарь или *праць*—бѣлilникъ.
Блюзньрство—хула, хуленіе,
 гажденіе.
Блюзньрскій—хулный.
Блюзньрца—хулникъ.
Блюзную—хулю.
Бляскъ—блистаніе.
Бо—убо, понеже, зане, занеже.
Богатырь—храбрый.
Богатство—богатство, обиліе,
 имѣніе, держава, газа.
Богобойность—благочестіе, бого-
 боязненіе.
Богобойный—благоговѣйный,
 говѣйнь.
Благомыслецъ—скитникъ, под-
 вижникъ, учительникъ, стра-
 далець.

Богомыслиности мѣсце—скитъ.
Бодецъ—стрекало, остень.
Бондаръ—пугаръ.
Боду—ухопляю, угризаю.
Божница—капище, сонмище,
 оборище.
Божуся—рочуся.
Бой—зри *битва*.
Бой—брань, борба.
Бокотливый (sic) або *заикую-*
чийся—медленозычный, ко-
 сноглаголевый и проч.
Бокъ—бедро, чресло.
Болезнь задаю—оболестняю (sic).
Болотный—тинявый.
Болото—бреніе, гной, тина.
Болтъ—стрѣла, ратище.
Болше *личбою*—колми паче,
 множае.
Болшій—болій, вящшій, мно-
 жайшій.
Болъсть—болѣзнь, скорбъ, туга
 съ тяжестію, безсластіе.
Болю—недугую.
Болячка—вредъ, гной, рана.
Борецъ—страдалецъ.
Борода—брада.
Бороню—предстателствую.
Боруся—сѣражаюся, соплѣта-
 юся.
Боти—сапоги, обуци, нестягавы.
Бочка—делва.
Бошію—убо, спроста, надарем-
 но, отнюдь.
Боюю—подвизаюся.
Боязливость—говѣніе.
Боязливый—малодушный, стра-
 шливый.

Боятися починаю—утерпаю.
Брама—врата.
Брамы—фалди рясны.
Браня—поемленіе.
Братство—братство, содруже-
 ство.
Брови—брови.
Бреханіе—лаяніе, рыканіе, лжа.
Брехачъ—лаятель, ложъ.
Брешу—лаю.
Бридность—мерзость, гнюсь,
 туга, безсластіе, несладость,
 скорбъ, сокрушеніе.
Брижуся—гнушаюся, недугую,
 унедостояю, омержаю.
Брѣнья—звѣчаніе, звукъ.
Брѣмя—помигаюся (sic).
Бродъ—водотечъ.
Броня—оружіе, броня.
Брякало—бряцало.
Бубонъ—тимпанъ.
Будка—куща, колиба, сѣнь, ски-
 нія, селеніе.
Будованя—зданіе, виждител-
 ство, созданіе, текстура.
Будовникъ—здатель, созидатель,
 сождитель, строитель, тек-
 тонъ, архитекторъ.
Будущее—сущее.
Будущій—сущій.
Будую—жижду, зидаю, созидаю,
 сооружаю, соустрояю.
Буженее мясо—сушеница.
Буй—юродъ, невѣжа, неблаго-
 разуменъ, неистовъ, юроди-
 вый, юродословъ.
Буйволъ—буйвулъ.

Буйный—величавый, веливоум-
 ный.
Бунтовникъ—возмутитель, ков-
 никъ, крамолникъ, мятеж-
 никъ, расколникъ, раздорникъ,
 . . . , распрѣтворецъ, распрѣ-
 ватель.
Бунты—возмущеніе, ковъ, рас-
 колъ, крамола, мятежъ, раз-
 доръ.
Бунтуюся—возмущаюся, кра-
 молюся.
Бура—буреніе, волна, волненіе,
 навалность вѣтровъ, примракъ.
Бурда—звада, молва.
Буритинъ... прудъ.
Бута—гордость, досада, киче-
 ніе, гордия, явленіе.
*Бутный естемъ или распут-
 ный*—шатаюсь бутно.
Бучно—хуниво.
Бучю—разсверепѣваю.
Быдо—скотъ, говяда.
Быдля—говядо.
Быдлячій—скотскій, говяжій.
Быкъ молодой—юнецъ ярокъ...
 быкъ.
Былье—зеліе.
 Быль, бы, } Зри о сихъ словѣхъ
 Была } въ лексиконѣ сла-
 Было } венскомъ.
Бынамный—невелико, премало,
 чимало.
Быстраго ока—быстродрѣніе.
Быстрость—острость, скорость.
Быстрость розуму—высокову-
 міе, остроуміе.
Быстрость водняя—быстръ.

Быстрый—острый, скорый.
Бытность—бытіе, существо.
Бытання—рыстаніе.
Бываю—выскакую, рыщу, рыстаю.
Былецъ—бѣгунъ, бѣглый.
Былость—благоискушеніе, козачтво (sic).
Быгунка—стуженіе чрева.
Быда—напастъ, искушеніе, увы,

горе, уфѣ.
Быда мнѣ—увы мнѣ.
Быдкій—бурный, вредный.
Быдженняся—подвизаніе, подвигъ, борба, рать, страдалчество.
Быжалъ—выминулъ, угонзнулъ.
Былю—убѣляю.
Бында albo *чепецъ*, *бындаликъ*—вѣнецъ.

В.

Вабъ—овава (sic), оваяніе, овавленіе.
Вага—мѣрило, превѣсъ, вѣсъ.
Важныйшій—усилный.
Важуся—которуюся, боруся, ратуюся.
Валахъ—каженикъ, евнухъ, скопецъ.
Валашеный—ребный.
Валечный—ратуючій, возбранный, храбрый.
Валка—подвигъ, борба, страданіе, противленіе, страдалчество, подвизаніе.
Валь—на водѣ волна.
Валь—стѣна.
Вандрованіе—странствіе, шествіе.
Вандровный—странный, путникъ, шествующій.
Вандрую—шествую, странствую.
Ванна—банка.
Ванно—мѣлъ.
Варги—уста, устна.

Варило—вареніе.
Варстатъ—дѣлательница, дѣлательице
Варуюся—уклоняюся.
Вацокъ або *торба*—чпагъ, влагилице, пира.
Ввертаю—вмѣтаю.
Ввиваю—ваяю, изваяю, чертаваю.
Вгору подношу—возвожду, воздежду, воздѣю.
Вданіе—врученіе.
Вдобрый часъ—благовременно.
Вдова—вдовица.
Вдовець—вдовъ.
Вдячме—благодарнѣ, израднѣ, усердно.
Вдячме приймаю—благопріемлю.
Вдячность—благодарствіе, усердіе.
Вдячный—благодарный, благодарственъ, изрядный, коварный (sic).
Ведлуъ—по.

Веду—влеку.

Вежа зри баиша.

Вежа вянзена—хранило, хранилице.

Везоловокъ—возглавіе, возглавница.

Велбю—величаю.

Велетъ—гігантъ, исполинъ, гігансъ, щудъ.

Великіе рѣчи мовлю—велерѣчую.

Великій—велій, високъ, голѣмій.

Велико—голѣмо.

Великостъ—величіе, величествіе.

Велможа—властелинъ, властитель.

Велможность—велелѣпота, величествіе, держава, достоинство.

Велможный—силный, могущественный.

Веницъ—убо, болѣй, заправды.

Верескъ—грохотъ, вопль, вличъ.

Вернися—возвратъ, возвращеніе.

Веровка—вервь.

Верста—четвертая часть милѣ.

Верутный лотрѣ—скверनावый.

Верховины (sic)—явленіе.

Верховый—конный всадникъ.

Верхъ—вершокъ, високость, крайнина.

Верхъ одержую—одолѣваю.

Вершки деревяніе—пружіе, акриды.

Веселій—благоувѣтливый, шумень.

Веселость—празднованіе, смѣхотвореніе.

Веселюся—радуюся, плещу.

Веселя—радость, радованіе, сладость.

Веселя або женитва—бракъ.

Веселя справую—бранѣвую, брачуся.

Весло корабленное—гребло.

Весна—пролѣтіе, весна.

Веснякъ—поселянинъ.

Весь-свѣтъ—вселенная, міръ.

Ветую—истрясую.

Взадся вернути—воспяти.

Взброяк—прибираю, в зброю вооружаюся.

Взарда—шапство, малодушіе, понось, униженіе, отринованіе, нераденіе, пребыдѣніе, презорство, укоризна, безчестіе, оклеветаніе.

Взмлядъ—умиленіе.

Взордитель—презоривъ, свѣрѣпийся, напраснивъ, дерзкій.

Взордѣль—попралъ, отверже.

Взоржаю—презираю, пренебрегаю.

Взорженъ—униженъ, обезчестованъ, укоренъ, посмѣянъ, поруганъ, смиренъ.

Взмѣнка—помень.

Взношу—воздвизаю.

Взростъ—возрасть.

Взрушую—движу.

Взятя—поемленіе.

Видится—мнится, подобится.

Видокъ—позорище.

Вижу—вижду.

Виненъ есмь—долженъ есмь.
Винная—матица, лоза, вин-
 ничіе.
Винникъ—винарь.
Винница—виноградъ.
Винный—виновный, повинный.
Винный пруть—лоза.
Вино молодее—мусть.
Виную—порицаю, оглаголюю.
Вираю—перу.
Виръ в водъ—сопреобращеніе,
 заверхъ, примракъ.
Витаніе—рукодааніе, цѣлова-
 ніе.
Витаю—цѣлую, витаю.
Вкидаю—вмѣтаю.
Вкладаю—вдѣваше.
Вкладаю—вдѣваю.
Вколо—стояніе, обстояніе.
Вкушеніе—вкусъ, вкушеніе.
Влада—владыка, Господь, вла-
 стелинъ, властитель, строитель.
Владну—обладаю, властитель-
 ствую, державствую, строю.
Власность—естество.
Власный—истый, свойственный,
 присвоенный, усвоенный.
Влючня—луца, древоць, ратище.
Вмякости—безщуча (sic).
Внебитности—не суци, вне-
 бытія.
Внею—вопъ.
Внетъ—абіе.
Внутрности—внутряя.
Внутръ—внутрь.
Внѣвезъ обертая—испражняю,
 упражняю, истребляю, иско-
 реняю.

Военный—храбрый.
Вожъ—князь, вождь, начальникъ,
 народоводитель, настоятель,
 правитель, наставникъ, учи-
 тель.
Воздерживость—воздержаніе.
Возница, возчикъ—возникъ,
 управитель, снузникъ, возотай
 (sic).
Возница надъ мулами—приле-
 жай о мулахъ.
Возный—проповѣдательникъ,
 проповѣдникъ.
Возъ—колесница, яженіе (sic).
Война—борба, брань, рать, пря,
 прѣніе, рвеніе, тяжба, распря,
 подвигъ.
Войну подношу—ратую, рать
 движу, брань подвизаю.
Войско—полкъ, полчище, воин-
 ство.
Войско шикуючій—подвигопо-
 ложникъ.
Воистинну—такъ есть, правда,
 неложно.
Воляня—воплъ, кличъ, грохоть,
 вошеніе, воскликновеніе.
Волаю—возглашаю, воззиваю,
 вопію, восклицаю.
Волнимъ зостаю—свобождая-
 юся, измѣняюся.
Волнимъ чиню—упражняю, сво-
 бождаю.
Волно—лѣпѣсть есть, послѣдова-
 телно.
Волность—отрада, свобода, са-
 мовластіе, любочестіе, любо-
 дарованіе, наслажденіе.

- Волоки*—поля, ланы.
Волоку—рѣю, влеку.
Волоцма—бѣгунъ, лестецъ.
Волоченіе—рѣзаніе, рѣніе, резба (sic)
Волоченя се—скитаніе.
Волочуся—скитаюся.
Волхованіе—образование.
Воля—разумъ, предложеніе, хотѣніе, маніе, мановеніе, помааніе.
Вонюсть—воня, благоуханіе.
Вонпливость—недоумѣніе,...., недослишаніе, закоснѣніе, размышленіе, неудобство, сумнѣніе.
Вонпливый—сомнѣнникъ, сомнителникъ.
Вонплю—сумнѣваюся, недоумѣваюся, усумнѣваюся, сумнюся.
Воркотаніе—роптаніе, ропоть, хухнаніе.
Воробецъ—вработій.
Воробчикъ—птичищъ.
Ворогованя—вражда.
Ворогую—враждую.
Ворогъ—врагъ, супостатъ.
Ворожбитъ—вражбитъ, волхвъ.
Ворожбитво—враженіе, волшба.
Ворожу—вразу.
Воронъ—вранъ.
Воронъ ночный—вранъ ноцный.
Ворота—врата.
Воротило ткацкое—вратило ткацкихъ.
Воротный вратаръ—вратный
- дверникъ, вратникъ, свузникъ (sic).
Воръ (sic)—ропцу, хухнаю.
Впередъ—предъ.
Вподозреню маю—взираю (sic).
Вполнитости—обще.
Впровожаюся—водворяюся.
Вродъ—вредъ, раны, гной.
Вродоватый—вредный.
Вседа—присно, всегда.
Всерединъ—внутри, посредъ, внутруду.
Всеобразно—весма.
Все що живо—всяческая.
Вскокъ—абіе.
Вспакъ—противообразнѣ.
Вспаняле—влѣпоту, вресноту, изящне.
Вспомагаючій—съпослѣшникъ, успѣшный.
Вспомагаю—ползую, успѣваю, поспѣшествую, поспѣшаю.
Вспоможеня—успѣхъ.
Встанливъ или пилный—тщаливъ.
Встеченя—вскоктаніе, нсистоство.
Встидливе шаную—говѣю.
Встидливый—цѣломудрій.
Встидъ—срамъ, студъ.
Встиркаю—ваяю, изваяю (sic), начертываю.
Встремжливости—воздержаніе.
Вструченный—возграженъ.
Встькаюся—неистовляюся, скоктаю, скокочу.

Встягаю—встягаю, вськацаю.
Всходъ—степень.
Всходъ солнца—востокъ.
Всюди—везде.
Всякій—всякъ.
Всякимъ способомъ—всяко, всячески.
Втикаю—водружаю.
Въ той часъ—въ то время, въ еже, вьнегда.
Вторинья—зри битва.
Втъленіе—воплощеніе, вочеловѣченіе.
Вуй, вуйаико, уецъ—матчинъ братъ.
Вшакъ же—обаче.
Вшеляко—весма, всячески, всякъ, отнюдъ, бошію.
Вшетеченство—блудъ, студнодѣяніе, студодѣйство, нечистота, разсверѣпѣніе.
Вшетеченство з кимъ помяю—приблужаю.
Вшетечникъ—блудникъ, блудодѣй.
Вшетечница—блудница народная.
Вываитель—спаситель, избавитель, спасъ.
Вывавленіе—избавленіе, спасеніе, свободженіе.
Вывавляю—свобождаю, избавляю, спасаю, сохравляю, изимаю.
Вывадаюся—востязаю.
Вывадованіе—востязаніе, возысканіе.
Выбираю—избираю.

Выборне—израдиѣ.
Выборный—израдный, изящный, инокъ, лишній.
Выбранный—избранный, нарочить, наилучшій.
Выверненя—разсипаніе, разореніе, развращеніе.
Вывертаю—превращаю, развращаю, обрацаю, разоряю, опровергаю, воставляю.
Выводне—прителне.
Выманяю—отлучаю, изганяю, отмѣтаю, извергаю.
Выманнимъ быти—отлучитися.
Выоженіе—упокоеніе, угожденіе.
Выдаю—предаю.
Выжджаю противу или стрѣтаю—сряцаю.
Вызволяю—зри *выбавляю*.
Вызнаваю—послушествую, за свѣдѣтельствомъ.
Выкладаю—толкую, сказую, прелагаю, изясняю.
Выкладнь—сказателнь.
Выкладъ—толкъ, толкованіе, сказаніе.
Выколаю—истикаю.
Выконтѣрфектованный—възрачный.
Выконтѣрфектованя або вистисаніе, киталтъ—образование.
Выкриканіе—восклипаніе, воскликновеніе, вопіеніе.
Выкрикаю—восклицаю, вопію.
Выкупую—искупую.
Выкупъ—искупъ.

- Выливаня*—истукавіе.
Выливаю—истукаю.
Вылучаю—ишчитаю.
Выляный—истукайный.
Вымагаю—истязую.
Вымагую—истребляю.
Вымерзаю—изсякаю.
Выминуль—убѣгъ, гонзе, гонзнулъ, избѣже.
Вымысли в убѣорахъ—щапство.
Вымишляю—умишляю, избобрѣтаю, смышляю, снискаю, при-творяю.
Вымовка—извѣтъ.
Вымовленя ся—отрицаніе, при-рокъ, непщеваніе.
Вымовляюся—обѣщаю, отвѣтъ или извѣтъ творю, отрицаюся.
Вымовность—благоязычіе, бла-горѣчіе.
Вымовный—обрѣтословець, бла-гоязычный, благорѣчивый, рѣ-чивый.
Вынайдованя—возисканіе.
Вынайдую—возискую, востязую, избобрѣтаю.
Выникаю—возникаю, изникаю.
Вынищуюю—упражняю, испраж-няю.
Выношу—любопочитаю, плещу, величаю, благословляю.
Выбраженіе—образъ.
Выпартокъ или дитя извержен-ное—извергъ.
Выпасую—..., испасую.
Выпираю—испираю.
Выпитаніе—стязаніе, вози-сканіе.
- Выпитую*—созязую, испито-словлю, истязую, испитую.
Выполненіе—совершеніе, испол-неніе, кончина.
Выполняю—належу, совершаю, исполняю.
Выпороженіе—истощеніе, ума-леніе.
Выпорожняю—умаляю, истоще-ваю, испражняю.
Выпотрошую—истребляю.
Выпытую—испитую, истязую, испитословлю.
Выраженіе—изображеніе.
Вырастую—проявляю.
Вырахованіе—сочетаніе, раз-сужденіе, сочисленіе.
Выриваю—исторгаю, истребляю.
Выриваня—отрыганіе.
Выриваю—отрыгаю.
Выринаю—происхожду.
Выродъ—скверный, сквернавый.
Вырозумѣваю—сразумѣваю.
Вырозумѣваніе—сразумѣваніе, мудрованіе.
Вырозумѣніе—разумѣніе, свѣ-дѣніе, вѣдѣніе.
Выростокъ—отрокъ.
Выръзаный—изваянъ.
Выръзованіе—изваяніе.
Выръзую—начертаваю.
Выръкаюся—отмѣщуся, отмѣ-таюся.
Высихаю—изсякаю, иссихаю.
Выславленіе—празднованіе.
Высокій—выспрный, крайный, вышный.
Высокая пѣснь—степенная пѣснь

Высокій розумъ—мудрованіе.
Высокодишкурую—великомудр-
 ствую, велерѣчую.
Высокои мысли—высокоумный.
Высоко о себѣ розумью—высо-
 комудрствую, любопочитаюся.
Высокость—принимѣтельство, ве-
 личество.
Высокость—выспрь, высота,
 явленіе.
Высокоуміе—гордия.
Выспа—отокъ морскій.
Выставность—ухищреніе.
Выставный—ухищренный.
Выстерегаюся—уявляюся, со-
 прятаюся, прятаюся, испря-
 таюся.
Выстиаюся—ристаю.
Выступокъ—кривина, грѣхъ.
Выстя—исходище.
Выстя съ плачу—мычаніе.
Высушую—изсякную (sic).
Вытучую—истоцеваю.
Вытъчка конная—ристаніе.
Выхваленіе—любочестіе, вели-
 чаніе.
Выхваляю—восхваляю.
Выхованецъ—питомецъ.
Выхованя—жизнь.
Выховаю—выкормляю.
Выходка—проходѣя.
Выхоженя—исходъ, распуще-
 ніе.
Выхожу противу кою—стрѣ-
 таю, сражу, влекуся.
Выщипонный—ухищренный.
Вышпотитель або *зрадшый*—
 навѣтникъ.

Выясняюся—озаряюся.
Вьданіе—свѣденіе.
Вьдаю—вѣмъ, свѣмъ, разумѣю.
Вьдомство—вѣжество.
Вьдомость даю—возвѣщаю.
Вьдомца—свѣдитель.
Вьдро—черпало, почерпало,
 водоносъ.
Вьйка...—повѣка (sic).
Вькъ долій—долгота дней, дол-
 годенствіе.
Вьлготность—влага.
Вьно—посагъ, прика (sic).
Вьншую—молюся, благовѣст-
 вую, привѣтствую, привѣтъ
 творю.
Вьра—уставъ, веленіе, преда-
 ніе, доглядъ (sic).
Вьра правдивая—православіе,
 благовѣріе, благочестіе.
Вьришъ—гранесъ, гранесловіе,
 стіхъ, рекловѣсть (sic), со-
 словіе.
Вьтръ—духъ, вѣтръ, трусь.
Вьщій—прозорливецъ, про-
 рокъ, прозряй.
Вьщованіе—балство, волшеб-
 ство.
Вьщокъ—балій, волшебникъ,
 волхвъ.
Вьялница—трусъ.
Вязаніе—юза, уза, хранило,
 хранилище, узница, узили-
 ще.
Вязанка—уза або юза.
Вязень—плѣнникъ, юзникъ або
 усвязень.
Вяну або *присвядаю*.

Г.

- Гадаю*—належу, насилую, насилствую, насиліе творю, принуждаю, пакошу.
- Гадина*—змія.
- Гадка, гаданіе или и притча*—стязаніе, возисканіе, вопроств, предложеніе.
- Гай, гай*—словоужасіе (sic),—оль, огъ.
- Гайворонъ*—вранъ.
- Гакъ, гачокъ*—вилаца.
- Галъръ*—мѣдница, лепта, сикль.
- Галюбарда або ротина*—древоль.
- Гамую*—сопрятаваю (sic).
- Гамъ або мисурка*—шлемъ.
- Гамба*—безчестіе, гажденіе, поность, поношеніе, укореніе, уворъ, злохуленіе, обличеніе, смущеніе, сѣмѣшеніе.
- Ганблю*—злословлю, обличаю.
- Ганю*—хулю, порицаю, посрамляю, укоряю, соменьшаю, попираю, пятвю, постиждаю, досаждаю, поемлю.
- Гарфа*—брыцало, гуслъ.
- Где*—идеже, камо.
- Гербъ*—знаменіе.
- Герстникъ*—изящникъ, сѣоружникъ, подвижникъ, страдалецъ, оружниъ.
- Гетманство*—игемонія, владычество, самодержство.
- Гетманъ*—стратигъ, воевода, тысящникъ, вождъ.
- Гимнъ*—пѣснь, пѣніе.
- Гину*—изнемагаю, истаеваю, погиблю.
- Гинучій*—погибающій, гиблемій, гиблющій.
- Гипокрисую*—лицемѣрствую.
- Гипокрита*—лицемѣръ, лицемѣритель, притворитель, притворниъ.
- Глина*—бреніе, скудель.
- Глиняный*—бранный, скуделничій.
- Глубокость*—бездна, глубина, пучина.
- Глупій*—безуменъ або буй.
- Глупство*—безумство, безуміе, неистовство, неразуміе, безсовѣтіе, юродство, глупство, щапство.
- Гнѣваюся*—кручиняюся, недугую.
- Гнѣваются на мене*—отмѣтають мя.
- Гнѣвливъ*—неистове.
- Гнѣвливый*—яровидный, сердовидный.
- Гнѣвъ*—ярость, гнѣвъ, вражда, кручина, напасть, бѣда.
- Гнѣвъ застарѣлый*—злопомнѣніе.
- Гнѣвъ з горячой милости*—ревнованіе.
- Гнюсимъ чиню*—огнюшаю.
- Гнюсимъ ся ставлю*—огнюсаю.
- Гнюсно*—унило, щапственнѣ.
- Гнюсность*—униніе, небреженіе, щапство, нечистота.

- Гнюсный*—унилий, немощный, небрегій, малодушный, мягкій, вебрежникъ.
- Гнюстью*—униваю, огнюсаю, стужаюсь.
- Говорю*—глаголю, вѣщаю.
- Годилюся*—достояше, лѣпо бѣ.
- Година*—часъ, годище.
- Година*—часецъ.
- Годинникъ*—часословъ.
- Годится*—достоить, подобаеть, лѣпо есть, лѣтъ есть, мощно.
- Годне*—достойно, изрядне, влѣпоту, врѣсноту, изящнѣе.
- Годнимъ чиню*—сподобляю.
- Годность*—достояніе, достоинство.
- Годность отримуючій*—удостоиваемый, вѣнчаемый, убѣждаемый.
- Годный*—достоенъ, праведенъ.
- Годный вѣры*—подобовѣрный, достовѣрный.
- Годный ся стою*—сподобляюся.
- Гожу*—разсмотряю.
- Гожу до целю*—измѣряю.
- Гойный*—любоподателный, любопочитатель, обилный, изобилный, преизобилный, изобилованъ, щедръ, храбрій.
- Гойный на гостъ*—страннолюбецъ.
- Гойньдаровиня*—любочестіе, любопочитаніе.
- Гойнь дарую*—ущедряю, щедру, любопочитаю.
- Гойнь почитаю*—любопочитаюся, любезнѣ прилежу, нещаднѣ даю.
- Гой*—нагий, худий.
- Головный*—соборный.
- Головнѣйшій*—роднѣйшій (sic).
- Головы болѣнне*—головоболіе, главостуженіе, тажкоглавіе.
- Голодность*—алканіе, алчба.
- Голодный естемъ*—алчу.
- Голодомъ мрю* (sic)—гладомъ таю, гладствую.
- Гололедица*—голотъ.
- Голопупокъ*—птенецъ.
- Голосу неспособнаю*—худогласенъ.
- Голосъ*—гласъ.
- Голосъ вдячный*—благогласное вѣщаніе.
- Голца адо жука*—з листвіемъ вѣтъвъ, розга, ваия, вѣія.
- Голубка*—голубица.
- Голю*—брюю, брюю або рену (sic).
- Голюнка*—голенъ, глезно.
- Гомоню*—молвлю, плищую, вошю.
- Гомонъ*—молва, плищъ, вошь, мятежъ.
- Гоненіе*—изгнаніе.
- Гонитва*—уристаніе конское, подвижъ, страданіе, бой.
- Гоноргъ*—прагненіе, любочестіе.
- Гончарскій*—скуделничій.
- Гончаръ*—скуделникъ.
- Гоны*—поприще, стадій, стадіонъ.
- Горбашый*—слякъ, сляченъ.
- Гордость*—гордыня, презорство.

- Гордый*—кичливъ.
Горжу—гнушаюся, презираю, отмиѣтаюся, отмиѣцуся, неражу, унедостояю, пренебрегаю.
Горкій—горекъ.
Горливость—рвеніе, ревнованіе, ревность.
Горло—гортань.
Горнецъ—медяный конобъ, глиняный скудель.
Горожа—плоть, оплотъ, градежъ (sic).
Горохъ моченый—ляца (sic).
Горохъ роитый або *крупы*—ногутъ (sic), слонутокъ.
Горсть чого—рукоятіе.
Горчица—горушица.
Горячость слонечная—жаръ, пекъ.
Господа—виталница.
Господарный—строителный.
Господарство—мшелоимство.
Господаръ—строитель домовый.
Господою стою—гощу, витаю.
Гостинный домъ—виталница, всепріятелище, гостинница.
Гость пріймующій—страпнопріимецъ.
Гость—иноплеменень, стривень.
Готую—належу, съоружаю, слустроюю.
Граница—предѣль.
Гризеніе в животъ—стуженіе болесное.
Гризуся—ухапляюся.
Гробъ—жупище, гробъ.
Грожу—плещу.
- Грозба*—запрещеніе, прещеніе.
Громада—сонмище, сонмъ, соборище, толпа, чета.
Громъ або *перунъ*—тутно, трѣсновеніе, молнія.
Гроши—имѣнія.
Грошъ сребрный—дидрахма, пата.
Гроши любячій—сребролюбець.
Грубость—толща, дебелство, дебелость.
Грубянь—дебелохудожникъ, препрость.
Грудь—сосецъ.
Грузность—тина.
Грязь—бреніе, тина, тименіе (sic).
Губа—уста, устна.
Губка—морская губа.
Гублю—погубляю, растлѣваю.
Гуинный—медленноязычный, косноязычный.
Гуденіе—воскликновеніе.
Гуканіе—воскликновеніе.
Гукъ—звукъ, кличь, плищъ, вопль, мятежа молва, щукъ (sic).
Гултай—прелесникъ, лстець.
Гумно—житница.
Гунка—милотаръ (sic).
Гуля—милоть.
Гусеница—усеница.
Гуфець—стояніе.
Гуфъ або *войско*—полкъ, полчище.
Гучу—зри гомоню.
Гуща—чащъ, чаща.
Гущевина—густина, частиня.

Г.

Ганокъ—предверіе, дворъ, сѣнь.
 Гвалтовне—зѣло.
 Гвалтовный—зѣлный, нуждный,
 насилствующъ.
 Гвалтъ—насиліе, нужда, напрас-
 нство, устремленіе, зѣлность.
 Гвалту—насилую, насилствую,
 принуждаю, напраснствую.
 Гдижъ—и, убо.
 Gdy—егда, когда, вьегда, елма.
 Гезъ—скоктаніе.
 Геометрія—землемѣріе.
 Гжуся—скоктаюся.
 Гисантъ—исполинъ.

Гмазъ—закровъ (sic).
 Гнюсный—зри гнюсный.
 Граблюся або чешуся—копо-
 шаюся.
 Грифъ—ногъ, ногпатка (sic).
 Гроно—гроздь, пародокъ, от-
 расль.
 Грубянъ—зри грубянъ.
 Грунтъ—основаніе, фемеліонъ.
 Гузи на рукахъ—ствердѣлы,
 упорпилны (sic).
 Гузь—пугва.
 Гуся що на шіи носятъ—уз-
 лоношеніе или узоношеніе.

Д.

Давно—древле.
 Давнодавний—мимошедшій,
 ветхій, предваршій (sic).
 Далей—болей, болшей, мно-
 жае, проче, вьщшей.
 Далекій—долгій.
 Далекко—камо, далекъ.
 Далекко болшей—колми паче,
 множае паче.
 Дамо—дамы.
 Данъ или поборъ—урокъ.
 Дарда—дреколь, сулица.
 Дарды носячій—дардоносець.
 Даремный—напрасный.
 Дармо—всуе, туне, без ума.
 Даръ—даръ, корванъ.
 Дахъ—здо, кровъ, покровъ.
 Даю—подаю, дарствую, дарую.
 Даю достатокъ—удовляю.
 Даю до слованія—предаю.

Дбай—радї.
 Дбалость—радѣніе.
 Двакратъ—дваци, дажды.
 Двери—врата, дверы.
 Дворность—ухищреніе.
 Дворскїи жарты—шутовнаа,
 радостворная.
 Двоумень—двоедушень, близ-
 нець.
 Двъ точки або пункти—дво-
 точіе, двоеточіе.
 Дебръ—лѣсъ, дебрь, стрем-
 нина.
 Декретъ—судъ, судьба, уставъ,
 преданіе, совѣтъ.
 Делькатъ—пренасищницъ.
 Делькацтво—сластолюбіе, гор-
 танобѣсіе.
 Делья—опона, одежда, тирта.
 Депозитъ—покладъ.

Дерево—древо.
Дерево на пнь—стебель.
Деревяный—древяный.
Державца—стяжатель, обятель.
Державца съта—миродержитель.
Держаніе—стяжаніе, содержаніе, держава.
Держу—сѣдержу.
Держуся кою—гоню.
Держуся заневне або *упсояю*—извѣствую.
Дерзкій—напрасный.
Дерзко—дерзостнѣ, дерзко.
Деспектую—безчещу, укоряю.
Деспектъ—укоризна, укореніе, безчестіе, оклеветаніе, хула, хуленіе, глумленіе.
Дешевость—суета.
Дешевый—трекуплный (sic), суетный.
Дзенкъ—гласъ, брменіе.
Дзвенкъ красный—благогласное вѣщаніе.
Дзвенкъ чиню—шатаюся.
Дзвонокъ—звонецъ.
Дзвукъ—звяцаніе.
Дивакъ—самогодный, дерзкій, презоривый, гордостенъ, стропотный, яростенъ, напрасный, сверѣпайся.
Дивно чиню—удивляю.
Дивный—чудный, удивляемый.
Дивъ якій—дивъ, чудо, дѣвство, щудъ.
Дигьнтарство—санъ, достоинство.
Дикій—дивый, сверѣпъ, прудкій.

Дикое цю—животное безсловесное.
Диханіе—духъ, диханіе.
Дичаю—сверѣпѣю, разсверѣпѣваю.
Дичъ—сверѣпѣніе или сверѣпство.
Для—ради, за, дѣля, дѣля.
Для него—его ради.
Для того—за еже, сего ради, таче, убо, яко, во еже.
Для чего—воскую, чесо ради.
Дмухаю—дму.
До—къ.
Добре—благо, прямо, право.
Добре терплю—благостражду.
Доброволе—волею, изволеніемъ, произволеніемъ, произволителнѣ, барзо.
Добродѣй—благодѣтель.
Добродѣйство—благодѣтелство.
Добродѣйство показую—ублажаю.
Добродѣйство заживати—благопострадать.
Добрый—благій, добрый, цѣль, правый, говѣнный, благоговѣнный.
Добрый день або *повоженіе доброе*—благоденствіе.
Добрый часъ—время благопріятно.
Добрая вѣра—благочестіе, зри вѣра добрая.
Добрая воля—благоволеніе, произволеніе, угожденіе.
Добрая вѣсть—благовѣстіе, благовѣщеніе.

Добрая мысль—благодушіе.
Добрая слава—благонискутство (sic).
Доброе—благое.
Доброе здоровіе—благонимство.
Доброе любячій—благорубецъ.
Доброе мовлю—благословлю.
Доброе розумнїе—благонимѣнїе, блаторазумїе.
Доброй мысли заживаю—благорудушествоую.
Доброй славы—благонискусный, блаторискусствуемый.
Доброй сердца—благосердїй.
Добротливость—благостиня, блатордѣтелство, блаторсть.
Добротливый—блаторувѣтливый, блаторволителный, блаторрдѣтелный, блаторчестивый.
Доброть—блаторсть, блаторстиня.
Добываю—достизаю.
Довбаю—ваюю.
Доводнѣ—прителнѣ, подоболѣпно, подобовѣрно, достойнѣ, праведнѣ, по достоянїю, в лѣпноту, в рѣсноту.
Доводѣ—указанїе, умышленїе, извѣтѣ.
Довоженїе—извѣтствованїе.
Довожу—проризношу.
Довѣтливый—коварный, умный, блаторумный.
Довѣтливъ—блаторазумїе, блаторумїе, остроумїе, блаторухищренїе, ковартство.
Довѣдаться—навѣкнугнугн, увѣдѣтнугн.
Довѣдуюся—навѣтцаю, навѣкаю.

Догаданїе—удобство (sic), домышленїе.
Догажанїе—сохожденїе, стннисхожденїе, угордїе, упокоенїе.
Догажаю—блаторугождаю, угорждаю, доброблажу, сохожду, соисхожду, догадуюся.
Догажающій—стнисходителный.
Догажняю—постизаю, ухапую, понуждаю.
Догажду—блюду, храню, соблюдаю.
До дня—(sic)—совершеннѣ, даже, опасно.
Додѣваю—нужу, насилую, удручую, стужаюся, озлорбляю, возмущаю.
Доеждаю—зри доганяю.
Дождѣ идетѣ—дождитѣ.
Дозорца—сморителъ.
Дозрѣваю—совершеннѣ расту, дозрѣваюю.
Дозрѣлость—стязрѣнїе.
Дозрѣлый—достилый, зрѣлѣ.
Доконченїе—кончина, скончанїе, накончеванїе, совершенство.
Докторѣ—врачѣ.
Докука—стуженїе.
Докум—доколѣ.
Докучаю—зри додѣваюю.
Докучникѣ—стужителъ, насилонникѣ, насилствующій, нудителъ, притужный.
Долное—протязенное, долное, зѣдное.
Долность—часу растозанїе.
Долготерпачій—долготерпеливѣ, долготерпеливый.

Долегливость—скорбь, искушеніе, тревоженіе.

Долина—удоль, удолие, разлой.

Долъ выкопанный—ровенникъ или истуденець, ровъ.

Доля—случай нужный.

Домашивый—памѣстный, домашный.

Домнѣманіе—умишленіе.

Домнѣмаю—мню, непщую, вмѣняю, умышляю.

Домовство—зри мшель.

Домовый—домашный.

Домовый рядъ—домостроительство.

Домокъ—храмина, хлѣвина.

Домокъ с пьску—нирище.

Домышленіе—разсмотреніе, умышленіе, допущеніе, изволеніе.

Домышляюсь—разсмотряю, разсмотрѣваю, разумѣваю.

Домъ—жилище, храмъ, кровъ, домъ.

Дорога—путь.

Дорогость—многоцѣнность, честность.

Досвѣдчаюсь—навыцаю, навываю.

Досвѣдченіе—искусъ, искушеніе, напасть, разумѣніе.

Досвѣдченный—искусный.

Доситъ—довлѣетъ, доволенъ.

Доситъ чиненія—достотвореніе.

Доска златая—петаль златъ.

Досконале—всесовершеннѣ, всеконечнѣ, опасно, извѣствѣ, всяко, весьма, всячески, всѣцѣло.

Досконалюсть—совершенство, исполненіе, цѣлость.

Досконалый—опасный, всесовершенный, всецѣлый, истинный, цѣлъ, цѣлый.

Достатечне—зри досконале.

Достатечный—зри досконалый.

Достатокъ—преизобиліе, лишеніе, удовленіе, обиліе, нескудость.

Достаю—стяжаваю, стяжаю, держу.

Достойность—величествіе, достоинство.

Доступую—получаю, улучаю.

Дотиканіе—касаніе, прикосновеніе, озязаніе.

Дотикаюся—прикасаюся, касаюся.

Дохожу—достизаю, умышляю.

Дочасный—привременный, временный.

Дочка—дщерь.

До шкоди привожу—напраснствую.

Доценту—опасно, всесовершеннѣ.

Дошка—доска, дщица.

Драбина—лѣствица.

Драбъ—оруженосецъ, дардоносецъ, дароносецъ.

Дражню—раздражаю, подражаю, посрамляю.

Драгаръ—кровъ.

Драпачинный—драчивъ.

Драница—доска, дска.

Драпъжство—хищеніе.

Драпъжца—хищникъ.

Дрижаніе — шатаніе, трепеть, колѣбаніе, утерпаніе, страхъ, ужась, говѣніе.

Дрижу — трепещу, колѣблюся, утерпаю.

Дрижу як конь на вытѣчки — шатаюся.

Дрождь — тина.

Другій разъ — вторицею, другоци.

Друкарня — типографія, печатня, штанчва.

Друкаръ — типографъ.

Друкую — ваяю, изваяю, печатую, типошь издаю.

Друкъ — до двиганія носило.

Дручу — борю, належу, сражаю, озлобляю, ополчаюсь, пакощу.

Дуда — пречудница, сопль, сопѣль.

Дударъ — пречудникъ.

Дудокъ — вдодъ (sic).

Дуже — крѣпко, доблѣ, зѣло, доблественнѣ, юношески.

Дужественъ есмь — ни знемагаю (sic), не немощствую, неослабѣваю, крѣплюся.

Дужій — доблїй, доблественный, жилищный, твердый, крѣпвій, сильный, зѣлный, храбрый, ратный.

Дужость — храбрость, мужество, крѣпость, мужедоблестіе.

Дума о себѣ — мудрованіе, високоуміе, гордость.

Дуреніе — луженіе.

Дурень — безумень, буй, юродь или уродъ, несмыслень, зродословъ.

Дуру — лужду.

Дурью — неистовлюся, юродствую.

Дурячїй — лядячїй.

Дуфаніе — дерзновеніе, необиновеніе, отрада.

Духовный человекъ — внутренний человекъ, мысленный, умный.

Дую — дму.

Дѣвка — дѣвица.

Дѣвчина — юнота.

Дѣдиство — отчество, достояніе, наслѣдіе, жребїй.

Дѣдичъ — наслѣдникъ.

Дѣлится не могучїй — несѣкомый, нераздѣльный.

Дѣлїций зажимаю — гобзую, пресыщаюся.

Дѣлне справую — мужаюся, храбрствую.

Дѣлный — шумный, юношескїй.

Дѣль — участіе, дѣль.

Дѣтей множество — многочадіе.

Дѣра — скважня.

Дякованіе — благодареніе.

Дякую — благодарю, *дякую тебѣ* — вѣмъ (sic) ти благодать, *имамъ ти благодать*.

Дякъ — дѣтоучитель, грамотникъ.

Е.

Едвабъ—шольѣ,
Единакъ—иновѣ.
Единецъ—иновѣ, монахъ.
Единомыслию—инодушно, обще.
Единорожецъ—инорогъ, едино-
 рогъ.
Единостаино—единодушне.
Единочадый—единородый, ино-
 чадый.
Еднакъ—и убо.
Еднаніе—ходатайство, смиреніе.
Едначь—посредникъ, ходатай.
Еднаю—ходатайствую, крощу,
 укрощаю, молю, смиряю, при-
 повѣдаю, кратю (sic).
Еднаючій—смирительный.

Едно—точію, кромѣ.
Едность—единостаиность, со-
 единеніе, община.
Ездный—сѣнзникъ.
Ей—слушне, истинно.
Елементъ—стихій.
Емта—утрѣба.
Енѣлогія—родословіе.
Епѣтида—рыза верхняя.
Если—аще.
Еслиже—ежели, ащеже.
Еслижъ—теди, ащеже.
Естемъ—есмъ.
Еще—паки, еще.
Еще не стался—не у бысть.
Еще бо вѣмъ не—не убо.

Ж.

Жагемъ—парусъ, вѣтрило, яд-
 рило.
Жадаю—желаю.
Жадною мѣрою—никако же,
 ничимъ же.
Жакъ або студентъ—тщатель,
 спудей.
Жалоба—вретище, власяница.
Жалобу отправую—сѣтую.
Жалую—плачively окаяваю, ща-
 жу, пекуюся, сѣтую, ревную.
Жаль—жалость, болѣзнь, ри-
 даніе, ревность, ревнованіе,
 образіе.
Жаль ми на кого—недугую.
Жарливость мою—ревную.

Жарлокъ—гортанобѣсець, лас-
 косердій.
Жартиловый—вощунникъ, смѣ-
 хотворца.
Жартовни рѣчи—шуточныя,
 радостворная.
Жартую—вощувствую, блядо-
 словлю, смѣхословлю, любез-
 но и радостно вѣщаю.
Жду—терплю.
Же—во еже.
Жебракъ—нищій.
Жебы—да.
Жело—жало, стрипало.
Желѣба—печаловенъ, желѣнъ,
 укоризна, укореніе, оклевета-

ніе, безчестіє, пороченіє, сѣтованіє.

Жельзной шиі—жестокыйный.

Жемчугъ—перла, бисеръ, маргарита.

Женитва—бракъ.

Женюся—брачуся, посягаю.

Жертovníкъ—очистилице, трибище.

Живность—пища, жизнь.

Живностью опатрюю—питаю, ухлѣбляю.

Животъ—духъ, жизнь, животъ, трибухъ, утроба, матица, логесная.

Живу—обитаю, живу.

Жилки маленькіи—стежки духа, огорненіє духа, жилище, артириі, живіоль, стихій, составъ.

Жило—жилище.

Жиловатый—жилицный.

Жировный—паственный.

Жито—пиро.

Жмуреніє—мженіє.

Жмурю—мжу, смѣжаю.

Жнецъ—жатель.

Жниво—жатва.

Жолвъ морской—червленица.

Жолмърская шапа—хламысь.

Жолмърскою ся бавю (sic)—воинствую.

Жолмъръ—вопнъ.

Жоломъйка—соплъ.

Жолудокъ—животъ, трибухъ, сирище, стомахъ.

Жолудъ—желудъ, жиръ.

Жона—жена, супружница.

Жона отманая—пущеница.

Жоночій обычай насълудю—женсвую.

Жорна—жерновъ.

Жродю—источникъ.

Журавель—у студнѣ водаважда.

Журба—печаль, скорбъ.

3.

За—внѣ, внѣудъ, возъ.

Забава—закознѣніє, замедленіє, кознѣніє, неудобство, упражненіє.

Забавляюсь—закознѣваюсь, медлю, замедлѣваю, козню, упражняюсь.

Забавно—козню (sic).

Забиваю—варѣзую, заколюю.

Забитіє—забвеніє.

Заборона—препона.

Заборонитель—возбранникъ, возбранитель.

Забороняю—возбраняю.

Забѣж—предпріймую.

Завада—реть.

Заверненіє юловы—бѣснованіє, неистовство, изумленіє.

Завертаю въ сторону—уклоняюсь.

Завижу—ревную.

Завистникъ доброму—ревнитель, ревностенъ, ревнивый.

Зависть добрая—ревнованіє, рвеніє.

Заводныкъ—ристатель.

- Заводи* (sic)—страдалчество, подвизаніе, борба.
Заводъ (sic)—бѣжу, страдалчество, подвизаюся, боруся.
Завосваніе—плѣнъ, плѣненіе.
Завоеванный—емлемый, плѣнникъ.
Завой—сударь.
Заволай—вопій.
Зи волю Божию—волею Божіею.
Заволюю—вопію.
Завора—верія, развора.
Завстыжаю—обличаю, избличаю.
Завтра—утро, утрѣ.
Завтреніе—утреня.
Завтрешный—утречный, заутреный.
Завше—всегда, выну, присно.
Завше учуся—глумлюся (sic).
Завъси—верія.
Заадка—заданіе, притча, прикровеніе, прикровень глаголь.
Заадую—гадателствую, назнаменовую.
Заамовую—престатитворю (sic).
Зааюхаю—оледенѣваю.
Зааюдую—смаляю, назираю, причу, причаю.
Загорода—ограда.
Загорожаю—ограждаю.
Загороженіе—огражденіе.
Загроженіе—прещеніе, запреценіе.
Загрожую—запрѣщаю, призапрѣщаю.
Заубляю—истребляю, испразняю, упрязняю.
- Задаваю кому що*—належу.
Задатокъ—залогъ.
Задеваю—задѣваю.
Задержаяся—удерживаюся, отступую.
Задерженіеся—терпеніе, воздержаніе.
Задержую—восприемляю, удержую, утоляю.
Задокъ—задняя.
Задуманіе—изумленіе.
Заживаю—приемлю.
Зажмуреніе—зри жмуреніе.
Зажмурюю—смѣжаю.
За зле маю—недугую, стужаюся.
За зле мя мають—имѣють мя, тяжко, стужають ми.
За зле маючій—недугователь.
Зазираніе—наблюденіе.
Зазираю—пазираю, смотряю, пренебрегаю, преобладаю.
Зазрословый—зависный.
Зазрю—ревную.
Зайзрость—зависть, ревность, ревнообразіе (sic).
Заикающійся—косноязычный.
Заикующійся—косноязычный, косногласень, зри гугнивый.
Заисте—явѣ, ей.
Заказъ—прещеніе, завѣтъ, заповѣдь.
Закалъ—порокъ.
Закаменность до покути—умиленіе (sic).
Закаменный—жестокъ.
Закаменного сердца—жестокосердїй, закаменѣлѣйшій, жестоковѣйшій, жесточайшій.

- Заклепленіє*—камара.
Закликаю—воззиваю.
Заклиначъ—волхвъ, волшебникъ, обаватель, обованникъ.
Заклинаю—обаваю.
Заключаю—затворяю.
Заключеніє—смущеніє, совлащеніє (sic).
Заключую—мяту, наваждаю, поемлю, смущаю.
Заколюю—закалаю.
Законъ подаю—возаконяю.
Законъ пріймаю—возаконяюсь.
Закритіє—закровъ.
Закрито—покровенно, невѣдомо, неявленно.
Залеценіє—врученіє, составленіє.
Заледвь—едва, негли, аще, простъ.
Заміцаю—составляю.
Заложеніє—сложеніє, основаніє, оемеліонъ.
Замешканіє—зри забава.
Замешкиваю—закоснѣваю.
Замикаю—запираю, заставляю.
Замкни—затвори, зеклепи верія.
Замкненіє—заклученіє.
Замовляю—обавляю.
Замужъ иду—посагаю.
Замучую—мяту, молвлю, наваждаю, поемлю, возмущаю, восплицяю.
Замшникъ або римаръ—усмошвецъ.
Замъни—залогъ.
Замъшаваю—зри возмущаю.
Замъшеніє—зри гукъ, бунтъ.
За мя—мене ради.
- Заневоленіє*—плѣнъ.
Занедбаваю—зри взгоржаю, пре-небрегу.
Заночовук—облегаю.
Занамчивость—яроствъ, реть.
Занамчивъ—яроствень, яръ.
Занамуюсь инъвома—ярюся.
Занасникъ—подвижникъ.
Занасництво—зри битва.
Запахъ хорошій—благоуханіє.
Запахъ шпетный—зловоніє.
Запевне—извѣстно, известнѣ, явѣ, твердо, истинно.
Запираю—затворяю, заключаю.
Запираюсь—отвергаюсь, отмищуся, отмищаюся, отскакую.
Заплата—дань, мзда, наймъ.
Заповѣдаю—завѣщаю.
Заповѣдь—завѣщаніє, заповѣдь, завѣтъ.
Запомагаюся—приспѣваю, преуспѣваю, спѣю.
Запора—верія, развора.
Запорока (sic)—порокъ, сучецъ.
Заправды—воистинну, истинно, в лѣпноту, въ рясноту, явѣ, истовѣ.
Запрънієся—отреченіє.
Запустѣваю—оледенѣваю.
Заразь—абіє.
Заростую—оледенѣваю.
Заръзаніє—закаланіє.
Заръзую—закалаю.
Заручаю—прирѣкаю, обручаю.
Зарученіє—обрученіє.
Засиланіє—заточеніє.
Засилаю—заточаю.
Заслона—завѣса, катапетасма, щитъ.

Заслоняю — осѣняю, защищаю, застѣняю.

Засмѣляюся — возсмѣяся.

Засмѣляюся трохи — осклабился.

Засмучаю — опечалаю.

Засмучаюся — опечалюсь.

Застава — залогъ.

Заставляючийся за кого — возбранный.

Заставляюся — востягаю, восхлащаю.

Заставую — залагаю.

Заставуюся — предстателствую.

Застарѣлый — престарѣлый.

Заступаю — воспріемлю, подьемлю.

Засьдаю — возлегаю.

Засьдаю на кого — присѣжу.

Зась — цаки.

атаенно — зри закрыто.

Затвердѣваю — ожестѣваю, оледѣваю.

Затвердѣлость — умиленіе.

Затвержаю — ожесточаю, ожещаю, окаменяю.

Затраченіе — губителство, всегубителство.

Затрудненіе — неудобство.

Затрудняю справу — пакощу.

Затѣняю — осѣняю.

Затубованный — оклощенный.

Заулокъ — халуга.

Заушникъ — клеветникъ, шепотникъ, оглаголникъ.

Захованіе чиню — угождаю.

Захованный — щадимый, соблюдаемый, лежачій, отложенный.

Захователь — зри вибавитель.

Заховую — блюду, соблюдаю, храню, сохраняю, назираю, наблюдаю, спасаю, избавляю, щаджу.

Заходъ — западь.

Захожу кому въ дорогу — зри выхожу.

Захорѣваю — немощствую, изнемогаю.

Зацне — преводителнѣ, велично.

Зацность — величество.

Зацный — благонарочитъ, изящный, преславный, неначасмый.

Зацного роду — благоплеменный, благородный.

Зацнѣйшій — лучший.

Зачервонѣваюся — почервонѣваю.

Зашкода — повреда.

Зашкоженіе — поврежденіе.

Зашкожую — повреждаю.

Заятраюся — недугую.

Збазненіе — блязнь.

Збанъ — скудель.

Збиваніеся — зри бой.

Збиваюся — страдалчествую, боруся, подвизаюся.

Збиранія (sic) вокругъ — соображеніе.

Збираю — обымаю.

Збираю въ купу — ищитаю, сопрятаю.

Збираю скарбы — сокровыществую.

Збираю вино — обемлю (sic) лозу

Збитіе — збіеніе.

- Збоже*—жито.
- Зборъ*—сонъ, сонмище, соборъ, соборище, толща, торжище.
- Збройный*—всеоружный, вооруженъ.
- Зброя*—броня.
- Збунтованіе*—зри бунты.
- Збурю*—разсинаю, разаряю.
- Збытныи*—лишныи, излишныи.
- Збытнее богатство*—лихоимѣніе, лихоимѣтелство, лихоимство, вящество, лишество, мшелоимство.
- Збытнее богатство збыраючій*—срамнопріобрѣтатель, мшелоимецъ.
- Збѣаю до купы*—срацаюсь, нришуся, стицаюся, сора-стаюся.
- Збыг*—стеченіе.
- Збыгъ*—бѣгунъ, бѣглець, бѣжалецъ.
- Зваду чиню*—распрѣваю.
- Звадня*—клеветникъ, вовникъ, крамолникъ, расколникъ или потворникъ, обоггатель, наводникъ, двоесловникъ, двоязыченъ, дѣдо, зри бунтовникъ.
- Зважую*—возмущаю, крамолю, лежу (sic), облегаю.
- Зведеніе*—совращеніе.
- Зверхность*—власть, держава.
- Зверхный*—внѣшній.
- Зверхныйший*—верховный.
- Зверху*—внѣ.
- Зветшалый*—ветхый, обветшалый.
- Звиню*—бряцаю, брячу, звеню.
- Звѣтяжаю*—побѣждаю, одолѣваю.
- Звѣтяженъ бываю*—повинуюся, поваряюсь, умяляюсь.
- Звѣтязство*—побѣда, одолѣніе.
- Звѣтяzca*—побѣдитель.
- Звѣща*—паче, найпаче, обаче, но убо, акибы.
- Зводникъ*—лестецъ, умопрелцатель.
- Звожу*—прелцаю, возставаю.
- Звыклемъ*—предпріятій есмъ.
- Звыклость*—звычай, нравъ, обычай, предпріятіе, имство, имѣтелство, твореніе.
- Звыкмый*—обычайный, обычный.
- Звысокости*—свышше.
- Звъздаръ*—звъздословъ.
- Звърный покормъ*—звъроядина.
- Звърско*—безсловеснѣ.
- Звъръ*—зриживотно безсловесно.
- Звязки*—укрой, повой.
- Звязокъ малженскій*—брачный союзъ.
- Звязокъ*—уза, юза, союзъ.
- Звязую*—связую.
- Знажаю*—согласую, припоручаю, совѣщеваю, засвѣдствую, зганбляю, посрамляю.
- Знабеніе*—зри ганба.
- Зналяю*—зри ганю, ганбю.
- Зибель*—пагуба, погибель.
- Зиненіе*—всегубителство.
- Зиняю*—згибаю.
- Злажую*—зри внѣвечъ обертаяю.
- Змило*—щапственнѣ.

- Зиньтаю гроно*—сожинаю гро-
зди.
- Зюда*—миръ, единомысліе, еди-
номышленіе, сложеніе, согла-
сіе, единство, соединеніе.
- Зюдливый* — единомысленный,
единообразный, смирателный.
- Зюжий*—ключаемый.
- Зюжость*—ключимость.
- Зюла*—весма, бохма, отнюдь,
всяко, всяческая.
- Зюршеніе* — соблазнъ, блазнъ,
преткновеніе, претиканіе,
грѣхъ, папство.
- Зютованіе*—сотвореніе, устрое-
ніе.
- Зютовляю*—сотворяю.
- Зюромаженіе* — соборъ, состоя-
ніе, составъ.
- Зюрубьяю*—одебелѣваю, огу-
тѣваю.
- Зюба*—зри згиненіе.
- Зюстьмий*—усиренный.
- Зющаю*—усяряю, огущаю, оле-
денѣваю.
- Зюемъ*—зри замѣшаніе.
- Зюрунту*—зри згола.
- Зюається*—мпится, видится.
- Зюаніе*—разумъ.
- Зюаюся*—являюся, вознещуюся.
- Зюбычъ*—добытіе.
- Зюади*—ложъ, кознъ, навѣтъ,
лестъ, прелестъ, лщеніе, пре-
дательство.
- Зюрадливый*—навѣтникъ.
- Зюражаю*—прелщаю.
- Зюрайца*—запинатель, прелес-
чикъ, клеветникъ, навѣтникъ,
лестецъ, предатель, прелага-
тай.
- Зюрой*—источникъ.
- Зюужую*—одолѣваю, премагаю.
- Зюдумваюся*—удивляюся, усум-
пѣваюся, изумпѣваюсь, изум-
ляюся, недоумпѣваюся, ужа-
саюся, сумпѣюся, сомпѣюсь,
недоумпѣніемъ одержимъ бы-
ваю.
- Зюдумпніе*—недоумпніе, неудоб-
ство, ужасновеніе, ужасъ.
- Зюбраніе*—проторъ, притяженіе,
приобрѣтеніе, соборъ.
- Зюднаніе*—умовленіе.
- Зюдноченіе*—соединеніе, зри зго-
да.
- Зюзволеніе*—благоволеніе, спред-
связате, обѣтъ, воля, изволе-
ніе, произволеніе, предложе-
ніе, нампѣреніе, сложеніе, миръ,
реченіе.
- Зюзволяю*—пзбираю, изволяю,
рачу, помаваю, совпщеваю.
- Зюлености*—злакъ.
- Зюленый свята*—пятьдесятница,
пентивостія.
- Зюжливость*—зри ганба.
- Зюжонный*—посмѣянъ, пору-
ганъ, поруганный, досаду при-
емъ.
- Зюмокъ нашъ, ванъ*—страненъ.
- Зюпсованіе*—вреденіе.
- Зюстіе*—ликъ, состояніе, толща,
сотеченіе.
- Зюстіе стпваковъ або музыки*—
ликъ.
- Зюзаду*—созади, зади.

З збитку—отизбитка.
Зищеніє—исполненіє, совершеніє.
Зкидаю—извергаю.
Змитоване—милость, милосердіє, милостина, протина, прощеніє, помилованіє, состраданіє, соболѣзнованіє, щедрота.
Змитовуюсь—состражду, соболѣзную, ущедряю, щедрю.
Змицаю—вовѣряю, возлагаю.
Змичаю—восперяю, воскриляю.
Зю—злота, безчеловѣчіє, лукавство, строптивость.
Зюрьчіє—зри ганба.
Зюрьчю—зри ганю, порѣваю.
Зюстникъ—беззаконникъ, лукавозлюбивъ, неблагоразумень, непреподобень, строптивъ, скварнавый.
Зюто виборное—искуса златая.
Зючинство—зюдѣйство.
Зючинца—зюдѣй.
Зюй—золь, строптивый, растлѣнный.
Зюй обычаи—зри злого приложєня.
Зюй прикладъ—соблазнъ.
Зюло прирощєня—злонравный.
Зюпеніє—расхищеніє, разслабленіє.
Зючаю—растворяю, совокупаю, смѣшаю, составляю.
Зючаюсь—сочетаваюсь.
Зюченіє—сочетаніє, совокупленіє, союзъ.

Змаза—порокъ.
Змазаніє—скверна, нечистота.
Змерзаю—оледѣваю.
Змерканіє—сумракъ.
Змертвыхъ встаніє—воскрешеніє, если хто презъ кого иншого встаетъ.
Змертвыхъ встаніє—если самъ презъ себе встаетъ з мертвыхъ, воскрешеніє ¹⁾.
Змилованіє—зри злѣтованієся.
Змиловуюсь—зри злѣтовуюсь.
Змова—сѣмирєніє, миръ.
Змовуюсь—совѣщаюсь.
Змолочю—стлачаю.
Змордованный—истомленный, изможденный.
Зморщенный—вресканный.
Зморщика—вреска.
Змоцненіє—утвержденіє, укрѣпленіє, крѣпость.
Змоцняю—утверждаю, укрѣпляю.
Змышленіє—лицемѣріє, притвореніє.
Змышлячъ—лицемѣръ.
Змышляю—притворяю, лицемерствую.
Змышляючий—притворитель, лицемѣръ.
Змѣраю на шо—намѣраю.
Змѣшую—растворяю, зри злучаю.
Змѣщаю—вмѣщаю.
Знагла—внезапу, весьма, бѣхма.
Знаемость—разумѣніє.
Знаемый—знаемъ, вѣдомъ.

¹⁾ Въ подлинникѣхъ оглячуются эти два выраженія тѣмъ, что въ первомъ омово з мертвыхъ написано съ надстроичными буквами р и х.

- Знайденіе*—обрѣтеніе.
Знайдуся—обрѣтаюсь.
Знакъ—знаменіе, воспоминаніе.
Знамѣнитость—преимѣтелство, превеличество, предъпріятіе.
Значеніе—знаменованіе.
Значеный—знаменитый, благо- нарочить, изрядный, изящный, великъ, преимѣяй, первый.
Значу—являю, сказую, назна- меную.
Знахожу—обрѣтаю.
Знаю—вѣмъ, разумѣю.
Знебачка—непредвыденнѣ.
Зневага—зри ганба.
Зневажаю—зри ганю.
Зневоляю—поработаю, зри ган- блю.
Зненацка—внезапу, напрасно.
Зниженіе—сонисхождение.
Зникаю—ищезаю.
Знищеніе—умаленіе, побѣжде- ніе, оскудѣніе.
Знову поиди—паки гради.
Зной—жаръ, скваръ.
Зноснѣ—отраднѣ.
Зношу—воспріемлю, пріемлю, подъемлю, терплю.
Зныдѣваю—унываю.
Зныдѣмый—уныдѣмый, унимый.
Зобохъсторонъ—обоюду, зособна.
Зову—глашу, глашаю, возиваю.
Зоженный—согбенъ.
Золотарь—златарь, серебро- кузнецъ.
Золотый—златникъ.
Зопсованіе—истлѣніе, растлѣ- ніе, разрѣшеніе, рѣшеніе.
- Зопсованое*—растлѣнное, лест- ное.
Зопсовую—разоряю, разсипаю, растлѣваю.
Зопхни—возрази, изрини.
Зоря—заря.
Зособна—особь.
Зостатка—отизбытка.
Зпихаю—возражаю.
Зпоеніе—соузь.
Зпровожаю—низвожду.
Зпрудка—зри зненацка.
Зраняю—уязвляю.
Зраховую—исчитаю, сочисляю.
Зреница—зѣница.
Зрожується—угобжається.
Зрозумѣваю—внимаю, внемлю, соразумѣваю, мудрствую.
Зрозумѣтый—внемли.
Зрозумѣло—внимательно, розу- мно.
З розуму зводитель—умопрел- щатель.
Зростъ—возрасть.
Зрублюю—сострояю.
Зръдка—намалѣ.
Зряженіе—строеніе, судьба.
Зтворжаюсь—возмущаюсь.
Зупелме—зри досконалне.
Зупелность—зри досконалность.
Зупелный—зри досконалный.
Зухвалый—дерзовъ, дерзо- стень, дерзый, непокоривый.
Зызоватый—косый, косвенный, разноокій.
Зыскъ—приобрѣтеніе, прибытіе, сонисканіе, прибыльокъ, стя- жаніе.

Зыскъ чынячій—прибыточный.
Зычливый — присный, рачитель.
Зычу—желаю.
Зываю—звѣю, прозяваю.
Зыдность—напраснство, бѣда, напасть.

Зыдмый—люты й, безчеловѣчный лють, дивый, напрасный, безстудень.
Зыме—быліе, зеліе, зель, трюскоть.
Зынка або человекъ у оцъ—зѣница.

И.

Ирачь—сопецъ.
Ириско—мѣсце, игралище, плясалище, бѣсилище, подвигъ, тризнище, позоръ.
Ири справуючій—сѣновникъ.
Иумень бывшій—проигумень.
Иду—граду, шествую.
Ижъ—за еже, во еже, елмажъ, понеже, яко, якоже.
Изали—уболи.
Избыти—спастись, избавитися.
Избилій—истребленный.
Иле—елико, елма.
Иле кротъ—елижды, кольеротъ.
Имаюсь—емлюсь.

Ими—емли.
Иначей—инако.
Иначей зовутъ—або иное значить, образословимый (sic).
Инквизиція—истязаніе выны.
Инквизиціючючю—выныистязую.
Инцимъ кшталтомъ—инообразно.
И овше изъ—и убо, истинно, извѣстно, въ истину.
Истинъ—вѣрно, истинно.
Истность—существо.
Исторія—сказаніе, повѣсть.
Истотне—зри заправды.
Истотный—истовый.

К.

Казанецъ—свѣтилникъ.
Кадило—ладанъ.
Кадъ—делва.
Кадъ винная—точило.
Кажу—псую, растлѣваю.
Казаница—сѣдалище, катедра.
Казаніе—народовѣщаніе, проповѣдь слова божого, проповѣданіе.
Казаніе кажу—проповѣдословлю.

Казка—баснь.
Казнодѣя—проповѣдникъ, соборникъ.
Казнь—вины.
Кайданы—вериги, путы.
Калвикаторъ—ристатель.
Калита—чпагъ.
Калюжа—ровъ.
Калъ—тина, тимѣніе (sic), ровъ.
Камень млинный—жерновъ.
Камтъ—камень.

- Камінь верхній млинний* — жернов оселскій.
- Каня*—пилюкъ (sic).
- Кан.мрз*—книгоцїй.
- Кан.манство*—жречество.
- Канса*—зри валита.
- Караценз*—броня.
- Караніе* — наказаніе, прїятіе, казнь, ученіе удержаніе, язва.
- Караю*—казню, наказую, истрясаю, воразумляю, уразумляю, уязвляю, досаждаю, выни истяжую.
- Караючїй*—казнитель, казняй, казатель, наказатель.
- Карность*—ученіе.
- Кармазинз*—червень.
- Карты играю*—хартїи употребляю, тавлїи употребляю.
- Карчмарь*—гостинникъ, всепрїятникъ.
- Катедра*—зри казалница.
- Катз*—мучитель, спекуляторъ, паличникъ, рядникъ, слуга народный.
- Кафарз що воду тягнетз*—водовождца.
- Каюся* — з болестію умвляюся, сокрушаюся.
- Кванюся* — спїшуся, спїюся, тпшуся, понуждаю, припонуздаю, постизаю, устребляюся вседушно.
- Квасно*—кисло.
- Кватинз*—кїй...
- Квашеніе*—сланутовъ.
- Квестія*—вопросъ, противоположеніе, противорѣчіе, прѣ-
- вословіе, недоумѣніе.
- Квѣтз*—красный злакъ.
- Кемлз*—скляница, кубокъ.
- Киваніе*—маніе, маяніе, мановеніе, помаяніе, накиновеніе.
- Киваюся*—згибаюся, колѣбаюся.
- Кидарз*—клубувъ.
- Кидаюся на кого*—устремляюся.
- Кїй*—жезль, палица.
- Кисло*—кисело.
- Кистка*—стручець.
- Кишеня*—чпагъ.
- Кламство*—ложь, зри тая же.
- Кламца*—ложь, зри зрайца.
- Клейкотз*—гривна, увясло.
- Клекошу*—крокошу, хлохошу.
- Клепаю*—бряцало, было.
- Клепецз*—оскордъ.
- Клирикз*—чтець, читатель.
- Клирошанинз*—клирикъ.
- Кличу*—возглашаю, глашаю, во-зиваю.
- Клокотаніе*—хлохотаніе.
- Клопотз*—страданіе.
- Клубы*—лядвы, бедра.
- Клуня*—житница.
- Клтка*—дѣлательница, камора, влѣщики (sic).
- Клямка*—развора, верія.
- Кляча*—подаремникъ.
- Книжникз*—дидаскаль.
- Кобилки*—пружіе, пружи, сверщіе.
- Коваль*—ковачъ, кузнецъ.
- Ковчанз до стрлз*—туль.
- Ковиз*—почерпало.
- Когутз*—пѣтель, алекторъ.
- Кожоденный*—всегдашній, на-

сущный, насущственный, присный.
Кождый—всякъ, войждо, кождо.
Кожемяка—усмарь.
Койи—егда, когда.
Колібка—колесница.
Колка—боль сердечный, колеліе, умиленіе.
Колко—колико, елико.
Колкокротъ—зри иле кратъ.
Колкость—количество.
Колмъръ—обшляръ.
Колодязъ—студенець, владязь, кладець, роденникъ (sic).
Колосокъ—стручець.
Колотникъ или потворникъ—смущаяй, зрадца, смущеникъ.
Колочу—павошу.
Кольно—нѣдро, лоно.
Колья—чреда.
Колю—ухапляю, угризаю.
Кольця—пированіе, вечера.
Комната—зри влѣтъ.
Комора—зри влѣтъ.
Коморка—волибка.
Коморникъ—подсуѣдникъ, селникъ, содомникъ (sic), слуга.
Компутъ личби—согляданіе.
Конва—водоносъ, почерпало.
Конецъ—кончина, конецъ, исполненіе.
Конечне—ей.
Коники—зри кобилки.
Конный—всадникъ.
Конституція—состояніе.
Контентація—достотвореніе.
Контентую—удовляю, довляю.

Контентъ естемъ—доволенъ есмь.
Конфекти—сладости.
Кончаръ—улица.
Конь—влюся (sic), конь.
Коняктую—усмотряю, соразсматриваю.
Копию—копитомъ кописаю.
Копенякъ—хламись.
Коперитихеръ—що на мѣди рисуетъ або печати рѣжетъ, ваятель.
Копья—гвоздь, архетипонъ, антиграфонъ, парадигма, копіе.
Корабельное начиніе—ядрило.
Корабль—ковчегъ.
Корецъ—вобель, вобль, спудъ.
Коритися—малитися, смиратися, поборятися, охуждатися.
Корито—поило.
Корма—кормило, стиръ, гребло кормилное.
Кормя—брашно, паствина, пища, питаніе, паства.
Корнетиста—сопецъ, пиццаникъ.
Корнитъ—сопѣль, соплъ.
Коробка—спудъ.
Коробникъ—пударь.
Корова—врава.
Короватый—коровъ.
Корона—вѣнецъ.
Корона святителская—митра, увясло.
Коронованіе—вѣнчаніе, увязаніе.
Короную—вѣнчаю, вязаю вѣнцемъ.

Коропѣва—рябка.
Корости—красти.
Коростьль—крастель.
Короткій—краткій.
Корчма—гостинница, всепрія-
 телница.
Корчмарь—зри карчмарь..
Коръннѣ—потравы, сладости.
Кости играю—зри в капсы.
Котвица—зри- котва.
Котелюкз—панвица.
Котель—конобъ.
Котляръ—ковачъ мѣды, мѣдный
 кузнецъ.
Который—иже.
Котрий—елици (sic), вѣй.
Котрое—кое.
Котрою—его же.
Котрой стороны—коей страны.
Котрому—ему же.
Коханіеся в собѣ—самоугодіе,
 самолюбіе, тѣлоугодіе.
Коханка—рачителница.
Коханокз—рачитель.
Коханый—любимый, возжелѣн-
 ный, довлимый, другъ, рачи-
 тель, возлюбленный.
Кохаясь—благоволю, наслаж-
 даюсь, ревную, упитовляюся
 (sic).
Кошникз—кошница, спирида.
Коштованіе—начинаніе.
Коштовный—частный, преимѣ-
 яй, первый, благообразный.
Коштую—вкушаю, начинаю.
Коштз—изнуреніе.
Кошуля—срачица, хитовъ.
Кошз плетеный—кошница.

Кравецз—кроитель, ризошвецъ.
Крадкомз—отай, втайнѣ.
Крадъжство—татба.
Краина—страна.
Краса—ухищреніе, доброта, лѣ-
 пота, честность, утварь, бла-
 голѣніе, украшеніе, красо-
 ваніе.
Краса приправная—красованіе.
Краситись—щипствоватися.
Красный—благолѣпный, благо-
 подобный, изрядный, лѣпій,
 коварный, ухищренный, лѣ-
 потный, добрый.
Красомовца—вѣтій, риторъ,
 хитрословъ, рѣчотворецъ.
Крата в брамъ (sic)—хлябъ (sic).
Кревлюся—гобзую.
Кревность—немошь, ужиче-
 ство.
Кревный—преискрный, ужикъ.
Крейда—мѣль.
Креслю—стуль, полкружникъ.
Кресз—кроторя, нарокъ, пре-
 дѣль, черта.
Креть (sic)—кроторія.
Крещеніе—баня, крещеніе.
Кривада—обида, досада, неправ-
 дованіе, неправда.
Кривжу—обыжу, неправдую,
 беззаконую.
Кривий—косвенный, стропот-
 ный, согбенъ.
Кривоокій—косвенный, разноо-
 кій.
Кривоприсяжна—неправедно
 кленійся.
Кривость—кривина.

Крикъ—воплъ, вопіеніе, вличъ, плещъ, мятежъ, молва.
Крикъ чиню—возмущаю, плещъ творю.
Криница—источникъ.
Криска—черта, йота.
Кричу—зри гомоню.
Крию—таю, утаеваю.
Кровъ банками пускаю—ваяю, изваяю, начертаваю.
Кроулецъ—крагуй.
Крокъ—степень.
Кролевскій столецъ—престоль.
Кролюю—царствую.
Кроль—царь, скиптрофоръ, монарха.
Кромль—освѣне.
Кропива—стволіе.
Кропля—капля.
Круажула—круга и круги.
Кружъ всего неба—твердь.
Крукъ—вранъ.
Крукъ—гакъ, висилица.
Крупи—сланутокъ.
Крушецъ—руда.
Крыло—перія.
Крыла распростираю—раскрляю.
Ктиторъ—создатель, сооружитель, сотворитель.
Ксионже—князь, народоводитель.
Кубокъ—чаша, потыръ, кратиръ, стьяница.

Куглярскій—призорный.
Куглярство—призоръ, призрачїе, призракъ, привиденіе, мечеть.
Куколь—плевели, плавеліе—множественнаго числа; куколь у иноковъ называется кlobукъ.
Кумовство—приемничество.
Кумъ—приемникъ.
Кунштую—смѣхословлю.
Кунштъ—смѣхотворство.
Куна—составъ, толпа, состязаніе.
Курва—блудница.
Куревство—блудъ, скверна.
Кура—вработъ, птица.
Кусаю—угризаю, ухапляю.
Кусаюсь—угризаюсь.
Куситель—искуситель.
Кутась—пугва.
Кутя—коливо, колюва.
Куфа—ватъ, ровъ (sic).
Кухня—щегнюша.
Кушка якая колвекъ—куща, колиба, селеніе, сѣнь, село.
Кушеніе—искушеніе, начинаніе.
Кушу—искушаю.
Кушуся—ополчаюся, постизаюся.
Кшталтую—образую, творю.
Кшталтъ—благоимство, имѣтельство, образъ, устроеніе.

Л.

Лаодне—присердно (sic).
Ладамъ—вадило.
Лазня—баня.

Лазуство—свитаніе.
Лайно—мотило, гной.
Лакненіе—алканіе.

- Лакну*—алчу.
- Лакомство*—лихоимство, лихоимѣніе, сребролюбіе.
- Лакотникъ*—ласкосердій, ядець, гортанобѣсець.
- Лакотокъ*—уживаніе, ласкосердіе, пресыщеніе.
- Лакотяный*—скорпеный (sic).
- Ланцужокъ плетеный*—тресня (sic).
- Ланцуухъ*—уза, юза, веріе.
- Ланцуухъ золотый*—гривна злата.
- Ласиться*—ласкаеть.
- Ласка*—благодать.
- Ласкавость*—благостиня.
- Ласкавый*—благодатный, благодѣтельный, благоугодный, благосердій.
- Ласкотаніе*—скоктаніе.
- Ласку показую*—уважаю.
- Ласъне*—лицемѣріе.
- Латаный*—свортный.
- Латво*—удобно.
- Латвость*—удобство, благомошце.
- Латвочинный*—удобезденъ (sic), латвый до поймана.
- Латвый*—удобный.
- Латвѣй*—удобѣе.
- Лаю*—запрещаю, досаждаю, язвляю, порицаю, оглаголюю, зазираю.
- Лаяніе*—гажденіе, злохуленіе, лаятельство, обличеніе.
- Ляръ*—ложь, зри зрадца.
- Лжу*—лжу, клеветчу.
- Левъ*—леонъ, левъ.
- Лейкій*—воспѣренъ, пернать.
- Лейкимъ чиню*—воспераю, воскриляю.
- Лейко*—нетяжко, нетяжественнѣ, ненавистнѣ (sic).
- Лейкомисный*—леггота, непостоянный.
- Лейкуменами опатрую*—ухлѣбляю.
- Лейце важу*—зри ганблю.
- Лейчу*—воспераю, воскриляю.
- Ледацио збираючий*—мшелоимецъ.
- Ледва*—едва.
- Лененіе*—сіяніе, блистаніе.
- Ленуся*—сіяю.
- Ленпя*—правило, черта.
- Лескотаніе*—зри лоскотаніе.
- Лечъ*—же.
- Лжа*—ложь, зри зрада.
- Лженіе*—зри лаяніе и ганба.
- Лжѣй*—отраднѣе.
- Ли*—егда.
- Лина грубая*—велблюдъ (sic).
- Листокъ*—хартія.
- Листъ*—посланіе, грамота, епистолия.
- Литера*—письмо.
- Литость*—милость, зри змилованіе.
- Литостивый*—щедрый, благодѣтель.
- Литость показую*—зри литовуюсь.
- Лихва*—росты.
- Лихота*—окаянство, окаяніе.
- Лице*—ланита, зракъ, постасъ, собство, съставъ.
- Личба*—число.

- Личбу чиню*—слово говорю, стя-
 заюся о словесах.
Личбу здиймую—зри личбу
 чиню.
Личманъ—чисма (sic).
Ліоси—жеребія.
Лодо (sic)—лодія, корабець.
Ложко—ложе, одръ.
Ложница—чертогъ, невѣст-
 никъ.
Локоть—мѣрило.
Лоскотаніе—скокганіе.
Лоскочу—скоктаю, скочочу.
Лотрикъ—поясникъ.
Лотровскій—непреподобный.
Лотрская штука—тожъ що и
 лотръ.
Лотръ—скверный, сквернавый,
 омраженный, непреподобно-
 дѣлатель.
Лука—удоль, село, расло.
Лука—чеснокъ.
Лука—оружіе.
Лука—хищникъ.
Лука—користь, обраца (sic).
Лука—рибная чешуя.
Луцинка (котораю орѣха або
 що жолудь выпадаєтъ)—плѣ-
 ска.
Лысяя гора—краніево мѣсто.
Лысій—плишивъ.
Лысина—плѣшъ.
Лытка—листа (sic).
Лытый—шуй.
Лыдъ—голодь, ледъ.
Лыкарня або домъ, що мчатъ—
 врачевница.
Лыкарство—биліе, балство,
- лѣча, цѣла, ликованіе.
Лыкаръ—балій, врачъ, цѣлитель.
Лыливо—щипственнѣ.
Лыливство имаю—щипствую.
Лыливый—унылый, лѣнивъ, де-
 белый, немоцный, гнусный,
 лѣнностивъ, праздный, нетягъ.
Лыливтью—униваю, стужаюся,
 ослабѣваю, лѣнюся.
Лылность—гнусъ, уныніе, щип-
 ство.
Лылише—лучше, уніе, уне, унше.
Лылишій—лучшій, уншій.
Лылка—жельъ.
Лыла—времена, годы.
Лыланіе—пареніе.
Лылаю—парю, прудко перу,
 теку.
Лылорасль—отрасль, пародогъ.
Лылорастка—пружіе, розга,
 сучецъ.
Лылтаръ—свѣщникъ.
Лыченіе—цѣленіе, врачество,
 врачеваніе, исцѣленіе, врачба.
Лычу—цѣлю, врачую.
Лыбимый—желаемый.
Лыблю—вождедѣваю.
Лыблю велими—ревную.
Лыбовъ—раченіе, согласіе.
Лыбовъ горячая—рвеніе, ражде-
 женіе, раченіе, ревнованіе,
 ревнообразіе.
Лыбую—благословляю.
Лыбачій Бога—Боголюбецъ.
Лыбачій доброе—благлюбецъ.
Лыбъ—или, аще же.
Лыдемъ подобанься—человѣко-
 угодіе.

- Людзкій*—друголюбивъ, друголюбный.
Людзкость—страннолюбіе, друголюбіе.
Людъ—народъ.
Лунатикъ—лунащійся на новъ (sic), бѣсится (sic).
Лютій—дивій, свѣрѣпій, жестокій.
Лютость—сверѣпство, безчело-
 вѣчіе, свѣрѣпіе, брідость.
Лядвы—лядвія, лядвины.
Ляинъ—людинъ.
Лякаюсь—ужасаюсь.
Лякливый—малодушный.
Ляментую—плачу, рыдаю.
Ляментъ—плачь, риданіе, сѣтованіе, пореченіе.
Лямпа—свѣтилникъ.
Лятра—бедры.

М.

- Маестатъ*—престоль.
Маетность—имѣніе, держава, стяжаніе.
Маетный—имовить.
Макула—порокъ.
Малженство—женитба.
Малюваніе—повапленіе, образонаписаніе, натреніе, иконное воображеніе.
Малюванный—повапленный.
Малюванный образъ—иконный зрѣкъ.
Малта—піфікъ.
Малюю—живописую.
Маллярство—живописательство, иконное писаніе, образонаписаніе, живописателно художество.
Малляръ—иконникъ, живописецъ, зографъ, живописатель, иконописецъ.
Мамка—доилица, кормилица, питателница.
Мандатъ—заповѣдь, повелѣніе.
Манель—запятіе.
Манка—шуйница, шуя, рукавъ.
Мантачъ—лестецъ, зри баламутъ.
Мара—мечтаніе, зри куглярство.
Маркотаніе—зри воркотаніе.
Маркотизъ—ропотникъ, ропотливый, ропотивъ.
Маркочу—зри ворчу.
Мармаровый—мраморный.
Марморъ—мраморъ.
Марне—туне, всуе, безума.
Марность—суета.
Марнотравство—изнуреніе, истрошеніе.
Марнотравца—извуритель, лотига.
Маршалокъ—архитриклинь, служебначалникъ.
Мары—одръ, рака.
Мастъ—шаръ.
Матерія—вещество, вещь, грѣза.
Матица—утроба, животъ, ложесна, брюхъ.

- Маю* — имамъ, имѣю, держу, одержу.
- Маю баченіе* — маю възглядъ, намѣраю.
- Маю волю* — хочу.
- Маючій* — имий, имѣай.
- Миа* — мракъ, примракъ, тма.
- Миненіе ока* — мановеніе, маяніе, накинovenіе.
- Мдлостъ* — малодушіе.
- Мдлый* — малодушный.
- Мдлю* — малодушествую.
- Медведица* — мечка.
- Меду плястръ* — сотъ.
- Межа* — межда.
- Менжне що справую* — мужаюся, храбрствую.
- Менжний* — зри дужий.
- Менжство* — зри дужестъ.
- Менованіе* — именованіе, нарицаніе.
- Мерзений* — зри лотръ.
- Мерзитъ мя, мерзю чимъ* — гнушаюся, недугую.
- Мерзостъ* — безсластіе, брідостъ, несладостъ, нечистота, бѣда, скорбь, туга, болѣзнь.
- Мертвостъ* — умерщвленіе.
- Мешканецъ* — обитатель, обиталникъ.
- Мешканіе* — житіе, жилище, гражданство, село, селеніе, скінія, обиталище, храмина, куща, сѣнь, обитель.
- Мешканіе займю* — еселяюся, водворяюся.
- Мешканьечко* — кровъ, хлѣвна.
- Мешкаю* — жителствую, живу, обитаю.
- Мишаю* — помизаю, мизаю.
- Ми҃даловое древо* — кляпишь.
- Мититъ въ очахъ* — мжить.
- Милосердіе* — благостыня, благостъ.
- Милосердіе показую* — зри злитовуюсь.
- Милосердія годный* — умысленный.
- Милосердный* — благоутробный, простителный, милостивъ.
- Милосница* — рачителница.
- Милостникъ* — рачитель, ревнитель.
- Милостъ горячая* — зри любовь.
- Милостъ утробы* — благоутробіе, благостыня, любовь.
- Милонъ* — тма, легеонъ.
- Милый* — благопріятный, желаемый, любимый, изрядный, изящный.
- Миля* — поприще.
- Мірянинъ* — людинъ.
- Миса широкая* — дісковъ.
- Миска* — блюдь, поница.
- Мистурка* — шлемъ.
- Митра* — увасло.
- Млинный камень* — жерновъ.
- Млинокъ ручный* — жерновъ.
- Младенецъ* — младенець, юнота и юноша, отрокъ.
- Многokratъ* — множицею, многогажды, многащи, намнозъ, волькрати.
- Многoмoвнoстъ* — многоглаголаніе, велерѣчіе.

- Многомовный*—велерѣчивый.
Множуся—возрастаю, умножаюсь, гобзуюся, спѣю, преуспѣваю.
Мнозтво—множество, многое, бездна.
Мньманіе—мнѣніе, нещеваніе, мечтаніе, васнь.
Мньманьемъ доложу—разсмотряю.
Мньмаю—мню, нещую, вмѣняю, мечтаю.
Мньмаючій—нещеватель.
Мова нѣкчемная—блѣдословіе, лихословіе.
Мовеніе—вѣщаніе, глаголаніе; *мовеніе о великихъ речахъ*—велерѣчіе.
Мовлю—глаголю, вѣщаю:
Мовность—велерѣчіе.
Мовный—велерѣчивый, многовѣщанный.
Модрый едвабъ—синета.
Можно—мощно.
Можность—зри владычество, господство, держава, могущество, зѣлность.
Можный—велможный, велможа, зри дужий.
Мозокъ—мозгъ.
Мозоль на рукахъ—утерплины, ствердѣлы (sic).
Мокну—омобаю.
Мокрота—влага.
Мова—глаголь, слово.
Молтва—моленіе.
Молоденецъ—зри младенецъ.
Молодецкій—юношескій.
- Молодица*—юнотка.
Молодость—юность.
Молодостный—юностный.
Молодый—юный, младый.
Молодес вино—мусть, мощъ (sic).
Молотба—вершба, вершитба, млаченіе.
Молотокъ, котрымъ струны направляютъ,—било.
Молотокъ робячій—млатобіецъ.
Молотый—сомленный.
Молотъ—млатъ.
Молчаніе—безмолвіе.
Молюся за кого—ходатайствую.
Монастиръ—обитель.
Монета—дидрахма, златица.
Монисто—гривна, утварь, украшеніе.
Мордерца—мучитель, томитель.
Мордованіе—томителство.
Мордуу—томлю.
Море—составъ водный, озеро.
Морочный—мрачный.
Моршу—посмражаю.
Моръ—моръ, губителство, смертоносіе, всегубителство.
Мосіондзъ—прудь (sic).
Мостокъ—мясо, груди говяжи.
Мотузъ—уже, вервь.
Моцаръ—исполнѣ, изящъ.
Моине що справую—зри менѣне.
Моцно—зри зѣло, дуже.
Моцный—зри дужий.
Моцованіе—зри валга.
Моцovníкъ—подвижникъ.
Моцуюся—подвизаюся.

- Моць*—сила, держава, дѣтель;
моць божая—маніе, мановеніе, маяніе.
- Мошенка*—мошонка, зри вацокъ.
- Мошка*—мшица.
- Мрокъ*—мравъ.
- Мругаю*—моргаю, зри мигаю.
- Мудрость*—разумъ.
- Мудрость любячій*—любомудръ, философъ, любопремудръ.
- Мудростію ся забавляю*—мудрствую.
- Мудре*—прямо.
- Мудреизъ*—философъ, любомудръ.
- Мудрый*—умный, художъ, мыслный, искусный.
- Мужа не знаючая панна*—неискусомужная, неискусобрачная, не познавшая мужа.
- Мука*—страсть, страданіе, мученіе.
- Мука*—мескъ.
- Муштукъ*—бродъ.
- Мурава*—лѣхъ, лѣха.
- Мурацокъ*—мравый.
- Муръ*—стѣна.
- Мусъ*—насиліе.
- Мученикъ*—страдалецъ, страстотерпецъ.
- Мучу*—бядословлю, смѣхословлю.
- Мшеніе*—месть.
- Мшуся*—отмщеваяю.
- Мыня*—баня.
- Мысль прозорливій*—промышленія, мечтанія.
- Мыслию понятіе речи*—умная, мыслная.
- Мысль*—помышленіе, умъ, разумъ.
- Мытникъ*—мытарь, мытоимецъ.
- Мышленіе*—мудрованіе.
- Мышлю*—мудрствую, помышляю, вмѣняю, воспоминаю.
- Мъзерія*—окаянство, бѣдность.
- Мъзерный*—бѣденъ, бѣдный, умиленъ, окаяннѣйшій.
- Мъй на баченю*—ради.
- Мълемъ*—имѣхъ.
- Мълемъ волю*—хотѣхъ.
- Мънута*—зри мгненіе ока.
- Мъняю*—измѣняю.
- Мъра*—правило, умѣреніе спуду (sic).
- Мъры не маючій*—безмѣрный.
- Мърность*—воздержаніе, цѣломудріе, честность, мѣра, умѣреніе.
- Мърный*—мѣрный, умѣренный, смиренъ.
- Мъру до целю*—намѣряю, разсмощряю (sic).
- Мъскій*—градскій, гражданскій.
- Мъсто*—градъ.
- Мъсце замѣренное*—намѣреніе.
- Мъсяцъ*—луна.
- Мъсячникъ*—лунащійся.
- Мъховникъ*—усмошвецъ.
- Мъхъ*—ярта (sic).
- Мъшкоръкъ*—мошнорѣкъ.
- Мъшокъ*—зри вацокъ.
- Мъщанинъ*—гражданинъ.
- Мъщка*—гражданка.

Мяккій—благоувѣтливъ, благоугодительный.

Мясо сушеное—сушеница.
Мята—мятва.

Н.

Набоженство—служба, благочестіе, преподобіе.

Набоженство отпращую—благочествую.

Набожный — благоговѣйный, умилень, говѣнь, преподобный.

Набываю—стяжаю, стяжаваю, притяживаю, снабдѣваю, сонискаю, приобретаю.

Набываючій—мшелоимствую.

Набываючій—стяжатель.

Набытокъ — зри имѣніе, добычь.

Набытокъ непристойный — мшель, навалность, стремленіе, устремленіе.

Наважую—наляцаю.

Навой ткацкій—вратило ткацкое.

Навспакъ—воспять.

Навѣдитель—посѣтитель.

Навѣжаю—посѣщаю, присѣщаю.

Нагабаніе—навѣтъ, нужда, насилство, гажденіе.

Нагабаю — понуждаю, насилствую.

Нагана—порокъ.

Наганы годенъ—порочень, укоризненъ.

Нагло—внезапу, абіе, напрасно.

Наглость—продерзость, сверѣпство.

Наглый — напрасный, напраснивъ, сверѣпъ, стромнителень.

Наглю—належу.

Наглядаю—назираю, наблюдаю.

Наглячій—належаі.

Нагорода—мзда, воздаяніе, возданіе, даръ.

Нагороду рицеромъ даючій—подвигоположникъ, даровникъ.

Надаремне—безума, всуе, туне, всяко, отюдь, вотще, тщетно, бошію.

Надворъ—внѣ, внѣбуду.

На дворъ—вонъ.

Надглядаю — назираю, наблюдаю.

Надгробокъ—епитафшонъ, катафалъ.

Наддерж—попремногу, попреизлиха, изобиліе, преиззящество, преизълишество, преумножество, преимѣтелство и тому паче неизрѣченно, лишше.

Надзираю—зри надглядаю.

Надимаю—вичу.

Надкляняюсь—ничу.

Надмѣтманіе або *надсподѣваніе*.

Надобный—изрядный, изящный.

На долъ смотрячій—посуленъ.

Надуродю(sic)—наружи, приручно.

Надприрожене—преестественнѣ.
На другомъ мѣсти—другоици.
Надслушность — презпотребство.
Надто—зри наддеръ.
Надто маю—изобилую, избыточествую.
Надто размножую—тое жъ.
Надутьо—хураво.
Надутость—гордость, напыщеніе, хуравость, виченіе, надменіе, превозношеніе, кручина.
Надутый—напыщенъ, хуравъ, напраснивъ,самоугодный, гордостень, презоривъ, отаглаваемый, посуплень, дерзый, яростень.
Надхожу—надстою.
Надѣюся—уповаю.
Надѣя—надежда, надѣяніе, упованіе.
Надѣи немаючий—отчаянный.
Надѣю трачу—отчаяваюся.
Надѣявся—уповахъ, начаявся.
Надѣ—вишше, паче.
Надѣ власность—выше мѣры, существеннѣ.
Наежджаю—устремляюся.
Назадъ иду—послѣдую, послѣдствую.
Назадъ—воспять.
Назбытъ—зри наддеръ.
Названный—рекомъ, зовомъ.
Назвико—имя.
Називаніе—нарицаніе, именованіе.

Назначенный—назнаменованъ, избранный, нарекованный, наречень, уставленный.
Най—пре.
Найбарзѣй — паче, найпаче, израднѣе, колми паче, множае паче.
Найболше—премножество, множае паче.
Найраваніе—зри ганьба.
Найраваяю—изобличаю, подражняю, ругаюся, посмѣваюся, поругаюся, подражаю.
Наймѣше—врѣсноту, влѣпоту, изящнѣе, послѣдовательнѣе.
Наймѣшій—найлучший, нарочить, добрѣйшый, лучший, изрядный.
Найменьшый—премалъ.
Наймую—наймаю.
Наймилъ—наяль.
Найнизшый—преисподный.
Найпереднѣйшес—преизящнѣйшее, преизящное, преднастоящее.
Наказую—вразумляю, руководствую.
Накараніе—уцѣломудріе.
Накладаю—задѣваю, налагаю, изнуряю.
Наклоняюся—ничу.
Наколенный—набоденный.
Накормленіе—насыщеніе.
Накормленный—насыщенный.
Накормлюю—насищую.
Наливка—изливалица.
Налогъ—правъ (sic).
Наложница—заложница.

- Наукаю* — поучаю, вразумляю, соглашаю.
- Наукаюся* — навикаю, познаваю, разсмотряю.
- Наученіе* — учительство.
- Наушница* — усерягъ, усерязь, обушеніе.
- Нахиляю* — преклоняю.
- Нахиляюся* — тое жъ.
- Начинье* — сосудъ, орудіе.
- Нашинецъ* — нашинъ.
- Наюченіе* — наважденіе.
- Небаченіе* — презорство, стропотность.
- Небезпечество* — неизвѣство, бѣда.
- Небезпечный* — блязненный.
- Неблудячій* — неблязненъ.
- Небозчикъ* — усопшій, преставльшійся.
- Неболение* — безболезніе.
- Небоязливъ* — дерзостный.
- Небоязнь* — безстрашіе, дерзость.
- Небрежій* — небрежникъ, малодушенъ.
- Небымый* — несущій.
- Невдячность* — нерадостотворность.
- Невдячный* — неблагодаренъ, неблагодаразуменъ.
- Невинность* — незлобіе, беззлобіе.
- Невинный* — неповинный, неповиненъ, непорочный, непороченъ.
- Невиннымъ зостаю* — извиняюся.
- Невоздержный* — ласкосердїй.
- Неволицъ* — плѣнникъ, рабъ, рабычичъ, сѣновный.
- Неволицый* — рабий.
- Неволицая пристойность* — раболѣпіе.
- Неволство* — стражба.
- Неволя* — работа.
- Невоитп.ливе* — явѣ.
- Невстидаюся* — не обинуюся.
- Невстидливость* — безстыдство, безсраміе, напраснство.
- Невстидливый* — безстыдный, студодѣй, безсрамный, мѣднотиченъ.
- Невчасный* — безвременный.
- Невымовный* — неизреченный, неизглаголаный, неизслѣдованный.
- Невыповѣдимый* — тое жъ.
- Невѣдомость* — невидѣніе.
- Невьсюкъ* — малакїя, мяккый.
- Невьстка* — сноха.
- Немиучее* — негиблемое, неизнуряемое, неиздиваемое, нестрастное.
- Немиучій* — нетлѣнный, неувядаемый.
- Негоднимъ чиню* — унедостояю.
- Негордый* — некичливъ.
- Не даю покою* — стужаю, озлобляю, возмущаю, удручаю.
- Недбале* — нерадиве, щапственнѣ.
- Недбалецъ* — нерадивъ, малодушный.
- Недбалость* — небреженіе, нераденіе, ослабленіе, нерадствіе, щапство.
- Недбаю* — небрегу, неражу.
- Недовѣрокъ* — маловѣрный.

Недовѣрство—маловѣріе.
Недогаданься—недоумѣніе, недоумѣваніе, неудобство, недоумѣтельство, недомышленіе, недомислимость, таинство.
Недогоненный — недостижимъ, недостиженъ, непостиженъ.
Недолгий — маломощный, бѣдный, вредный.
Недоносокъ—извергъ.
Недоръкій—косноязычный, медлеязычный, мудноязычный.
Недосажаль—недоходиль.
Недосвѣдочный — неискусенъ, отверженный, невѣстливъ.
Недостатечность — худость, окаянство, окаяніе.
Недостатокъ — лишеніе, оскуденіе, скудость.
Недостаткомъ—оскудно.
Недостаточный—лишенъ, лишаемый, худый, нищій, скудный.
Недостигновенный—зри недогоненный.
Недужь—недолугъ, немощный, немощенъ.
Не единаче—не тоѣмо.
Не есть—нѣсть.
Не жалую—не щажу.
Не жалючи—нещадно.
Незбожность—нечестіе, безчестіе.
Незбожный—нечестивый.
Незвадливый—не лестный.
Незваченный — непреборимъ, непреборимый.
Незюда—разногласіе, разгласіе,

инодушіе, инодушность, распрѣваніе, распря, зри—бунты.
Незодливый—стропотенъ, строптивъ, стропотный, напраснивъ, сверѣпѣяйся, гордостенъ, презоривъ, яростенъ, зри—бунтовникъ.
Незичливый—лукавъ.
Незичонный—безмѣрный, нешчетный, безконечный.
Незлосливість — незлобіе, беззлобіе.
Незлосливъ—беззлосливъ.
Незрахованный—зри незличонный.
Неимовѣрно—неувѣрително.
Неистовъ—неразуменъ.
Нелатвость—зри недогаданься.
Нелатвый — неудобный, прудный (sic).
Нелюдзкій—безчеловѣчный.
Нелюдзкость—безчеловѣчіе, безсловесіе.
Немилосердный—немилостивый, жестокъ, немилостивъ, неблагоутробенъ, безщедротъ.
Немилость—нелюбовь, немилосердіе, несладость.
Немного—сцѣгло.
Немовятко—отроча, дѣтище.
Немогу—недугую, немоществую, изнемогаю, болѣю, стражду.
Немогучій втекти — неизбѣжный.
Не могучій дати о себѣ справы—безотвѣтенъ.
Неможная речъ—неможно.

Немощь—недугъ, болѣзнь.
Ненавизу—вражду, ненавизу.
Ненавистный—стужитель.
Ненависть—вражда.
Ненамовный—неувѣтливъ.
Ненаприкраюся—снисхожу.
Нендза—бѣда, нищета, убожіе, убожество, окаянство, окаяніе.
Нендзныи—нищій, худой, умеленный, окаянный.
Нендзую—вреджаюся.
Необычайный—безмѣстный.
Неображеніе—неврежденіе.
Неогорченный—неосязанный.
Неодмтныи—непреложный.
Неознайменный—безвѣстный.
Неопатрно—неосмотрительно.
Неохендожныи—безобразный.
Неошачованныи—драгоцѣнный, неоцѣнный, многоцѣнный.
Непевность—неизвѣство.
Непевный—непостоянный, ..., сомнѣнный.
Неп.мо—наддѣлательнѣ (sic).
Неплодная жона—неплоды, не плодящая, не рождающая.
Непобожный—непреподобный.
Не подаюся—не повинуюся.
Неподейзронный—непорочный, безпорочный, незазорный.
Неповстялиозъ—продерзивъ.
Непоюда—зима, волненіе, буря, обуреваніе.
Непожитечный—неключимый, безуспѣшный, непотребенъ, неискусенъ, ненадеженъ, пре-небрегаемый, безмѣстенъ.

Непокаяніе—умиленіе.
Непокой—мятежъ, зри—бунты.
Непоправленъ—неисправленъ.
Непотребне—паче, приизлишше.
Непотребно—неключимо, лишше, множае, вотще, затще.
Непотребный—зри непожитечный.
Непотребнымъ чиню—упражняю.
Непоцтвность—порокъ.
Неправость—беззаконіе.
Непрекоманыи в диспутиции—безпрекословный.
Неприемность—стуженіе.
Неприимую—отрицаюся.
Неприкраяніе—схожденіе.
Неприкраючий—сходительнѣишій.
Неприкруся—снисхожу.
Неприянь—вражда.
Неприятель—врагъ, навѣтникъ, суперникъ, супостатъ.
Непорушенъе—непошествіе.
Непоручинный—постоянный.
Непорядокъ—нестроеніе.
Непослушенство—ослушаніе, преслушаніе, непослушаніе, противленіе.
Непосполитый—преизящникъ.
Непристойно—злонарочно.
Непсукчійся—нетлѣнный.
Неразсудно—неразньственно.
Неразумный—неблагоразумный, нероздѣльный для сущтелности, несѣвомый, неспресѣкомый.
Нерих.ю—косно.

- Нерихло чинж*—косню.
Нерозность—неразность.
Нерядница—блудница.
Несвѣдѣность—невѣденіе, не свѣ
жество, неразуміе.
Несказанный—невиповѣдимый.
Несказительность—нетлѣніе.
Несказительный—нетлѣнный.
Несладость—мерзость.
Не слушаю—не повинуюся.
Не смакуж—негодую.
Не смачность—безсластіе, не-
сладость.
Несмертельный—бессмертный.
Несмыслость—малодушіе.
Несмыслый—малодушный, без-
дерзновенъ.
Несмыю—сомнюся, обинуюся,
стиждуся.
Необлаженіе—безпошествіе.
Неспанье—бденіе, бодрость, за-
бдѣніе.
Не сплю—бодрствую.
Несподѣванный—нечаемый, не-
начаемый, непредвидѣнный.
Неспоро—косно, безуспѣха.
Неспорый—безуспѣшный.
Несправедливость—неправда.
Несправедливый—беззаконникъ.
Неставаетъ ми—оскудѣваю.
Нестатечный—зри непевный.
Не стойтежъ—увы, горе, уфъ.
Несыть—ненасыть.
Не тилко—не токмо.
Не трафилъ—неискуснѣ.
Неублаженный—неукрощенъ,
жестокъ, некротокъ.
Неумованіе—необузданіе.
Неужитъ—жестокъ.
Неукротомъ—зри неублажанъ.
Неукъ—невѣжа.
Неумислѣнъ—подѣляѣ.
Неумьство—щадственнѣ.
Неумьстность—не свѣжество,
щадство.
Неуставичность—неистовство,
неразуміе.
Неуставичный—непостоян-
ный.
Нефалшивый—цѣль, цѣлый,
правый.
Не фоловалъ—не сходилъ.
Нефрасовитость—безпечаліе.
На фрасуюся—благодарю.
Нехай—да.
Нехлюя—зри недбалець.
Нецнота—беззаконникъ, не-
честивый, непреподобный, не-
благоразумный.
Не цнота—нечестіе.
Не цнотливѣ живу—щадствую.
Нечаемый—неначаемый, про-
тивъ всѣхъ мнѣнію, нечаянно,
преславнѣе.
Нечеканье—нечаянье.
Не чистаго ложа синъ—пре-
любодѣйчиць.
Не чисто живу—щадствую.
Нечистость—разсверѣпѣніе,
скверна, нечистота.
Нечистый—нечистъ, малакій,
порочный, растлѣнный, сквер-
ливый, скверненный.
Нещастный—страстный.
Нещастье—бѣда, зловлюченіе,
злополучіе, лукавство.

Нещирость—лицемѣріе, лице-
мѣрство, лицепрятіе.

Нещирый—неискусенъ лицемъ,
лукавъ.

Нива—браздна, удоліе.

Нива межи горами—удоль.

Нива оранная—возоръ.

Нижчиючий—истребителный.

Низка червоная—вонра.

Низкій—смиренный.

Низко лежу—низложу.

Нищу—изнуряю.

Нищю—таю, истаеваю, топ-
нѣю.

Новина—странна, нова (sic).

Новини чиненье—новосѣченіе,
новотвореніе.

Новациятъ—новакъ.

Нопутъ—горохъ, сланутокъ.

Ножъ восный (sic)—стругъ.

Норовъ—нравъ.

Носъ—ноздрія.

Ночный (sic)—долгий часъ, ноц-
ное поприще.

Ночую—нощеваю, обнощеваю.

Ношеніе—монисто, обшлягъ.

Ныдью—ныю, унываю.

Нытъ—днесъ.

Нытъшній—настоящій.

Нырка—бубреги (sic).

Нъжм—нежели, даже.

Нъкоторый—нѣкій, нѣкто.

Нъкчемная—растлѣнная, гни-
лая.

Нъкчемно—суетно, мерзко, мер-
зостно.

Нъкчемныйше—гниюсѣ, гниюш-
ше.

Нътъ—нѣсть.

Нъчю доброю—зри лотръ.

Нъчю ми до того—нѣчто же
въ мнѣ се.

Нюханье—обоняніе.

Нюхаю—обоняю.

О.

Обавленься—обиновеніе.

Обавляю—низлагаю, разоряю.

Обавляюся—зри несмѣю.

Обачую—стразумѣваю, намѣ-
ряю.

Оббѣгаю—обтичу, обтицаю.

Обвиненіе—оглаголаніе, пори-
цаніе.

Обвиняю—осуждаю, окаеваю.

Обволиваю—возглашаю напе-
редъ.

Обволиваетъ—трубитъ.

Обвязка—обязало.

Обиортую—обхожу.

Обезславеніе—оужденіе, зри
ганба.

Обезстудилъ—обезсрамилъ.

Обертаніе—обращеніе, возвра-
щеніе.

Обертанье вколо—съобращеніе.

Обецаю—обѣтую, обѣцаю, обѣ-
товаю.

Обецный—здешній.

Обжирство—чревообяденіе,
чревобѣсіе.

Обжирица—чревобѣсець.

- Озазираю*—укаряю.
Обитель—монастырь.
Облапение—лобзание, соплетение.
Обличіе—видъ, лице.
Облокъ—примракъ.
Облокъ дощевый — смерчъ, смраць, пявица.
Облуда — мечтаніе, призракъ, привиденіе.
Облудне чиню—лицемѣрствую, лицемѣрія употребляю, притворяю.
Облудность—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепрятіе.
Облудный—лукавый, лицемѣрный.
Облуженье—обстояніе.
Облюбенець—женихъ.
Обмова—важденіе, оглаголаніе, клеветаніе.
Обмовляю—клеветую, оглаголаю, облгаю.
Обмовца—оболгатель, оглагольникъ, клеветникъ, хулникъ.
Обмываніе—умовеніе, крещеніе.
Ободъ—окруженіе.
Обоетный—обоюдунъ (sic).
Обожуюсь—возникаю, воспранияю (sic).
Обозный—свюзникъ.
Обозокъ—полчище.
Обозъ—полкъ.
Обозъ обточенный—ополченіе.
Обозъ становлю—ополчаюся.
Обозу становитель — ополчитель.
Обозомъ ставаю—обточую.
- Обоженіе*—зри ганба.
Оборона—возбраненіе, заступленіе, стражба, защищеніе, совѣтъ.
Оборонно чиню — утверждаю, укрѣпляю.
Оборонца—заступникъ, поборникъ, защитникъ, представитель, покровитель, протекторъ.
Обороняю—заступаю, побораю, предстателствую.
Оборочаюся—назадъ воспящаюся.
Обосторонный—зри обоетный.
Обожаю—напаствую, неправдую, озлобляю.
Ображаюся—приражаюся, озлобляюся.
Ображеніе—прираженіе, претиваніе.
Образа—обида, обидѣніе.
Образъ—икона.
Образъ ясный—образъ свѣтлый.
Обредный—шкаредъ.
Обридливость—мерзость.
Обридливый — злообразный, шкаредный.
Обротъ—узда, брозда.
Обрушаю—раздражаю.
Обрушаюсь—порицаю, оглаголаю.
Обтяженіе—стуженіе.
Обтяжаю—отягощаю, озлобляю, стужаю, удручаю, возмущаю.
Обувъ—обуца, сапоги, плесница, сандаліи.

Обфите — богатно, обилно, избыточно, лишне, множае, зѣлно.

Обфитость -- gobзование, доволство, избылство, презѣлно преспѣющій избытокъ, презлишество, зри — достатокъ.

Обфитый урожай — тое жъ, що обфитость.

Обхожене — обходъ, обхождение, празникъ.

Обхожую вколо — обхожу, обтичу.

Обую — сообщаюсь.

Обыватель — тоземець, населникъ.

Обычай — законъ, правило, нравъ, заповѣдь, предприятие, устройство, състройство.

Обычай милый — сладкий нравъ.

Обычаю злою — злонаравіе.

Обычайность -- благонаравіе, благообразіе, стидѣніе, сопріятіе, честность, цѣломудріе, ухищреніе.

Обычайный — лѣпый, благонаравный, мѣренъ, красный, изрядный.

Обытница — обѣтъ.

Обытованье — совѣтъ, обѣщаніе.

Обыщаніе — зри обѣтованіе.

Обыцаю — зри обещаю.

Обявенье — откровенье.

Обявляю — являю, открываю, обличаю.

Овечка — агница.

Овоць — овоці.

Овця — агница.

Овчатко — агня.

Овчье стадо — паства.

Овчина — милоть.

Овшеки — и убо, негли, весьма, всяко, всячески.

Овшемъ — и убо.

Овиджую — обваждаю, облагаю, оглядую, намѣряю.

Огляданіе — виденіе.

Огневая — огневица, огонь, жеговица, трясовица.

Огниско — огонь.

Огнисто — жератчано (sic).

Оголошеніе — возгласъ.

Оголюшую — оглашаю.

Огомю — брѣю, обросную, обтираю.

Огонь раскладаю — огонь возгнѣтаю.

Огонъ — ошибъ, опашъ.

Огородникъ — градарь, вертоградарь.

Огородница — зеліе.

Огородъ — ограда, вертоградъ, овощникъ.

Огортую — содержу, навершаю, осязаю.

Ограничую — уставляю.

Огурство — агавство, агавіе, ослушаніе, зри -- лѣность.

Оданье — преданье.

Одѣрный — дверникъ, вратный, вратарь.

Одѣрокъ — прагъ.

Одинаю — востлапляю (sic).

Оддаленься — ошаяніе.

Оддаляюся — отстою, освѣняюся, ошаяюся, ошаеваюся.

- Оддухъ*—духъ.
Оддѣленье—отлученье.
Оддѣленный—отлученный.
Оддѣляюся—зри отдаляюся.
Одежда—одѣяніе, риза, иматизма.
Одежда ошарпанная—рубище, рубы.
Одержаніе—пріятіе.
Одержую—улучаю, пріимую.
Одестье—отшествіе.
Одіймую—испражняю, упрасняю.
Одинъ разъ—единою, единощи.
Одмѣнный—ползокъ (sic).
Однимъ разомъ—зри одинъ разъ.
Однимъ умысломъ—обще.
Обновляюся—паки назидаяюся, обновляюся.
Обдурѣніе—неистовство, бѣснованіе.
Одѣваю—одѣваю, одѣваю.
Одѣдиченье—наслѣдіе, достоинство, достояніе, жребій.
Одѣдиченое—наслѣдованно, сопричастно.
Одѣдичую—наслѣдую, наслѣжую.
Одѣнье верхнее—скутъ.
Одѣнье плохое—портъ.
Оженяюся—посагаю.
Оженился—поятъ помощницу.
Ожидаяю—подеплю, терплю, ваярю.
Оздоба—красованіе, зри—краса.
Оздоровленье—устребленіе.
Оздоровляюся—устребляюсь.
- Озеро*—озеро, ровъ, сонмъ или составъ водный.
Ознаймую—сказую, являю.
Ознамену назнаменовую, провѣщеваю.
Озяблость—изсякновение.
Ой—негли, либо.
Ой добро—благо же, часомъ радость, ой—часомъ шидерство значить.
Оказало—свѣтло, явленне, явственно.
Оказалый—ухищраемый.
Оказія—извѣтъ, явленіе, киченіе.
Оклеветую—осуждаю, ненависть творю.
Оклену—озлорѣчую.
Окно, иде соль робятъ (sic)—слатина.
Оковы—вериги, узи.
Около, окрестъ, количь мовачій—окрестъ глагольнѣ.
Окраса—зри краса.
Окрикъ—молва, грохотъ, зри крикъ.
Окромъшинный—внѣшний, свѣнный.
Окромъ—точію, кромѣ.
Окрутенство—зри лютость.
Окрутный—зри лютый.
Окрутъ—корабль, ковчегъ.
Окрухъ х.мба—кромъ.
Окунь—перкъ.
Окупъ—искупъ, искупленіе.
О куръхъ—пѣтоглашеніе.
Олбримъ—исполинъ, гигантъ, гигансъ, щудъ.

Олей—зри олива.
Олива — олей, масло деревя-
ное.
Оливки—маслячіе.
Оливная судинка—ячайце.
Олизное дерево—маслина.
Олово—виситирь.
Олтаре—освятилище, святиня,
очистилице, ублагалище, жер-
товникъ, требище.
Омана—прелесть, мечтаніе.
Оманяю—прелщаю.
Омацію—ощущаю.
Омдльваю—малодушествую.
Омешканіе—медленіе, зри за-
бава.
Омешкую—косню, укоснѣваю,
медлю.
Омочую—омокаю.
Омыжа — погрѣшенія, блудъ,
прелесть, поползновеніе, по-
ползіе, ..., умиленіе.
Омымый — ложь, блазненный.
Омыляюсь — погрѣшаю, облаз-
няю.
Онуча—портъ.
Оный—онсица.
Опакъ—..., зади, воспятъ.
Опасуюся—препоясуюсь.
Опатритель—строитель, учи-
тель, наставникъ.
Опатрне — смотрително, разъ-
смотрително.
Опатрность—ухищреніе, мно-
гоиспитаніе, смотреніе, согла-
сіе, утварь, честность, укра-
шеніе.
Опатрный—благовѣнный, не-

прелестный, смотрительный,
ухищренъ.
Опатрую—строю.
Опачина—весло, гребло.
Опачный—стропотный.
Опекунъ — заступникъ, защит-
никъ, поборникъ, предста-
тель.
Оперезуюсь—зри опасуюсь.
Опираюся — воспящаюсь, пру-
жаюсь.
Описую—уставляю.
Опитъ—возисканіе.
Оплювую—оплеваю.
Оплотки—халуги.
Оплошаю—оуждаю.
Оплошенься—оужденіе.
Оповѣдаетъ—трубитъ.
Оповѣданье — возвѣщеніе, воз-
глашеніе.
Опоганюю—оскверняю.
Оподамъ—подамъ.
Опока—камень, камикъ.
Опрочъ—зри окромъ.
Опръснокъ—безквасіе.
Опрятненье—сопратаніе.
Опуцаюсь—унзваю, ослабѣваю.
Опушонный—лишенный.
Опъкаюся—заступаю, строю.
Опять—паки.
Орало—рало.
Ораторъ—вѣтій, риторъ, хитро-
словецъ, рѣчетворецъ.
Орацію складую — составляю
слово.
Орачъ — тяжатель, земледѣла-
тель, земледѣлецъ, ратай, зри
рольникъ.

- Орелъ великій*—грифъ, ногпатка.
Орудіе—оружіе, мечъ.
Осада—стражба.
Освѣдчаюся—засвидѣлствую, послушествую.
Освѣчую—озарю.
Оскардъ—оскордъ.
Оскаржатель—поемникъ, клеветникъ, шепотникъ.
Оскарженіе—порицаніе, оглаголаніе.
Оскаржую—ваджу, оклеветую, насочаю, поемлю, облагаю, обваждаю, порицаю, ябедничу.
Оскираюся—осклябляюся.
Оскомины набиваю—освотиниваю (sic).
Ослабѣваю—изнемогаю, унываю, стужаюся.
Ослабѣнье—ослабленіе, гажденіе, хуленіе.
Ослобоженье—освобожденіе.
Осмѣваю—уваряю, досаждаю.
Осмѣвъ мя—досадивъ мнѣ, поругася мнѣ.
Осмѣанный—поругаемый, поруганный, досаду пріять.
Особа—видъ, лице, собство, съставъ, упостасъ.
Особы шанованіе—обиновеніе.
Особливый—лишний, особый.
Особль—особъ, наединѣ.
Особно стою—разстою, разностою.
Оставеніе—прощеніе.
Оставленъ бываю—лишаюся, лишаемъ бываю.
- Остатечный*—прочій, послѣдний.
Остатокъ—избитокъ, лишеніе.
Остенъ—пострѣватель.
Остереганье—блюденье.
Остерегаюся—охибляюся.
Остригаю—зри оголюю.
Остриженье—обрененіе.
Остробльнье—устребленіе.
Островъ—отокъ морскій.
Острога—стрекало.
Острогъ—стѣна.
Острожность—бодреніе.
Острожный—зри опатрный.
Острожный естемъ—опасуюся.
Острость розуму—благоразуміе.
Острый—трудный.
Осужаю—оглаголюю, осуждаю, облаюю.
Осуженье—осужденіе, порицаніе, оглаголаніе.
Осяганье—осязанье.
Осягаю—осязаю, стяжаю, стяжеваю, притяжу, паки притяжу.
Отбиваю—отбираю, отражаю, отрѣваю, отрѣваю.
Отбираю—воспріемлю.
Отважуюся—понуждаюся, устремляюся вседушно.
Отведенье—отвожденіе.
Отверненіе—отвращеніе, уклоненіе.
Отвертаю всторону—уклоняюся.
Отволокую—отвлажую, таю.
Отволока—отложеніе.
Отворяю—отверзаю.

Отгаваю—отражаю, отрѣваю, отрѣваю.
Отдаляюся — расту, разно-
 стую.
Отдаютокъ—возданіе, воздаяніе.
Отдѣленье—отлученіе, ошая-
 ніе.
Отдѣленный—отлученъ, отдѣ-
 ленъ.
Отецъ всему свѣту—патриархъ
 вселенскій.
Отецъ земный—попъ, презви-
 теръ.
Отискую—притяжую, паки при-
 тяжу.
Откидаю—отражаю, отрѣваю,
 отрѣваю.
Откола—коль, откуду.
Открытие—откровеніе.
Отлелый—несущій.
Отложеніе—отдѣленіе, отлуче-
 ніе.
Отлучаю—упражняю.
Отлучаюся — расту, разно-
 стую.
Отлученный—отдѣленъ, отлу-
 ченъ.
Отмовляюся—отрицаюся.
Отмѣна — премѣна, преложе-
 ніе, премѣненіе.
Отмѣтованье—отрицаніе.
Отмѣтую—отражаю, отрѣваю,
 отрѣваю.
Отновляю—устраюю, поновляю.
Отношу—восприемлю.
Отнюдь—весма, всяко.
От оного часу—отселѣ, отзде.
Отповѣдникъ—навѣтникъ.

Отповѣдь—отвѣтъ, отвѣщаніе.
Отпорода — наслѣдіе, достоя-
 ніе, жребій.
Отпорца—тожь.
Отпочиваю—почиваю, предпо-
 чиваю.
Отпочиенье—отрада.
Отпущаю прощаю, отдаю, разд-
 рѣшаю, оставляю, ослабляю,
 угаждаю.
Отпущенье—прощеніе, остав-
 леніе, раздрѣшеніе.
Отпыхаю—отрѣваю, отражаю.
Отребины—отребіе.
От сею мѣсяца—отзде, отсюда.
От сею часу—отселѣ, отгелѣ,
 отзде, отсюда.
Отскочилъ—отвержеся.
Отступникъ—расколникъ, схис-
 матикъ, раздорникъ.
Отсюль—отзде, отсюда.
Оттинаю—отсѣцаю.
Оттручаю—отражаю.
Отрученье—отриновеніе, отра-
 женіе.
Отрученъ—маломъ не упалъ,
 преклонихся пасти.
Отчизна — отечество, отече-
 ствіе.
Отчичъ—наслѣдникъ.
Отщепенецъ—схизматикъ, рас-
 колникъ, раздорникъ.
Отщепенство—схизма, расколъ,
 раздоръ, распря, сѣченіе.
Обѣра—жертва, приносъ, при-
 ношеніе, закланіе, треба.
Обѣра цало паленая—всесож-
 женіе.

- Офьорованіе*—жрѣніе, корванъ.
Офьровникъ—жрецъ, священно-
 дѣйственникъ, тайнодѣйствіе
 (sic).
Офьрую—жру, жертвую, при-
 ношу, рѣжу.
Охендожка—одежда, одяніе,
 иматасма.
Охендожмый—зри красный.
Охендожство—утваръ, укра-
 шеніе, честность, ухищре-
 ніе.
Охолода—упокоеніе, ослаба,
 отрада, сладость, сласть, сла-
 дострастіе.
Охороняюсь—охабляюся.
Охота—усердіе.
Охотне—нетяжестнѣ, ненавист-
 нѣ (sic).
Охотный—благоувѣтливъ.
- Очарованье*—обава, обаяніе
 обавленіе.
Очкиваю—терплю.
Очкиваніе—терпеніе.
Очеркменье—окруженіе, околе-
 ніе.
О чомъ—о чесомъ.
Ошаленье—изумленіе, неистов-
 ство.
Ошарпанецъ—рубищеносецъ.
Ошуканье—ложь, прелестъ, ...,
 прелщеніе, лщеніе.
Ошукати—яти.
Ошукачъ—прелестникъ.
Ошукиваю—лещу, прелщаю,
 лихонмствую.
Ошустъ—прелестникъ, запина-
 тель, клеветникъ.
Ощажую—щажу.
Ощупъ—..., дреколь, ратище.

II

- Пава*—винность.
Павъза—щитъ, плишь.
Павъментъ—подъ, помость.
Паюрокъ—холмъ.
Падильне—падежъ, зри омилка.
Падолъ зарослый—дебрь.
Пазуха—недро, ядро, занад-
 рія.
Палацъ—полата.
Палецъ—перстъ.
Пампушокъ—сковрадъ.
Памятаю—памятствую.
Памятка—память, пониманіе,
 воспоминаніе.
Память—умъ, разумъ.
- Панна*—дѣва, дѣвица, дѣвая.
Панованіе—господствіе, влады-
 чество, началство, настоятел-
 ство, могутство, область.
Пановъ—панвица.
Панскій—владыченъ, господень.
Панско—господственнѣ.
Пантофль—выступци.
Паную—обладаю, господствую,
 державствую.
Пануючій—владичественъ, гос-
 подственъ, обладай, начал-
 ствуйай.
Паницръ—броня.
Панянка—юнота.

- Панъ*—владыка, господь, начальникъ, властелинъ, обладай.
- Панъ молодой*—женихъ.
- Панъжъ*—папа.
- Панъръ*—бумага, хартія.
- Паръ*—духъ.
- Пара шатъ*—измѣна рызь.
- Паргамънъ*—кожа.
- Парканъ*—забрало.
- Паростка*—отрасль, приросль.
- Партачъ*—белохудожникъ.
- Парусъ*—вѣтрило, ядрило.
- Пархи*—проказы.
- Паршивый*—проваженъ.
- Пастухъ*—скотопитатель.
- Патронъ*—зри опекунъ.
- Паша*—пажить, паствина.
- Певне*—но, убо, явѣ, истинно, извѣстно, вѣрнѣ, ей.
- Певное*—извѣстное, опасное.
- Певность*—извѣство, опаство.
- Певный*—твердый, нарекованный.
- Педагогъ*—пѣстунъ.
- Пелgrimъ*—пришлецъ, странникъ, странный.
- Пендзелъ*—струецъ.
- Пендъ*—стремленіе.
- Первородство*—первенство, перство (sic).
- Первостъ*—первенство.
- Первястки*—первородная.
- Перебачаю*—небрегу, прощаю.
- Переверненъе*—превращеніе, низложеніе.
- Перевертаю*—опровергаю, превращаю.
- Перевожуся*—проношуся, препосилаюся.
- Перевыишаю*—преспѣваю, преспѣваю, превосхожу, преймаю.
- Превышающее*—превосходящее, превышающее.
- Превышенъе*—преспѣяніе, преимѣтелство, превеличество.
- Перелиядую*—сѣзерцаю.
- Перегорода*—прегражденіе, законъ, средостѣніе.
- Перегорожую*—преграждаю.
- Переди спутованіе*—прѣніе, увѣщаніе, увѣщеваніе, препрѣніе.
- Перейшоуъ*—прейде, отиде, мимошедъ, препливъ.
- Перекладачъ*—апографонъ.
- Перекладъ*—зводъ, архитиконъ, антиграфонъ, апографонъ.
- Перекупецъ*—скупникъ.
- Перелещенъе*—прелщеніе.
- Перелещую*—прелщаю.
- Переличую*—сочетаваю.
- Перемагаю*—одолѣваю.
- Перемагаю в мовъ*—заушаю, зативаю уста.
- Перемагалися*—бѣждахуся.
- Переможеніе*—одолѣніе.
- Перемъненъе*—измѣна, измѣненіе, преображеніе.
- Перемъшую*—возмущаю, озлобляю, удручаю, запиною, претиваю.
- Перенесенъе*—преложеніе, преселеніе, пренесеніе.
- Переношу окомъ*—презираю,

- пренебрегаю.
- Переношуся*—преселяюся, зри перевозжуся.
- Перетираю*—увѣщаваю, прещѣраю.
- Перепишю*—зри перекладъ.
- Переполохъ*—зри ужасъ, ужасновеніе, страхованіе.
- Переправляюся*—зри перевозжуся.
- Перестѣдую*—созерцаю.
- Пересмотрю*—соглядаю.
- Переставаю*—престаю, пребываю, почиваю.
- Перестанье*—упражненіе.
- Перестереганье*—соблюденіе, сохраненіе.
- Пересторога*—то жъ.
- Перестрахъ*—зри переполохъ.
- Перестрашную*—изумляю, . . . , ужасаю, стужаю, устрашаю.
- Перестыаю*—паствую, препинаю, пакощу.
- Перетимаю*—пересѣцаю.
- Перехитрую*—обхожду.
- Переходень*—переселникъ.
- Переходящее*—преходящее, превозвышающее.
- Переходъ з мѣста на мѣсте*—преселеніе.
- Перечка*—прѣніе, прѣ, рвеніе, распрѣ, тяжба, распрѣваніе.
- Перешкода*—препона, спона, претиканіе, возбраненіе, пакость, пакощеніе, занятіе, препятіе.
- Перешкодца*—запинатель, пострѣкатель.
- Перешкожую*—зри перешѣшую.
- Перю*—бисеръ, женчугъ, маргарить.
- Перо*—періе.
- Перо до писанія*—трость, писеръ (sic), графія.
- Перси*—лоно, нѣдра, сосца.
- Персона*—зри особа.
- Перунъ*—громъ, молнія, тутно, трѣсновеніе.
- Перханье*—пареніе.
- Перше*—прежде, первѣе, даже, ажъ.
- Перший*—прежний, первый.
- Перший овоиць*—начатокъ.
- Петаль златъ*—доска золотая.
- Петлица*—петель, петля.
- Печалованье*—попеченіе, опасеніе.
- Печаловитый*—попечительный.
- Печатникъ*—печатаръ, знаменитель.
- Печатую*—знаменую.
- Печать*—знаменіе.
- Печера*—вертепъ, пещера.
- Печерка*—нирище.
- Пещота*—сладострастіе, разсверѣпеніе.
- Піенкость*—зри краса.
- Піенкный*—зри красный.
- Пиво*—оловина.
- Пило*—тощю, опасно, рассмотрительнѣ, извѣстно.
- Пилность*—тщаніе, потщаніе, бодреніе, належаніе, присѣдѣніе, дѣланіе, опасеніе, опаство.

Пилую — надстою, прилежу, належу, присѣжу, тщуся.
Пилмый — тщательный, потщательный, благоприсѣдательный, опасный.
Пилмый слушачъ — вниматель, внушитель, опасный.
Пирогъ елейный — хлѣбъ масличенъ.
Писанія способъ — писало.
Писаръ — книгочій, книжникъ.
Писканіе — гуденіе.
Пискаю — якаю, ячу, скомлю (sic).
Пищалка — пицаль, свѣриль, сопѣль, трость.
Пищки — пищали.
Планети — планиты, мамрены (sic).
Пласконосый — тупоносый.
Пластовый медъ — страдовый медъ.
Платца — мздовоздатель.
Плахта — вретиче, власяница, skutъ.
Плачливе жалую — очаеваю.
Плачу — ридаю, слезю, сѣтую.
Плачъ — вопль, сѣтованіе, риданіе.
Плачъ жалостный — риданіе.
Племя — ищадіе, жилище.
Плесна ножныи — плеснь.
Плечи — плещѣ, мышца.
Плотка велеръчивый — баснотворецъ.
Плотки — оплатство, басны (sic).
Плодность — плодовитость, ситость.
Плодный — плодовитый.

Плюдь — чадо.
Плотъ — градежа, оплотъ, градежъ, плотъ.
Плузъ — рало, орало.
Плювки — вожи.
Плюсь — тля.
Плюгавецъ — скверный, нечистый, сквернавый.
Плюгавство — отребье, скверна, нечистота.
Плюскъ — слухательный, шукъ.
Пляга — пагуба, зри — моръ.
Плястръ — плястирь.
Плястръ меду — сотъ.
Пляцъ травою зарослый — лѣски, лѣхъ, лядина.
Пплизъ, иде шри и шармърства отправуютъ — тризнице, позорище, подвигоборище.
Побиваю — уязвляю, ураняю.
Побитъе — рана, язва.
Побожность — благочестіе, преподобіе, благобоязненіе, благовѣнство, ревность.
Побожный — зри набожный.
Поборъ — дань, урокъ.
Побудка — поощреніе, воздвиженіе, подражаніе, подобіе.
Побуженье — то жъ.
Побуждаю — понуждаю, припонууждаю.
Повабленье — обава, обавленіе, обаяніе.
Побавляю чарамы — обаваю.
Повага — поважность, достоинство, гординя, честность, тяжесть.
Поважный — високосердый, тяж-

- косердый, благообразный, тяжекъ.
- Поважный людъ*—людъ тяжекъ.
- Поважный*—господственнѣ, ко-сно.
- Повинность або часть*—достоя-ніе.
- Повинный*—природный, свое-племенный, ужикъ.
- Повиноватство*—ужичество.
- Повинутье*—повиновение.
- Поводиръ*—руководитель.
- Поводитъ ми ся*—добре спѣю.
- Поводъ въ правъ*—винителный.
- Повоженъе доброе*—спѣяніе.
- Повоимость*—благоуміе.
- Поволный*—преклонный.
- Повоненье*—уханіе, обоняніе.
- Поворожъ*—уже, ужы, вервіе, вервіа, вервь.
- Повстаніе*—востаніе.
- Повторе*—двоично, вторицею.
- Повшехный*—насуцный, при-сный, всегдашний.
- Повъданъе*—вѣщаніе.
- Повъдачъ*—вѣстникъ.
- Повъдаю*—вѣщаю, глаголю.
- Повъдка*—вѣжда, вѣя.
- Повъренъе*—врученіе, повѣре-ніе.
- Повъсть*—слово.
- Повъсть добрая*—благовѣстіе.
- Повътріе*—моръ, зри—моръ.
- Повътрые*—аеръ, воздухъ.
- Повътъгъ*—страна, предѣль.
- Погабенъе*—зри ганба.
- Погабляю*—зри ганблю, изво-жду въ позоръ.
- Погапе*—язици.
- Погапингъ*—язичникъ.
- Погапскій*—язическій.
- Погапный*—зри плугавецъ.
- Погаданъе*—зрѣніе, виденіе.
- Погада*—ведро, извѣтъ, благоу-тишіе.
- Погажестъ*—ключимость.
- Погажий*—благоключимый.
- Погаювъе*—поглавіе.
- Погажю*—отмещуюся, отмѣ-таюся, отрицаюся, преоби-дѣхъ (sic), зри взгоржаю.
- Погаженъе*—соблазнъ.
- Погабляю*—растлѣваю.
- Погабляючій*—губитель.
- Погаданъе*—преданіе, уставъ, ве-леніе, догматъ, нравъ, пре-дѣль, предателство.
- Погадарокъ*—даръ.
- Погавию*—подвизаю, востав-ляю.
- Погавиженъе*—воздвиженіе.
- Погавика*—сударъ.
- Погавоиский*—проповѣдалникъ (sic).
- Погавори* (sic)—предверіе, сѣнь, дворъ.
- Погавязка*—вузь сапожный.
- Погаданный*—обладаемый, на-чинаемый, подначальный.
- Погаданъеся*—повиновение, по-винутіе.
- Погадаюся*—покаряюся, пови-нуюся.
- Погадеренъе*—зазоръ, порокъ, зазрѣніе, осужденіе, окаева-ніе, непщеваніе.

Подозроно—зазорно.
Подозронный—зазорный, порочный.
Подеймую — воздѣю, возставляю.
Подирь—рыза допчая (sic).
Подкладають мя—подчиняюся.
Подложница—заложница, паложница.
Подлюсть—худость, ..., суета.
Подлый—худый.
Подлыгаю—покоряюся.
Подльшій — худѣйшій, меншій.
Поднесъ—подяль.
Подножокъ—подножіе.
Подношу—воздежду.
Поднущаю—подощряю, общряю.
Поднятье—воздѣніе, воздѣяніе, подятіе, пріятіе.
Подобаю—благоугождаю.
Подобающее—простѣ, негли.
Подобенство—притча, образъ, подобіе.
Подоблю—угаждаю.
Подоблюся собѣ—любопочитаюся.
Подобникъ—подражатель.
Подобно—подоболѣпно, любодостойно.
Подозренье—мнѣніе, зри подезренье.
Подолки у шатъ—умети, воскрилія ризъ, отребы.
Подоптанье—попирание.
Подоптую—попираю.
Подорожникъ—зѣлье трескотъ.

Подорожное—напутіе.
Подорожный—путникъ, страный.
Подощва—плесница, саудаль.
Подписъ—подписаніе.
Подполомикъ (sic) — опрѣснокъ,..
Подругъ—клеврѣтъ, другъ.
Подступокъ—навѣтъ.
Подтиною—подсѣцаю.
Подушка—возглавіе.
Подущаю—навѣтую, наущаю, поощряю, предобущаю.
Подущенье—навѣтъ.
Подхождую—прелщаю.
Подчаший—виночерпій, виночерпатель, черпчій, черпающий.
Подшувачъ—навѣтникъ.
Подшую—зри подущаю.
Подъльмъ—зри надѣлатель.
Подълье—подѣліе, наддѣланіе.
Подъ заслоною—присѣннѣ, присѣннѣ.
Подъ претекстомъ — нещевашіемъ.
Поеданье—миротвореніе, мированіе, упокоеніе, покой.
Пожадливость—похоть, вожделѣніе, желаніе, сладость, сласть, безстудіе.
Пожаданный—желаемый, вожделѣнный.
Пожадаю—желаю, вожделѣваю, похотствую.
Поживаю—комкаю.
Пожитечный — благопотребный.
Пожитокъ—польза, успѣхъ.

- Пожитокъ макъ*—усиѣваю.
Пожитокъ чиню—товжъ.
Пожитокъ чинячій—успѣшный.
Позверхность якои речи—явленіе.
Позволеніе—изволеніе, прощеніе, произволеніе.
Позволяю—изволяю, прощаю.
Поздоровленіе—цѣлованіе.
Поздоровляю—цѣлую, лобизаю.
Позираю—зрю, вижу.
Позирай—зри, виждь.
Познаемости — предпріятіемъ (sic).
Познаю—увѣмъ.
Позно—поздно, коснѣ.
Позовъ—сказнь.
Позиваніе—пойми (sic), поносъ, поношеніе.
Позиваю—поемлю.
Позивачъ—потяжникъ.
Позискую—приобрѣтаю.
Позичаніе—заемленіе.
Позичаю—взаимъ даю.
Позичаю собѣ—заемлю, займаю.
Позичающій—заемникъ.
Позичальникъ—заимодавецъ.
Позосталый—прочій, лишенный.
Позосталое — лишенное, оскудѣвшее.
Позрѣніе—возрѣніе.
Позъваю—зри зѣваю.
Поимати—яти.
Поимаю—емлю.
Поимай—емли, поемли.
Поимай—ятъ, яль.
Поиманный—ятый, ять.
- Поймованіе умомъ* — смыслъ, смѣшленіе.
Поймую—вмѣщаю.
Покалянный—зри нечистый.
Покаляю—скверню.
Поки—доколѣ, дондеже, донелѣже.
Покиваніе—маніе, маяніе.
Покивую—возмаваю, возмаяю.
Покладаю—полагаю, вмѣняю.
Покой—смирненіе, миръ, упованіе, безмолвіе, повои, мированіе, ослаба, отрада, упражненіе.
Покой кромевскій—полата, чертогъ.
Покольнѣ—исчадіе, чадо, дѣтище, родъ, степень.
Покора — смирненіе, смиренно-мудріе.
Покораю—повиную.
Покормъ—пища, брашно, снѣдь, снѣдь.
Покормъ зѣрный—зѣроядина.
Покореній—зри покорній.
Покореніе—послушаніе.
Покорная мудрость—смирненно-мудріе.
Покорне мудрую — смиренно-мудрству.
Покорный—смиреній, благоудительный, смиренъ.
Покорныйшій—типайшій.
Покоряюся—смиряюся.
Покоштованіе—начинаніе.
Покрепность—ужичество, родъ, ищадіе.
Покрепный—приискрный.

Покрива—стволіє.
Покритє—присѣненіє.
Покропястый—разноличный.
Покуль—зри поки.
Покуса—страхованіє, искушеніє, мечтаніє, искуситель, дѣволъ, дѣво.
Покушенє—искушеніє.
Поле— село.
Ползаю—плѣжу, пресмыкаюся.
Ползаете низу—плѣжущее.
Полізачъ тальтровъ—ласкосердїй, гортанобѣсець.
Поликаю—поглощаю.
Полискovanje—блистаніє, со-тѣненіє (sic).
Полиція—гражданство.
Полічаю—почитаю, воминаю.
Поліченє—сословіє, сочисленіє, согляданіє.
Полічокъ—ланита, скрина.
Полкъ—чета.
Полкненє—поглощеніє.
Полночный вѣтръ—сѣверъ.
Половы—плевы.
Половый—пелесый.
Положилемъ—предложихъ.
Полонъ—плѣнь.
Полотно—платно.
Полохливый—страхливый.
Полочу—плакляю.
Полтальрокъ—сребрникъ.
Полуденный вѣтръ—югъ.
Полудне—югъ, пладне (sic).
Полукопокъ—копно.
Полъпшенє—цѣломудріє, исправленіє, умиленіє, полза.

Полъпшую—уцѣломудряюсь, испраляюсь.
Поля розмѣры—волоки, ланы.
Помогачъ—споспѣшникъ, помощникъ, заступникъ.
Помогаю—пособствую, воспріемлю.
Помазаю—помащаю.
Помешканє—жителство, гражданство.
Помикаю—потязую, привлекаю.
Помираю—скончеваюсь.
Помирєнє—зри покой.
Помноженє—растеніє (sic).
Помножуюся—зри множусь.
Помовляю—порѣваю, порѣцаю.
Помолодецку—юношески.
Помочъ—помощь, полза, стражба, умиленіє.
Помощникъ—зри помогачъ.
Помпа—гордость, киченіє, явленіє, напищеніє, гордѣніє, щапство.
Помста—мщеніє, месть, отмщеніє.
Помсту чиню—отмщаю, лицую (sic).
Помстителъ—местникъ, отмститель.
Помышленє—помишлезіє, помисль, мечтаніє.
Помышляю—вспомынаю.
Поневажъ—понеже, елма, елмаже.
Поневомый—нехотимъ.
Понижаюся—смиряюсь.
Пониженє—зри покора.
Понижонъ бываю—повивуюся.

- Понижаю*—зри ганблю.
Понуренье—погруженіе.
Понуряю—погружаю.
Понюханье—обоняніе, обуханіе.
По обохъ сторонахъ—обоюду, обоямо.
По одной сторонѣ—обонъ полъ.
Попасую—поядаю.
Попихаю—порѣваю, рѣю.
Поправа—зри полѣпшенье.
Поправляю—исправляю, строю.
Поправляюсь—зри полѣпшаюсь.
Поправующій—строитель.
Поприсягаю—заклинаю.
Попростаиху—неискуснѣ.
Попросту—спроста.
Попудливость—ярость.
Попудливый—зѣлный.
Попуцаю—оставляю.
Попущенье—ослаба.
Попыль—попелъ, пѣсовъ.
Порада—совѣтъ, совѣщаніе, совѣтованіе.
Порадца—совѣтникъ.
Поражаю—язвлю.
Пораженье—рана.
Поражка—сѣчь.
Поражку маю—вреждаюсь.
Поражую—совѣтую.
Поранокъ—утро, утріе.
Порану—заутра.
Поранъшній—утрній.
Пораняюся—уражаю.
Поракванье—зри поличенье.
Поракховую—сочисляю.
Порвистый (sic)—стромителенъ.
Пориваю—похищаю, восхищаю.
Поровнанье—сочетаніе, сораз-
- сужденіе, соравненіе, равенство.
Поравниваю—соравняю, сосуждаю.
Порогъ—прагъ.
Порожне—всуе, вотще, туне, тще, тоще, тщетно, безъ ума.
Порожневанье—упражненіе.
Порожнѣй—празный, тощъ.
Порожнюю—празную, упражняюся.
Порожня слава—тщеславіе.
Порожно—согнитіе.
Порохъ—прахъ, персть.
Портъ—пристанище.
Поручаю—вручаю, вовѣряю, предаю, полекаю.
Порушенье—движеніе.
Порушую—движу, поколѣбаю.
Порядно—чиннѣ.
Порядный—чинный, строител- ный.
Порядокъ—чинъ.
Посагъ—вѣно.
Посадка—подъ.
Посвѣдчаю—засвѣдителяствую.
Поселство даю—ходатайствую, посланіе дѣю.
Поселъ—вѣстникъ, молитвен- ний, ходатай.
Посессию держу—державствую.
Поскакую—перу.
Послизненье—поползновенье, поползеніе.
Пословица—порекло.
Послушенство—послушаніе.
Послушенный бываю—повинуюсь.
Посмивиско—поруганіе, пора- дованіе.

Посмикую — потязую. привла-
чаю.

Посохъ—жезлъ, ...

Посполите—обще.

Посполитовникъ—общникъ.

Посполитый — общій, собран-
ный, обичный.

Поспѣхъ—спѣхъ.

Посромоченый—постидный.

Посромоченье—зри ганба.

Посромочую—зри ганблю.

Поставаю—возникаю.

Постановенье — предложеніе,
произволеніе, устроеніе, на-
мѣреніе, правило, догма, ви-
рокъ.

Постановленье—уставъ.

Постановляю—узаконяю, пола-
гаю, вмѣняю.

Постановилемъ — предложихъ,
утвердихъ.

Постать—зракъ, упостась, им-
ство, имѣнство.

Постеля—ложе, одръ.

Постерьяю — блюду, оцу-
щаю.

Посторонный—странный.

Пострахъ—страхованіе, зри пе-
реполохъ.

Пострѣленный—вонзенный.

Пострѣляю — вонзаю, устрѣ-
ляю.

Пострѣль—вонзеніе.

Поступокъ—спѣхъ.

Поступую—спѣю.

Постыаю—утоляю.

Постыаюсь—огрѣваюсь, оша-
еваюсь, ошаяюсь.

Постыаливость — воздержаніе,
ошаяніе.

Постыаливый—воздержный, воз-
держательный.

Постыануться — отступить,
удержатися.

Посудокъ—орудіе.

Посупленье—зри стескность.

Посуа—зной, скваръ, пекъ,
варъ.

Посьдаю—стяживаю, стяжаю.

Потаемне—отай, тайнѣ, тайно.

По тамъ той сторонѣ—оно-
ду, обонъ полъ.

Потварца—клеветникъ.

Потворяю — клевету, павою,
облеветую.

Потваръ—клевета, клеветаніе,
напастъ, искушеніе.

Потвержаю—увѣряю, увѣще-
ваю, засвѣдительствую, благо-
волю.

Потверженье—извѣщеніе.

Потиканье—поползновеніе, ус-
тремленіе.

Потикаю — стрѣтаю, срѣтаю,
срящую.

Потикаюсь—потвуюсь, борюсь,
рагую.

Потканье—стрѣтеніе, стремле-
ніе.

Потичка—зри бой, валка.

Потокъ—водотечъ, источникъ.

Потомство—исчадіе, чадо, дѣ-
тище.

Потомъ—та же, по семъ, паче.

Потрава—пища, брашно.

Потравляю—улучаю, ухищряю.

- Потреба*—нужда, насиліе, треба.
- Потребно*—ключимо, нужно, ключаемо.
- Потребный*—включимый, ключаемый, достойный, искусный.
- Потребны суть*—потребствуютъ.
- Потребованье*—требованіе.
- Потребую*—требую, потребствую.
- Потручую*—зри попихаю.
- Потуца*—рогъ.
- Потужность*—зѣлность, велелѣпота.
- Потужить*—доблѣ, доблественнѣ, ...
- Потупленіе*—судьба, судъ.
- Потупляю*—окаеваю, зазираю.
- Потьха*—цорадованіе, сласть, сладость.
- Потя*—птица.
- Потягаю*—потязаяю, повлачаю.
- Потяженое*—потяженое, зѣльное.
- Потолгую*—ослабляю.
- Похвали*—плесканія.
- Похваляю*—ублажаю, превозглашаю.
- Похватую*—похищаю.
- Похибляю*—погрѣшаю.
- Похилмость*—соустроевіе.
- Похиляюся*—воскланяюся.
- Похлѣбство*—ласканіе, леть, лещеніе.
- Похлѣбца*—ласкатель, потаковникъ, пасорить (sic), притрапезникъ, трапезолизатель.
- Похлѣбую*—ласкаю.
- Похлѣпный*—шумень.
- Походистый*—стромнителенъ.
- Походня*—свѣтильникъ.
- Похожую*—похожду.
- Похопъ до чою*—предспѣяніе.
- Поцалованье*—лобзаніе.
- Початокъ*—начало, архиоглашеніе.
- Початокъ стиха*—гранесіе.
- Початокъ або якої речи сума*—главизна.
- Початокъ подаючий*—оглашенникъ.
- Початокъ чинячий*—виновный.
- Почекай ми*—долготерпи о мнѣ.
- Почестъ*—говѣніе.
- Почеть*—чета, причеть.
- Почки*—бубреги, ядра, ниры.
- Почтенный*—блаженный.
- Почтливость*—честность, говѣніе.
- Пошанованье*—говѣніе.
- Поясъ*—обрусець.
- Правда*—истинна.
- Правду мовлю*—истинствую.
- Правдиве*—истинно, достовѣрно.
- Правдивый*—правый, истинный, цѣлый, цѣль, сущый.
- Право*—во истину, убо.
- Приво*—законъ, заповѣдь, догма.
- Право становлю*—законополагаю.
- Правость*—праота, правина.
- Правица*—десница.
- Правый*—десный.
- Прагненіе исти*—алканіе, алчба.
- Прагненіе пити*—жажда.

- Прлму*—жажду.
Праниу.гъ—возжадахся.
Празникъ—празнованіе.
Практика—пророчество, будущихъ вещей провозглашеніе.
Практикую—пророчествую, отвѣждаю.
Практицтво—соглаголаніе, словіе.
Праса винная—тиска, точило.
Праца—работа, трудъ, дѣланіе, усиліе, справа.
Працовитость—трудолюбіе, дѣланіе.
Працовитый—трудолюбезный.
Працу задаю—утруждаю, движу, тружу.
Працюю—работаю, труждаюсь, подвизаюсь, вреждаюсь, стражду.
Працѣть полный—трудный, многотрудный.
Прачка—бѣлица.
Пребачаю—пренебрегу, небрежю, небрежу, презираю.
Пребаченье—небреженіе, презорство.
Пребываетъ—лежитъ.
Преветная дѣра—сопль проходный.
Превзятость—преимѣтелство, величествіе.
Презвѣтый—преимущый, презвѣщенный.
Превротность—стропотность.
Превротный—злонравный, злухитрець, лукавый, лукавъ, стропотивень, развращень.
Превышишаю—превосхожду.
Превышенье цноти—устремленіе душѣ, предстателство, представленіе.
Преданіе—велеаніе, нравъ.
Предводитель—вождь, держащій.
Предиспутовую—препрѣваю, затикаю уста, зауцаю, увѣщеваю.
Предмова—предословіе.
Предмѣстіе—предградіе.
Предмѣщане—предграждане.
Предназначенный—пронареченный, прознаменованный, предизбранный, преопредѣланный.
Предный—предпочтенный.
Преднь—предводителнѣ, извѣстнѣ.
Предсѣвзятіе—предложеніе, благоволеніе, произволеніе, намѣреніе.
Презвѣщенный—преизвѣщенный.
Презначенье—образованіе.
Презренье—смотреніе, осмотреніе, судьбы строеніе.
Презрочистость—сіяніе, свѣтъ.
Презрочистый—свѣтлый, чистый.
Презъ мѣчъ—убоемъ.
Презъ онаю—онымъ, чрезъ оваго.
Преквѣтованье—разсверѣщеніе.
Прекладаю—предлагаю.
Преложеные—властели, владыки, господіе.
Преложоный естемъ—державъ

- ствую, господствую, влади-
чествую.
- Преложоный*—наставникъ, на-
стоятель, преимуществный.
- Препись*—зри перекладъ.
- Препіорка*—красель.
- Препона*—зри перешкода.
- Препону чиню*—возбраняю, зри
перемѣшую.
- Препуцаетъ*—препосилаетъ.
- Пресажую*—переношую.
- Пресажаячійся* — тщательный,
потщательный.
- Пресвареніе* — заущеніе, пре-
прѣніе.
- Преслѣдованье*—гоненіе, изгна-
ніе.
- Преслѣдовца*—гонитель.
- Преслѣдую*—гоню.
- Престолъ болванскій* — треби-
ще.
- Престолъ в церкви* — жертво-
никъ, олтарь.
- Претекстъ*—прирокъ.
- Пре то*—тѣмъ, сего ради.
- Пречъ*—вонъ.
- Прибитокъ*—зри зискъ.
- Прибѣгаю* — теку, притѣкаю,
притичу, срищусь.
- Привертаю*—устроюю.
- Привиденье*—зри куглярство.
- Привижуюся*—мечтаюсь.
ривикаю — обикаю, обучаю,
поучаю.
- Привлащаю*—присвоюю.
- Привлащенье* — свойство, при-
своеніе.
- Привожу*—произношую.
- Привышенъ бываю*—прицѣпля-
юсь, привязуюся.
- Пригана*—уколъ, зри ганба.
- Приляжую*—прозираю.
- Приляжуюсь*—созерцаю.
- Пригода*—случай, примѣтъ (sic).
- Пригожій*—зри красный.
- Приготованье*—устроеніе.
- Приготовляю*—соустроюю.
- Придаетъ ся*—включаетъ ся, слу-
чаетъ ся.
- Придатки*—восприятія.
- Придатокъ* — прилогъ, прило-
женіе.
- Призвичаюся*—навикаю.
- Призвичаемъ ся* — предпрія-
тый есмь.
- Призвоите*—лѣпо, влѣпоту.
- Призволенье*—изволеніе, маніе,
мановеніе, сложеніе, обѣтъ.
- Призволяю* — засвѣдительствую,
исповѣдую.
- Признаваюсь*—исповѣдуюсь.
- Пріймю* — воспріемлю, при-
имаю, сопричтаваю.
- Прійти маючій*—грядущій, бу-
дущій.
- Приказанье*—зри право.
- Приклада* — сочтаніе, сораз-
сужденіе.
- Прикладаю*—прилагаю.
- Прикладаюся*—прилагаюсь.
- Прикладъ* — образъ, указанье,
указъ, притча.
- Прикликъ*—призови, пригласи.
- Приклякаю*—преклоняю колѣ-
пѣ.
- Прикрыте*—присѣннѣ, присѣ-

- неннѣ, прикровеннѣ, осѣ-
неннѣ.
- Прикро ми*—гнушаюся.
- Прикруся*—стужаю, озлобляю,
удручаю, обтягчаю, возму-
щаю, труды дѣю.
- Прикрый*—прискорбный, труд-
ный, стужателенъ, притуж-
ный.
- Приблища*—шлемъ.
- Прилежу*—заступаю, предста-
тельствую, поспѣшествую,
удовляю.
- Приличую*—причитаю, прила-
гаю.
- Приложити*—прибавити.
- Прилучаю*—прицѣпляю.
- Прильплю*—прицѣпляю.
- Примноженъ*—ростъ, растеніе.
- Примножую*—умножаю.
- Примушаючий*—насиловникъ,
нудитель.
- Примушенъ*—насиліе, бѣжде-
ніе.
- Примушю*—насилую, понуж-
даю, увѣждаю, настою.
- Примѣраю*—соравняю, согла-
шаю, сочиняю.
- Примѣрье*—сложеніе, обѣтъ.
- Примѣтъ*—случай.
- Принагляю*—зри примушаю.
- Принагляючий*—настояй.
- Принятье*—принятіе, подня-
тіе.
- Припадаючий*—подобающій, лѣ-
пный, подобный.
- Припадки*—привнитія.
- Припадокъ*—зри пригода.
- Припеструю*—упещряю, укра-
шаю.
- Припливаю*—притѣкаю, при-
тичу.
- Приплюжю*—плодъ приемлю.
- Приповѣданье*—моленіе.
- Приповѣсть*—притча, образъ.
- Приповѣстие*—штучные изви-
тія словесъ.
- Приподобанье*—приподобленіе.
- Припоминанье*—приповѣданіе.
- Припоминаю*—вспоминаю, про-
изношаю, приповѣдую.
- Приправованье*—устроеніе.
- Приправую*—притворяю.
- Припрятую*—сопрятовую.
- Припѣкаю кому*—зри прину-
шаю.
- Приравниваю*—соравняю, соче-
таю, уподобляю, соглашаю.
- Прировнанье*—сравненіе.
- Прироженъ*—естество.
- Приручую*—припоручаю, со-
гласую, совѣщаю.
- Приряжаю*—сочиняю.
- Прислужую*—угаждаю.
- Присмаки*—пристроеніе.
- Присмотрю*—призираю.
- Присмотрюся*—созерцаю, со-
разумѣваю, усмотряю.
- Приславъ*—приставникъ, пѣс-
тунъ.
- Пристанъ*—пристанище.
- Пристойне* влѣпоту, врѣсноту,
лѣпо, послѣдователнѣ, изящ-
нѣе.
- Пристойность*—лѣпота, рѣс-
нота.

Пристойный—лѣпый, красивый, подобный, подобающий, приличный.
Пристойтъ—лѣтъ есть, подобаетъ, достоинтъ, подобиться.
Пристосовую—строю, сочиняю.
Приступъ—извѣтъ.
Присяга—рота.
Присягаю—кленуся, рочуся.
Присяжный—ротникъ.
Присягу показуючій—ротникъ.
Притворяю—причинаю.
Притворъ—сѣнь, дворъ.
Притомность—прибытіе.
Притомный—настоящій.
Притрафленіе—случай.
Притрафляюсь—прилучаюсь, приключаюсь.
Приучуюся—навицаю.
Прихваткомъ—наддѣлательнѣ.
Прихилность—приклоненіе.
Приходень—прихожий, приплецъ, пришелецъ, странникъ, странный, приселникъ, иноколѣнникъ, иноколѣнница.
Прихожу—граду, прихожду.
Приходъ—приобрѣтеніе, притяжаніе, проторъ.
Приходъ—пришествіе.
Причастіе—комканіе.
Причащаюся—комбаю.
Причетникъ—клирикъ.
Причина чому—виновный, повинный.
Причиненіе—извѣтъ, моленіе.
Причинокъ—придатокъ, прилогъ, приложение.

Причинаюся—ходатайствую, ириповѣдаю.
Пришолъ—пришелъ, приспѣ.
Пріязнъ—друголюбіе, любовь.
Пріязнъ—подаля.
Пріятелско—истинно, искренно.
Пріятелство—ужичество, любовь.
Пріятель—другъ, ужикъ, клеверѣтъ.
Пріялю—желаю, рачу.
Проба—искусть, правило.
Пробую—искушаю.
Провожу—проваждаю, руководствую.
Проводникъ—наставникъ, вождь, настоятель, руководитель.
Продукую—первствую (sic).
Продукуючій—превышающій, предваряющій, преимѣй, предводитель, наставникъ, первый, проигумень.
Продолжаю—закосяваю, замедлѣваю.
Продолженіе—закосяніе, замедленіе.
Продуха в водѣ—хлябы.
Продруханіе—истрезвеніе.
Прожно—зри надаремне.
Прожность—суета.
Прозба—молитва, моленіе.
Прозванный—наречень.
Прозвиско—имя, пезимя (sic), порекло.
Проклинаніе—рета.
Проклинаю—рочу.
Проклинаюся—рочуся.

- Прокураторство* — соглагола-
ніе.
- Прокураторъ*—вѣтый, соглагол-
ный.
- Проливаю*—изливаю.
- Промисль*—промышленіе.
- Промынокъ*—назвиско, прелимя,
порекло.
- Промыство*—соображеніе, лу-
кавство.
- Пропастный*—преисподный.
- Пропастъ*—тина, бездна, тма,
преисподняя, хлябье.
- Проперець*—знаменіе.
- Прорва*—хлябь.
- Прорвистый*—стромнителный.
- Пророкую* — прорицаю, совѣтъ
даю.
- Проростую*—прозябаю.
- Просливаю*—промикаюся.
- Простацкый станъ*—простацъ,
невѣжда, невѣглась, смирен-
ный, оглашенъ.
- Простацтво*—невѣжество, не-
вѣдѣніе, неразумѣніе.
- Простирадло*—плащеница, по-
нява
- Просто*—прямо, противу.
- Просто*—праволучно, право.
- Простую*—управляю.
- Простый*—цѣль, цѣлый, худый,
общый, обычный.
- Простый человекъ* — поселя-
нинъ.
- Простяница* — людянинъ, не-
вѣжа народный, особница.
- Протекстуюся* — засвѣдители-
ствую, послушествую.
- Противко*—противъ, прямо.
- Противленься* — противленіе,
сопротивостояніе, ..., сопро-
тивословіе.
- Противная мова* — сопротиво-
рѣчіе, сопротивоположеніе,
противословіе.
- Противникъ* — навѣтникъ, са-
тана, сопостать, суперникъ.
- Противность*—скорбь.
- Протхланъ*—хлябь.
- Протягаю* — пробавляю, про-
должаю, возвращаю.
- Прохира*—пронырливецъ, про-
нырливый.
- Проходка*—обходъ, глумленіе.
- Прохожую*—хожду, глумлюсь.
- Прошениый*—бѣдимъ, молимъ.
- Прошеніе*—моленіе.
- Прошлое*—мимо шедшее, пре-
пльвшое, предваршее, пре-
жде бывшее, мимотекущее,
преходящее, постигшее, про-
шедшее.
- Прошу*—молю.
- Прошу нилмо*—бѣжду.
- Прудко* — абіе, скоро, внеза-
пу.
- Прудко бѣжачій* — быстроточ-
ный.
- Прудкость*—скорость.
- Прудкый* — пернать, скорый,
скоръ, борзый, сверѣпый, на-
прасный, стромнителенъ.
- Прутъ*—жель.
- Пруюся*—отмѣтаюся, отрицаюся,
отмѣщуся.
- Прядениый*—сотканный.

Пестливый — малакіа, нечистость.
Пестротина—пестрота, пещереніе, порокъ.
Песю — вреждаю, раздрѣшаю, сокрушаю, растлѣваю.
Песуй—вреди, сокруши, раздрѣши.
Песуойй — вредитель, разоритель.
Птаство—птичьество.
Птахъ—птица.
Публика—позоръ.
Публице—народнѣ.
Пугаръ—потиръ, чаша.
Пудреніе—устремленіе.
Пужаю—изумляю, устрашаю.
Пукли—мохри.
Пукльръ—павѣжь (sic).
Пунктъ—срока.
Пупокъ—пупъ.
Пупляшокъ—на деревѣ пупъ.
Пусто—тще.
Пустошитель—губитель.
Пустошу—погубляю.
Пустую — безчиную, безчинствую.
Пута—вериги, оковы.
Пухлина—гной, трудъ водный, кручина, надиманье.

Пухну—надимаюсь.
Пуча на древь—пружіе, акриды.
Пуца—пустыня.
Пытанье—вопросъ, истязаніе, стязаніе, возисканіе.
Пытачь—истязатель.
Пытаю—истязую.
Пытаюсь — вопрошаю, истязую.
Пыха—гординя, гордость, славолюбіе, високоуміе, виченіе, величаніе, напищеніе, хуявость, презорство, напраснство, кручина.
Пышаюсь—гордюсь, величаюсь, кичуся, великомудрствую.
Пышный — гордый, величавый, гордъ, гордостенъ, високоумень, напыщенъ, ухищренъ.
Пывень—пѣтель, алекторъ.
Пыклованье—попеченіе.
Пылязь дробный—мѣдница, водрантъ, лепта.
Пырье—пѣріе.
Пырьемъ оброслый—пернатъ.
Пысней спыванье—пѣснопѣніе.
Пычь—сучало.
Пятно—печать, знаменіе.
Пятна натресканые — язвы, рани натресканія, язна.

Р.

Радный панъ або радца—совѣтникъ.
Радость — веселіе, сладость, сласть, сладострастіе, смѣхъ, грохоть.

Радшей—радѣй, паче.
Радъ барзо—любовнѣ, нетяжестнѣ (sic).
Ражу—совѣтую, увѣряю, увѣщевую.

- Разъ*—единощи, единою.
Рамя—мышца.
Рана—язва.
Ранний—уязвленный, уязвительный.
Раны задаю—язвляю, уязвляю, досаждаю.
Раны задаючий—уязвляючий.
Раный—утренный.
Раню—язвлю, досаждаю.
Ратунокъ—помощь, полза.
Ратуишъ—престоль, судилище, судище.
Ратую—пособствую, пособию, свобождаю, удовляю.
Рахованье—словоположеніе.
Рахую—сословляю, сочетаваю, умышляю.
Рачачи—бѣдчачи.
Раченый—бѣдимъ.
Рачу—бѣжду.
Рачъ—хтѣй.
Рву—терзаю, трѣзаю.
Ревно плачу—ридаю.
Ревотаніе—смѣхъ, хлѣхотаніе, грохотъ, хохотаніе, треволеніе.
Ревочу—хлехочу.
Реентъ—канцляй, книгочий.
Реестръ—сочисленіе, словіе.
Режимъшокъ—мѣшкорѣзецъ.
Ремесло—художество, хитрость, ученіе, начинаніе.
Ремесникъ—художникъ, хитрецъ.
Ременецъ—возвузъ, сапожня (sic).
- Ремьный*—усмѣнный, усмѣнь, кожаный.
Ремьнь—кожа.
Ретязъ—разворъ, верія.
Реторъ—риторъ, вѣтый, хитрословець.
Речевисте—чувственно.
Ржа—тля.
Римитокъ—ровъ, токъ, прирителище, исходяще.
Робакъ—червь.
Роблю—дѣлаю, труждаюсь.
Робота—трудъ, тяжба, дѣло, стражба, дѣланіе.
Работникъ—дѣлатель, тяжатель.
Ровесникъ—сверстныкъ.
Ровность—соравненіе, равенство, подобность, токмина.
Ровный—ровень, точень, подобный, таковъ.
Ровный в силъ—ровносилный, сопротивосилный.
Ровняю—соравняю, подобляю.
Ровняюсь—подобляюсь, сравняюсь.
Ровъ—ровенникъ, студенецъ, сусѣкъ, ровъ.
Рогатина—древоль, сулица, ратище, луца.
Родзай—рожденіе, ищадіе, чада.
Родина—родъ, рожденіе, ищадіе.
Рожа—шиповъ.
Роженный—прискранный.
Роженье—рожденіе.
Рождуся—рождаюся, проихожду.

- Рожки*—жезль, вѣтвь, ваія, лѣія.
- Розбаченіе*—разсмотреніе, раз-
смощреніе, мудрованіе.
- Розбачую*—разсмощряю, раз-
мышляю.
- Розбиваю*—разбиваю, разсѣкаю,
просаждаю.
- Розбирание*—зрѣніе, стязаніе,
возисканіе, обиновеніе.
- Розбираю в мысли*—разсмощряю,
размышляю.
- Розбойникъ*—хищникъ.
- Розбуяюсь*—разсвѣрѣпѣваю.
- Розбѣтанье*—стремленіе.
- Розважанье*—зри розбирание.
- Розважаю себя*—внемлю себя.
- Розвязую*—разрѣшаю, рѣшаю.
- Розвѣваюсь*—негодую, огорче-
ваюся, полютѣваю.
- Розволюшю*—роповѣдаю.
- Роздаваю*—раздаваю, строю.
- Роздираю*—растерзаю.
- Роздичую*—разсверѣпѣваю.
- Роздѣленный естемъ*—разстою.
- Роздѣлье*—строчне.
- Роздѣляю*—раздѣляю, упраж-
няю, рѣшаю, раздаваю, строю.
- Роздѣль*—глава, предѣленіе.
- Розеймю*—упражняю.
- Роззвляю*—разширяю.
- Розинка*—сухва, сухоць.
- Розкидую*—разоряю.
- Розливаю*—разливаю.
- Розлично*—различно, разнствен-
но.
- Розличаю*—раздѣляю, разликую.
- Розмаите*—различно, разнствен-
но, многообразнѣ, всеобраз-
но, всяко.
- Розмаитый*—различный, много-
образный.
- Розмаитыми*—многими.
- Розмови*—бесѣда, гаданіе, оми-
лія, ..
- Розмовленье*—бесѣдованье, бе-
сѣда.
- Розмовляю за кимъ*—ходатай-
ствую, ходотаю.
- Розмышленье*—размышленіе,
смышленіе, мудрованіе, раз-
смотреніе, разсмощреніе, зрѣ-
ніе, видѣніе.
- Розмышляюсь*—поучаюсь, раз-
мышляюсь, обинуюся, глум-
люся.
- Розмѣтую*—разоряю.
- Розмякченіе*—ослабленіе.
- Розненье*—разногласіе.
- Розное*—разнственное, различ-
ное.
- Розность*—разнствіе, различіе,
разноличіе, разногласіе, разн-
ство, сопротиворазнствіе.
- Розношу*—роповѣдаю.
- Розный естемъ*—розню, разн-
ствую.
- Рознюсь*—разликуюсь.
- Розогочую*—поущаю, поущряю,
предобручаю, подвизаю.
- Розтираюсь*—раздѣляюсь.
- Розпорошю*—изнуряю, испра-
шаю.
- Розправую*—розличаю.
- Розпростираю*—разширяю.
- Розрадитель*—строитель.

- Розрадовуюсь*—разливаюся отъ радости.
- Розрванье* — распря, раздоръ, сѣченіе, разногласіе.
- Розриваю*—растерзаю, просаждаю.
- Розростуюсь*—гобзую.
- Розрухъ*—крамола, молва, смущеніе, плищъ, раздоръ, расколъ, нестроеніе, развѣтъ, грехоть.
- Розрухъ чиню*—крамолю, смущаю, молвлю.
- Розрухъ чинячій* — сковникъ, ковникъ, распрѣватель, крамолникъ, распретворецъ.
- Розсипаю*—изнуряю.
- Розсипую*—разстаю.
- Розславленье*—разношеніе.
- Розславляюся* - промчуся, расповѣдаю.
- Розсмотрю* - смотряю, разсмотряю.
- Розстань*—распутіе, исходяще.
- Розсужаю* — разсуждаю, сматрляю, разсматрляю, разсмотряю, востязую.
- Розтовкую*—разтрочаю, розбываю, разсѣбаю, истнѣваю.
- Розторую*—растерзаю.
- Розумный*—разумный, разумычный.
- Розумное*—разумное, словесное, размыслительное.
- Розумительный* — мудрый, разумень, благоухищенный, красный, умный, мысленный, цѣломудрый.
- Розумные* — нещеваніе, мнѣніе, виденіе, разумѣніе, разумъ, познаніе, сказаніе.
- Розумтю*—разумѣю, мню, вмѣняю, вомѣняю.
- Розумныймо*—вонмѣмъ
- Розумъ*—умъ, умишленіе, ухищреніе, коварство, разумъ.
- Розумъ знаменитый*—мудрованіе.
- Розумъ злечаю*—умъ воперяю, воскриляю.
- Розходъ*—проторъ.
- Розчиняю*—разчиняю.
- Розка*—вѣтвь, розга, вѣя, жезлъ.
- Розшарпаю*—разхищаю.
- Розшафовую* — изживаю, изнуряю, истрошаю.
- Розширенье*—народованіе.
- Розширяю*—разширяю.
- Рокъ*—годъ, годище, лѣто.
- Ролмыкъ* — тяжатель, земный дѣлатель, земледѣлецъ, пахатель, ратай.
- Роля сама плодячая* — нигнущая.
- Роса замерзлая*—златина.
- Росказано ми*—повелень есмь...
- Росказанье*—заповѣдь, повеленіе, завѣщаніе, маніе, маяніе, маповеніе.
- Росказук*—повелѣваю.
- Росказуючій*—повелитель.
- Роскошный животъ*—роскошь, сладость, сласть, сластолюбіе, сладострастіе, услажденіе, утѣшеніе, пространство, пространное питаніе.

- Роскошникъ* — сластолюбець, ласкосердїй.
- Роскошую* — наслаждаюся, упитаюся, пресыщаюся, питаюся пространно.
- Росненіе* (sic) — растеніе.
- Росола* — слатина.
- Роспаленіе* — роздеженіе, кручина, распаленіе.
- Роспаленєся* — возгорѣніе.
- Роспаліна* — щѣль, вертепъ, скважина.
- Роспачаючій* — отчаянный.
- Роспачую* — отчаеваюся.
- Роспачь* — отчаяніе, нечаяніе.
- Роспорошую* — расточаю, разо-ряю.
- Росправа* — подлога, подложеніе.
- Росправне* — строчне.
- Росправный* — обрѣтословець.
- Росправую* — росчиняю.
- Роспуста* — невоздержаніе, ласко-сердство, досада, студодѣй-ство, студодѣяніе, ослаба, раз-сверѣпѣніе.
- Роспуста* — распутіе, исходище.
- Роспустный* — студный.
- Роспустный естемъ* — шатаюся.
- Роспутье* — зри роздорожа.
- Роспуцаю* — рѣшаю, роздѣляю, устремляюся.
- Роспуцаюся* — ослабѣваю, раз-сверѣпѣваю, устремляюся.
- Роспущеніе* — стремленіе.
- Ростеркъ* — молва, смущеніе, плищъ, мятежь, пря, распря, крамола, раздоръ, распрѣва-ніе.
- Ростираю* — ослабѣваю.
- Ростопляюся* — таю, истаеваю.
- Росторую* — растерзаю.
- Ростропность* — остроуміе, остро-разуміе, цѣломудріе, умудро-ваніе, вѣжество, разумъ.
- Ростропный* — умный, мыслный, цѣломудрный, вѣжа, смысл-ный.
- Ротмистръ* — ротникъ.
- Роштъ* — сковрада, огнище.
- Рубаха* — срачица, хитонъ, ру-бище.
- Рудель* — кормъ, кормило, гре-бло кормилное.
- Рукоестъ* — рукоясть.
- Рукоемство* — зареченіе.
- Рукоимя* — емецъ, поручникъ, испоручникъ.
- Румегаю* — оживую, двегую (sic).
- Руменую* — меризаю (sic).
- Румянецъ* — повапленіе.
- Рура* — врутка.
- Рурики* — ятра.
- Ручникъ* — повявица, рукомыкъ.
- Рушаюся* — движуся.
- Рыбакъ* — рыбитвь, рыбарь.
- Рыгель у замку* — верія.
- Рыза долая* — подиръ.
- Рыза верхная* — эпотида.
- Рыкаю* — лаю.
- Рымарь* — усмошвецъ.
- Рынокъ* — купилище, торжище.
- Рысованіе* — кроеніе, начерта-ніе, повапленіе.
- Рысую* — крою, чертаваю, сѣн-нопишу.
- Рыхло* — абіе, скоро.

Рыцарский—юношеский, храбрый.

Рыцарство—мужедоблестіе, побѣдная, побѣдительная, храбрость.

Рыцарь—воинъ.

Рыцарь выборный—исполнѣнъ, защитникъ, мужедоблественникъ, побѣдникъ, противоборецъ.

Рычу якъ левъ—рыкаю, шатаюся.

Рыю—саяю, рѣю.

Рыдко—на малѣ.

Рызачка—хороба, дусерія.

Рызыкъ—закалатель.

Рызъ—заколеніе.

Рылый—волчець.

Рычникъ—вѣтый, соглагольникъ.

Рычъ—вещъ, прѣ, трудность, потреба.

Рышу—разрѣшаю.

Рядно—вретище, власяница, рубище.

Рядца—строитель.

Рядъ—правленіе, устроеніе.

Рядъ веду—правлю.

Раженье—строенье дому, смотреніе, домоправленіе.

Ражу—правлю, исправляю, царствую, справую.

С.

Сагайдакъ—туль.

Садъ—рай.

Сажавка—купель.

Сажая в темницу—связую, возвращаю в темницу.

Сакраментъ—тайна.

Салата—лѣсная желтяница.

Саля—восходница, прикровникъ сѣнный, дворъ.

Самородный—самодѣланъ.

Саранча—прузи, пружіе, акриды.

Сваруся—воторуся, распрѣваю, крамолюся, тяжуся, боруся, ратую.

Сварилися—бѣждахуся.

Сваръ—вотора, крамола, прѣ, распрѣ, любопрѣніе, прекословіе, прерѣканіе.

Свекруха—свекрозь, свекра.

Свербитъ—прокаженъ.

Свербитъ в очахъ—мжить.

Свербѣти—капоскатись.

Сверцохъ—сверщъ.

Свистюлка—свирѣль, цѣвница соплъ, сопѣль.

Свищу—свирую.

Свобода—отрада.

Свободитель—спаситель.

Свободитися—спастись, отлучитися.

Свой—властный, свойственный, присвоенный, усвоенный, свойскій.

Свое мнѣманье—самомнѣніе, самохотѣніе.

Своявольне—пустошине, безчиннѣ.

Своявольникъ—студодѣй, самочинникъ.

Своявольность—презорство.

- Своавольный*—непокоривый, студодѣй, напыщенный, своечинникъ.
- Своаволю* — безчиную, безчинствую, разсверфлѣваю, шатаюсь, которуся.
- Своя воля*—безчиніе, безчинство, пустошь, разсверфлѣніе, непокорство, напыщеніе, напраснство, ослаба, досада, котора.
- Своя дума*—зри свое мнѣманье.
- Свѣдокъ*—свѣдитель, послухъ.
- Свѣдомость*—вѣдѣніе, свѣдѣніе.
- Свѣдомый*—искусный.
- Свѣдоцтво*—свѣдительство.
- Свѣдчу*—свѣдительствую, послушествую.
- Свѣдчуся*—сіяю (sic).
- Свѣтлостъ*—свѣтъ, сіяніе, заря.
- Свѣтлый*—цѣль, цѣлый, правый.
- Свѣтъ*—міръ, вселенная.
- Свѣта панъ*—міродержца.
- Свѣта сотворенье*—міра твореніе.
- Свягоганье*—баснословіе, блядословіе.
- Свягогилый*—обрѣтословець, баснословець, блядословъ.
- Святоблывость*—святба.
- Святоблывый* — преподобный, говѣнный.
- Святости*—святыня, тайны.
- Священнодѣйство*—таинство.
- Священныкъ* — жрецъ, священнодѣйственныкъ, тайнодѣйственныкъ, іерей.
- Священство* — чистительство, жречество.
- Священя*—празднованіе. празникъ.
- Себе*—ся.
- Селосвѣтност*—житейское, мирское.
- Секретарь*—тайникъ.
- Секретъ*—духовнѣ.
- Секретъ*—тайна.
- Село*—весь.
- Селяникъ*—поселяникъ.
- Селяне*—народниі поселяне, ниварѣ, особници.
- Сентенция*—судба.
- Серя*—усерязь, усеряга.
- Сердечне*—присердечно, мужески, мужественнѣ, усердно.
- Сердечное порушенье*—движеніе сердечное, страсть, пристрастіе.
- Сердитость*—ярость, рвеніе.
- Сердитый*—яростивый, жестокий.
- Средный*—средный, соумѣренный.
- Серень*—лѣдъ, голоть, слана.
- Сержуся*—яруся, надимаюсь.
- Серни*—лани.
- Серця траченье*—униніе, небреженіе.
- Серце трачу*—униваю.
- Сивизна*—сѣдина.
- Сикавка*—сморщъ.
- Сикофантъ*—клеветникъ.
- Сила*—моць, крѣпость, держава.
- Силляба*—слогъ.
- Силность*—зѣлность.

- Сильный*—зѣлный, юношеский.
Сило—плѣница, сѣть, мрежа, тенеть, пугло.
Силоизмъ — противоположеніе, противорѣчіе, умышленіе, смышленіе, недоумѣніе.
Синий едавъ—сняета,...
Сипливость—сипота.
Сипливый — медленозычный, косногласный.
Скаженье—растлѣніе, разореніе.
Сказанье—разумъ.
Сказительность—тля, тлѣніе.
Сказца—разтлитель.
Скапливый—наглый, напрасный.
Скиба—виоранная толща.
Скиваю—помаваю.
Скидачь—низложитель.
Скидаю—низлагаю.
Складка—согласіе, слогъ.
Складую—составляю.
Складъ—силлаба.
Склеенье — прилѣпленіе, прилогъ.
Склепы—гажа (sic).
Склепъ—камара.
Склиюж (sic)—прилагаю, прилѣпляю.
Склонный—благоувѣтливый.
Скляница—сткляница.
Сковорода—сковрадь.
Сковранокъ—щуръ.
Скора—кожа.
Скора овчая—милоть.
Скора отстрая (sic) — цапа, ящерьъ.
Скорникъ—усмаръ.
Скорпанный—скорпеный.
Скорченый—слякъ, слукъ, сяченъ, согбенъ.
Скорченье—сокращеніе.
Скорчую—сопятаю.
Скорупяный—скуделный.
Скривженье—неправдованіе.
Скриня—ковчегъ, влагалище.
Скрипки—гусли.
Скрытый—лукавый, понурливый.
Скробатись—копошатись.
Скрозь—чрезъ, сквозѣ.
Скромне—опратно.
Скромность—честность.
Скромный — благоугодительный, кроткый, кротокъ, миренъ, мирный, соумѣренный.
Скромнѣйшій—кротчайшій.
Скроны—скранія.
Скруха—сокрушеніе, умиленіе.
Скруху маю—умыляюсь, сокрушаюсь, сокрушаю, сотираю, сломляю, сосѣцаю.
Скупо—сцѣгло, стигло.
Скутечне—дѣтелнѣ.
Скутокъ—дѣло, изводство.
Слабый—клосенъ, немощенъ.
Славетный—нарочитый, нарочить, изрядный, изящный.
Сшна—плюновеніе.
Сминый—лѣпый, зри красный.
Слово—глаголь, рекло.
Словесъ дозорца — словоначалникъ.
Сломъ—елефантъ.
Слота—слань, слана.

- Службничій*—рабій.
Служенье—служеніе.
Слухаю—слушаю.
Слухаю пи.мо—внимаю, внушаю, внемлю.
Слухай пи.мо—внемли, внуши.
Слушне—въ лѣпоту, въ расноту, изящнѣе, послѣдователнѣ, лѣпо, подобно, лѣтъ есть, подоболѣпно, подобоискусно, достойно, подобающее.
Слушный—приличный.
Смыкій—ползкій, ползокъ.
Смымаки—зелвы.
Смодъ—стопа.
Смодомъ за кимъ иду—послѣдую, послѣдствую.
Смповоронъ—нощный вранъ—на нирищахъ и здѣхъ любить обитати.
Смюбовное—благонарочное.
Смюбую—обѣщаю, обѣтую, обѣтъ творю.
Смюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Смакъ—сласть, сладость.
Смачная потрава—сласть, сладость.
Смарую—умащаю.
Смерканье—сумракъ.
Смерте.мый—мертвенный.
Смерть—скончаніе.
Смокъ—змій.
Смокъ, що воду тягнетъ—водо-важца.
Смола—пекло, сажа.
Смотренье—смотреніе, глядъ.
Смотрю—зрю, блюду.
Смотрю до цели—намѣраю.
- Смотри*—зри, виждь.
Смродъ—попраніе, сѣверна, тина.
Смутный—драхлъ, драхлыѣ, драсель, тяжекъ, тяжкосердый.
Смутный убиоръ—вретище.
Смутокъ—печаль, скорбь, рыданіе, сѣтованіе, тяжкосердіе, драхлость, кручина.
Смучуся—драхлую, драселю, печалую, стужаюся, тяжкосердствую.
Смыслъ—умъ, разумъ, мудрованіе, чувство, умышленіе, смышленіе.
Смьва.ство—смѣхотворство, смѣхотворства гражданство.
Смьле—дерзновеннѣ, не обинуся.
Смьлость—дерзновеніе, дерзость, необиновеніе, великодушіе.
Смьлый—дерзокъ, дерзкій, дерзый, дерзостенъ, продерзатель, великодушный, напраснивъ.
Смьлый естемъ—смѣю, дерзаю, необинуюся.
Смьтье—уметь, отреби, попра-ніе, изгрѣбы.
Смьхъ—жартъ, глумъ, подражаніе, грехоть.
Снаднь—нетяжестнѣ, ненавистнѣ.
Снатъ—негли, васнь либо нѣщо, простѣ.
Снитъ ми ся—сонія вижу.

- Снозы, що на вола кладуть* — сонузница.
- Спвданье*—заутрникъ, нѣцерь (sic), ваятель (sic).
- Сокира*—сѣчиво.
- Сокира до муру*—оскордъ.
- Сокъ*—глѣнь.
- Соловий*—славый.
- Солодкій*—сладкій, слапць.
- Солома*—стебле.
- Соломая земля*—слатина земная.
- Сонъ*—соніе, виденіе.
- Сопрятую*—сокровищю, сокрываю.
- Соромаясь*—стижуся, обинуюся, срамляюся, червонѣюся.
- Соромъ*—срамъ, студъ.
- Соромязливість* — стидѣніе, обиновеніе.
- Соромязливъ*—посупень.
- Сорочка*—срачица, хитонъ.
- Состави в костехъ*—глезны.
- Составъ в члонкахъ*—составъ.
- Сочевница*—сочиво.
- Спадокъ*—наслѣдіе, жребій, достояніе.
- Спадокъ*—падежъ.
- Спаняле*—щапственнѣ.
- Спилността* — прилежно, сприлежаніемъ.
- Спилността що чиню*—ухищраю.
- Спираюся*—стязаюся, прюся.
- Списую*—плѣтую, соплѣтаю.
- Спихаю*—возряжаю.
- Сповиноваченье* — соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сочтаніе.
- Сповданье*—чаяніе, упованіе, надежда.
- Сповдаюсь*—исповѣдаюсь.
- Сповѣдь*—исповѣданіе.
- Сподѣваюся чого*—ожидаю.
- Спокойный*—мирный, миренъ.
- Сполечникъ*—обещникъ.
- Сполечность*—соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сопробываніе, сочтаніе, общеніе, соближеніе.
- Сползахваченье* — совосхищеніе.
- Сполкованье*—тожъ, що и сполечность.
- Сполкуюсь*—сочетаваюся, общаюся, сообщаюся, сопробываю.
- Сполкуючий*—обещникъ.
- Сполме*—сполечне, единомушно, единомысленно, купно, единоголасно.
- Сполництво* — участіе, причастіе.
- Сполохуюсь*—ужасаюся.
- Спорный*—суперникъ.
- Споръ*—пря, прекословіе, прѣніе, рвеніе, противленіе, реть, тяжба, распря, любопрѣніе.
- Споряжаю*—устроюю, учиняю.
- Споряженье судьбы*—благостояніе.
- Способный*—десный, приличный.
- Способъ*—образъ, устроеніе.
- Спотикаю*—стрѣтаю, срѣтаю, срящу.
- Спочатку*—искони, изначала, вначалѣ.
- Справа*—упражненіе, умышленіе, смышленіе.

- Справедливсе* — праведнѣ, въ правду, послѣдователнѣ, изящнѣ, въ лѣпоту, въ ясноту.
- Справедливостъ*—правда.
- Справедливый*—праведный, преподобный.
- Справный*—строителный.
- Справованный*—дѣйствуемый.
- Справованье*—устройство, искусство.
- Справую*—исправляю, прохожду, дѣйствую, сотворяю, восхожду, строю.
- Справы*—дѣянїя, дѣла, дѣтели.
- Справца*—дѣлатель, наставникъ, настоятель, вождь, строитель.
- Спросность*—суета.
- Спросный*—шкаредный, шкаредь, безмѣстный, злообразный.
- Спроста*—бошію, убо, , всяко.
- Спротивляюся*—возражаю.
- Спрягаю*—сочтаваю, сочетаваю.
- Спрягъ домовый*—мшель, сопрятаніе, рѣшина.
- Спѣванье*—пѣніе.
- Спѣванье високое*—пѣснь степенная.
- Спѣзанье погребное*—рыданіе гробное.
- Спѣжарня*—житница, хранилище, хранило.
- Спѣшу*—спѣю.
- Спѣшуся*—спѣю.
- Срамный удъ*—луна (sic).
- Срамота*—срамъ, студъ, безчестіе, досажденіе, поносъ, укоризна, укоръ, оклеветаніе, омѣшеніе, смущеніе.
- Срамоченье*—поношеніе, поносъ.
- Сребра пробуемый*—сребронкусникъ.
- Сребролюбчій*—сребролюбецъ.
- Срогій*—дѣвїй, безчеловѣчный, жестокъ, лютый, безстуденъ, неотрѣченъ, неумолимъ, несердоболь, немилосердъ, неблагоутробенъ, немилостивъ, звѣрообразный, грозный, лютъ, лютый.
- Срогость*—жестота, безчеловѣчіе, немилосердіе, сверѣпіе, сверѣпство.
- Срожуся*—озлобляюся, огорчаюся, сверѣпью, срогого взроку, яровидный, звѣрообразный.
- Ставаюся*—бываю.
- Ставъ*—сонмъ водный.
- Стадникъ*—оревъ.
- Стадо овчее*—паства.
- Стай*—стадїй, стадіонъ, поприще.
- Стайня*—стояніе.
- Сталость*—доблесть, мужество, крѣпость, благостояніе.
- Сталося*—бысть.
- Сталый*—благоприсѣдательный, добль, доблественный, мужественный, крѣпкій, постоянный, десный.
- Сталый естемъ*—доблествую, мужествую, крѣплюся, великодушествую, храбрствую.
- Сталый на всякіе быды*—великодушенъ, храбрый.

- Сталаю разуму* — великодушень.
- Становиско* — станъ, пристанище.
- Становлю* — уставляю.
- Становлю домъ* — потикаю домъ или обозъ.
- Станъ* — санъ, достоинство, . . .
- Старане великое* — многопечаліе, попеченіе, промышленіе, угодіе, страсть, неполученіе.
- Старанье наибольшое* — опаство.
- Старанесь* — печаловане, попеченіе, подвигъ, страданіе, прилежаніе, печаль, мпелоимство.
- Старакся* — пекуся, печалуюся, подвизаюся.
- Стараючийся* — тццаливый, тццателный.
- Старець* — старѣйшій, старѣйшина.
- Стародавний* — древный, ветхый.
- Старожитный* — тое жъ.
- Староста* — квигочій, епархъ, предстатель, предсѣдатель.
- Староство* — настоятелство.
- Старость* — сѣдина, матерство.
- Старший* — наставникъ, предводитель, предсѣдатель.
- Старший надъ ширмирми* — трязноположникъ.
- Старшинство* — народоводителство, настоятелство, предсѣдательство, достоинство.
- Старшинствую* — правлю.
- Старый* — ветхый, древный.
- Статечность* — зри сталость.
- Статечный* — зри стальной.
- Статечніе речи* — тциво.
- Статутокъ христіанскій* — уставъ, нравъ, веленіе, предавіе, зри — правостафированье, ухищреніе.
- Стафируюся* — ухищряюся.
- Ствержаю* — утверждаю.
- Створенье* — тварь, созданіе, сотвореніе.
- Створитель* — содѣтель, творецъ, сооружитель, воздатель, сотворитель.
- Стебелье* — стебліе.
- Стежка* — стезя, путь.
- Стерегу* — блюду, брегу, храню, присѣжу.
- Стереженье* — блюденіе, бреженіе, храненіе, присѣдѣніе.
- Стережи* — снабди, спаси, избави.
- Стережись* — снабдися.
- Стертый* — истненъ.
- Стертые на порохъ* — истненіе, истнѣніе.
- Стираю* — сокормляю, сокрушаю.
- Стираю на муку* — истнѣваю.
- Стирка* — сударь.
- Стирникъ* — управитель, кормчій.
- Стиръ* — гребло кормилное, кормъ.
- Стовченъ* — сотлаченный, сокрушеный.
- Стогну* — взнемогаю, немощствую.

- Стодола*—житница.
- Столецъ*—полкружникъ, сѣдалище.
- Столица*—престоль, еронь.
- Столяръ*—древодѣля,
- Сторожа*—кустодія, стражба, храненіе, хранилище.
- Сторона*—страна.
- Сторонюю*—устраняюся, освѣняюся.
- Стосъ*—составъ.
- Страва*—пища, ядь, снѣдь.
- Стравленъ бываю*—умучаюсь.
- Стравляю*—умучаю, иждиваю, изнуряю.
- Страдный* — бѣдный, страстный.
- Стражъ*—зри сторожа.
- Страфунку*—по случаю, приличнѣ.
- Страховище*—пугало, страхованіе.
- Страшило*—зри страховище.
- Страшный* — лютый, грозный, ужасный.
- Страшу*—мату, пакощу, ужакаю.
- Страшуся*—ужасаюся, матуся.
- Стричокъ*—вервь, вервія, уже.
- Строжъ*—стражъ, кустодій.
- Стромоловъ*—стремглавъ.
- Строскарый*—дряхлый.
- Строфованье*—обличеніе, хузнаніе.
- Строфую* — обличаю, показую (sic), порицаю, оглаголюю, зловляю.
- Строфуючий* — обличитель, обличникъ.
- Струльвогъ*—проваженъ.
- Струченый*—возраженъ, низверженъ.
- Стручокъ*—стручець.
- Стручую*—возражаю.
- Стрѣла*—ратище.
- Стрѣлянье*—верженіе.
- Стрѣчаю* — стрѣтаю, срѣтаю, сряпу.
- Студенецъ*—ровъ, ровенникъ.
- Студентъ* — спудей, ученикъ, тпатель.
- Студень*—зима.
- Студня*—владязь, владенець.
- Стукъ*—мятежъ, молва, мятеніе, топоть.
- Ступень*—степень.
- Стыдакся*—стижуся, срамлюся, обинуюся.
- Стъна*—забрало.
- Стънникъ меду*—сотъ.
- Стягаю*—сообязую.
- Судилище*—судище.
- Судина*—орудина.
- Судина для оливы*—чванецъ.
- Судовый домъ*—преторъ.
- Судъ*—судба.
- Сукно*—портище.
- Сукня*—верхняя риза, одежда.
- Сукиессія*—приемничество.
- Сумма якого писанія*—глава, главизна, оглавленіе, смышленіе.
- Сумнение*—совѣтъ, разумъ.
- Супортокъ*—праца.

Суптелне—нетелесне, духовнѣ.
Суптелность—ухищреніе, благоухищреніе.
Суптелный—восперѣнъ, тонкій, тонченъ.
Сурма—сопль.
Сурмачъ—пищальникъ.
Суровость—безчеловѣчіе.
Суровый—зри срогій.
Суспѣкованный—пороченъ, укоровизненъ.
Сусѣдъ—сосѣдъ, подругъ, судомникъ.
Суть—предстоитъ.
Сучокъ—сучецъ.
Сушъ (sic)—сухъ, голый, сухль.
Сфальшованое—прелюбодѣичное, растлѣнное, лестное.

Сфуканье—язва.
Схаджа—сотеченіе, собраніе.
Схилляю—приклоняю.
Сховую—храню.
Схороняетъ ся—сопрятаетъ ся.
Сыномъ учиненье—сыноположеніе, учиненіе, усыновленіе.
Сьдаю—возлѣгаю.
Сьдаю на лаву—воскланяюсь.
Ську—уязвляю.
Сьножатъ—травникъ.
Сьны—кровь, предверія.
Сьпачъ—рядникъ.
Сьрка—сѣра, жупель.
Сьтка—сѣтъ, мрежа, тенеть, сило.
Сьтникъ—ситовое.
Сьуди—сѣмо.

Т.

Таблица—скрижаль.
Табличка—влагалище.
Таемная—тайная, таинственная, таинственнѣйшая, недоувѣдомая.
Таемне—тайно, отай, духовнѣ.
Таемница—тайна.
Тайстра—чпагъ, пира, спирида.
Таковый—сицевый.
Такъ—такъ, ей, сице.
Талантъ—шесть сотъ червонныхъ.
Тальръ—дискось.
Тамошный обиватель—туземецъ.

Тане—туне.
Танецъ—ликъ.
Танецъ справую—ликовствую.
Таность—смиреность.
Танцу поваженье—ликованіе, ликовствованіе.
Танцую—ликую.
Тарча—щитъ, павѣжъ, плѣжъ.
Татаринъ—скифъ, скифинъ, срацинъ.
Танцъ—селеніе, сѣнь, село, скинія.
Тваръ—лице, возрѣніе.
Твердость—жестота.
Твердый—жестовый, жестокъ, твердъ, неотреченный, постоянный.

Твердою карку — жестоковыйный.

Твердью — жестью.

Тверзлюся — трезвлюся.

Тверзый — трезвый, бодрый.

Твержу — извѣствую, провѣщаваю.

Теды — убо.

Телесныкз — ласкосердїй.

Тельмика — о трехъ лѣтахъ юница.

Темница — уза, юза, узница, юзилице, стражба, твержа, селеніе, твердина.

Темность — тьма, сумракъ.

Темность ирубая — тьма осяжнмая.

Темный — мрачный.

Теперьшннй — настоящій.

Теперьшнне мешканье — настоящее житіе.

Теперь — нынѣ, днесъ.

Термошуся — пружуся.

Термънз — уставъ, предѣль.

Терпетина — теревиндъ.

Терпшвость — терпеніе.

Терпшвость великая — долго-терпеніе.

Терпшвый — пожадателный.

Терплю — стражду, подежду, приемлю.

Теселство роблю — древодѣлствую.

Тескность — туга, бѣда, безсластіе, несладость, туга съ тяжестію, негодованіе.

Тесля — древодѣля, зодчій.

Тестаментз — завѣтъ.

Тешу — ваяю, изваяю, начертываю.

Тиранство — томленіе, мучительство, насиліе, насилуваніе.

Тиранъ — мучитель, томитель.

Тиранъзую — насилствую.

Титуль — титула, надписаніе.

Тихо — безъ щуки, тое жъ безъ шума, безъ плюскости.

Тихость — тишина, отипіе, безмолвіе, кротость, несмущеніе.

Тихый — кротовъ, тишайшнй, благоугодителный.

Тканье — тченіе.

Тлумачъ — сказатель.

Тлумокъ — тайстра, бремя.

Тлустость — толща, тукъ.

Тлустый — мождаанъ.

Тлуца — обстояніе, народъ много.

Тоболя — тоболець, зри — тайстра.

Товариский — обычный.

Товариство — дружба, дружество, состояніе.

Товаришка — жона, сожителница, другиня.

Товаришъ — клеветъ, другъ, подругъ, сожитель.

Товаришъ в дорозъ — сопутникъ, сопутственникъ.

То — сіе, тожде.

Тоди — южъ, таче.

Тоюсвѣтннй — мудрецъ внѣшннй.

Тоестъ — сіе, тожде, снестъ, снричь.

- Тожъ*—таче.
Токмо—толма.
Толко—толиво, точію, кромѣ.
Толко разовъ—толикощи, . . .
Толокованіе—сказаніе.
Толокно—мѣлта (sic), прясло.
Толстость—толща.
Толстый—дебелый.
Топнию—таю, истаеваю.
Тополя зеленая—тереванжъ.
Топоръ—сѣчиво.
Торба—зри тайстра.
Тортаю—терзаю, влеку.
Торювникъ—торжникъ.
Торгъ—торжище, тризнице, купилище.
То то—тоже, сіе.
Тошню—тужду, нюю, тужу.
Травлю—иждиваю, изнуряю.
Травлю в жолудку—изсучаю.
Травлю з кимъ—прииждиваю.
Трамъ—бервно, бервено, слѣмя.
Трапенье—бореніе, стуженіе.
Трапенъ естемъ—мятуса.
Траню—бору, напаствую, ополчаюся, стужаю, труды дѣю, удручаю, озлобляю, возмущаю.
Трабляюсь—ключаюся, приключаюся, случаяюся.
Трабунокъ—случай, притча.
Трачу—погубляю, изнуряю, иждиваю.
Травый—добль, мужественъ, крѣпкій, твердый.
Траю—пребываю, терплю, подемлю.
Трога—возмущеніе, соглащеніе, крамола, молва, мятежъ, мятеніе, смятеніе.
Трвожу—возмущаю, соклацаю, смущаю, крамоляю.
Трвожуся—мятуса, крамолюся, смущаюся, сомнюся, низпадаю.
Треба—требѣ, подобаеъ, лѣпо естъ.
Требениъ—евнухъ, кажениъ.
Трезво—цѣломудрно.
Трезвость—цѣломудріе, цѣломудреніе.
Трезвый—цѣломудрный, цѣломудренный, бодрый.
Тремтанье—зри трепетаніе, стенаніе, колѣбаніе, раслабленіе.
Тремчу—трепещу, стѣню, колѣблюся.
Трефнитво—кощунство, гражданство (sic).
Трефную—кощунствую.
Трефный— . . . , кощунникъ.
Трибуналь—судище, судилище.
Триумбую—в побѣдѣ являюся.
Триумфъ—побѣдная, побѣдительная, одолѣніе, натриженіе (sic), . . .
Троска—туга, дряхлость, попеченіе.
Троскливый—дряхлый, попечительный.
Тростина—трость.
Троха—велми стигло, стиглѣ.
Трошуся—молвляю, смущаюся, уживаю, стужаюся.
Троякий помостъ на шриску—

- треверстныя основы на тривизици.
- Трояко*—трегубо, треверстно.
- Трудно*—невозможно, вѣсть возможно, немощно.
- Трудность*—упражненіе, стуженіе, неудобство, недоумѣніе, таинство, недоумѣваніе, недомышленіе, недомыслимо, неможеніе, лукавство.
- Трудоватый*—прокаженъ, прокаженный.
- Трудъ*—проказа.
- Труженъе*—подвигъ, страданіе.
- Трумна*—рака.
- Трутизна*—ядъ, ядъ смертоносный, отравя, балство.
- Тручаю*—рѣю, порѣваю.
- Трясенъе земля*—трусъ.
- Трясуся*—трепещу, колѣбаюсь, стеною.
- Туа*—раченіе.
- Тудий*—жилицный.
- Туженъе клзцаю* (sic) — зри тескню.
- Тулакъ*—лестецъ.
- Тулянъе*—скитаніе.
- Туляюся*—считаюся, облужаюся.
- Тумутъ*—плищъ.
- Тупканъе*—топотъ.
- Тупкаю*—клеплю.
- Тупий*—немошный.
- Тупость*—немошь.
- Турбаторъ*—расколникъ. раздорникъ, смущай, зри—ростеркъ чинячій.
- Турма*—зри темница.
- Турнъя*—хлопотъ, сваръ, молва.
- Турчинъ*—сарацинъ, скифъ.
- Тутешный*—здешный.
- Тутъ*—зде.
- Тученъе*—насищеніе, питаніе.
- Тучу*—умащаю, насищаю.
- Тущый*—тощъ.
- Тыжденъ*—седмица, неделя.
- Тыжъ*—убо, и убо.
- Тьго*—плоть.
- Тьломъ грубый*—многоплотный, дебелий.
- Тьнный*—сѣнный, сѣновный.
- Тьнь*—сѣнь.
- Тьшу посполу*—сослаждаюся.
- Тьшусъ*—красуюся.
- Тябмица*—скрижаль.
- Тяжаръ на сериу*—тяжвосердіе.
- Тяжкость*—тягота, тяжесть,.... рана.
- Тяжкий*—тяжекъ, неотреченный, притужный.

У.

- Убіоры*—остегны.
- Убіоръ оздобный*—украшеніе.
- Убираюся*—понираю.
- Ублаганъе*—умилостивленіе, очищеніе.
- Ублагаю*—умилостивляю.
- Убойй*—бѣдепъ, нищый.
- Убойихъ халупки*—холуги.
- Убожество*—убожіе, окаяніе, окаянство.

Убожество—нищета, худость.
Убранье—надраги.
Убыаю—угозняю.
Уважаю—внемлю, внушаю, вос-
 тязую, воспоминаю, разсмотр-
 яю, сматрляю, умышляю, со-
 славляю.
Уважный—благонискусный, вни-
 матель, увнушитель, благо-
 словный.
Увомяю—упражняю.
Увомяюся—упражняюся.
Увѣдалъ—позналъ.
Увязаю—углебаю, унзаю.
Увяслю—митра.
Уюжую—совѣщеваю, согласую,
 припоручаю.
Убѣница—мѣра у тесель, пра-
 вило.
Уюль—грань, уголь.
Уюрьжую (sic)—удружаю.
Уураю (sic)—углебаю.
Ударенье—претиваніе.
Удатне—праведнѣ, по достоя-
 нію, въ лѣпоту, достоинѣ.
Удаю на що—устремляюся.
Удилю—бродза.
Удка—удица.
Ужалуюся—жалѣю, умиляюся,
 раскаеваюся.
Уже—абіе, скоро.
Ужежъ—убо ли.
Уживаю—гобзую, наслаждаюся,
 раскаеваюся, употребляю, при-
 емлю, дѣйствую.
Ужитечный—добродѣтельный.
Ужитый—благоувѣтливый,
 добродѣтельный.

Узда—бродза.
Уздоровляю—устрабляю, исцѣ-
 ляю.
Узнаье—разумѣніе, познаніе.
Указую—сказую, являю, розмов-
 ляю, назнаменовую.
Уколяю—запзаю, прободаю.
Укоренье—зри ганба.
Укорменье—пресищеніе, упи-
 тованіе.
Укормляю—упитоваю, преси-
 жаю.
Укоряю—потязую, поемлю, по-
 ручаю, повлачаю.
Укосий—косвенный.
Укосость—кривина.
Укривженье—обида, обидѣніе.
Укривжоный—обидимый.
Укривжоный естемъ—врежда-
 юся.
Улженье—отрада.
Уливаю—истукаю, изваяю.
Улица—стогна, халуга.
Улица широкая—площадь.
Уличка—межда.
Уломность—бѣда, немощь,
 вредъ.
Уломный—бѣдный, немощный,
 вредный, несовершенъ.
Ульченье—исцѣленіе, устраба.
Ульчую—исцѣляю, подаю исцѣ-
 леніе, устрабляю.
Умешаю—оскудѣваю.
Уменьшенье—умаленіе, оску-
 деніе, истощаніе, истоще-
 ніе.
Умерлый—мертвый, усопшый,
 преставлшійся, опочившый.

- Умертѣ*—успеніе, смерть, преставленіе.
- Умешканіе*—водвореніе.
- Умираю*—преставляюся, усипаю, умираю.
- Умис.те*—самохотѣніемъ, устроеніемъ.
- Умова*—закладъ, сложеніе, сроченіе.
- Умовляю*—совѣщаю, согласую, припоручаю.
- Умовляю кого*—увѣщаю.
- Умовляюся с кимъ*—совѣщаюся.
- Уморенье*—умерщвленіе.
- Умогнѣю*—возмагаю, утвержаю.
- Умышляю*—смышляю.
- Умѣтность*—мудрость, умѣніе.
- Умѣтный*—коварный.
- Униженость умис.ю*—смиреномудріе.
- Унѣя*—соединеніе.
- Упадокъ*—паденіе, падежъ, бѣда.
- Упевненѣ*—извѣствованіе.
- Упевняю*—извѣствую, увѣряю, увѣщаю, достовѣрне творю.
- Упевняющее*—увѣщательное, вѣровательное.
- Уперезаючій*—проигуменъ, предвараючій, первый.
- Уперезую*—варяю, упредвараю, предиду, предпостизаю.
- Уплетѣнѣ*—соплетеніе.
- Уподобанѣ*—благоволеніе.
- Уподобуюся*—угаждаю.
- Упокоренье умис.ю*—смиреномудріе.
- Упоминаю*—наказую.
- Упоминаючій*—обличный, обличитель.
- Упомятствуюся*—уцѣломудряюся.
- Упорный*—жестокій, напрасливъ, самосродный, гордостень, сверепѣяйся, непокорителный, напыщенный, дерзый, яростень, презоривый.
- Упорожняюся*—упражняюся.
- Упоръ*—необузданіе, непокореніе.
- Управляю*—исправляю, руководствую.
- Управуймо*—руководѣмъ.
- Упрѣме*—отъ сердца, присердно, вистнѣ (sic).
- Упрѣмость*—усердіе.
- Упрошю*—умоляю, упрошаю.
- Упустъ в ставу*—хлябъ.
- Упѣренный*—воспѣренъ.
- Уризумъ (sic)*—коварство, вѣжество, художество умное.
- Ураченѣ*—убѣжденіе.
- Урачоный*—блаженный.
- Урачую*—убѣждаю, учествую.
- Уробленіе*—сооруженіе, воздѣланіе.
- Уробляю*—сооружаю, творю, сотворяю.
- Урода*—зри красота, краса.
- Уродивый*—зри красный.
- Уростаю*—возрастаю.
- Уруганѣ*—зри ганба.
- Уругаюся*—поношаю, поругаюсь.
- Урядникъ*—наставникъ, вождь, строитель, предсѣдатель.

- порадованіе, утѣшеніе, красованіе.
- Утѣшую*—утѣшаю.
- Уфатигованный* — истомленный.
- Уфатиговуюсь*—истомляюся.
- Уфанье*—упованіе, надежда.
- Уфаю*—уповаю, надѣюся, извѣствую, дерзаю.
- Уфность*—дерзновеніе, обиновеніе, упованіе, надежда.
- Уфолованье* — щадѣніе, отрада, попеченіе.
- Ухо*—ухо, край, обушіе.
- Ухороненье*—избытіе.
- Ухороняюсь*—избываю.
- Участництво*—наслѣдіе, участіе, причастіе.
- Участникъ*—обещникъ.
- Учинокъ*—дѣло, дѣланіе, дѣтель, начинаніе.
- Учиняю*—сотворяю.
- Учитель*—учитель, наказатель.
- Учитися способный* — учительный.
- Учоный*—искусный, научонъ.
- Учта* — гощеніе, учрежденіе, вѣчеря, пированіе.
- Учту справуючий*—пировникъ.
- Учтивость*—говѣнье, почестъ.
- Учтивость кому чиню*—говѣю, почествую.
- Учтивый*—честный, говѣнный, благоговѣнный, благообразный, добродѣтельный, благоправный.
- Учу* — поучаю, учу, руководствую.
- Учуся*—навигаю.
- Учченый*—почтенный.
- Учченье*—почествованіе, упокоеніе, говѣніе.
- Ушакъ дверей*—наддверная, надверія.
- Ушанованный*—блаженный.
- Ушко игломое*—ухо.
- Ушкоженье*—обида, обидѣніе.
- Ушкожую*—обижу, неправдую.
- Ущипаю*—ухапляю, угризаю.
- Ущипливость*—ругательство.

Ф

- Фалди*—рысны (sic), тресна.
- Фалдистый*—тресноватый.
- Фалшивый*—лукавый.
- Фалшованье*—лестное, прелюбодѣвичное, растлѣное.
- Фалшъ*—блудъ, лукавство.
- Фарба*—шаръ.
- Фартухъ* — епедить, обязало, надраги.
- Фаска*—делва.
- Фасти* (sic)—зело.
- Фацимитъ*—сударь,...
- Фига*—смоква.
- Фиговое дерево*—смоковница.
- Фигъ дикихъ дерево*—червичіе, сикоморія.
- Философія*—любомудріе.
- Философскій*—любомудрій.
- Философъ* — любомудръ, любомудръ.

Филя—время.
Филя на водь—волна, волненіе.
Флетня—соплъ, сощѣль, щѣв-
 ница.
Флиси—гребцѣ.
Фляша—фаска.
Фоварокъ—село.
Фолга—отрада, ослаба.
Фолгую—щажу.
Фолгуючи—щадя, списходител-
 нѣ, отраднѣ.
Форма—образъ, зводъ.
Форма найпершая—первообра-
 зіе.
Формованье—образование, изоб-
 раженіе.
Формую—образую, ухищряю.
Фортель—ученіе.
Фортуна—блаженство, получе-
 ніе.
Фортуна чія—случай.
Форытаръ—звозчикъ, управи-
 тель.
Франца—френчуя, проказа.
Фрасовали—востужиша, пакос-
 тиша.
Фрасованыи—унилыи, дряхлыи.
Фрасованыи—печаленъ, опе-
 лене.
Хапаю—емлю, похищаю иге-
Характеръ—обвѣщеніе, могут-
 шеніе.
Хатки убоихъ—халу
Хваленье—славословіе
Хвалити—угодити.

чаленъ, прискорбенъ, посуп-
 ленъ.
Фрасунокъ—туга, дряхлость, без-
 сластіе, негодованіе, бѣда, пе-
 чаль, скорбь, сѣтованіе, же-
 лѣтба, желѣнь, посуцленіе.
Фрасунки—многопечаліе.
Фрасую—мяту.
Фрасуюся—тужу, дряхлую, дря-
 селую, молю, скорблю, опе-
 чаляюся, печалую, стужаюся,
 униваю.
Фратъ—пронирливецъ, прони-
 ливъ.
Фримарчу (sic)—измѣняю, ,
 запрещаю, обличаю, язвлю,
 порицаю, зарицаю.
Фуканье—зри ганба.
Фундаментъ—фамеліонъ, осно-
 ваніе, вина, начало.
Фундаментъ закладаю—ос-
 ніе полагаю.
Фундуючи—основаголагость,
 тель.
Фунтъ—м:—добродѣтельный.
Фьгуръ—дщерь, дщи.
Фьность—зри красота.
Фудный—зри красный.
Цьрмь—сапоги.
Цьрмаръ—швецъ, сапогошвецъ.
Цьлованье—лобзаніе.
Цьлую—лобзаю, лобжу.
Цьлыи—щѣль, всесовершенъ.
Цьха—знаменіе.
Цьхую—знаменую.
Цякавость—оплатнство.
Цякавыи—велерѣчивъ, любо-
 пытный, буетловъ.

Хтивость—желаніе, вожделѣніе, похоть.

Хтивость маю—вожделѣваю, желаю, похотствую.

Хустка—сударь, убрусецъ, глывотяжъ.

Хутливый—тщаливый.

Ц.

Цапа—ящеръ.

Царигородъ—цариградь, Константинополь, Византія.

Цвѣтникъ—рай.

Цвѣченіе—обученіе, устроеніе, навикновеніе, благоискуство, вѣжество, наказаніе, глумленіе, поопреніе, ученіе, вѣжа.

Цвѣчу—наказую, вразумляю, обучаю.

Цвѣчуся—навицаю, поучаюся, глумлюся.

Цеберъ—водоносъ, ровъ.

Целеникъ—плиненикъ.

Цела—плиноа, кирпичъ.

Цедула—свитокъ.

Целникъ—мытаръ, митоимецъ.

Цель—цамѣреніе, благоизволеніе, благоволеніе, предложеніе, предсявзятъе.

Церковный—соборный, еклесіархъ.

Церковъ—святыня, святылище.

Цесарство—владычество, игемонія, самодержство, могутство, держава.

Цесаръ—кесарь.

Цетнаръ—талантъ.

Цегъ—содружество.

Ци—еда, едали, убо, тѣмже.

Цибуля—червленый лукъ.

Цибуля ческая—лукъ.

Цимбали—бряцало, кимваль, доброгласенъ.

Цинамонъ—кинамонъ, корица, каситиръ.

Ципарисъ—випарисъ.

Цистерна—источникъ, владызь, кладенець, сусѣкъ.

Цитра—гуслъ, бряцало.

Цитриста—гудецъ.

Цицка—сосецъ.

Цицки—сосци, перси.

Цюта—добродѣтель, благодѣ, святба, сила.

Цютливый—добродѣтельный.

Цорка—дщерь, дщи.

Цудность—зри красота.

Цудный—зри красный.

Църмъ—сапоги.

Църмаръ—швецъ, сапогошвецъ.

Цълованье—лобзаніе.

Цълюю—лобзаю, лобжу.

Цъмый—цѣль, всесовершенъ.

Цъха—знаменіе.

Цъхую—знаменую.

Цякавость—оплатнство.

Цякавый—велерѣчивъ, любопытный, буетловъ.

Ч.

- Чарованіе*—обава, обавленіе.
Чаровникъ—балий, волхвъ, волшебникъ, чародѣй, обаватель, обаянникъ.
Чаровница—балія.
Чары—волшба, волшебба.
Чары на шии ношенье—узлоношеніе, узлоношеніе.
Чарами труючій—чароотравникъ.
Часъ—время.
Часъ—грань, часть.
Часъ певный або намъренный—кресъ, нарокъ.
Чата—наскокъ.
Чаша—келикъ, кратаръ, стекляница, чаша.
Чашникъ—черпчій, черпающій.
Чертка—коробка, спудъ.
Чекаю—чаю, ожидаю, терплю, подемяю, предваряю, варяю, предпостизаю.
Челюсти—скранія, лантн.
Челму—воскую, почто.
Чепецъ—вѣнецъ.
Червецъ—червоность, чермность.
Червоная нитка—ковура.
Червоность—обращеніе, чермность.
Червоный—чермный.
Червоноюсь з сорому—срамляюсь, рдѣюсь.
Червъ—тля.
Черга—чреда.
Черевикъ—синдалій, плесница, сапогъ, обуца.
- Черевое*—чрево, утроба.
Череда—чреда.
Черезъ—замимо, презъ, чрезъ.
Черезъ него—нимъ.
Черезъ тебе—тобою.
Черезъ мене—мясю.
Черезъ нихъ—ними.
Черезъ весь животъ—чрезъ все житіе, по всему житію.
Черезъ волю божію—волею божію.
Черенный зубъ—членовный.
Черепаша—жельвъ.
Чернецтво—иночество.
Чернецъ—мнихъ, инокъ, монахъ, калугеръ, еллинецъ (sic).
Черница—монахиня, мнишица, инокиня.
Чернуха—кокулица.
Черпаю—черплю, черпаю.
Черствый—бодрый, юношескій.
Чеснокъ льсный—лукъ.
Честный—говѣнный.
Честую гостю—страннопріямую, угощаю, страннововаю.
Честъ—пиръ, учрежденіе.
Чести праменье—любочестіе.
Чиниъ—дань.
Чиню—творю, сотворяю, соделоваю.
Чирствый—зри черствый.
Чирство—юношески.
Чисто—право, цѣломудрно.
Чистость—чистота, честность, цѣломудріе, ясность, свѣтъ.
Чистый—благоговѣнный, цѣло-

мудрый, цѣломудрный, цѣлый.
Члонокъ—удъ, составъ, степень.
Члонокъ встидливый—срамный
 удъ, дѣтородный удъ.
Члонки—члены.
Чоботарь—швецъ, сапожникъ.
Чоботъ—сандалий, сапогъ,
 плесница, обуца.
Човенъ—корабецъ.
Чою—чесого.
Чоло—чело.
Чоловѣкъ—чловѣкъ.
Чорнокнижникъ—волшебникъ,
 волхвъ, чародѣй.
Чортъ—дѣвольт, сатана, кудес-
 никъ, кудесъ, прелестникъ.
Черезъ—презь, мимо.
Чудный—чудовный, нечасмый,
 пеначасмый, чудесный.

Чужоземець—иноплеменникъ,
 иноязычникъ, иноземець, стра-
 нень, иноколѣнникъ.
Чужоземка—иноколѣнница.
Чужоложу—любодѣйствую, пре-
 любодѣйствую, прелюбыдѣю.
Чужолозство—блудъ, любодѣя-
 ніе, прелюбодѣяніе, прелюбо-
 дѣйство.
Чужый—туждъ, туждый.
Чуйность—трезвеніе, бодрость,
, радѣніе.
Чуйный—бодрый.
Чуприна—власы.
Чутье—бденіе, бодрость.
Чую—бодрствую, трезвлюся.
Чуючий—бодрый, тцаливъ.
Чченъе (sic)—говѣніе.
Ччу (sic)—говѣю, блажу.

III.

Шабалтасъ—чпагъ.
Шаламая—цѣвница.
Шалене—неистово.
Шаленство—неистовство, бѣ-
 снованіе, неразуміе, изумле-
 ніе.
Шаленый—неистовъ; несмыс-
 ленъ, тяжкосердый, нечестивъ.
Шаленъе—неистовство.
Шалю—неистовляюся, бѣснү-
 юся.
Шалля—мѣри, превѣса.
Шаную—говѣю.
Шарлатъ—багоръ, баграница.
Шарпаніе—хищеніе, рѣтба, рѣ-
 ніе, рѣвеніе.

Шарпанина—хищеніе.
Шарпачъ—хищникъ.
Шарпакъ—похищачю, рѣю, тер-
 заю.
Шата—одежда, риза.
Шата долая—утвореніе.
Шатанъ—сатана, дѣвольт.
Шатеръ—сѣнь, скінія, станъ.
Шафарство—строеніе.
Шафаръ—домостроитель, строи-
 тель, скупникъ.
Шафранъ—крокъ.
Шахи—шахматы.
Швецъ—усмошвецъ.
Шедивость—сѣдина.
Шелюгъ—пѣвнязь.

- Шемранье* — ропоть, роптаніе, хухнаніе, шатаніе, сренство.
- Шемру* — ропщу, хухнаю.
- Шемручій* — ропотливъ.
- Шепетливый* — косногласный, козноязычный, медленозычный.
- Шестинеделка* — роженица.
- Шибала* — презоръ.
- Шибеничники* — палачныки.
- Шидаръ* — ругатель, кощунникъ.
- Шидерство* — руганіе, огавіе, огавство, кощунство.
- Шиджу* — ругаюся.
- Шинкаръ* — винарекъ.
- Ширмерство* — борба, страданіе, подвигъ, подвизаніе.
- Ширмюю* — подвизаюся, восподвизаюся.
- Ширмьръ* — подвижникъ, страдалецъ, тризникъ.
- Широкость* — пучина, широта.
- Широкость мѣса* — растояніе.
- Широце* — пространно, отрадно.
- Шшаакъ* — шлемъ.
- Шия* — тиль, выа.
- Шкана* — робленая, подяремникъ.
- Шкарадный* — шкарадъ, студный, срамный, сквернавый.
- Шкарадная мова* — срамословіе, блядъ.
- Шкода* — тщета, вредъ, лукавство.
- Шкоду подеймюю* — общетѣваюся.
- Шкоду чиню* — отщещая (sic).
- Шкодливый* — тяжекъ, лукавенъ, вредный, пакостный, тяжкосердный.
- Шкодую* — тщету приемлю, подемлю.
- Шкожу* — вреждаю, пакощу, обижду, повреждаю, неправдую.
- Шкода* — вредитель, пакостникъ, подстрѣкатель, губитель.
- Шкодъ* — вреди.
- Шлюбъ* — обѣтъ, обѣщаніе.
- Шляхетность* — честность, честность.
- Шляхетный* — доблый, древний, ветхый.
- Шмата* — рубъ.
- Шматца* — рубище.
- Шнуръ теселскый* — правило.
- Шона* — сѣнь, скниія, станъ.
- Шнетность* — безобразіе.
- Шнетный* — злообразный, шкаредъ, шкаредный.
- Шнетная мова* — срамословіе, блядъ.
- Шпечу* — посмраждаю.
- Шпиклѣръ* — житница, хранилице, хранилица.
- Шпиранье* — пареніе.
- Шпираю* — парю.
- Шпираютъ о мнѣ* — истязуюсь.
- Шпиталь* — болница.
- Шпѣгованье* — согляданіе.
- Шпѣую* — соглядаю.
- Шпѣуютъ мя* — истязуюсь.
- Шпѣтъ* — исходникъ, соглядатай, прелэгатай, сходникъ, позоритель.
- Што* — что.

Штортиста—пресудникъ.
Шторть—пресудница.
Штука—извѣтіе, хитрость, коварство, ученіе.
Штука лотровская—скверна-
 вый, скверный.
Штучный—коварный.
Шуба—утвореніе, милоть.
Шубравецъ—рубищеносецъ.

Шуканіе—возисканіе.
Шукаю—ищу, возищу, возискаю.
Шуля—шуя, шуйца.
Шумленье—шатаніе.
Шумлю—шатаюсь.
Шумъ—звукъ, цукъ.
Шутство—смѣхотворство.
Шутъ—рубыщникъ, смѣхотворца.

Щ.

Щаденье—щаженіе, попеченіе.
Щасливый—блаженный, благополучный, десный, благоденственъ.
Щасливство—блаженство.
Щаститъ ми ся—благоденствую, благополучаю, гобзую, изобилую.
Щастье—блаженство, благоденствіе, благополучіе, полученіе, случай.
Щастя кому причиняю—блажу.
Щебетливость—блядословіе.
Щебля в трапезъ—щегнуша.
Щеканье—лаяніе.
Щекаръ—лаятель.
Щекаю—лаю.
Щенаю—исцѣпѣваю.
Щире—истиннѣ, вѣрнѣ, незлобивѣ, приискрно.

Щирость—незлобіе, независть, цѣлость, независтное.
Щирый—незлюбивый, независтный, неумитный, простой, нелестный, приискрный, невѣжда, цѣлый, цѣль, правый.
Щедробливость—благостиня, милосердіе, щедрота.
Щедробливость противу гостей—страннолюбіе, щедрота.
Щедробливый—страннолюбивъ, страннопріятель, благій, милостивъ, щедрый, щедръ.
Щока—крань.
Що на то—прочее, опотомъ.
Щось—нѣчто.
Щуплый—тенкій.
Щулина—скважина.
Щупиль—отирати свѣчки, оцѣщало.

Ю.

Южъ—болше, таче, доселѣ.
Южъ к тому—паче до селѣ.
Южъ не—не к тому.

Юргетъ—урокъ.
Юрность—разсверѣпѣніе, нечистота.
Юхтовый—кожаный, усмѣнъ.

Я.

Ябедникъ—клеветникъ.

Ябедничество—важденіе, пореченіе, клевета.

Ябеднику—клеветцу, важду на кого, порѣкаю, оскаржаю.

Яблоко грановитое—полное зернять, шипокъ.

Явне—явнѣ, явленно, явственнѣ.

Яворовый—репиненъ.

Яворъ—репина.

Ягода винная недозрѣлая—пародокъ.

Ягоди—скрани, скранія.

Ядерный—младый.

Ядѣніе—ядъ, яденіе.

Ядъ—отрава, ядъ, идъ.

Яжда—яжденіе.

Язичокъ—зѣлье трескотъ.

Язичокъ у ваи—правило.

Языкъ—народъ.

Язя—балія.

Якая—елика, явовая.

Якійсь—нѣкто, нѣкій, етеръ.

Яко бы—аки бы, аки.

Яковость—качество, количество.

Яковый—каковый.

Якось—яковось, яско (sic), яково.

Якъ—яско (sic), како, коль, елма.

Якъ болше—колми.

Якъ много—елико.

Яма—ровъ, жупище, ровъ, сусѣкъ, язвина, разсѣлина.

Ямка—пещера, нирище.

Ярина—зеліе.

Ярмарокъ—торжище.

Ярмо—иго.

Ясиръ—полонъ, плѣнъ.

Яскиня—вертепъ, закровъ, нирище, язвина.

Ясность—свѣтлость, сіяніе, свѣтъ.

Ясность вимовы—обротность языка, благоязичіе, благорѣчіе.

Яства—ядъ, яденіе.

Ястребъ—крагуй.

Ятровка—повинная, ятровъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ указателѣ источниковъ:

стран. II, строка 2 снизу: *ⲁⲭⲕⲗ*. слѣд. читать: *ⲁⲭⲕⲞ*.

Въ текстѣ: .

стран. 40, строка 10 сверху: *русскою*, слѣд. читать: *росскою*.

„ 42, „ 4 снизу: *польскія*, „ „ *польскія*.

„ 61, „ 6 снизу: *уся*. „ „ *уся*,

Въ словарѣ:

стран. 19, строка 11 сверху: *упоршилы*, слѣд. читать: *утершилы*.

1*

3

3 2044 009 888 413

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

BOOK DUE WID

~~CANCELLED~~

DEC - 6 1978

WIDENER

~~CANCELLED~~

FEB 21 1981

~~CANCELLED~~

FEB 10 1984

FEB 24 1974

WIDENER

~~JUL 27 1993~~

BOOK DUE

